

Мулоспаџ
СТИНГЛ

ГОСУДАРСТВО
ИНКОВ

ГОСУДАРСТВО ИНКОВ

Мулоспаџ СТИНГЛ

СЛАВА И СМЕРТЬ «СЫНОВЕЙ СОЛНЦА»

Милослав
СТИНГЛ
**ГОСУДАРСТВО
ИНКОВ**

Miloslav
STINGL

SLÁVA A SMRT SYNŮ SLUNCE

Praha
1985

Милослав
СТИНГЛ

СЛАВА И СМЕРТЬ
«СЫНОВЕЙ СОЛНЦА»

ГОСУДАРСТВО ИНКОВ

Перевод с чешского
Г. П. НЕЩИМЕНКО

Послесловие и
научная редакция
кандидата исторических наук
Ю. Е. БЕРЕЗКИНА

Москва
Прогресс
1986

Рисунки в тексте
О. ПОШМУРНОГО (ЧССР)

В качестве заставок
использованы рисунки
индейского хрониста
ГУАМАНА ПОМЫ ДЕ АЯЛА

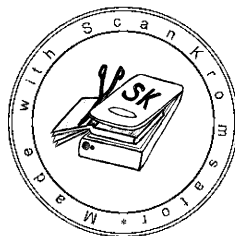
Редактор В. П. ТЕРЕХОВ

Редакция литературы по истории

© Miloslav Stingl, 1985

© Перевод на русский язык и послесловие,
издательство «Прогресс», 1986

С $\frac{0507000000-531}{006(01)-86}$ 22-85

Scan AAW

СОДЕРЖАНИЕ

**ПРОЛОГ:
...СНОВА В ЗОЛОТОМ САДУ**

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ВВЕДЕНИЕ В ТАУАНТИНСУЙУ**

- I. Взгляд на Перу 15
- II. Из древних хроник 18
- III. «Пуп мира» 22
- IV. Голова пумы 24
- V. Город и империя 28
- VI. Инка и Инка 32
- VII. Из жизни принцев 36
- VIII. Человек на троне 39
- IX. Солнце и его тень 43
- X. Королевский инцест 46

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
«СЫНОВЬЯ СОЛНЦА»**

- I. В поисках земли обетованной 50
- II. Преемники Манко Капак 54
- III. Майта Капак, или Рождение народа 57
- IV. Капак Юпанки, или На тропе войны 60
- V. Инка Рока, или Стремление к величию 63
- VI. Яуар Уакак, или Кровавые слезы 66
- VII. Война с чанками 70
- VIII. Преобразователь Мира 73
- IX. Дорога на север 77

- X. Время реформ 81
- XI. Владыка Пачакути 84
- XII. Лилия, рожденная в саду инков 88
- XIII. Тупак Юпанки, или Александр Македонский Нового Света 90
- XIV. Покорение Луны 95
- XV. Яд, трон и прекрасная фаворитка 98
- XVI. Уайна Капак, или Владыка страны в пути 101
- XVII. Любовь к северу 103
- XVIII. Инка Уаскар или Коронация самого себя 106
- XIX. Ненависть братьев друг к другу 109
- XX. Куско истекает кровью 112
- XXI. Миры встречаются в океане 115
- XXII. Прелюдия к завоеванию 120
- XXIII. Долгий путь к Атауальпе 124
- XXIV. День, когда была уничтожена империя 127

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ЖИЗНЬ ИМПЕРИИ.
ЖИЗНЬ В ИМПЕРИИ**

- I. Пурех, или Картинки из жизни народа 132
- II. Король картофель и королева кукуруза 136
- III. На полях империи 138
- IV. От пастухов, пасущих лам, до гончаров 141
- V. Десять классов жизни. Два уровня жизни 145
- VI. «Индийский социализм» 150
- VII. Глас закона 153
- VIII. Самая большая армия древней Америки 157
- IX. Возьми в руки оружие! 160
- X. На дорогах Тауантинсуйу 164
- XI. Почта бежит 168
- XII. Встреча с богами 172
- XIII. Прислужницы Солнца – «невес-
ты Солнца» 175

- XIV. Виракоча возвращается 179
- XV. Руна сими, или «Язык народа» 183
- XVI. Тайна письменности 186
- XVII. Да воплотится слово в стихе 192
- XVIII. Судьба героя Ольянта 195
- XIX. Ромео и Джульетта из Анд 198
- XX. Девушка по имени Яичко 201
- XXI. Взгляд, обращенный к звездам 204
- XXII. Клистир и трепанация черепа 208
- XXIII. Болезни гор, болезни низменностей 212
- XXIV. Острова священного озера 215
- XXV. Жемчужная цепь Вильканоты 219
- XXVI. Города и легенды 222
- XXVII. Спрятанные сокровища 225
- XXVIII. Мачу-Пикчу – чудо, сотворенное из камня 227
- XXIX. Тайна затерянных городов 231
- XXX. Портрет искателя – портреты искомых 233
- XXXI. Открытие «золотой страны» 236
- XXXII. Слишком много драгоценных металлов 240
- XXXIII. Самая выгодная в истории сделка 244

ЭПИЛОГ СМЕРТЬ «ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ»

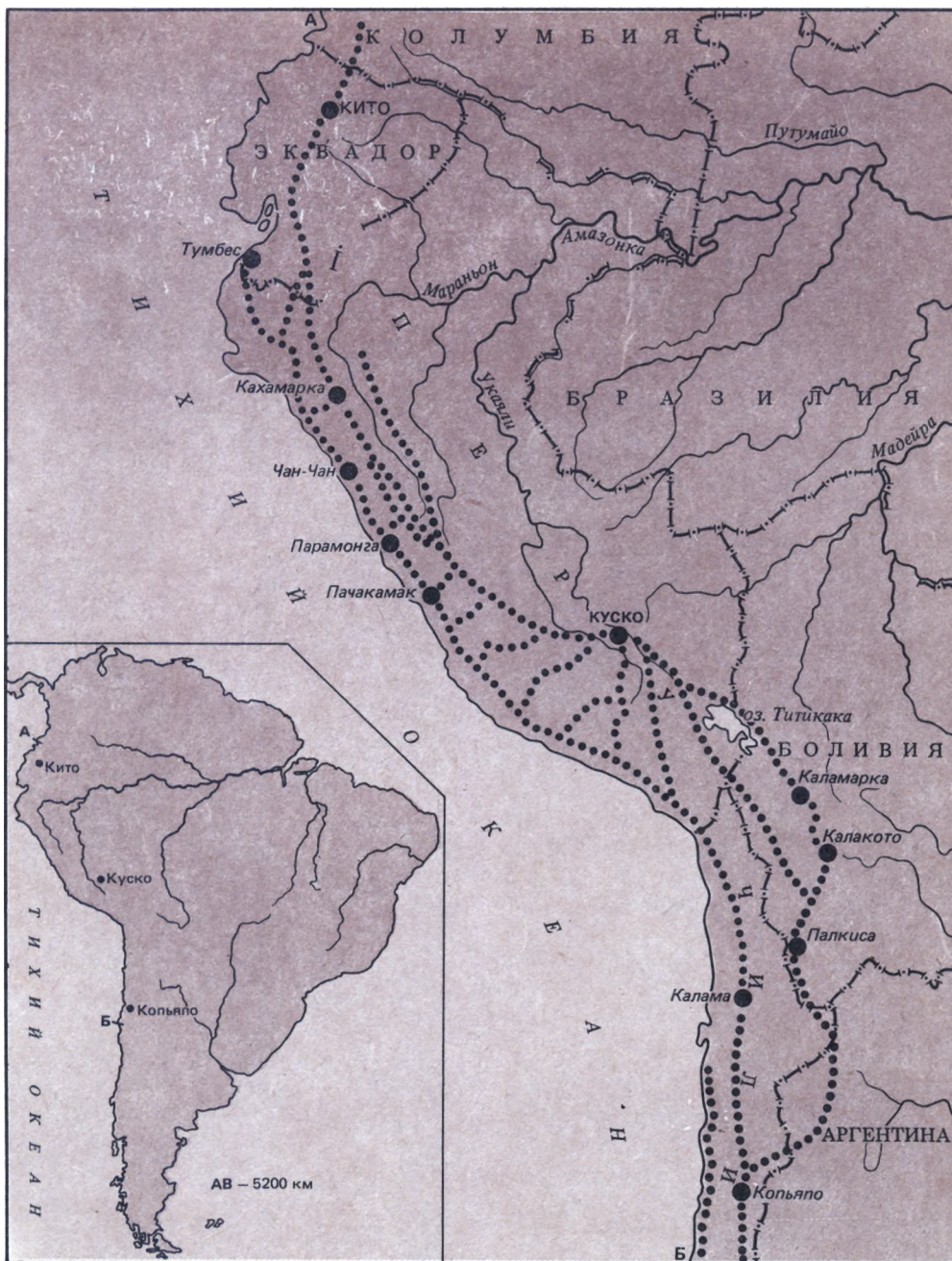
ПОСЛЕСЛОВИЕ 252

ЛИТЕРАТУРА 266
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 269
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 271

«Ама Манча. Нока Инка».
«Я тебя не боюсь. Я – Инка».

(Древнеперуанское изречение)

Главные магистрали империи инков

Государство инков в период его расцвета

Северная часть государства инков с указанием племенных названий его исконного населения

Современная территория бывшей империи инков

ПРОЛОГ: ...СНОВА В ЗОЛОТОМ САДУ

Древнее Перу – это страна легенд. Одна из них – самая невероятная и вместе с тем удивительно правдивая – повествует о саде, украшавшем некогда столицу империи город Куско. Империя эта была самой могущественной, самой большой и к тому же самой многонаселенной из всех когда-либо существовавших у индейцев.

Различные испанские источники единодушно утверждают, что сад, о котором мы говорим, по праву назывался золотым, так как все, что в нем росло, цвело, все, что его «насеяло», было сделано из чистого золота, являвшегося для инков символом небесного Отца, символом великого Солнца.

Все, что жители империи Солнца наблюдали вокруг себя, было воспроизведено в этом саду из золота: клочки перуанских полей, маис, несозревшие початки которого были сплетены из серебряной проволоки, стада лам с их детенышами, далее две дюжины индейских пастухов, а также статные индейские девушки, срывавшие, так же как некогда Ева в раю, золотые плоды с золотых яблонь. Здесь же находились сделанные из золота другие деревья и кустарники, на ветках которых сидели золотые птицы Перу. По земле ползали золотые змеи со вставными глазами из темных драгоценных камней, на которых сидели золотые бабочки или же сновали золотые жуки.

Золотой сад в Куско был самым фантастическим произведением, какое когда-

либо создавалось человеческой культурой. Это уникальное творение инков вызывает восторг не только неслыханной стоимостью обработанного золота, а что гораздо важнее – выдающимся художественным мастерством своих творцов.

Золотой сад является самым замечательным отображением жизни, созданным в империи инков, однако золотых дел мастера, работавшие здесь, по всей вероятности, происходили не из этой империи. Скорее всего, они были родом из покоренной инками прибрежной империи Чиму. Народ этой страны дольше и ожесточеннее других сопротивлялся более могущественным «сыновьям Солнца». В жилах творцов этого великолепного памятника инков, очевидно, текла кровь чиму, поэтому в их произведении и нашли отражение собственные традиции и культура чиму. В известной степени золотой сад в Куско можно рас-

сматривать как завещание чиму. Именно поэтому и империя инков представляет собой вместе с тем и проявление культуры чиму. Как однажды сказал поэт Пабло Неруда, сад в Куско, как и все огромное царство, или империя, инков, является «чудом американского Юга».

Империя инков, разумеется, возникла не на пустом месте, так сказать, в результате самовдохновения. Вместе с инками (хотя до недавнего времени некоторые их приверженцы и не хотели этого признать) древнеперуанская культура, прошедшая путь чрезвычайно сложного развития, достигла своей блестящей вершины всего лишь за одно столетие.

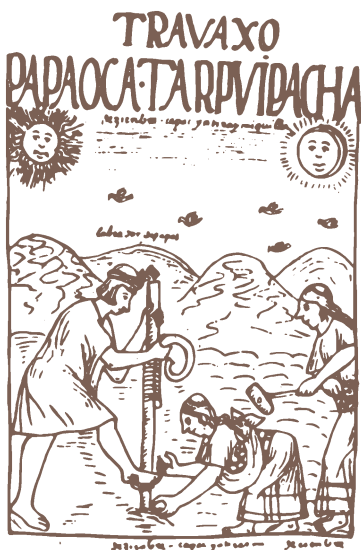
С падением империи Чиму инки наконец устранили своих самых последних соперников. Единственными актерами на сцене доколумбова Перу остались, таким образом, только они – «сыновья Солнца».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ В ТАУАНТИНСУЙЮ

I. Взгляд на Перу

Инки господствовали на территории, называемой ныне Перу, в течение длительного времени. Однако откуда они появились, то есть вопрос об их истинном происхождении и прародине господствующей династии поздней империи до сих пор не получил в науке окончательного решения.

В период, когда территория империи достигала наибольших размеров, она включала в себя часть Южной Америки и

простиралась почти на миллион квадратных километров. Помимо нынешнего Перу, в империю инков входили большая часть нынешних Колумбии и Эквадора, почти вся Боливия, северные районы Республики Чили и северо-западная часть Аргентины. Центральной частью страны, несомненно, являлась область нынешнего Перу, на животворной почве которого выросли предшественники этого государства и этой культуры – доинкские империи и доинкские цивилизации.

Область Перу (и приграничные области соседних южноамериканских государств) расчленяются географами на три четко разграниченные зоны: западная прибрежная полоса, называемая по-испански Коста, центральный горный район Сьерра и расположенный на востоке массив густых экваториальных лесов, так называемая Монтанья.

Несмотря на то что Монтанья и сейчас занимает около половины территории Республики Перу, она никогда не играла существенной роли в истории перуанской культуры – во всяком случае, той культуры, сведениями о которой мы располагаем. Это влажная тропическая равнина, покрытая бесконечными труднодоступными джунглями. Здесь, у Амазонки, Укаяли и других больших рек, живут в лесах мирные индейские племена. Для большинства жителей нынешнего Перу Монтанья представляет собой неизведанную, экзотическую и, в общем, чуждую страну. Как сама Монтанья, так и населявшие ее индейцы были враждебным миром и для тех, о ком пойдет речь в этой книге, то есть для инков. В отличие от бесконечных джунглей Монтаньи Коста – всего лишь узкая прибрежная полоса, ограничиваемая с одной стороны голубыми водами Тихого океана, с другой – западными вершинами Анд.

В длину перуанская Коста вытянулась на более чем 2 тысячи километров, одна-

ко в ширину она достигает всего лишь около 130 километров. Расположенная у величайшего океана нашей планеты, она тем не менее постоянно страдала от засухи. Большую часть ее составляют мертвая пустыня и полупустыня. Жизнь, а также следы первобытной, доинкской культуры мы находим лишь вблизи рек и речек, стекающих с Анд в долины. В речных долинах много тысяч лет тому назад возникли зеленые оазисы, расцветшие среди мертвой пустыни.

Восточную границу перуанской Косты образуют хребты южноамериканских Кордильер, а точнее, Западной Кордильеры. Самые высокие ее вершины покрыты вечными снегами. Это Уаскаран (6768 метров над уровнем моря) и Ерупахуа (6632 метра над уровнем моря).

На вершинах Западной Кордильеры находится ряд потухших или полупотухших вулканов. Одна из красивейших вершин Перу – действующий вулкан Мисти высотой почти в шесть тысяч метров, покрытый вечными снегами. По соседству с ним находится другая гора вулканического происхождения, Чанчуани, возвышающаяся над перуанским городом Арекипа.

Параллельно Западной Кордильере с северо-запада на юго-восток Перу тянутся горные хребты Восточной или Белой Кордильеры. Иногда ее также называют Средними или же Центральными Кордильерами. В окрестностях древней столицы инков Куско их гребни соединяются, образуя многочисленные длинные и узкие высокогорные долины. Большую часть территории между Западной и Средними Кордильерами занимает горное плато, называемое Пуна или Альтиплано. Это плато практически безлесно, оно покрыто лишь горной травой, известной под названием «ичу».

Пуна в Перу и поныне является царством индейских пастухов, пасущих стада лам. Самая высокая часть Пуны – Пу-

на-Брава – почти лишена жизни. Даже высокогорные стада здесь можно встретить лишь изредка.

В долинах же Сьерры, образовавшихся вдоль многочисленных рек, которые текут с перуанских гор в Амазонку, а затем в Атлантический океан, перуанские крестьяне заботливо возделывают каждый клочок земли. Здесь собирают довольно богатый урожай.

Когда я впервые ступил на землю Пуны в перуанских горах, то есть на землю Сьерры, меня охватило чувство «большого одиночества», господствующее там, наверху. В необозримых безлесных даях Альтиплано бушевали порывы сильного горного ветра и раздавались отдаленные печальные звуки рожков индейских пастухов. Чрезвычайно разреженный воздух Сьерры вызывает у европейцев неприятные ощущения, сохраняющиеся нередко на протяжении нескольких дней. Сильное кислородное голодание доставляло и мне большие мучения. У людей с более слабым организмом это приводит к тяжелой, просто невыносимой горной болезни, называемой перуанцами «сороче».

Многие путники, путешествующие в одиночку по Пуне, с трудом переносят типичный для этой области климат, который характеризуется резкими температурными колебаниями днем и ночью. Если днем под палящими лучами горного солнца температура поднимается до экстремально высоких показателей, то с наступлением ночи ударяет трескучий мороз. Как ни странно, именно это место, где не хватает кислорода, где нет почти ни одного деревца, где на чужестранца нападает тоска по родине, – место, которое находится почти на крыше Южной Америки, инки некогда избрали центром своей империи. Именно здесь на головокругительной высоте, на высоте трех с половиной тысяч метров над уровнем моря, построили они свою столицу.

Говоря об исчезнувших цивилизациях древнего мира, следует сказать, что эксперимент инков не знает себе подобного. Ни в Азии, ни в Европе, ни в Африке не известны случаи, чтобы столь значительная цивилизация возникла в таких природных условиях. Инки же сохранили верность высокогорной родине даже тогда, когда распространили свою власть на обширные чужие территории, простиравшиеся на север, запад, восток и юг от их родной страны, то есть территории, отличавшейся более благоприятными природными условиями. В Сьерре сформировались империя и культура инков. Именно здесь, в Кахамарке, и позднее в Куско им был нанесен смертельный удар испанскими завоевателями. Однако, как известно, любая жизнь, любая империя и любая культура начинаются с рождения. Поэтому и мы рассмотрим вначале эпоху и условия, в которых родились «сыновья Солнца», а также вспомним тех, кто описал в своих хрониках рождение, жизнь и смерть величайшей индейской империи Южной Америки.

II. Из древних хроник

Прежде чем мы углубимся в поиски истоков империи инков, обратимся к легендам и мифам. А кроме того, прежде чем погрузиться в чтение преданий о древнейшей истории инков, вспомним сначала тех, кто когда-то разделил эту историю на главы, изложил ее в хрониках.

Первые хроники о Перу появились вскоре после прибытия первых европейцев в Южную Америку. Все они написаны на испанском языке. Жители доколумбова Перу не имели (или не знали) собственной письменности. Хотя небольшая часть элиты и создала свою письменность и пользовалась ею, однако в жизни простого народа она не играла абсолютно никакой роли. Нам не известны памятники, созданные на основе письменности самих индейцев, — будь то книги или же просто сведения об их повседневной жизни. Поэтому можно сделать

вывод о существенном различии между двумя основными культурами Нового Света: с одной стороны, культурой так называемой Месоамерики (то есть Мексики и близлежащих стран), с другой, — культурой области Анд, то есть культурой инков. Как было установлено, индейцы Месоамерики еще до прибытия Колумба имели собственную письменность, на ее основе они, так же как и майя, создавали книги, так же как миштеки из Оахака, писали манускрипты, содержащие сведения по истории, и так называемые хроники с рисунками.

В хрониках начального периода испанского владычества имелось несравнимо больше информации о культуре и истории Месоамерики, чем сведений об империи инков в Перу.

Великий Бернардино де Саагун рассказал нам о культуре ацтеков во всех ее деталях. По сравнению с его монументальным произведением, написанным на родном языке ацтеков, на языке науатль, имевшиеся в Перу хроники в большинстве случаев давали лишь фрагментарное представление о культуре инков.

Самую удачную попытку описания истории и культуры инков предпринял Гарсиласо де ла Вега. У него, уроженца Куско, текла в жилах кровь правителя исчезнувшей империи инков. По мнению автора данной книги, хроника, принадлежащая перу Гарсиласо де ла Веги*, обобщает материал других, более ранних хроник об индейцах Перу. Вместе с тем следует сказать, что ряд сведений, содержащихся в этом двухтомном труде, не соответствует исторической правде. Несмотря на это, хроника проникнута страстной любовью, которую де ла Вега питал к исконным жителям своей ро-

* Речь идет о произведении, которое в русском переводе носит название «История государства инков». — *Прим. ред.*

дины. Его повествование вызывает волнение еще и сейчас, 350 лет спустя.

Гарсиласо де ла Вега был сыном индейской принцессы (ньюсты) Чимпу Окльо, которая была внучкой верховного правителя Инки * Тупака Юпанки, а также племянницей предпоследнего правителя империи Инки Уайна Капака.

Работая над большой хроникой, Гарсиласо де ла Вега опирался не только на свои воспоминания, но и на рассказы матери и родственников. Кроме того, он использовал другие имевшиеся к тому времени хроники о Перу. Ценнейшим источником для него, по-видимому, было сочинение перуанского монаха Блас Валеры, чистокровного индейца, носившего испанское имя.

Блас Валера происходил из Чачапоя на северо-востоке Перу. Молодого одаренного индейца заметили иезуиты и отправили его в свою семинарию в Лиму, где Блас Валера и вступил в орден. Во время пребывания в столице вице-королевства Блас Валера написал несколько сочинений об индейцах Перу и их культуре.

Указанные работы, главным образом в рукописном виде, достигли Европы и были использованы Гарсиласо де ла Вегой в качестве источника. Впрочем, позднее, во время битвы между испанцами и англичанами у Кадиса, эти рукописи сгорели. Однако текст их сохранился до наших дней благодаря тому, что он был включен в интересное сочинение Гарсиласо «Королевские комментарии».

Сын индейской принцессы Чимпу Окльо, Инка Гарсиласо, нашел свое последнее пристанище в соборе-мечети в Кордове, вдали от родины, от своего печатного станка, который он так любил.

* В дальнейшем слово Инка с заглавной буквы следует читать как «инка-правитель».—
Прим. ред.

Как и многие другие крупные писатели, создав свою хронику, Гарсиласо прежде всего воздвиг памятник самому себе. Однако его мечтой было увековечить память тех, кого он искренне любил и кем он столь восхищался,—своих предков Инков: деда Тупака Юпанки, дядю Уайна Капака, а также свою мать Чимпу Окльо.

Другим известным хронистом древнего Перу был Хуан де Бетансос. Он был женат на индейской принцессе, ньюсте, сестре последнего из Инков—Атауальпы. Бетансос вместе с женой поселился в столице инков Куско. В своем обширном труде *Suma y narración de los Incas* он отразил все, что ему рассказывала жена и местные индейцы. Там же он изложил и многочисленные легенды, повествующие о происхождении инков.

Труд Бетансоса, так же как и сочинение монаха Блас Валеры, не был опубликован и в XVII веке был утерян. К счастью, испанский исследователь Маркос Хименес де ла Эспада обнаружил в библиотеке монастыря Эскуриал и впоследствии опубликовал в Мадриде первые восемнадцать глав из хроники Бетансоса.

Один из хронистов, патер Бернабе Кобо, глубоко симпатизировал исконным жителям Перу. По собственному желанию он долгое время служил священником у индейцев на озере Титикака. Его труд *Historia del Nuevo Mundo* («История Нового Света») поражает своей глубиной, подлинной научностью разработки, упорядоченностью и систематизацией материала. Именно поэтому уже первая публикация Бернабе Кобонискала одобрение и восхищение как широкой публики, так и специалистов.

Хроника его земляка из Кобо Фернандо де Монтесиноса, озаглавленная *Memorias Antiguas, Historiales y Politicas del Perú*, напротив, принесла своему создателю лишь малолестное прозвище «барона Мюнхгаузена из Перу». Многие исследо-

ватели так именуют его и поныне. Поводом для этого послужил тот факт, что сведения Монтесиноса существенно отличаются от тех, которые приводят авторы других хроник, говоря об истории доколумбова Перу. Иначе говоря, Монтесинос дополняет сообщаемые ими сведения. Так, в своем сочинении *Memorias* Монтесинос называет имена не тринадцати инков-правителей, о которых упоминают остальные хроники, а почти ста ранних правителей страны.

Со временем отношение к сведениям, приводимым «бароном Мюнхгаузеном из Перу», несколько изменилось. Так, если раньше их истинность единодушно ставилась под сомнение, то теперь некоторые исследователи рассматривают список Монтесиноса как перечень реально существовавших некогда правителей доинкского Перу, о которых до недавнего времени наука почти ничего не знала. Хроника Монтесиноса, с одной стороны, расширяет наши познания о прошлом Перу, однако, с другой стороны, она не освещает индейской истории этой страны.

Первые исчерпывающие сведения о Перу в этом отношении содержатся в сочинении уроженца Севильи Педро де Сьеса де Леопа. В течение некоторого времени он жил в Куско и поддерживал здесь тесные контакты с одним из представителей королевской династии победившего государства индейцев инков.

Будучи необычайно одаренным человеком, наделенным большим даром наблюдателя, Сьеса де Леон в результате своих бесед в Куско и продолжительного путешествия по разрушенной империи сумел написать одну за другой четыре части своей *La Crónica del Perú...* (полное название этой хроники, как и некоторых других, довольно длинное).

В первой части книги Сьеса описывает географическое положение Перу, религию, обычаи и привычки индейцев. Во

второй части, представляющей наибольшую научную ценность, он рассказывает о долгой предыстории инков. В третьей и в основном в утраченной четвертой части труда Сьеса повествует о завоевании Перу испанцами. Упоминания о конкисте содержат и первые четыре испанские хроники. Первую написал Педро Санчо де ла Хос, вторую – Мигель де Эстете, третью – Франсиско де Херес. Автором четвертой является неизвестный участник завоевания Перу.

Хуан Поло де Онегардо прибыл в Перу в качестве испанского чиновника. Тогдашний вице-король страны Уртадо де Мендоса поручил ему изучить историю Перу до прибытия туда европейцев и письменно зафиксировать все, что он сможет узнать. Старательный чиновник со временем представил подробный труд по истории «сыновей Солнца» под названием *Relación del linage de los Incas*. Позднее он написал также две важные работы о религии инков.

Энтузиазм, с которым де Онегардо приступил к выполнению задания, порученного ему вице-королем, увенчался успехом. Помимо всего прочего, ему принадлежит, по-видимому, и первая археологическая находка в Перу. Так, в одном из домов в Куско восторженный исследователь обнаружил мумифицированные тела членов королевской династии перуанской империи инков: мумии Инки Виракочи, могущественного Инки Тупака Юпанки, мумию отца последних – знаменитого Уайна Капака, а также мумии двух жен и сестер вождей Перу.

По приказу вице-короля Перу Франсиско де Толедо создал свой труд и другой хронист Перу – Педро Сармента де Гамбоа, в прошлом моряк. На совести вице-короля Франсиско де Толедо бесчисленные чудовищные злодеяния, которые он и его солдаты вершили над индейцами. Этот жестокий истребитель древних жителей Америки поставил

перед бывшим мореплавателем Сармьенто де Гамбоа задачу – доказать в своей работе, что испанцы прибыли в Перу исключительно для того, чтобы облагодетельствовать индейцев. В своей хронике он должен был также разъяснить читателям, что соотечественники Толедо, уничтожая империю инков, всего лишь следовали зову «господа Иисуса Христа»!

Сармьенто не мог оставить без внимания бесстыдные указания своего повелителя. Тем не менее ему удалось создать обширный труд, содержащий чрезвычайно ценные сведения по истории инков. Долгое время он считался утерянным, и только в 1893 году в библиотеке Гёттингенского университета его копию обнаружил немецкий историк Вильгельм Майер. Хроника Сармьенто была опубликована в 1906 году под названием «История империи инков». Ее издателем был директор Гёттингенской библиотеки Рихард Питшман.

В 1908 году Рихард Питшман обнаружил, на этот раз в Дании, другую, чрезвычайно своеобразную хронику Перу, отличавшуюся от всех предшествующих. Автором ее был Гуаман Пома де Аяла, также потомок династии Инков, непосредственно происходивший от могущественного правителя Тупака Юпанки.

Своей работой *El Primer Nueva Corónica y Buén Gobierno...* Гуаман Пома де Аяла, несомненно, хотел добиться того, чтобы испанские власти, а возможно, даже сам король, лучше обращались с индейцами Перу. В первой части труда он рассказывает, притом очень убедительно, о культуре инков до завоевания их белыми. Во второй же части он детально описывает варварские злодеяния: пытки, мучения, унижение индейцев, жертвами которых стали исконные жители Перу. Композиция хроники, построенная на основе хронологического принципа, должна была прежде всего оттенить кон-

траст между самоуправлением индейцев и мрачным господством белых.

Текст *El Primer Nueva Corónica...* сам по себе имеет огромную ценность. Уникальными во всей хронистской литературе о Перу являются рисунки, которыми Гуаман Пома де Аяла иллюстрировал свою работу. Хотя эти рисунки и не являются совершенным творением художника, тем не менее их документальная значимость в полном смысле слова бесценна. Гуаман Пома явно полагал, что рисунок красноречивее многих слов, поэтому он создал – и здесь у автора напрашивается не слишком удачное сравнение – нечто вроде «комикса» об индейцах.

Иллюстрированная рисунками хроника Гуамана Помы де Аяла была обнаружена не только далеко от Перу, но и далеко от Испании. Как ни странно, это произошло в Скандинавии, хотя ее жители не имели никакого отношения к конкисте Южной Америки. Как и хроника Сармьенто, труд Гуамана Помы был найден лишь в нашем столетии, в 1908 году.

Обе неожиданные находки, по мнению исследователей, содержат древнейшие сведения, а также самые ранние высказывания о культуре Перу. Они пробудили надежду на то, что в каком-нибудь архиве или же заброшенном собрании могут быть обнаружены покрытые пылью манускрипты и книги, хранящие новые сведения об истории и культуре Перу периода инков.

III «Пуп мира»

Иллюстрированное повествование Гуамана Помы де Аяла об империи инков и ее культуре, так сказать, самый древний «комикс» в мире, включает обширную текстовую часть. Из него можно узнать, что рассказывали инки о первых обитателях страны, живших здесь до прихода «сыновей Солнца» — могущественных инков.

В представлении Гуамана Помы де Аяла, человечество доинкской эпохи развивалось — если следовать современным эволюционным теориям — от примитивного до прогрессивного «общества». Как полагал Гуаман Пома, первыми обитателями мира были Пакаримокруна (в переводе «начинающие люди»), так называемые «номады», которые жили в пещерах хотя и примитивно, но в мире друг с другом.

(Легенды о Пакаримокруна важны для нас еще и потому, что люди древности,

согласно Гуаману, имели белый цвет кожи.)

Эти праобитатели Перу уже почитали как своего единственного бога бога-творца Виракочу, ему поклонялись во всей области Анд. В человеческом обществе в это время, очевидно, произошло расслоение на группы. Сказанное означает, что уже тогда в Перу началось разделение на господ и подвластный им простой народ. По наивному представлению Гуамана Помы, это расслоение выглядело следующим образом: первородные сыновья, зачатые в «брачной постели», представляли собой древнеперуанскую аристократию; непервородные сыновья, так же как внебрачные сыновья и их родственники, относились к простому народу.

После этой эпохи началась, по мнению Гуамана, эра Уарируна (что в переводе означает «первобытные люди»). Они покинули пещеры предков, научились строить хижины, стали оседлыми, занялись земледелием и скотоводством и даже изобрели мелиорацию земли.

В третьем «поколении» человеческого рода, называемом Пурунруна («дикие люди»), перуанцы начали ткать ткани; дифференциация их общества стала проявляться еще сильнее, были изданы первые законы, начался раздел земли. Впервые они покинули горы Сьерры и спустились в до тех пор не заселенные равнины.

По мнению индейского хрониста, кульминационным пунктом развития человечества доинкской эпохи была эра Аукачачаруна («воинственные люди»). В это время в некоторых племенах появились перуанские амауты (то есть ученые), занимавшиеся распространением знаний. Во главе всех небольших государств и групп населения стояли военачальники, они вели друг против друга непрерывные опустошительные войны. На этом этапе борьбы и пришло время для мудрого,

любящего порядок рода «сыновей Солнца». Именно они должны были привести человечество к прогрессу, обеспечить строгость во всем и, наконец, дать самое важное – мир. В представлении инков, история человеческого рода доинкского периода развевталась на относительно небольшой территории: в нескольких горных долинах, и прежде всего в одной горной долине, находившейся на огромной высоте – 3400 метров над уровнем моря. По этой долине была названа столица – Куско.

Действительно, перуанские индейцы жили здесь задолго до того, как «сыновья Солнца» установили свое господство. Впрочем, о «ранней истории» этого края известно мало. Археологические исследования дали пока мало результатов, хотя и проводились интенсивно.

До сих пор четко определена лишь единственная местная доинкская культура, названная по имени местечка в северо-западной части города Куско культурой Чанапата. Удалось установить на-верное только следы этого единственного места. Носители культуры Чанапата оставили после себя большое количество хорошо обожженной, украшенной рисунками керамики. Найденные сосуды – черного, темно-коричневого, а иногда и красного цвета; на некоторых из них на черном фоне видны нарисованные белым сюжеты. Джон Хоулэнд Роу, обнаруживший эту культуру, не нашел в Чанапата ни одного металлического предмета. Изделия из кости, камня и обсидиана имеют самую разнообразную форму. Жители этого региона занимались сельским хозяйством, в первую очередь разведением лам, о чем свидетельствуют многочисленные находки костей лам в жилищах людей. Если исходить из данных археологии, то в долине Куско за культурой Чанапата следует так называемая ранняя культура инков.

О носителях культуры Чанапата, их

племенной принадлежности, об их языке исследователи до сегодняшнего дня не могут сказать ничего конкретного. Можно полагать, что эту долину и местности, непосредственно к ней прилегающие, в доинкский период населяли различные группы, отличавшиеся друг от друга (возможно, и своим языком). В силу сказанного в настоящее время трудно с уверенностью сказать, какое из этих племен населяло те места, где впоследствии возникла будущая столица «сыновей Солнца». Никакой информации по этому поводу мы не можем получить даже из легенд.

Однако нет сомнения, что «Рим» «сыновей Солнца» инки унаследовали от своих безымянных предшественников, задолго до них поселившихся в долине Куско. В ту пору Куско, конечно, был всего лишь маленькой деревушкой, селением в одной из долин Анд. «Сыновья Солнца» создали впоследствии великое множество удивительных вещей, которые имели большое значение не только для истории Перу. Так, в частности, они превратили свои селения в горах в центр мира, именно поэтому один из хронистов назвал их «пупом мира». Добавим к этому, что это был не только пуп, но и сердце мира инков, который простирался от Сельвы до океана, от песчаных дюн пустыни до устремленных в небо горных вершин.

Инки-правители непосредственно отождествляются с Куско. Не случайно первые испанцы, прибывшие в Перу, называли последнего из Инков Коско Мосо, то есть «Молодой Куско», а его отца, Инку Уайна Капака, – Коско Вьехо – «Старый Куско».

Куско воплощал собой сущность империи, он был символом всей империи «сыновей Солнца». Как однажды заметил один перуанец, Куско во многих отношениях был центром перуанского государства, его полюсом спокойствия. Он был

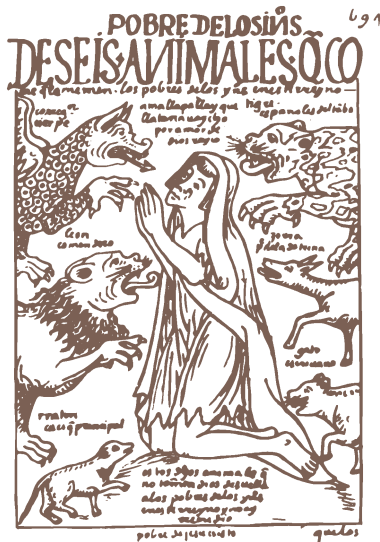
религиозным центром империи, свидетельством чего является главный храм культа Солнца. Куско служил резиденцией верховного представителя государства, единодержавно правящего Инки. Он являлся культурным центром, в нем размещались важнейшие учебные учреждения ячауаси и акльяуаси. Это был важнейший магистральный узловой пункт, из которого исходили все стратегические пути.

И в хозяйственном отношении Куско был центром империи, так как здесь вносились подати и распределялись средства, находившиеся в распоряжении государства. Куско являлся военным центром империи, поскольку отсюда войска отправлялись в свои завоевательные походы; сюда же они и возвращались, овеянные славой, чтобы принять благодарность отечества за одержанные победы.

Унаследованное от доинкской эпохи языковое смешение, преобладающее языковое многообразие перуанского высокогорья, в известной мере нашло «свой конец» в Куско. Кечуа – язык жителей района, примыкавшего к Куско, – стал общим языком всей империи. Таким образом, Куско являлся и «языковым центром» государства.

Учитывая чрезвычайно тесную взаимосвязь между Куско и жизнью этого большого индейского государства, автор книги осмеливается предложить следующую формулировку: «Куско – это инки, а инки – это Куско», «Куско – это империя, а империя – это Куско».

IV. Голова пумы

Говоря об истории и культуре «сыновей Солнца», следует подробнее рассказать о чудесном городе Куско, который был сердцем, символом империи и ее правящего рода, был «Римом» древней Америки. В его дворцах и храмах, на его площадях, улицах и аллеях произошли события, сыгравшие ключевую роль в истории крупнейшего в мире государства индейцев.

Нам, естественно, не известно, как выглядел Куско в ту пору, когда в него вступили первые «сыновья Солнца». Вероятно, это действительно была убогая деревушка с хижинами из необожженного, высушенного на солнце кирпича, которая ничем не отличалась от дюжины других, столь же жалких деревушек в горах Перу. Сразу же после своего прибытия в Куско инки с присущей им основательностью, судя по всему, начали подумывать о его перестройке и расширении. До первых

инков здесь проживали две сотни людей. Когда пришли испанцы, в Куско было по крайней мере 200 тысяч индейцев, живших примерно в 20–25 тысячах домов.

Первые четыре городских квартала Куско – Кинтакананча, Чумбикананча, Саириккананча и Ярамбукананча – были, очевидно, основаны уже первыми инками.

Основательную перестройку города осуществили девятый правитель инков, Пачакути Юпанки, и его сын, десятый Инка, Тупак Юпанки. Благодаря этому Куско превратился в столицу их империи. Как позднее писали испанцы, они были очарованы городом.

Очертания столицы, расположенной между маленькими речками Уатанай и Тульюмайо, напоминали инкам тело пумы.

Вытянутую в длину нижнюю часть Куско, лежащую, подобно языку, между двумя водоемами, они называли Тумачунам – Хвост Пумы. В крепости Саксауаман – заградительном щите города и, бесспорно, его доминанте, возвышающейся над крышами дворцов и храмов Куско, – инкам виделась голова пумы. Некоторые же считали, что огромная крепость была похожа на сокола – на языке кечуа «уаман» («гуаман»), – поэтому ее и называли Саксауаман.

Автор хроники Гарсиласо де ла Вега пишет о Саксауамане следующее: «Это величайшее, достойнейшее творение, которое инки создали, чтобы доказать свое величие и могущество».

Это величайшее и достойнейшее, по словам Гарсиласо, творение «сыновей Солнца» действительно до сих пор впечатляет своих посетителей как сверхъестественное явление.

Помню, еще во время своего первого посещения Куско я заметил, что крепость возвышается над крышами города как раз в том месте, где некогда столице инков грозила наибольшая опасность в случае нападения врага.

Там я и увидел заградительный щит города – три гигантских вала, которые волнообразно тянутся вдоль горы. Саксауаман построен из плотно пригнанных громадных каменных блоков, которые не могли бы сдвинуть с места самые современные машины. Индейцы же не только вручную доставили на вершину горы эти гигантские плиты весом более 350 тонн, но, как мы можем видеть еще и ныне, возвели из них три вала. Не зная ни тачки, ни какого-либо другого транспортного средства, они создали это гигантское творение голыми руками. Сейчас никто не может сказать, как они строили крепость. Сделать это позволили выдаю-

Гигантские стены самой большой военной крепости инков Саксауаман

щиеся организационные способности и упорство инков.

Идея строительства этой фантастической доминанты Куско принадлежала девятому Инке – Пачакути, однако приступил к осуществлению проекта его сын, десятый Инка, Тупак Юпанки.

Трудно даже представить себе, что одновременно около 70 тысяч рабочих тащили каменные блоки в крепость Куско. Со времен египетских фараонов нигде и никогда в мире – разве что за исключением китайской империи – при строительстве одного и того же сооружения не применялось так много рабочей силы.

Строительство крепости Саксауаман было завершено несколько десятилетий спустя – во время правления Уайна Капака. Три вала построены один за другим и тянутся параллельно на горных террасах. Каждый вал Саксауамана имеет длину около 360 метров и состоит из 21 бастиона. Часть этих бастионов была выдвинута вперед, другая же отодвинута назад.

Самая мощная, конечно, первая крепостная стена. Ее составляют каменные блоки высотой в девять метров, шириной – пять метров и толщиной – четыре метра. В стенах Саксауамана было несколько ворот в форме трапеции, которые в случае опасности могли запирались с помощью каменных блоков. Крепость имела также три большие башни, бывшие, собственно, казармами, в которых размещались войска, задачей которых было охранять и защищать Куско.

К сожалению, башни крепости Саксауаман во время испанского господства были разрушены. В период ранней колонизации крепость сровняли с землей, так как власть имущие опасались, что испанские мятежники, недовольные господством своих земляков в Перу, поднимут восстание, завладеют крепостью и пре-

вратят орлиное гнездо индейцев в неприступную цитадель.

Остатки крепостных башен Саксауамана были обнаружены в 30-е годы нашего столетия во время археологических раскопок. Как было установлено, башни с помощью подземных ходов были связаны с так называемой Муякмаркой, своего рода военной ставкой, бывшей вместе с тем бункером главы государства. Если Куско и Инке угрожала непосредственная опасность, правитель со своей семьей мог укрыться в Муякмарке в стенах крепости Саксауаман. Здесь, как полагали строители этой неприступной крепости, божественный «сын Солнца» и его ближайшие родственники находились в безопасности во время осады.

В случае если Куско подвергался нападению, то и казна государства, а именно золото из Храма Солнца, должна была быть переправлена в Муякмарку. Муякмарка, как и сам Саксауаман, была связана потайным ходом с городом, который был расположен ниже, с дворцами Инки и национальной святыней государства. Этот подземный ход был извилистым и состоял, собственно, не из одного, а из нескольких ходов, имевших чрезвычайно запутанные лабиринты. Таким образом, враг, даже если ему и удалось проникнуть в один из ходов, непременно сбился бы с пути и безнадежно заблудился.

Высоко поднимающаяся над Куско Голова Пумы действительно грандиозное творение, создание которого еще и сегодня во многом остается загадкой.

Впрочем, сама крепость – не единственное строительное сооружение в этом мире, рожденном из камня и высящемся над Куско. Так, в северной части Саксауамана с крепостью непосредственно граничит комплекс, имеющий название «Трон Инки». Он представляет собой гладко отшлифованную (возможно, в результате действия ледника) скалу, на одном из склонов которой древние перуанцы вы-

рубили сиденья, очень похожие на королевский трон. Поскольку отсюда открывалась великолепная панорама окружающих покрытых снегом вершин Кордильер, Инка любил восседать здесь (на своем каменном сиденье). Впрочем, его привлекала, очевидно, не столько сама панорама, сколько то, что происходило внизу, на земле. Повинуясь воле правителя, 70 тысяч людей-«муравьев» возводили новый черный (горный) гребень, три гребня Головы Пумы, тянувшихся параллельно друг другу.

Возможно, что на каменных скамьях Трона Инки занимали место не только здравствовавшие «сыновья Солнца», но иногда и покойные правители империи. Их мумии доставлялись сюда по большим праздникам из самого Куско, с тем чтобы они своими незрячими глазами могли «видеть» быстро растущее творение или же наслаждаться играми и празднествами, которые здесь, высоко над городом, устраивались в честь умерших вождей. Впрочем, возможно, что каменные сиденья Трона Инки предназначались и для членов усена – древнеперуанского верховного суда, проводившего заседания на фоне чарующей панорамы южноамериканского высокогорья.

Кроме Трона Инки, с крепостью Саксауаман граничит также Купальня Инки, называемая индейцами «Тампу-Мучай» (*Tampu Muchay*). Этот комплекс руин состоит из ряда террасовидных возвышающихся стен, в которых были проделаны типичные для инков входные отверстия.

Неподалеку от Тампу-Мучай инки рубили в скале еще одно примечательное сооружение. Это был вырубленный в скале пятиметровый рельеф пумы (разумеется, он существовал до тех пор, пока испанцы не увидели в этом произведении индейского искусства деяние дьявола и не уничтожили его), животного, которое было символом как Саксауамана и

его окрестностей, так и для всего Куско.

Изображение пумы в Кенко проливает свет на многие другие, более ранние ритуалы доинкского времени, когда было широко распространено поклонение животным (о древнем всеобъемлющем религиозном культе ягуара среди носителей чрезвычайно своеобразной и необычной культуры Чавин автор писал в книге о перуанской культуре доинкской эпохи – «Поклоняющиеся звездам»).

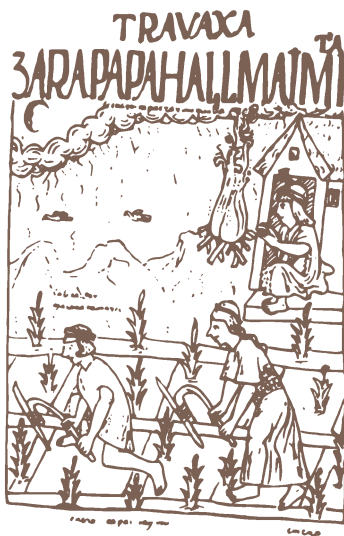
Подобные религиозные церемонии в честь животных – по крайней мере в Кенко, – очевидно, совершались и во времена инков. Об этом свидетельствует и название самого места, так как Кенко на языке кечуа, государственном языке империи, означает «раненый».

Это инки, вернее, их жрецы, нанесли скале зияющую рану в виде широкого, глубокого и извилистого желоба, по которому кровь животных, принесенных в жертву, стекала внутрь скалы.

Если мы пойдем вдоль этого странного «кровавого желоба» инков, то через узкий вход попадем в подземные пещеры Кенко. Здесь также в стенах были вырублены сиденья: на них во время церемоний, устраиваемых в честь умерших правителей империи, усаживали мумии Инков. Внутри одной из пещер вырублен двухметровый каменный трон. На нем, очевидно, восседал сам владыка империи, когда он спускался в этот таинственный подземный мир, чтобы выполнить им самим введенный ритуал.

Образ пумы доминирует в этом месте. Именно поэтому инки и называли весь комплекс Саксауамана и прилегающих к нему священных мест Головой Пумы. Голова Пумы, возвышающаяся над городом, вырастает, однако, из тела животного. Телом же пумы в собственном смысле слова является Куско, то есть та часть страны перуанцев, в которой развертывался столь значительный этап истории инков.

V. Город и империя

Тело и хвост пумы расположены ниже Саксауамана и надежно защищены щитом его огромных крепостных стен. Некогда тут находился Куско инков, сегодня здесь лежит город, носящий то же самое название. Хотя испанцы никогда об этом открыто не заявляли, тем не менее индейский, «языческий» Куско они хотели сровнять с землей столь же беспощадно и основательно, как это было сделано со столицей мексиканской империи ацтеков Теночтитланом (*Tenochtitlan*).

Однако святыни и дворцы столицы инков не были полностью разрушены, как это случилось в Теночтитлане. Фундаменты и стены многих из них сохранились, так как их использовали при строительстве дворцов и католических соборов в более поздний период. Именно поэтому, для того чтобы увидеть развалины комплекса знаменитых достопримечательностей города, а также национального храма инков, посвященного,

разумеется, Солнцу, мне пришлось во время моего первого пребывания в Куско посетить католический собор и монастырь Санто-Доминго. Католический собор современного Куско отнюдь не случайно возвышается как раз на том месте, где некогда восьмой Инка приказал воздвигнуть нечто вроде торжественного зала. Остатки же Пукамарки – большого дворца Инки Тупака Юпанки, – напротив, были встроены в стены домов и дворцов, которые сейчас в Куско окаймляют улицы Св. Катерины и Св. Августина, или же находятся на аллее Маури или на улице Арекипы и т. п.

Таким образом, Куско «сыновей Солнца» в глазах современного посетителя сливается с новым городом испанцев. Благодаря самым первым посетителям испанского Куско – авторам хроник о Перу – мы довольно точно знаем, как выглядел Куско инков после той огромной перестройки, которая была осуществлена во времена правления Пачакути и Тупака Юпанки. Однако прежде, чем мы углубимся в описание Куско, я хочу еще раз напомнить читателю тот факт, что город имеет совершенно непонятное для нас (высотное) местоположение. Инки построили Куско на высоте 3400 метров над уровнем моря (в Европе на подобной высоте не располагаются даже деревни). Крепость Саксауаман и граничащие с ней объекты – Кенко, Трон Инки и др. – расположены еще выше, на склонах горных исполинов, окружающих Куско и его долину с трех сторон (только с четвертой стороны – на юго-востоке – долина открыта и простирается в обозримую даль).

В долине Куско находятся плодородные поля, однако кое-где между ними вплоть до сегодняшнего дня сохранились отвратительные болота. В долине протекают две речушки – Уатанай и Тульюмайю, на берегу которых некогда возникло поселение Куско. Позднее инки укре-

пили берега обеих рек своей столицы гладко обтесанными каменными блоками.

Жители столицы империи по традиции разделяли ее на две части: северную, расположенную выше, – Ханан Коско (дословно Верхнее Куско), и южную и, следовательно, расположенную ниже – Хурин Коско (Нижнее Куско).

Дома в Ханан Коско были непритязательны, однако окрашены в яркие, гармонизировавшие с одеждой гостей Куско цвета. Этот город стал воистину сердцем империи. Хотя жители государства без разрешения Инки или его представителей не смели покидать свои селения и города, тем не менее ежедневно сотни и даже тысячи людей прибывали по делам в столицу со всех концов империи. А так как одежда этих «туристов» из народа сильно отличалась от одежды жителей столицы, это придавало городу чарующий колорит.

Во времена конкисты один из летописцев писал, что он встретил в Куско индейцев племени юнга (жители северного побережья, то есть мочки), закутанных, как цыгане в Испании, затем индейцев колья (индейцы аймара) с берегов озера Титикака, а также индейцев канса, носивших большие широкие шапки, индейцев гуанка из окрестностей города Яуйо, с чьих голов свисали огромные косы и даже веревки.

Он встречал здесь людей из племени канча, украшенных желтыми или красными налобными повязками, индейцев каньяри, а также представителей многих других южноамериканских народностей.

Куско инков – если глядеть на него глазами нашего современника – производил впечатление города, где каждый день происходит большой фольклорный фестиваль или массовая демонстрация национальных костюмов представителей самых различных племен и этнических

групп, населявших огромный, почти безграничный мир индейцев.

В то время как Ханан Коско принадлежал народу, нижняя часть города, Хурин Коско, представляла собой резиденцию господ, небольшой группы правящей элиты государства инков. Уже с ранних пор Хурин Коско был абсолютным центром этого индейского государства. Именно здесь – как утверждает предание – некогда поселился после прибытия в долину Куско легендарный основатель империи – первый Инка, Манко Капак. В этой же части города позже были воздвигнуты все святыни инков и заложены фундаменты дворцов отдельных правителей.

Великий реформатор империи Инка Пачакути – «Преобразователь мира», как гласит вольный перевод его имени, – был автором плана, а впоследствии и первым Инкой, начавшим осуществлять перестройку Куско. Пачакути запретил всем тем, кто не принадлежал к королевскому айлью, то есть к королевскому клану, роду, селиться в хурин Коско. Проявлением особой милости и благосклонности Инки было разрешение должностным лицам, куракам, построить себе здесь дом.

Центром Хурин Коско была огромная площадь Радости, которая на языке кечуа называлась Уакапата. Эта площадь и окружающие ее улицы были окаймлены важнейшими зданиями империи. К числу самых значительных, вне всякого сомнения, принадлежал комплекс святынь и храмов, над которыми возвышалась национальная святыня инков огромный и великолепный Храм Солнца – Кориканча. Район, примыкавший к храму, также носил название Кориканча.

Центральный храм района Кориканча, безусловно, был посвящен «отцу инков», золотому Солнцу. Поэтому и стены Храма Солнца сверху донизу были облицованы золотыми пластинами (для инков

золото являлось символом Солнца, серебро – Луны).

Внутри храма находился алтарь с огромным изображением солнечного диска, от которого во всех направлениях исходили золотые лучи.

Чтобы еще больше увеличить блеск этого божественного храма, в восточных и западных его стенах были сделаны большие ворота, через которые солнечные лучи проникали в святилище, отчего массивный золотой диск алтаря вспыхивал тысячами огней. Позднее, когда испанские завоеватели Куско делили награбленную в столице инков добычу, некоему Мансио Сьерра де Легисамо достался этот тяжелый солнечный диск из золота.

Помимо огромного изображения Солнца, в национальной святыне Кориكانче почитались (хотя и не во все времена) мумии умерших правителей. Их помещали вдоль стен храма. Они сидели здесь так же, как иногда наверху, над Куско, на величественных тронах. Королевские троны священных Инков в Кориكانче были сделаны, естественно, не из камня, а из золота. Кроме того, они стояли на возвышении, которое было покрыто ковром, сотканным из золота.

К Храму Солнца примыкал дворец, где размещался Верховный жрец, своего рода «папа» инков, Вильяк Уму. Его дом и пять других великолепных построек, в которых жили помощники Верховного жреца, были покрыты белой соломой с вплетенной в нее золотой проволокой.

В районе Кориكانчи почиталось не только Солнце. В соседнем храме почиталась серебряная Луна; по представлениям инков, она была супругой и одновременно сестрой их национального божества. Так же как золотой диск украшал алтарь Храма Солнца, на алтаре Храма Луны сверкал массивный серебряный диск. Вдоль стен Храма Луны на сере-

бряных тронах восседали мумии покойных супругов мертвых Инков.

Древние перуанцы были страстными почитателями звезд. Именно поэтому третья из святынь в Кориكانче была посвящена еще одному небесному телу – Венере. Здание этого храма, состоящего из двух частей, к счастью, устояло перед буйством завоевателей и до сих пор украшает Куско.

На другой стороне комплекса зданий в Кориكانче располагались два святилища: одно из них было посвящено грому, другое – молнии; примерно такой же величины, что и последнее, было третье святилище, в котором почиталась радуга.

Наряду с храмами Радуги, Грома, Молнии, Венеры, Луны и, разумеется, золотого Солнца к епархии Кориканчи принадлежал и жертвенник. Его узкие желоба, по которым стекала кровь животных, убитых по ритуалу, сохранились до сегодняшнего дня. Здесь находился и маленький внутренний дворик, в котором стоял большой, вырубленный из каменной глыбы сосуд, в котором для Инков готовилось любимое ими маисовое пиво – чича. В этом каменном сосуде совершалась ритуальное очищающее омовение во время официального «венчания» койя – сестра и законная супруга Инки.

Поскольку Кориканча, как и многие другие дворцы и храмы Куско, снаружи был облицован золотыми пластинами, ослепительный блеск сверкавших на солнце строений города произвел сильнейшее впечатление на первых европейцев. Именно поэтому они, где только это было возможно, прежде всего разграбили эти золотые пластины. Первый хронист, упоминавший об этих драгоценностях инков, сообщает, что его соотечественники лишь с одного-единственного здания высотой 350 футов содрали свыше 700 золотых пластин, которые все вместе весили до 500 испанских песо.

Раз уж мы заговорили о золоте – «поте божественного Солнца», как считали инки, то стоит вспомнить и о том, что моряки Писарро именно здесь, неподалеку от Кориكانчи, обнаружили восьмое чудо света – уникальный, несказанно прекрасный золотой сад Куско, который мы уже описывали в начале книги. Разумеется, они его разграбили и опустошили, то есть, если так можно выразиться, убили.

Рядом с золотым садом Кориكانчи и Храмом Солнца возвышался дом «невест Солнца» (весталок Инков). Эти девушки прибывали в Куско из всех уголков империи для того, чтобы служить здесь как божественному Солнцу, так и его сыну, великому Инке. В здание монастыря не смел вступить никто из простых смертных, кроме тех, кто в нем жил, и, естественно, самого Инки и женского состава его айлью.

Тот же, кто осмелился нарушить неприкосновенность монастыря Куско, должен был принять смерть. Подобная кара грозила и тем «невестам Солнца», которые запятнали себя близостью с мужчиной. В таком случае (что, впрочем, было маловероятно) ужасная участь постигала родную общину девушки. В наказание за страшное прегрешение своей землячки все селение ровнялось с землей.

На другой стороне центральной площади Радости в Куско находилось большое здание ячауаси. Это было учебное заведение, в котором получали образование отпрыски знатных родов, благородные юноши империи. Здесь они обучались всему тому, чего достигли тогдашние инки в своих познаниях; при этом они овладевали не только теоретическими знаниями, но и «государственным искусством», приобщались к практическим навыкам.

Наряду с храмами, домами «избранниц Солнца» и школами в квартале правителей Куско доминировали, конечно, дворцы регентов империи. Характерно,

что каждый Инка всегда возводил для себя новую великолепную резиденцию. Дворец своего предшественника и дворцы всех других ранее умерших Инков превращались в своего рода памятные места, – места почитания августейших покойников.

Так, например, Пукамарка, дворец Инки Тупака Юпанки, был посвящен памяти его владыки. Змеиный Двор – Амаруканча – был резиденцией, а позднее мемориалом Инки Уайна Капака. На центральной площади стоял дворец Инки Рока. Неподалеку от него возвышался дворец преобразователя Куско Инки Пачакути. Высоко над городом, в непосредственном соседстве с Головой Пумы, крепостью Саксауаман, стоял небольшой дворец Калькампата, воздвигнутый здесь, очевидно, основателем и «праотцем» этой династии – первым Инкой, Манко Капаком.

Так выглядел Куско инков, чудо из камня и золота. Как сказал один из авторов хроник, Съеса де Леон, если бы он захотел описать и перечислить все чудеса Куско, то он не смог бы закончить свой рассказ до конца дней своих.

VI. Инка и Инка

Куско перуанцев был сердцем империи инков. И хотя история страны не сводится лишь к истории ее правителей, тем не менее вначале наше внимание будет все же сосредоточено на тех «королях» и «императорах» Перу, которые превратили эти жалкие селения в Андах в величайшее государство индейцев Южной Америки. С течением времени они создали из своего поначалу маленького «государства» крупнейшую империю индейцев, какую только знал мир. Под словом «инка» вошли в историю и стали так называться в специальной литературе не только правители этой огромной империи, но и все ее жители, весь народ, по крайней мере те его представители (в более поздний период они составляли преобладающее большинство «граждан» империи), государственным языком которых был кечуа.

Поэтому мы и говорим в одном случае об Инках как правителях этого государства, в другом – об инках как жителях страны, народе, населявшем империю. Народ инков, собственно, образовался в результате слияния и смешения нескольких дюжин маленьких племен, исконно населявших область, которая со временем стала частью империи «сыновей Солнца». Ко времени прибытия в Перу первых испанцев процесс слияния дюжин и даже сотен индейских племен в единую народность инки-кечуа во многом уже завершился.

Из различных племенных языков лишь кечуа – родной язык племени, жившего в окрестностях Куско еще в доинкскую эпоху, – стал государственным языком инков. Это язык флективного типа с чрезвычайно богатым словарным запасом; впоследствии он распространился по всей территории империи. И ныне – спустя почти полтысячелетия после падения государства инков – кечуа все еще является самым распространенным языком индейцев. Им пользуется почти половина ныне живущих потомков первых обитателей (в этой части) Южной Америки. В области Анд, прежде всего собственно в Перу, а также в соседнем Эквадоре, и поныне более распространен язык кечуа, чем испанский.

В социальном отношении преобладающим у жителей Анд в доинкскую эпоху была айлья – большая семья, род или же сельская община, члены которой считались родственниками. Сначала они, вероятно, состояли в кровном родстве. Все входившие в айлью совместно обрабатывали землю и распределяли между собой доходы от своего аграрного хозяйства.

И во времена инков айлья представляла собой основное, первичное звено общества империи. В состав каждой общины входило несколько семей, верховным главой которых был мужчина, отец, называвшийся «пурех». В государ-

стве инков, впрочем, не придавали особого значения тому, чтобы все члены айлью были связаны друг с другом узами кровного родства. В интересах государства важно было одно: членам общины следовало жить, то есть селиться, на одном месте.

Все айлью района Перу объединялись в две «половины», так называемые «сайя», которые составляли провинцию государства инков. Несколько провинций включались в одну из четырех основных частей государства – в одну из четырех «четвертей империи» или «сторон света». В доинкский период во главе айлью стоял местный начальник – касик. Это был своего рода «староста» селения. Во времена империи организационная структура государства включала и этот основной элемент структуры общества, это низшее звено иерархической структуры государства. Возникает вопрос: почему, собственно, инки превзошли все другие индейские народы, причем не только в Перу, но и во всей Южной Америке? На этот вопрос можно было бы ответить следующим образом: успехи инков коренились в невероятном организационном таланте «сыновей Солнца», они явились результатом почти школярски педантичной последовательности в достижении участия каждого в общих делах. Человек стал колесиком механизма государственной активности. И действительно, член общины даже в самой отдаленной части Перу не был забыт правителями государства. Никто не должен был оставаться и не оставался в стороне. Всем необходимо было выполнять две основные задачи, предписываемые правителями империи каждому гражданину: работать на благо государства и участвовать в военных походах (вообще нести военную службу).

Разумеется, империя не всегда вела войны. Поэтому представителю айлью не очень часто приходилось покидать

свой дом и свою родину, чтобы включаться в борьбу за жизнь Инки и независимость его империи. Однако работать в этой империи индеец должен был всегда. Свободный гражданин народа инков, или же, как мы его называем, «маленький человек», «хатунруна», отдавая продукты своего хозяйства, выполнял налоговые обязательства по отношению к государству.

Наряду с обычными сельскохозяйственными работами на полях своей родной общины каждый гражданин империи в любое время года в рамках так называемой «миты» мог привлекаться к трудовой повинности. Его могли использовать в любом, даже удаленном от его родины месте. В ходе так называемой «монтан-миты», например, людям приходилось в течение нескольких месяцев в году тянуть лямку на горных разработках или на медных рудниках. Их труд могли использовать на строительстве общественных зданий и других гражданских сооружений, к примеру на строительстве мостов, акведуков, храмов, зернохранилищ и кладовых, дворцов, крепостей, но прежде всего дорог и улиц. Наконец, в рамках миты труженики занимались и сбором листьев коки. Согласно предписанию, мита, то есть принудительные работы, составляли самое большее 90 дней в году. Государство в это время проявляло заботу о питании и одежде этих недобровольных, барщинных работников.

За тем, чтобы простые граждане империи – эти почти бесправные колесики в столь совершенном механизме – честно выполняли свои обязанности перед государством, следил многочисленный контрольный аппарат правления Инков, организованный по десятичной системе. Над десятью налогоплательщиками, то есть теми главами семей, которые своей трудовой повинностью компенсировали налоговые обязанности по отношению к государству, следил чунчакамайок, над

пятьюдесятью – пикамайок. Над этими местными начальниками стояли кураки, как правило, представители низшего дворянства, должность и привилегии которых не были наследственными. Из числа этих курак происходили пачакамайюки, наблюдавшие за сотней налогоплательщиков, затем уаранкамайюки, следившие за тысячей налогоплательщиков, и, наконец, унукамайюки, надзиравшие за десятью тысячами налогоплательщиков.

Деятельностью унукамайюков руководил тукуй рикок (дословно: «тот, кто видит все»), то есть правитель данной «провинции», называемой на языке кечуа «уамани»; инки учреждали провинции по большей части на традиционных территориях исконных маленьких государств. Каждая уамани в военное время посылала на поле боя собственную дивизию, состоявшую из налогоплательщиков.

Несколько провинций объединялись в одну из четырех «четвертей империи», составлявших вместе огромную территорию, на которой во времена расцвета империи проживало по меньшей мере восемь, а может быть, даже 15–16 миллионов индейцев. Государство было расположено в западной части Южной Америки; оно занимало площадь около миллиона квадратных километров, растянувшись с севера на юг более чем на пять тысяч километров. Государство инков имело следующие координаты: между Рио-Анкасмайю в сегодняшней Колумбии на севере, у третьего градуса северной широты, и Рио-Мауле в Чили, примерно на тридцать шестом градусе южной широты; с запада оно омывалось водами Тихого океана, с востока его границей являлись бесконечные непроходимые джунгли бассейна Амазонки.

Из четырех «четвертей империи» южная – Кольясуйю – была самой большой в стране инков. Она охватывала исконную территорию доинкского Перу – область

высокогорного озера Титикака, где тогда жили колья, по имени которых и называлась эта провинция. К Кольясуйю относилась также почти вся область нынешней Боливии, север и центр сегодняшней Республики Чили, а также северо-запад нынешней Аргентины.

Вторая «четверть империи» – Контисуйю – охватывала область на юге и юго-западе от Куско. Северная часть нынешнего Перу, область нынешнего Эквадора и юг Колумбии составляли, вместе взятые, «третью четверть» – Чинчасуйю. Она была так названа по имени одного из племен, ранее населявших эту страну. Наконец, последняя «четверть» – Антисуйю – лежала на восток от Куско. Ей принадлежали восточные склоны Кордильер и пограничная зона лесов Амазонки, включая ту территорию, над которой инки могли осуществлять свой контроль. Вдоль восточной границы территории империя воздвигла цепь маленьких фортов и крепостей, защищавших истинных «инков Лимы» от чрезвычайно воинственных племен индейцев джунглей Амазонки.

Границы всех частей империи сходились в ее золотой столице, в Куско. Отсюда брали начало четыре важнейшие военные магистрали империи, они вели в указанные четыре части государства. Подобное административное деление империи легло в основу официального названия государства инков – Тауантинсуйю (на письме: Тау ан тин суйю), что буквально означает «четыре соединенные между собой стороны света». Это официальное название государства инков и будет преимущественно использоваться в последующих главах.

Четыре «четверти империи» Тауантинсуйю управлялись губернаторами, которые, как правило, были прямыми родственниками правящего Инки. Их называли «Апо» или «Суйуйок Арукуна». Вместе с несколькими другими сановни-

ками они составляли государственный совет страны, который мог высказывать Инке свои предложения и идеи. Окончательные решения, однако, принимал исключительно сам Инка.

Из семьи правящего Инки всегда назначался не только Апо, но и другой чрезвычайно важный сановник Тауантинсуйу – Верховный жрец, Вильяк Уму. Его резиденция находилась посредине комплекса Храма Солнца в Куско.

Куско вообще был местопребыванием большинства членов элиты Тауантинсуйу – высокопоставленного рода, состоявшего почти исключительно из членов династии, айлью правящего Инки и из потомков ранее умершего Инки, то есть из представителей королевских линий, или же «капак айлью».

Поскольку Инки почти всегда сочетались браком с родными сестрами и поскольку представители элиты империи стремились к тому, чтобы количество членов капак айлью росло как можно медленнее, к разряду избранных принадлежало немного людей. Так, после прибытия испанцев в Перу в первой половине XVI века во всей стране нашлось всего лишь около 500 мужчин и женщин, которые возводили свое происхождение непосредственно к одному из инков-правителей.

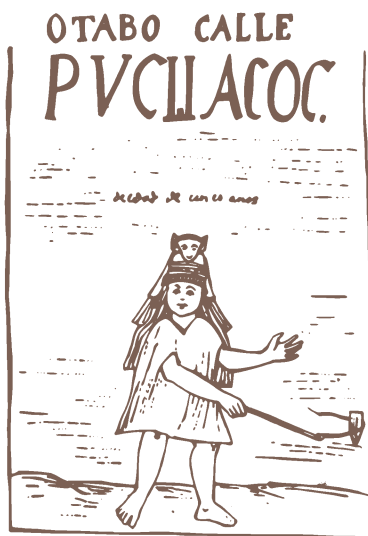
Знаком принадлежности к капак айлью, к высшей касте аристократии инков, помимо всего прочего, были искусственно вытянутые в длину мочки ушей. Для этого в ушную раковину вкладывали палочки или диски. Именно поэтому древние перуанцы называли этих знатных людей «хатунринкрийоки» – «большие уши», или же «большеухие»; испанцы же называли их *Orejonas*.

Над хатунринкрийоками, «большеухими», объединяющими представителей высшей знати, и над кураками, то есть представителями низшей знати, своего рода чиновниками, главенствовал сам

владыка империи – единодержавный Инка.

Отсюда проистекает и название «Сапа Инка», «Единственный Инка». У древних перуанцев этот «единственный» назывался также «Интип Чурин», «сын Солнца». Он один в глазах своих современников, своих подданных был подлинным преемником божественного Солнца, сошедшим на землю. Впрочем, простые инки отождествляли себя со своим владыкой, так как «Инка был одновременно народом и народ был Инкой». Адекватно этим представлениям, а также в соответствии с присущим инкам пониманием истории и религии (древние жители Перу, вне всякого сомнения, были эгоцентристами) они считали и всех рядовых представителей народа инков «сыновьями Солнца». Точно так же как евреи древнего Израиля считали самих себя «избранным народом», божьими помазанными. Несмотря на то что в большинстве своем это были всего лишь простые, преданные и почти бесправные люди, они чувствовали себя соединенными с божественным Солнцем через посредство своего владыки, через первого «сына Солнца», через Инку Манко Капака. Поэтому и они – избранный народ Америки – также были Интип Чурин. Кто еще мог стоять выше их, родных детей золотого божества?!

VII. Из жизни принцев

На троне Инки в Тауантинсуйу мог находиться только мужчина (принцесса, или же ньюста, не имела на это права). Претендент на трон должен был быть королевской крови, то есть ему следовало быть родным сыном ранее правившего владыки. Кроме того, было также желательно, чтобы ауки, то есть наследник престола, происходил от союза правящего Инки с его законной супругой, бывшей одновременно ему сестрой, койей, и чтобы он не являлся отпрыском одной из бесчисленных побочных жен или же наложниц правителя.

Правящий Инка сам выбирал преемника, так что в отличие от обычного династического наследования трона преемником здесь не всегда мог быть первородный сын. В некоторых случаях правитель делал наследником трона одного из сыновей своей побочной жены, а не законной супруги. При этом выбор Инка руководствовался един-

ственным критерием: наследником трона должен был стать тот из родных сыновей, кого он назначит сам и кто будет иметь наилучшие предпосылки для выполнения будущей миссии — быть правителем государства и полководцем.

Инка оповещал подданных о сделанном им выборе весьма простым способом: он, которому всегда прислуживали другие, на этот раз на глазах у всего двора собственноручно причесывал волосы своему преемнику, ауки.

Если же наследником трона становился сын побочной жены, то ее имя зачатую держалось в тайне, а наследнику в дополнение назначалась в «матери» койя, официальная супруга правящего Инки. Таким образом, через посредство этой чистокровной «эрзац-матери» кронпринц в известной степени узаконивался.

В ряде случаев Инка, напротив, решительно исключал того или иного своего «чистокровного» сына из числа наследников трона. Иногда причиной этого были совершенно незначительные — по нашим нынешним представлениям — мотивы. Так, например, Инка Майта Капак отказал в наследовании трона и титуле кронпринца своему сыну Майта только потому, что тот, как объяснил владыка, был очень некрасив — имел зубы как у зайца. Иногда Инка менял свой выбор кронпринца. Так, например, Виракоча вначале назначил наследником трона своего сына Урко, а затем — его брата Куси. Точно так же великий Пачакути отменил свое первоначальное решение назначить наследником трона принца Амару, поскольку у них появились разногласия в вопросах управления государством. Вместо него он объявил новым кронпринцем, то есть ауки, брата Амару — Тупака.

Подобная неопределенность в правлении государством чрезвычайно неблагоприятно отразилась на положении Тауантинсуйу во время трагических дней

его падения. Незадолго до прибытия испанцев как раз боролись между собой за власть в государстве два сына Инки Уайна Капака – Уаскар и Атауальпа, охваченные ненавистью друг к другу. Эта вражда, почти что настоящая гражданская война, подорвала стабильность империи как раз в тот период, когда Тауантинсуйу больше всего в ней нуждалась.

Вернемся же, впрочем, назад к тем временам, когда правящий Инка назначал одного из сыновей своим преемником. Начиная со дня своего провозглашения кронпринц мог пользоваться всеми королевскими регалиями, которые обычно принадлежали только самому Инке. Так, например, он имел право надевать бахрому – по сути дела, корону Инков, сотканную из тонкой шерсти, которая обвязывалась вокруг лба. Инка носил красную, наследник трона – желтую налобную повязку льяуту.

Место кронпринца находилось рядом с тронном Инки. Иногда они вместе командовали войсками. Таким образом, наследник трона заблаговременно подготавливался к своей будущей непростой миссии. Так, например, великий Инка Пачакути в конце своей жизни, после того как он отверг своего недостойного сына Амару, правил империей вместе с его братом, Тупаком Юпанки. Правящий Инка брал с собой преемника престола и во все поездки, с тем чтобы кронпринц смог познакомиться со странами и народами, верховным главой которых он в недалеком будущем, возможно, станет.

В то время как владыка империи представлял кронпринца искусству управления государством, а также обращению с подданными, древнеперуанские мудрецы, амаута, обучали его всем дисциплинам, которые, по тогдашним представлениям, должен был постигнуть будущий Инка. Они знакомили его с историей его предшественников, народа, им-

перии, рассказывали ему о славных деяниях и о божественном происхождении его правителя, образовывали в вопросах религии, разъясняли наследнику основы права империи инков, посвящали его в тайны узелкового письма «кипу», обучали риторике и хорошим манерам; кроме того, они передавали ему знания по географии, астрологии и медицине.

В Тауантинсуйу считали, что чем выше положение человека, тем он благороднее, тем большими способностями он обладает. Так, юный кронпринц должен был быть не только самым образованным из молодых людей благородного происхождения в своем государстве, но и самым развитым физически. Поэтому он должен был методически тренироваться, выполняя сложные упражнения, при этом особое значение придавалось выносливости и умению защищаться. Кроме того, кронпринца обучали искусству владения ручным боевым оружием: обращению с копьем, палицей, индейской пращей, а также собственно военному искусству, то есть стратегии и тактике. Короче говоря, он проходил военное обучение, с тем чтобы в свое время в качестве высшего военачальника командовать войсками империи.

Таким образом, после того как ауки духовно и физически был подготовлен к своей деятельности, ему не оставалось ничего другого, как только ждать смерти Инки. Тем не менее известие о кончине самодержца долгое время обычно скрывали от простых граждан страны, чтобы предотвратить нежелательные волнения и споры претендентов, которые могли возникнуть в период междувластия в случае появления проблемы с наследованием трона.

Только после того, как коронация будущего Инки в спокойных условиях была подготовлена, на церемонию возведения на трон нового владыки приглашались представители всех областей Тауан-

тинсуйу. В Куско ожидали прибытия не только губернаторов отдельных провинций (в том числе и четырех «четвертей империи»), но и более низкого дворянства – курак, а также «старост» некоторых деревень. Все это бесконечное множество людей дефилировало перед владыкой на большой площади Радости босиком и со склоненной головой. Здесь они передавали новому императору перья редких птиц, которые символизировали величие Инки, божьего избранника. Вслед за этим они протягивали навстречу ему руки в знак покорности и верноподданнического смирения. От имени короля церемониймейстер двора принимал, а затем торжественно сжигал перья.

Как только кронпринц принял почести от представителей своей «безграничной» империи, на вершине которой он с этого дня должен был находиться, ауки считался коронованной особой. Длинным рядом церемоний, связанных непосредственно с коронацией, руководил Вильяк Уму, Верховный жрец Тауантинсуйу, глава Храма Солнца в Куско. Вначале он протягивал королю традиционные королевские регалии инков – прежде всего королевскую, или же императорскую, корону, то есть льяуту. Затем Вильяк Уму передавал божественному Солнцу, сыном которого Инка был в глазах жителей империи, несколько золотых сосудов, великолепные морские раковины, а также приносил в жертву 200 детей! Только после этого жестокого жертвоприношения, называемого «капакоча», завершался цикл церемоний по случаю коронации нового Инки. Специально отобранные для жертвоприношения дети имели безупречно чистую кожу, у них не должно было быть ни одного пигментного пятна, ни одной родинки.

Детей, предназначенных для капакоча, приводили на гору Чукиканча, что на краю Куско, где Инка несколько раз до-

трагивался до них рукой. Вслед за этим их убивали.

В отличие от церемоний жертвоприношения ацтеков, во время которых нередко текли гектолитры крови (в буквальном смысле этого слова), в Тауантинсуйу детей «всего лишь» душили. Впрочем, перед этим их одурманивали сильной дозой порошка из истолченных листьев коки. Убитые мальчики и девочки вместе с принесенными в жертву ламами торжественно погребались на горе Чукиканча.

В отличие от всех других публичных церемоний, проводившихся в империи исключительно в честь бога-Солнца, то есть Солнца как бога, Вильяк Уму, принося в жертву детей на горе Чукиканча, обращался при этом к творцу мира Виракоче. Он просил защитить нового Инку от всякого зла и благословить его на успешное правление империей «четырех сторон света». Затем Верховный жрец чертил кровью принесенных в жертву лам на лбу нового правителя длинную символическую красную линию, которая соединяла друг с другом сверхдлинные, как и полагалось у дворян, мочки ушей Инки.

После того как кровь высыхала, поверх красной королевской налобной повязки – короны (льяуты) – надевалась символическая ярко-красная повязка. Таким образом, сложный процесс возведения на трон нового Инки заканчивался после принятия символов власти, получения «дани» в виде перьев редких птиц на площади Радости и после завершения жестокой церемонии капакоча, а также убоя белых лам.

Народ, империя ликовали: еще один из тех, кто единственный мог сказать о себе: «Я – истинный Интип Чурин, полубожественный «сын Солнца», – восходил на величественный трон.

VIII. Человек на троне

После сложной процедуры коронации на троне Куско восседал новый владыка. Таким образом, во главе империи – а в глазах ее жителей, собственно, и всего мира – вновь стоял суверенный и всемогущий самодержец, который был действительно Сапа, то есть «единственным». Ибо только он один мог приказывать и давать указания, а также решать вопрос о жизни или смерти любого человека в империи. Это был самый знатный гражданин своего государства. Он был правителем в Тауантинсуу, и он же был верховным законодателем, который принимал решение о том, какую экономическую политику следует проводить в государстве. Сапа Инка объявлял войну, посылал войско империи в завоевательные походы и заключал мир с противником. Какое-то время он даже сам командовал военными отрядами. Поскольку Инка был во-

площением бога-Солнца на земле, то в течение ряда лет он одновременно исполнял обязанности и Верховного жреца его культа. Впоследствии в связи с тем, что не только империя, но и обязанности владыки сильно возросли, он уже не мог совмещать две столь высокие должности. Тогда он передал религиозную функцию уже упоминавшемуся Вильяк Уму. В любом случае это был двоюродный брат или же дядя правящего Инки.

Вся власть, все законы в Тауантинсуу сосредоточены были в руках человека, находившегося на троне Куско. Титул его – «Инка» – образовался от обозначения солнца на языке кечуа.

Человек на троне действительно был «королем-солнцем», как позднее французский монарх Людовик XIV, который заявил: «Государство – это я!» Инке даже не было нужды утверждать подобное, ибо в том, что он – владыка своего государства, абсолютно никто не сомневался в его большой империи.

Процветание и беды империи, всех ее членов зависели, по непоколебимому убеждению перуанцев, от здоровья их владыки. Так, например, если Инка заболел, все думали, что их страну постигнут голод и несчастья. Если же он слабел, то Солнце как бы утрачивало свою силу и не могло больше дарить земле живительные тепло и свет. Классик этнологии сэр Джеймс Дж. Фрейзер как-то писал, что древние мексиканцы видели в солнце источник жизни и силы на земле. Отсюда и происходит название «то, благодаря чему мы живем». Однако для того, чтобы солнце могло «жить» и дарить миру, стране, людям свою животворную силу, оно, конечно, нуждалось, как и любой живой организм, в питании. Для ацтеков человеческое сердце было символом жизни, без сердца живое существо умирало. Именно поэтому древние жители Мексики во время жестоких

ритуальных церемоний вырывали у человеческих жертв из груди сердце и «кормили Солнце» его кровью. Они хотели, чтобы Солнце, сильное и сияющее, своим светом и теплом вновь дарило им ту животворную силу, которую оно получило от принесенного в жертву кровоточащего человеческого сердца.

Жители Тауантинсуйу приносили гораздо меньше человеческих жертв, чем индейцы древней Мексики. Тем не менее в древнем Перу в честь Солнца и его сына Инки забивали различных животных, главным образом белых лам; в честь бога-творца Виракочи приносили в жертву серых лам. Различие в цвете было обусловлено тем, что Виракоча для Инков был также богом моря, а море древние перуанцы воспринимали не голубым, как европейцы, а серым.

Людей, вернее сказать, детей, в Тауантинсуйу приносили в жертву лишь изредка. Обычно это были 200 мальчиков и девочек, которых умерщвляли в связи со вступлением на трон нового Инки. Иногда, по ритуалу, детей убивали и в ходе церемонии в честь умершего Инки. Детей приносили в жертву и в святыне Тотакачи, в которой на определенный период выставляли мумию Инки Тупака Юпанки. То же самое происходило в святыне Помарка, в которой время от времени находилась мумия жены Инки. Иногда людей приносили в жертву во время празднеств Капакрайми – этот ритуал совершался в декабре на священном острове озера Титикака.

Принесение в жертву людей и животных должно было не только укрепить здоровье «сына Солнца», содействовать его выздоровлению от болезней, но и вообще магическим образом продлить жизнь Инки.

Молитва, с которой жители Тауантинсуйу обращались к Солнцу, также, очевидно, была адресована и его земному сыну. Она гласила следующее: «Ты ни-

когда не состаришься, ты останешься вечно юным, ты будешь каждый день восходить на небосвод, чтобы озарять землю своими лучами!»

Обожествление инки-владыки и его абсолютного господства на первый взгляд напоминает правление восточного деспота, поскольку власть Инки действительно была безгранична. Однако в отличие от тиранов Древнего Востока «сыновья Солнца» выступали как мудрые, милостивые благодетели своего народа, по крайней мере они старались, насколько им позволяло их положение, гарантировать жителям своей страны благоденствие и прогресс. Поэтому один из обычных титулов, которым величали «сына Солнца» во время аудиенций, был «Уачакуйа», или же «Благодетель». Свои королевские аудиенции Инка совершал как в своей постоянной резиденции, во дворце в Куско, так и во дворце в том месте империи, в котором он в данный момент находился. Тот, кого принимали во время аудиенции, – а это тоже был знатный дворянин – входил в приемную со склоненной головой и нагруженный тяжелой ношей, символизовавшей общественный статус посетителя. Кроме того, перед аудиенцией он должен был также снять обувь и предстать перед Инкой босым. Собственно, даже не непосредственно перед самим Инкой. Тот принимал посетителей, в большинстве случаев находясь за тяжелым занавесом, отделяющим его от гостя. Только в особых случаях и притом в знак особого расположения и милости «сын Солнца» отодвигал занавес в сторону и смотрел гостю в глаза.

Во время аудиенции владыка сидел на низком королевском троне, вырезанном из красного дерева. Возле трона обычно водружалось королевское знамя, один из символов власти «сына Солнца». Знамя было соткано из шерсти или хлопка и украшено рисованным гербом данного

Инки. Так, у Синчи Рока, например, это было изображение сокола; его тезка Инка Рока также внес в свой герб птицу; мудрый Пачакути – двух змей и радугу; Атауальпа – двух змей, радугу и великолепную пуму.

Тронный зал дворца-резиденции Инки всегда был декорирован королевскими регалиями, например императорским копьем сунтурпаукаром, украшенным перьями редкой птицы. К королевским символам правителей Тауантинсуйу относились также золотой скипетр, далее собственно корона Инки – бахрома-диадема льяута, налобная повязка, пять-шесть раз обвивавшая голову Инки. От своего ближайшего окружения Инка отличался величиной золотых дисков, которые он как представитель правящего класса Тауантинсуйу носил в мочках ушей. Голову правителя, как правило, украшали два или три пера очень редкой птицы коракенке, за которой охотились исключительно с целью доставить во дворец. Для всех прочих граждан государства эта птица была табу.

Кроме коракенке, символом Инки была «напа» – белоснежная лама. Перуанские индейцы считали ее первым живым существом, которое вернулось на землю после того, как воды потопа – в который также верили здешние люди – повернули вспять. Напа по своему внешнему виду были столь же величавы, как и люди, которых они должны были символизировать. Уши этих величественных животных всегда украшались золотыми кольцами, тело защищала от непогоды пурпурная накидка. Каждый год в апреле в честь «сына Солнца» и одной из его регалий, упоминавшегося выше сунтурпаукара, приносили в жертву 15 белых лам, которых индейцы также называли сунтурпаукары.

Благодаря регалиям, а также драгоценностям, в числе которых находились и большие золотые диски в ушах, влады-

ка Тауантинсуйу уже на первый взгляд отличался от всех других жителей империи. Однако одежда его, что поразительно, была похожа на одежду его народа. Прежде всего, «сын Солнца» носил длинную тунику, доходившую ему до колен, или плащ из шкур летучих мышей, на ногах у него были сандалии. Материал, из которого шили верхнюю и нижнюю одежду владыки (например, характерные для перуанцев нижние брюки), для Инки ткали специально отобранные девушки из дома «невест Солнца» в Куско.

Забота о чрезвычайно богатом гардеробе Инки ложилась на пажеский корпус, состоявший из 25 отобранных мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет и руководимый начальником королевской гардеробной. Владыка никогда не надевал дважды одну и ту же одежду или обувь. Специально предназначенный для этого сановник должен был торжественно сжигать бывшие в употреблении предметы. Точно так же поступали и с остатками пищи, которой Инка, пусть даже случайно, касался рукой или же губами во время трапезы. С момента прикосновения Инки к вещам они для всех остальных становились табу, то есть столь же неприкосновенными, как и сам «сын Солнца».

Инка принимал пищу три раза в день. Самым обильным был завтрак. Заботу о завтраке и вообще о королевских трапезах и сотрапезниках брал на себя уасикамайок, своего рода мажордом Инки. Важную роль играл также вилькакама – государственный дегустатор, диетолог и одновременно лекарь, пользовавшийся безграничным доверием своего господина. Вилькакама дегустировал и одобрял блюда, подававшиеся на стол правителя. Меню включало, разумеется, и такую пищу, которую ел и простой народ: кукурузу, приготовленную различными способами, фасоль, супы-пюре и картофель, консервированный традиционным индейским способом. Для этой цели карто-

фель днем выдерживался под палящими лучами солнца, ночью – на морозе в горах. Такой сушеный картофель, называвшийся «чуньо», перуанские индейцы смешивали с водой, добавляли соль и коренья. Для простого люда империи это была каждодневная пища. Иногда владыка высказывал пожелание вкусить особых лакомств – деликатесов, доставляемых к его столу курьерами из различных, зачастую самых отдаленных областей страны. Так, например, каждый день доставлялись свежая морская рыба и моллюски, хотя Куско отделяли от вод Тихого океана сотни километров и цепи поднимающихся к небу гор; далее, дичь с приграничной территории Амазонки, а также свежая пресноводная рыба из озера Чичайкоча.

«Сын Солнца» ел на тяжелых золотых, иногда серебряных блюдах. Несмотря на высокую стоимость, столовый прибор после еды уничтожали, так как Инка до него дотрагивался. За столом Инке прислуживали избранные дамы из его гарема. Они одни имели право помогать Инке в различных делах. Привилегия прислуживать владыке была столь почетной и вызывала такую острую зависть, что все служанки сменялись через каждые семь – десять дней, чтобы каждая женщина из гарема Инки имела возможность услужить своему господину. Наряду с обязанностями, вполне для нас понятными, например прикрывать голову владыки от палящих лучей солнца большой солнечной ширмой, были и задания, которые нам сегодня представляются чуждыми, излишними. Так, например, единственной обязанностью одной из специально отобранных дам было подбирать волосы, падавшие с головы Инки. «Дежурная» должна была подобрать все упавшие волосы и затем съесть их, с тем чтобы враги Инки не могли ими завладеть и использовать для колдовства. Другая служанка должна была следить

за плевками Инки. Подобным же, не столь аппетитным способом ей следовало «обезвредить» их.

Невзирая на то что на Инку работала вся империя, ему непосредственно прислуживало до восьми тысяч личных слуг. Из них лишь около 50 (это были почти исключительно упоминавшиеся выше фаворитки) имели непосредственный доступ к правителю. Вблизи августейшего «сына Солнца» находились также разные люди, услаждавшие и развлекавшие его, – это танцовщицы, певцы, музыканты, а также придворные шуты, шутники, называвшиеся «каничу», и даже существа, которые каким-нибудь образом отличались от других людей в империи, например карлики или же горбуны.

К излюбленным удовольствиям короля относилась охота, прежде всего охота в горах на лам, пум или же соколов. Для владыки здесь были даже отведены специальные, как мы бы сегодня сказали, «королевские заказники». В некоторых таких заказниках охота проводилась лишь один раз в четыре года, с тем чтобы королевская дичь могла снова полностью восстановиться.

Среди прислуги Инки важнейшую роль играли носильщики его носилок. По традиции эта привилегия принадлежала рукано, представителям индейского племени, жившего к западу от Куско. Восемь рукано всегда чередовались в роли носильщиков. Они были одеты в голубую униформу и принадлежали к самым заметным фигурам в свите правителя.

«Сын Солнца», разумеется, никогда не ходил пешком и всегда путешествовал в сопровождении сотен высших сановников империи и членов своей семьи. Он всегда передвигался под охраной крупных объединенных отрядов. Солдаты «лейбгвардии» Инки носили блестящие мундиры, по традиции украшенные особыми золотыми и серебряными драгоценностями.

Непосредственно перед процессией короля шагали королевские уборщики улиц, тщательно расчищавшие дорогу, по которой несли Инку. За ними следовали освежители воздуха, разбрызгивавшие благоухающие эликсиры, аромат которых возвещал о торжественном миге, о том, что сам «сын Солнца» путешествует в своих великолепных носилках.

Носилки Инки были сделаны, конечно, из золота. Только их каркас был выточен из дерева особых пород. Автор хроники Сьеса де Леон, видевший эти носилки собственными глазами, отмечает, что, помимо всего прочего, они были украшены спереди и сзади большими арками, усыпанными драгоценными камнями.

Золотые носилки также были одним из многих чудес древнего Перу. Печально прославившийся основатель новой «династии», завоеватель страны Франсиско Писарро завладел в Куско носилками, принадлежавшими мумии умершего Инки. Он полагал, что они были самой ценной его добычей из всех сокровищ, которые он нагребил в Южной Америке.

В этой сказочно великолепной «государственной карете» владыки Тауантинсуйу нередко покидали свой дворец в Куско и отправлялись в путешествие, с тем чтобы осведомиться о проблемах отдельных регионов своей империи, проверить деятельность чиновников в провинциях, а нередко и просто так отдохнуть в другом месте. Так, например, испанцы захватили в плен последнего Инку тогда, когда он в далеком северном Перу, вдали от Куско, лечился у теплых источников города Кахамарки.

Во время путешествий по Перу правители империи одновременно демонстрировали себя народу и принимали почести от своих подданных, которые собирались толпами вдоль крупнейших магистралей, чтобы увидеть бога на земле, стоявшего во главе их государства, — этого Интип Чурина, едиnorodного «сына Солнца».

IX. Солнце и его тень

Когда Интип Чурина, «сын Солнца», божественный Инка, отправлялся путешествовать в своих золотых носилках по Перу, то столицу покидал и весь государственный двор. На месте заранее предусмотренных временных остановок для короля и его многочисленной свиты со оружалось нечто вроде «маленького Куско», с тем чтобы вдали от своей резиденции Инка ощущал «тепло родного очага».

Остатки одной из таких маленьких «временных» столиц Тауантинсуйу в Перу сохранились до сих пор. Речь идет о временной резиденции, которую для Инки Пачакути соорудили жители империи в устье реки Каньете. Эта резиденция, помимо королевского дворца, включала также дом, предназначенный для избранных женщин, далее четыре обширных комплекса, своего рода дворы: в первом хранилась шерсть лам для Инки, во втором — продукты питания, в треть-

ем – маисовое пиво чича и, наконец, в четвертом жила прислуга, охранявшая упомянутые личные запасы Инки.

Постоянная официальная резиденция, главный дворец Инки, разумеется, находилась на «пупе мира» – в Куско, в квартале, прилегающем к площади Радости. Королевские дворцы Куско, например Амаруканча (Змеиный Двор), как правило, возводились из каменных блоков, а наружные стены Амаруканчи были облицованы тяжелыми золотыми пластинами. Внутри дворцы выглядели очень просто, мебели почти не было. Впрочем, перуанские индейцы едва ли в ней и нуждались. Полы во дворце были покрыты великолепными коврами. Внутренние стены были декорированы пестрыми опереньями редких птиц джунглей.

Инка жил в своей резиденции не только при жизни, но и после смерти, поскольку тело его бальзамировалось, иными словами, мумифицировалось. Специалисты извлекали из тела внутренности, прежде всего кишки, а затем набивали его плотными тканями. Для того чтобы знатный покойник по возможности выглядел как живой, ему вставляли новые, сияющие глаза, которые, естественно (как же иначе могло быть в этой стране!), были сделаны из золота, то есть из тонких пластинок солнечного камня. Покойника одевали в самое лучшее платье, а затем уже «элегантно» одетую мумию, называемую «мальки»; вновь усаживали на троне во дворце-резиденции Инки. Поэтому каждый новый Инка, находящийся на троне Куско, должен был строить для себя собственный дворец. Дворец же его предшественника становился обителью мумий – сюда даже подавалась пища, – как будто здесь находилось живое существо. Мумия «владельца» не только обширными латифундиями, которые возделывали принадлежавшие ей крестьяне; в ее собственности находились также стада лам, которые

пасли пастухи. Если же мумия не находилась в своем дворце-резиденции, ее усаживали в Храме Солнца на один из маленьких тронов. Иногда мумию отправляли в «путешествие»: в крепость Саксауаман, расположенную высоко над Куско, к соседнему Трону Инки или же к священному Кенко.

После прибытия испанцев в Перу здешние индейцы прятали останки своих прежних владык, для того чтобы их не осквернили руки чужеземцев. Хуан Поло де Онегардо – уже упоминавшийся неутомимый исследователь прошлого инков – позже случайно обнаружил мумии третьего Инки и двух его супругов. Эти мумии удивительно хорошо сохранились. Так, в частности, сохранились волосы на голове и даже брови. Найденную мумию Инки пронесли по улицам столицы Лимы, тогдашнего вице-королевства испанцев Перу. И хотя империи инков больше не существовало, индейцы, завидев процессию, опускались на колени, рыдали и зывали к своему королю. Даже живущие в Лиме европейцы обнажали головы в знак благоговейного страха и уважения к мертвому владыке погибшей империи.

Выше уже говорилось о том, что смерть Инки, уход владыки из мира живых был немаловажным событием.

Граждане империи, отождествляемой с личностью правителя, как правило, искренне оплакивали смерть Интип Чурина. Погребение владыки, точнее сказать, прощание с ним, проходило всегда чрезвычайно торжественно, поскольку тело Инки не захоранили, то есть не опускали в землю на вечный покой, и не сжигали. Напротив, тело Инки лишь бальзамировалось, а затем вновь возвращалось во дворец, в котором правитель жил при жизни.

Вместе со старым господином из жизни уходили и многие его жены, а также все или почти все верные слуги.

В древнем Перу, как и в некоторых других древних культурах, было принято, чтобы люди, близкие к своим владыкам, сопровождали их и после смерти. Поэтому во время церемонии прощания с умершим они кончали с собой. Тех же из них, которые не находили в себе мужества покончить с собой, одурманивали с помощью чичи, а затем душили. Даже когда испанцы сначала «приговорили» Инку Атауальпу к смерти, а потом задушили его в Кахамарке, то в католической часовне, где священник служил заупокойную мессу (!) в честь убиенного, многие жены Инки бросались на его мертвое тело и, несмотря на сопротивление католического священника, облили своей кровью христианскую церковь, добровольно избрав смерть.

Вероломная казнь, по сути дела, легализованное и освященное «сверху» убийство последнего Инки – Атауальпы – на базарной площади Кахамарки не смогло уничтожить славу Интип Чурина, легенду об их величии и роскоши, в которой они жили. Блеск и слава Инков не должны нас ослеплять и влиять на нашу оценку вещей. Невероятная роскошь и помпезность древнеперуанского мира, говоря открыто, были «созданы» для нескольких человек, собственно, даже не для человека, а для живого бога Тауантинсуу. Если же мы посмотрим на образ жизни так называемых единокровных «сыновей Солнца» непредвзято, то наивные представления (до сих пор еще, к сожалению, широко распространенные) об обществе инков как о социально справедливом обществе, обществе равных, в котором не было ни бедных, ни богатых, рассыпятся как картонный домик.

Тем не менее еще и сегодня можно слышать, что в империи инков проявлялась забота о бедных и больных, о вдовах и старцах. Действительно, там заботились о «социальном обеспечении» каждого «гражданина» Тауантинсуу, о

том, чтобы каждый имел пищу и одежду. Однако стремление удовлетворить хотя бы основные потребности жителей империи имело своей целью лишь одно: воспрепятствовать возникновению в стране социальных волнений, которые в последнее время были направлены против Инки и господствующего класса. Волнения, имевшие социальную подоплеку, нередко выливались в Тауантинсуу в настоящие восстания, несмотря на то что официальное учение о божественном происхождении «сына Солнца» создавало, естественно, для многих граждан государства ореол святости вокруг персоны владыки и правящей касты империи, также связанной через «сына Солнца» непосредственно с самим Солнцем. Инку и его приближенных считали высшими существами, именно поэтому всех их окружал ореол совершенства, справедливости и добра.

Волнения, имевшие социальную подоплеку, в Тауантинсуу разгорались главным образом среди тех этнических групп империи, которые еще не восприняли язык кечуа и поэтому были менее подвержены влиянию культа божественного происхождения Инки. Так, например, небольшое восстание вспыхнуло во время правления Тупака Юпанки в районе Тумбеса на побережье Перу. Значительно большим было восстание жителей острова Пуна в нынешнем Эквадоре, бушевавшее там во времена Инки Уайна Капака. Это восстание было подавлено особенно жестоко. Даже такой почитатель инков, как Гарсиласо де ла Вега, пишет, что одних «восставших в наказание сбрасывали в море, других закалывали копьями, третьих обезглавливали, четвертых четвертовали, пятых забивали до смерти, шестых вешали...».

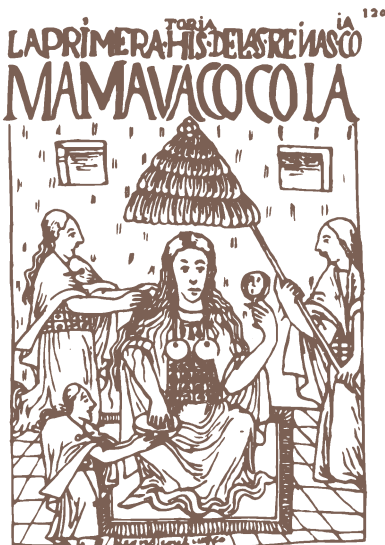
Во время одного из восстаний в той же самой области, где повстанцы составляли подавляющее большинство членов племени каранга, 20 тысяч человек по-

платились жизнью!

Против социального неравенства в империи инков восставали иногда даже представители правящего класса. Об одном таком конфликте рассказывается в дошедшей до нас драме «Апу-Ольянтай», написанной на языке кечуа. В ней говорится о губернаторе одной из четырех провинций империи – регенте Антисуйу по имени Ольянтай. Инка Пачакути не хотел отдать Ольянтаю в жены свою дочь, тогда последний возглавил восстание народа Антисуйу против Инки. Впоследствии Ольянтай и его люди сразились в жестокой борьбе с «сыном Солнца» и его приверженцами. Как следует из хроники Фернандо де Монтесиноса, уже упоминавшийся кронпринц, ауки Амару (полное имя Инти Капак Пирауа Амару), был лишен обещанного ему ранее трона, очевидно, не из-за недостатков своего характера, а в результате того, что стремился улучшить социальное положение простого люда империи. За это, сообщает хроника, «его безгранично любил народ». Дворянство же, как и его собственный отец, от него отказалось.

Общественное спокойствие, которое внешне царило в Тауантинсуйу, не было идеальным. Исключительное величие «сыновей Солнца», которым принадлежали «небо и земля», та роскошь, которая еще сегодня у многих вызывает восхищение, в действительности была плодом труда бесчисленного множества мужчин и женщин, находившихся на самой нижней ступеньке социальной лестницы. Им приходилось много работать, однако в противоположность Инке они почти ничего не имели. Таким образом, эти люди содействовали безграничной власти Инки, хотя сами не были свободны. В империи «сыновей Солнца» было очень много чудес, но создать самое большое чудо – справедливое общество свободных и равных – так и не удалось.

Х. Королевский инцест*

Король Тауантинсуйу, суверенный, самодержавно правящий Инка, имел – что, несомненно, являлось предметом зависти – множество женщин, однако только одна из них была действительной, законной его супругой. Она была королевой Перу.

Жители империи называли супругу своего владыки «койя». Безусловно, койя становилась королевой Тауантинсуйу лишь благодаря своему мужу. Только когда он восходил на осиротевший трон умершего Инки, койя приобретала свое привилегированное положение. Законная супруга того, кто являлся, собственно говоря, богом на земле, в чьих жилах текла кровь божественного Солнца, должна была – это соответство-

* Инцест – кровосмешение, от лат. *incestum*. – Прим. ред.

вало идеалам инков—стать также матерью короля, матерью будущего Инки.

Эти две главные обязанности койи—быть официальной женой верховного владыки империи и матерью будущего короля—послужили основой для образования важнейших обозначений королевь. Ее называли «пиусуарми», что означает «супруга», и «мамануарми», что значит «мать». В других случаях койю называют «уачакуяк», что означает «та, которая заботится о несчастных».

Исходя из обязанностей койи, перуанцы называли ее «дочь Солнца», а также «дочь Луны», так как серебряная Луна в империи была покровительницей женщин.

Инки-правители придавали очень большое значение тому, чтобы то исключительное положение, которым они наслаждались, возводя свое происхождение непосредственно к Солнцу, было сохранено и упрочено благодаря чистоте крови. Именно поэтому и жены владык должны были происходить из того же рода, что и их мужья, хотя подданным в империи инков было строжайше запрещено жениться на близких по крови родственниках. Инка Пачакути категорически запретил подобные кровосмесительные браки.

Кровосмешение, запрещенное в Европе и поныне все еще являющееся наказуемым, в Перу было первейшим правилом, законом сохранения династии. Инка Пачакути, узаконивший королевский инцест, был первым Инкой, который придавал столь большое значение чистоте королевского айлью.

Кровосмесительные браки владык империи Солнца, как думали инки, воспроизводили—возникшую еще на небепраисторию этого рода. Священное Солнце, когда его сотворили (Солнце сотворил бог-творец Виракоча), взяло в жены свою сестру Луну. Так в этом бо-

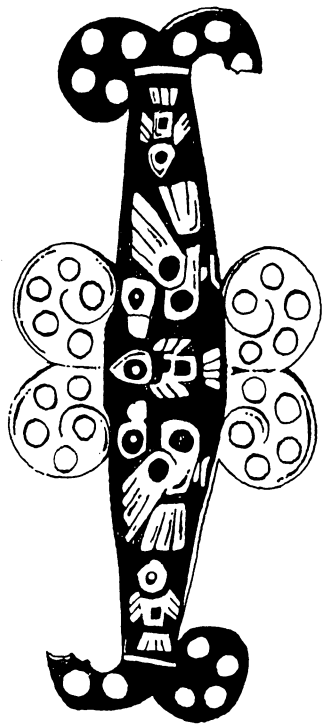
жественном кровном союзе родился первый Инка, Манко Капак, и первая койя, Мама Окльо.

Закон о королевском инцесте владык империи соблюдался строго. Впрочем, они могли и не вступать в кровосмесительный брак с собственной (родной) сестрой, однако в этом случае они брали в жены по крайней мере сводную сестру, причем всегда по отцовской линии. Браки между братьями и сестрами, столь чуждые для нас, конечно, не были «придуманы» древними перуанцами. Когда я писал свою книгу об истории и культуре Гавайев*, я обнаружил на этом острове ту же традицию: полинезийские вожди также женились на своих сестрах. И на Гавайях родная сестра верховного вождя, дочь одних и тех же с ним родителей, считалась идеальной партнершей для правителя и самой подходящей матерью будущих владык. Дети, происшедшие от брака между родными братом и сестрой из семьи правителя, считались на Гавайских островах совершенно чистыми и назывались «ниаупио». Только эти дети обладали, образно говоря, чистой, божественной кровью, только им одним на этой группе островов разрешались все табу.

К тому же идеалу стремились и в Тауантинсуйу. Вопреки представлениям и опыту, существовавшим в Европе, в Перу от подобных кровных союзов рождались совершенно здоровые дети. Законные браки со своими официальными женами Инки заключали чрезвычайно пышно. Вначале правящий Инка просил у матери своей избранницы (как правило, это была его собственная мать) руку своей будущей жены. Затем он вымаливал у своего божественного предка перед золотым солнечным диском в Кориканче, Храме Солнца, в Куско, согласие на

* См.: М.С.Тингл. Очарованные Гавайи. М., 1983.—Прим. ред.

предполагаемое супружество. Там Инка получал от жреца одежду для невесты и нес ее в дом избранницы в сопровождении многочисленных родственников и всей многочисленной свиты, состоявшей из слуг и «лейб-гвардейцев». Здесь же он передавал ей свадебные подарки из золота и серебра. После прибытия жениха невеста выходила ему навстречу и со своей стороны дарила своему будущему супругу великолепную мужскую одежду. Наконец Инка словами: «Айю, койя!» («Идем, моя койя!») — предлагал ей следовать за ним, и она повиновалась ему со словами: «Ху капак Инка!» («Да, идем, мой могущественный Инка!») После того как они выходили из дома не-

Подвеска инков, сделанная из золота и серебра

весты, их несли в королевских носилках по Куско, дома которого по поводу этого торжественного события богато украшались перьями тропических птиц и развешанными (по стенам) коврами.

Свадебная церемония и связанное с ней ликование народа продолжались до тридцати дней, то есть в течение целого месяца. После завершения свадебного праздника жизнь койи больше уже не состояла из одних увеселений. При дворе, в доме короля, жизнь ее, конечно, была легкой, тем не менее это была жизнь в золотой клетке. Она проводила время по большей части в обществе служанок, вместе с которыми ткала великолепные ткани и которые убажали ее пением и танцами. Развлечением для койи служили также животные из маленького домашнего зверинца. Она нередко играла с маленькими обезьянками, доставленными в Куско из тропических лесов Амазонки. Королева держала и разноцветных птиц, отловленных в том же районе.

Значительную часть дня койя посвящала своему туалету. Так, например, она пользовалась румянами, полученными из растения ачиоте (*Bixa orellana*). Особенно много внимания уделяла она прическе. Примечательно, что знатные темноволосые индейские красавицы с помощью экстрактов, полученных из различных перуанских трав, пытались сделать свои волосы еще темнее.

В поразительной хронике Тауантинсуйу перуанского хрониста Гуамана Помы де Аяла на рисунках изображены многие перуанские королевы — все они, однако, отличаются друг от друга. Одна хороша собой, другая — некрасива, одна веселая, другая — печальная. Одна любит цветы, другая — птиц. Одна явно имеет пристрастие к рюмочке, другая же занимается колдовством. В галерее портретов королей, имеющих в хронике Гуамана Помы де Аялы, «дочери Солнца»

изображены обычными существами, да они и были, конечно, такими же простыми людьми, «как ты и я». Они любили и ненавидели, ревновали своих мужей. Одна из королев, например, даже прогнала из свиты своего мужа всех хорошеньких служанок и заменила их карлицами, горбуньями и вообще девушками, имеющими какие-либо физические недостатки.

Королева империи в результате кровосмесительного союза должна была произвести на свет наследника трона. Впрочем, обществом своего законного супруга она обычно довольствовалась лишь изредка, поэтому ей приходилось посвящать себя тем занятиям, которые до сих пор еще являются полем деятельности супруг некоторых глав государств: благотворительности, заботе о больных, калеках и прочих убогих жителях империи. Так, супруга Инки Пачакути от имени своего отсутствующего в ту

пору в Куско мужа организовала акцию помощи жертвам тяжелого землетрясения, постигшего область города Арекипы. Жена Инки Тупака Юпанки испросила милости для жителей общины янаяк, оказавшей сопротивление Инке. Законная супруга Инки Пачакути однажды даже занималась в Куско государственными делами, поскольку ее муж в это время инспектировал империю.

Короля и королеву связывало друг с другом нечто иное, чем любовь, настоящее и глубокое чувство. Оба они были, как правило, детьми одних и тех же родителей. Начало длинной цепи королевским инцестам было положено божественными братом и сестрой, бывшими вместе с тем и супругами, — Солнцем и Луной. Именно поэтому инки оберегали это чистокровное продолжение своего благородного племени. И именно поэтому Инка и его койя всегда должны были вступать в кровосмесительный брак.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«СЫНОВЬЯ СОЛНЦА»

I. В поисках земли обетованной

Первой королевской четой, являвшейся вместе с тем братом и сестрой, в Тауантинсуйу были первый Инка, Манко Капак, и его жена Мама Окльо. Некоторые исследователи полагали (и я думаю, они во многом правы), что упомянутые выше первый «сын Солнца», Манко Капак, и его жена были легендарными персонажами. Познакомимся же, однако, поближе с этой важной легендой индейцев о происхождении инков и по-

пытаемся найти в ней ответ на вопрос: с чего же, собственно говоря, все началось? То есть как, когда и где «родилась» империя инков, как, когда и где начинается история «сыновей Солнца»?

О происхождении инков рассказывает не только в хронике – об этом повествуют две легенды. И в той и в другой главную роль играет первый Инка – Манко. В обеих легендах говорится о том, что Инка будто бы прибыл в Куско с юга и что право новых владык Куско зиждется на «всемирности» их неземного происхождения.

Согласно первой из двух легенд о происхождении инков, первый «сын Солнца» начал свой длинный путь в Куско из района, прилегающего к озеру Титикака, священному водоему индейцев Анд. Здесь – и это уже не легенда, а достоверный факт, – на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря, и возникло, судя по всему, самое значительное южноамериканское государство доинкской эпохи – Тиауанако. Вероятно, в Тиауанако поклонялись богу и творцу мира Виракоче, почитаемому во всех Андах. Здесь, у озера Титикака, уже в доинкскую эпоху существовали могущественные государства.

Согласно легенде, история инков начинается у серых вод озера Титикака, окруженного горами, у каменных крепостных стен к тому времени уже погибшего Тиауанако. А поскольку речь идет об истории «сыновей Солнца», то, опять-таки согласно легенде, у истоков их истории, то есть в начале долгого странствования, стояло, вполне естественно, божественное Солнце.

Оно с грустью наблюдало, как люди, живущие на земле, страдают от нищеты, но прежде всего от невежества. Именно поэтому Солнце и послало своих детей, сына Манко Капака и дочь Мама Окльо, чтобы они принесли человеческому роду, живущему во тьме, свет. Несомнен-

но, божественные брат и сестра были супружеской четой.

Солнце следующим образом напутствовало Манко Капака и Мама Окльо: «Спуститесь на землю и правьте там. Пусть это будет не власть силы и подчинения, а, напротив, власть дружбы, взаимопонимания, власть знания и света. Вы должны также научить несведущих возделывать поля и разводить животных. А ты, дочь моя, научи их ткать ткани, поддерживать семейный очаг и заниматься всяким другим ремеслом. Несите, сын мой и дочь моя, людям свет истинного знания. Научите их истинной вере. Дайте им также законы, наведите порядок, потому что без закона и без порядка нет жизни на земле».

Солнце не только напутствовало детей перед долгой дорогой указаниями и добрым советом, но и дало им с собой волшебный золотой жезл. Этот жезл должен был указать им, где следует завершить странствие, остановиться и образовать земное царство. Таким образом, золотой жезл должен был помочь первым инкам найти их обетованную землю. В том месте, где он сам вознзится в землю, – там божественным брату и сестре следовало остаться и основать свою империю.

Манко Капак и Мама Окльо странствовали день за днем, месяц за месяцем, все дальше уходя от берегов озера Титикака. Повсюду пытались они воткнуть в землю золотой жезл в пол-локтя длиной и два дюйма толщиной. Однако нигде не находили они дружеского участия и вынуждены были все дальше и дальше идти на север, через страну уру, страну колья и аймара. Люди, жившие на север от священного озера, с недоверием отнеслись к странным детям бога. Поэтому, согласно некоторым преданиям, первый Инка и его жена должны были путешествовать под землей, а точнее, по подземным переходам, ко-

торые будто бы вели от озера Титикака к Куско. По другим версиям, супруги – брат и сестра – скрывались днем в пещерах и двигались только ночью. От одной из таких пещер, Тамботоко – от места, получившего название Пакаритамбо, Место Утренней Зари или же Место Происхождения, – начался последний участок пути Манко Капака и Мама Окльо – дорога в Куско. Здесь, в Тамботоко, разворачивается действие второй легенды о происхождении инков. Легенда приписывает Манко Капаку и его сестре главную роль в завоевании Куско и основании империи инков.

От Пакаритамбо, из пещеры Тамботоко, Манко Капак и Мама Окльо, как говорится во второй легенде, в сопровождении шести братьев и сестер начали путь в Куско. Четверо мужчин, братьев, называли друг друга «айяр», как обычно индейцы называют разновидность дикой лебеды – на перуанском языке это «киноа». Сестры присоединяли к своему имени слово «мама», что означает «жена». Всех четырех братьев связывали супружеские узы со своими четырьмя сестрами. В состав «экспедиции», помимо Айяр Манко (впоследствии Инка) и Мама Окльо, входили также сильный Айяр Качи (что означает «соль») и его вздорная жена Мама Гуако, далее Айяр Учучу («чилийский перец») с женой Мама Рагуа, а также Айяр Аука (то есть «борец, воин») и Мама Кора.

Предводителем этой процессии братьев и сестер был Айяр Манко, несший с собой в клетке в качестве доказательства своего знатного происхождения золотого сокола, никогда доселе не виданного в Андах и которого они называли «Инти», что значит «Солнце». Четверо братьев и их четыре жены были одеты в великолепные одежды и украшены драгоценностями, например большими золотыми кольцами в ушах. На пути от Пакаритамбо их сначала сопровождал

маленький кортеж родственников, позже в него влились представители ряда индейских племен, живших в этой местности, например мара, санок, сутик, тарпунтай, уакантаки, куикуса, а также воины племени, носившего в Перу доинкской эпохи славное имя «чавин».

Воины племени чавин находились под началом героического Айяра Качи, который странным образом подчинялся своей жене, вздорной Мама Гуако. По ее желанию Манко попросил своего брата возвратиться к Месту Утренней Зари, в пещеру Тамботоко, чтобы достать семена одного растения, спрятанные ими в золотом сосуде. Эти семена Манко и его спутники должны были по приказанию отца-Солнца посеять в обетованной земле.

Качи отказался покинуть кортеж айяров и возвратиться в пещеру. Когда же Мама Гуако обвинила мужа в трусости и лени, ему не оставалось ничего другого, как отправиться в обратный путь в сопровождении верного «оруженосца» из свиты Манко, старого Тамбо Качая.

Тамбо Качай был таким же сильным, как и Айяр Качи. Но последний обладал очень вспыльчивым да к тому же неуживчивым характером, и Тамбо Качай решил от него избавиться. Воспользовавшись благоприятным случаем, когда сильнейший из айяров спустился в родную пещеру, «оруженосец» подкатил ко входу в нее огромный валун и навалился на него всей своей тяжестью. Попытки Качи сдвинуть камень оказались безуспешными, и он обрушил на голову Тамбо Качая из глубины пещеры страшные проклятия. Проклятый Качи верный слуга Манко превратился в камень, который здешние индейцы еще и сегодня показывают посетителям Пакаритамбо. Однако самому Качи так и не удалось выбраться из пещеры.

Манко же со своей свитой без всяких помех продолжал путь по Гуайнакакачо

и Тамбокиро, где Мама Окльо родила ему наследника, сына Синчи Рока. Вскоре путешественники достигли Куско. В течение долгого времени они жили на склоне Уанакаури, где в ту пору находилась вырубленная на вершине скалы статуя коршуна Анд. Айяры не сомневались в том, что это — священное место; горные индейцы и поныне называют его «уака». Манко поручил брату Учу, у которого чудесным образом выросли крылья, взлететь и рассмотреть поближе каменную птицу. Айяр Учу действительно поднялся в воздух и приблизился к каменному телу священной статуи. Однако стоило ему до нее дотронуться, как он тут же превратился в камень.

Таким образом, из четырех айяров остались в живых лишь два брата — первородный сын Солнца Манко и Айяр Аука. Оба долго советовались: не лучше ли им после трагической смерти брата Учу вернуться к Месту Утренней Зари. В конце концов все же решили не прекращать поиски земли обетованной и двинулись со своей свитой по избранному пути дальше. Некоторое время спустя они поселились в Матагуе. Именно здесь будущий Инка впервые ввел несколько своих позднее столь типичных ритуалов: церемонию уаричика, во время которой были проколоты мочки ушей у наследника Манко — Синчи Рока, церемонию рутучику, при которой детям подстригали волосы, и церемонию кисучика по поводу первой менструации (менархе) у девочек.

Из Матагуе Манко повел свиту прямо в долину Куско. Как и ранее, на каждом привале «сыновья Солнца» пытались воткнуть в землю свой золотой жезл, однако безуспешно. В местности под названием Уайнапата, между речками Уатанай и Тульюмайо, земля впервые приняла солнечный золотой жезл. Судьба была решена. Это и была та страна, которую Манко и Мама Окльо со своей

свитой столь долго искали, — земля обетованная «сыновей Солнца». Тут со временем они воздвигнут свои дворцы и храмы, отсюда будут править миром.

Впрочем, долина близ Куско оказалась не безлюдной. Здесь жили различные племена и народности. И отнюдь не все встретили «незваных гостей» с распростертыми объятиями. Окрестности Куско ко времени прибытия «сыновей Солнца» населяло племя гуалья. Однако после первого же столкновения с айярами это племя сразу покинуло район Куско. Страшная весть о злодеянии вздорной Мама Гуако, вдовы Качи, а ныне любимой наложницы Манко, распространилась среди гуалья и согнала их с насиженных мест. В ходе сражения Мама Гуако убила воина гуалья и вырезала у него из груди каменным ножом (туми) сердце и легкие. Потом она надула легкие, как воздушный шарик, и, высоко подняв над головой, стала размахивать ими, словно факелом, в знак того, что так случится с каждым, кто осмелится встать на пути у айяров. Ужасный, совсем не женский поступок Мама Гуако возымел на противника свое действие: охваченные страхом гуалья бежали из окрестностей Куско и прилегающей долины, отступив перед натиском Манко, Айяр Аука и их спутников.

Аука, последний из оставшихся в живых братьев легендарного Манко, скончался в Куско. Он тоже превратился в камень. Единственным вождем айяров оставался теперь Манко. Отныне он сожительствовал не только с законной женой, Мама Окльо, но и с остальными тремя сестрами, вдовами своих умерших братьев, и прежде всего с Мама Гуако, которая откровенно радовалась особому расположению к ней первого Инки.

На том самом месте, где золотой жезл вошел в землю, то есть недалеко от слияния двух рек, протекавших через долину Куско, Инка построил свой

первый дворец, часть которого должна была стать святыней божественного отца инков, золотого Солнца. Именно поэтому этот древнейший замок Куско получил название «Интиканча», или же «Двор Солнца». На месте этой святыни преемники Манко воздвигли позже самое прославленное сооружение во всей империи – Храм Солнца, Кориканча.

Золотым жезлом Инка Манко взрыхлил поле рядом с Двором Солнца и посадил здесь семена маиса, принесенного из их пещеры. «Сыновья Солнца» впоследствии из года в год напоминали об этом событии своим подданным, соблюдая следующий ритуал: Инка первым постукивал ростком растения о комья земли на кукурузном поле, находившемся в Куско около Храма Солнца, это символизировало начало полевых работ во всей империи.

Таким образом, первый Инка – Манко – научил жителей долины Куско возделывать маис. Вместе со своей главной женой, Мама Окльо, как говорится в легенде, ему следовало выполнить «порученную» отцом, то есть Солнцем, миссию привнесения цивилизации. Так, помимо выращивания растений, он разъяснял жителям долины, какое удовольствие доставляет жевать листья коки. Манко создал правопорядок, дал жителям долины первые законы, научил их различать добро и зло. Строго карал он самые отвратительные (в глазах индейцев) преступления: убийство, воровство.

По легенде, Мама Окльо также выполнила свою миссию. Она научила женщин ткать красивые ткани, шить неизвестную до того времени одежду, лучше ухаживать за своими детьми, научила она их и многим другим вещам.

Таким образом, странствование золотого жезла от берегов священного озера Титикака завершилось у берегов двух перуанских горных рек, Уатанай и Тульюмайо.

II. Преемники Манко Капака

Как уже упоминалось, по свидетельству хронистов, существует две легенды о происхождении Инков: две интерпретации, тесно связанные друг с другом, представляющие собой два варианта первоначальной, единственной и цельной легенды о происхождении «сыновей Солнца», – легенды, которая до нас не дошла. Хронисты, сохранившие для нас эту легенду, излагают ее во многом сходно. В первую очередь это касается личности героя – первого Инки, Манко Капака (а также его законной супруги Мама Окльо). Согласно обеим версиям, первый «сын Солнца» со своей свитой прибыл «на пуп будущего мира», в долину Куско, с юга.

Впрочем, «юг» – это слишком неопределенное понятие. Большинство хронистов полагают, что будущие инки начали свое странствование со священного озера в горном Перу – озера Титикака. У

берегов этого озера, скорее всего, уже в доинкскую эпоху существовало государство колья или аймара, а еще раньше, очевидно, Тиауанако, империя индейцев-создателей этого фантастического южноамериканского города доинкской эпохи.

Некоторые авторы – в частности, перуанец Хосе де ла Рива Агуэро – полагают, что культура и могущество инков являются непосредственным продолжением наследия Тиауанако. Это предположение, весьма часто высказываемое, бездоказательно. Сомнения усиливает и тот факт, что родину инков – это следует еще раз подчеркнуть – пытаются искать на берегах озера Титикака, в области, где не говорили на языке кечуа, то есть в стране, в которой возникла каменная высокогорная метрополия доинкской эпохи – Тиауанако.

В Тиауанако, как и во всех районах этой области Анд, ранее повсюду почитался «творец мира» (а также «творец богов», то есть нечто вроде «супербога») великий Виракоча. Его культ, безусловно, представлял собой квинтэссенцию религиозных представлений, всей духовной культуры и философии Тиауанако и всех племен Перу доинкской эпохи, находившихся под влиянием Тиауанако.

По существовавшим в Тауантинсуйу представлениям, Виракоча был также творцом Инти – «бога-Солнца». Позднее инки запретили культ верховного бога людей из Тиауанако – культ Виракочи. В их империи объектом почитания и поклонения был не этот верховный творец перуанских индейцев, а бог, «создавший инков», то есть Инти, Солнце.

Инти, Солнце, стало центром, сердцевиной, осью мира их земных сыновей. Таким образом, Солнце стало тотемом, символом изначального рода инков. Позже, в Тауантинсуйу, Инти (за счет бога Анд Виракочи) превратился в реального, суверенного, главного бога на-

рода инков. Подобные тотемы, подобных мифических символических предков в образе животных, а также камней, скал, рек и особенно небесных тел в горных районах Перу доинкской эпохи имели, очевидно, все этнические группы, все айлью индейцев.

Весьма вероятно, что Солнце являлось тотемом маленького индейского племени тамбо, жившего во времена легендарного Манко Капака в месте, носящем название Место Утренней Зари и сыгравшем столь большую роль в преданиях инков. Подобная интерпретация, казалось бы, говорит в пользу того, что первые инки принадлежали к племени тамбо. Его вождь Манко Капак был одновременно синчи, то есть военачальником. В беспокойные времена в Перу военачальники стояли во главе местных племен горных индейцев. Вместе со своими людьми из племени тамбо вождь Манко покинул свою первоначальную резиденцию Пакаритамбо, двинулся на Куско и овладел «сердцем» этой долины – иногда это происходило мирно, в других же случаях, как, например, в борьбе против гуалья, силой оружия. Восхищаясь деяниями Манко, народ стал называть его не только «синчи», но и лестным эпитетом «капак», что означало как «великолепный», так и «богатый».

Исходя из легенд, мы можем, таким образом, искать прародину инков или в регионе озера Титикака (как это делают многие авторы хроник), или же ближе, у Куско, в районе Пакаритамбо, исконной территории индейцев тамбо. Верна ли та или иная легенда о происхождении «сыновей Солнца» и их племени – точный ответ на этот вопрос исследователи прошлого Перу сегодня едва ли могут дать. Одно лишь ясно: уже Манко Капак вместе со своей, судя по всему, немногочисленной свитой добился господства над центральной частью долины Куско, ко-

торая на все будущие времена должна была стать землей обетованной для этих людей.

Как ацтеки в Месоамерике захотели поселиться на своей обетованной земле, у озера Мехико, так и инки в Перу установили свое господство над взлелеянным в мечтах, желанным и теперь уже обретенным раем вопреки сопротивлению других живших здесь этнических групп.

Одна из таких групп, жившая в области Куско, алькауиса («черно-белые» индейцы), спокойно восприняла господство инков над центральной частью долины — областью по берегам обеих рек, Тульюмайо и Уатанай. Кроме инков, долину Куско населяли еще две, возможно менее многочисленные, группы. Они также считали своей прародиной упомянутые пещеры у Пакаритамбо. При этом индейцы саусирай будто бы пришли из тамошних пещер Сутиктоко, а индейцы антасайя, как говорится в легенде, — из пещеры Марастоко.

Индейцы саусирай под водительством Копали Майта вначале оказали сильное сопротивление претензиям на власть «сыновей Солнца». Позже, однако, Копали Майта вместе с несколькими своими приближенными покинул долину, освободив ее для Манко и его народа.

Оставшиеся здесь саусирай, антасайя и инки позже нашли приемлемый для всех сторон *modus vivendi* — в некотором роде мирное сосуществование, основанное в действительности на господстве инков над всеми жителями долины. Тем не менее первое время «сыновья Солнца» не были настолько могущественны, чтобы навязать силой свои правила игры соседям. Поэтому они должны были прибегнуть к дипломатии. После смерти Манко Капака его преемник, Инка Синчи Рока, должен был взять в жены собственную сестру. Однако «сыновьям Солнца» необходимы были сильные союзники среди своих соседей.

Подобных союзников они приобрели путем дипломатического бракосочетания Синчи Рока с Мама Кора, дочерью могущественного Сутик Уамана, главы большого соседнего селения Саньо (нынешний Сан-Себастьян в долине Куско).

Сутик Уаман поставил на службу своему зятю несколько сотен или даже несколько тысяч воинов. Вместе с оставшимися в его распоряжении воинами он взял на себя защиту границ вновь возникшего государства инков. Теперь Синчи Рока мог беспрепятственно сосредоточить внимание прежде всего на строительстве и организации жизни в своем пока еще маленьком государстве. Второй Инка, на долю которого, помимо всего прочего, выпало осушение болот в окрестностях Куско, отрегулировал — если можно употребить подобное выражение — обе реки в окрестностях Куско и построил на месте, где ныне высятся крепость Саксауаман, самую могущественную крепость индейцев Южной и Северной Америки, первый здешний замок. Он занялся также организацией в Куско торгового центра, базара, на который стекались люди отовсюду, как из близких, так и из отдаленных мест.

По рассказам перуанских индейцев, Синчи Рока отличался большой физической силой и деловитостью. Так, например, он был чрезвычайно быстрым бегуном. Именно поэтому он и выбрал в качестве своего «гербового» животного сокола — птицу, которая для горных индейцев являлась символом быстроты. В отличие от своего легендарного отца, Манко Капака, Синчи Рока был реально существовавшей в истории личностью. Примечательна в этой связи первая часть его имени — Синчи. Это традиционный титул военачальника племени горных индейцев. Сказанное свидетельствует о том, что Синчи Рока еще не был тем великим королем индейцев, какими стали позднее Инка Пачакути или

же Уайна Капак. Он был всего лишь вождем мини-государства, которое только еще образовалось.

В отличие от отца, Манко Капака, достигшего, если верить легенде, как и Мафусаил, преклонного возраста – 140 лет, Синчи Рока умер относительно молодым. В своем государстве он правил всего лишь 19 лет – так по крайней мере утверждает хронист Сармьенто. Гарсиласо де ла Вега, напротив, пишет, что он правил государством 30 лет.

По мнению своих же собственных «исследователей», в истории «сыновей Солнца» Синчи Рока как владыка не сыграл особенно значительной роли. Благодаря «политике маленьких шагов» он, однако, заложил фундамент империи, которую впоследствии его преемники привели к невиданным славе и величию. Так, в частности, Синчи Рока удалось закрепить господство своего племени над частью долины Куско. Он добился того, что территория (ранее оккупированная Манко Капаком и его приближенными) была признана теперь всеми соседями (индейцами саусирай, антасайя и алькауса) как страна инков, полноправно принадлежащая «сыновьям Солнца».

Синчи Рока «легализовал» не только пребывание инков в долине Куско, но и право «сыновей Солнца» на владение «ключевой позицией» в этой долине – только что возникшим городом Куско. Тем самым он дал новое отечество своему до той поры небольшому народу, состоявшему, по мнению соседей, из «пришельцев». Ему удалось также добиться признания права инков на новую родину. Точная дата смерти второго Инки нам неизвестна, точно так же как мы не знаем и о других датах ранней истории инков. Тем не менее нам известно, что перед смертью Синчи назначил преемником одного из своих многочисленных сыновей. Это был Льюке Юпанки, один из малоизвестных первых восьми Инков.

III. Майта Капак, или Рождение народа

Льюке Юпанки был третьим владыкой инков Куско. Сведения о Манко Капаке, как уже говорилось, относятся скорее к области легенд, чем к истории. О втором Инке, Синчи Рока, мы также знаем очень мало. О третьем известно еще меньше, кроме, пожалуй, того, что он не был первородным сыном Синчи Рока. Остается неясным, почему второй Инка в качестве своего преемника на престоле избрал в итоге не ранее намеченного для этого принца Манко Капака, а непервородного сына Льюке Юпанки.

Имя «Льюке» означает примерно то же, что «левша» или же «неуклюжий», то есть «тот, у кого обе руки левые», «ни к чему не пригодный», человек, который «ни на что не годится» и «ничего не делает». Именно таким оказался в действительности третий Инка. Он родился в королевском дворце, Дворе Солнца – Интиканча, – в Куско. Здесь провел он боль-

шую часть своей жизни и здесь же умер.

Льоке Юпанки являлся продолжателем политики, проводимой его отцом, — политики первого Инки. Сущность ее заключалась в том, чтобы найти *modus vivendi* с соседями, с общинами гуаро, уамай, сако и другими и поддерживать с ними дружеские отношения.

Так, например, он не стремился вести завоевательные походы. Так же как и его отец, Льоке Юпанки больше заботился о развитии столицы государства, перестройке своего дворца, Двора Солнца. Он основал или же расширил дом «невест Солнца», которые должны были также прислуживать в национальной святыне страны.

Если его отец дал жизнь нескольким дюжинам законных, но прежде всего незаконных детей, Льоке Юпанки долго оставался бездетным. Он даже не вступал в официальный брак и жил лишь с женщинами из своего гарема. То обстоятельство, что он не подарил государству наследника трона, вероятно, очень огорчало Льоке Юпанки. Не случайно авторы хроник характеризуют третьего Инку как человека печального, погруженного в свои мысли меланхолика. Лишь достигнув почтенного возраста, он, по совету прорицателей, ввел наконец в дом койю. Его избранницей была дочь главы общины в долине Куско, носившая имя Мама Кауа (Рассудительная Женщина). Ей удалось разжечь мрачного, погруженного в себя «безразличного человека». Так в Тауантинсуйу (как это государство стало называться позже) родился «дофин» — принц Майта Капак.

Если Льоке Юпанки на первый взгляд производил впечатление сдержанного, замкнутого человека, жившего больше для себя, чем для окружающего мира, то Майта Капак был тверд и властолюбив. Вместе с тем окружающих подкупали его обаяние и светское поведение. Майта Капак — первый Инка, создавший культ ис-

ключительности Инки. Так, например, он акцентировал «тезис» о том, что «сыновьям Солнца» вследствие их божественного происхождения принадлежит право господствовать над всеми людьми в Перу. Именно им, поскольку они стоят выше всех.

В годы правления Майта Капака инкам, «наделенным божественным правом завоевателей», удалось установить полное господство над долиной Куско. Они сделали всех ее жителей «гражданами» одного, теперь уже более монолитного государства. Один из американских историков справедливо заметил, что только начиная с периода правления Майта Капака «мы можем говорить о подлинном народе инков».

Таким образом, Майта Капак явился создателем государства инков. И хотя древние перуанские источники не слишком много сообщают о «творце народа» «сыновей Солнца», тем не менее в сохранившихся до наших дней хрониках этот человек обычно характеризуется как незаурядный, наделенный почти сверхчеловеческими способностями и гениальностью. О деятельности же его они не пишут почти ничего. Любопытно, что все источники единодушно утверждают, будто Майта Капак при рождении имел почти все зубы. В годовалом возрасте он был такого же роста и веса, как восьмилетние дети. А когда ему исполнилось года два-три, он мог помериться силой со взрослыми юношами.

Юный Геркулес Перу отличился еще при жизни отца, Льоке Юпанки, во время опасного заговора уже упоминавшихся «черно-белых» индейцев племени алькауса. Тогда десять наиболее обученных воинов этого племени проникли во Двор Солнца, чтобы убить Инку и его сына. Если Льоке Юпанки не оказал вторгшемуся врагу никакого сопротивления, то юный Майта Капак вместе с двумя товарищами смело противостоял захватчи-

кам и в одно мгновение уничтожил весь отряд алькауисов.

Урок, полученный Майта Капаком в схватке с «черно-белыми» агрессорами, засел у него в памяти. Поэтому позже, когда он взял бразды правления в свои руки и вступил во владение Куско, одной из первых его акций было военное подавление индейцев этого племени.

Майта Капак окончательно подчинил своей власти все остальные племена, населявшие долину Куско и до тех пор сохранявшие независимость от «сыновей Солнца», сосуществуя с ними на основе *modus vivendi*, соблюдаемого Синчи Рока и Льоке Юпанки.

Майта Капак раз и навсегда покончил с эрой «мирного сосуществования» различных этнических групп в долине Куско. Посредством военных походов – иначе говоря, с помощью силы – он постепенно подчинил и все крошечные индейские государства. Всех их членов четвертый Инка сделал «гражданами» своей империи. Этим гражданам, между прочим, пришлось полностью принять правила игры, навязанные им инками. Тот, кто был с этим не согласен, жестоко наказывался. В подземелье своего собственного дворца Интиканча Майта Капак приказал оборудовать настоящую камеру пыток, называвшуюся Санкауаси. Именно здесь с помощью орудий пыток истязали вождей и сановников племени алькауиса, того самого племени, которое во времена молодости Майта дерзнуло организовать против «сыновей Солнца» опасный заговор.

Майта Капак, который в интересах своего государства столь успешно осуществил объединение как своих собственных, так и чужеземных подданных, ныне жестко проводил политику единственной веры. Именно он начал твердо насаждать культ бога-Солнца, именно с его именем связано и восстановление культа одноименного символа

Солнца – золотого сокола Инти, доставленного в свое время в Куско Манко Капаком.

Существовало мнение, что золотой сокол инков обладал даром провидения; он давал своему хозяину множество ценных советов, «предсказывал» ему будущее и, что было особенно важно, предупреждал об успехе или же неудаче подготавливаемых Майта военных походов.

Инка Майта Капак, придававший столь большое значение единой, «солнечной» идеологии своего государства, был убежден в том, что только эта государственная религия более, чем мощь его оружия, способна объединить души и мысли подданных. Он понимал также, что государству необходим человек, который будет блюсти развитие этого религиозного культа. Если предшественники Майта Капака – первые Инки (Манко Капак, Синчи Рока, Льоке Юпанки) – сами являлись верховными служителями культа Солнца, то Майта первым учредил специальную должность Верховного жреца в государстве – должность Вильяка Уму. Эту функцию высшего «идеолога» и «папы» Тауантинсуйу он передал своему старшему сыну. Тот, выполняя волю отца, создал большой аппарат высшего и низшего духовенства, в обязанности которого входило распространение культа бога Инти и тем самым распространение учения об исключительности инков – кровных сыновей священного Солнца. Насаждая это учение, в том числе и среди тех жителей империи, которые до недавнего времени не принадлежали к числу инков, духовенство стремилось показать, что именно божественное происхождение дает инкам – «сыновьям Солнца» – полное право владычествовать над всеми другим народами, а в будущем, возможно, и над всем миром. Майта Капак стал первым Инкой, который начал успешно осуществлять эту идею. В представлении инков, мир, ко-

торый должен был им по праву принадлежать, все больше и больше расширялся.

До начала царствования Майта Капака мир инков ограничивался лишь границами долины Куско. Очевидно, Майта Капак первым перешагнул через эти рубежи. Авторы некоторых древнеперуанских хроник, в частности самый известный из них, Гарсиласо де ла Вега, утверждают, что четвертый Инка совершал большие военные походы. Если бы так было на самом деле, то Майта Капак оказался бы на расстоянии сотен километров от Куско, то есть там, откуда, если верить легенде, некогда отправился в путь его прадед Манко Капак. Что касается мнения автора настоящей книги, то он полагает, что походы за границы долины Куско начали предпринимать лишь преемники Майта Капака.

Впрочем, если мы признаем за Майта Капаком лишь военные успехи на территории долины Куско, а расширение границ империи за пределы долины Куско (видимо, это будет более справедливо) припишем его преемникам, то даже тогда мы отнюдь не преуменьшим заслуг этого предприимчивого твердого человека перед империей. Ведь именно он не только овладел всей долиной Куско (мы намеренно подчеркиваем слово «всей»), но и внес свою лепту в создание национального единства «сыновей Солнца», сделав всех (на этот раз акцент на слове «всех») столь разнородных в этническом отношении жителей «гражданами» единого, общего государства. Начиная с Майта Капака мы по праву можем говорить не только о государстве инков, но и о народе инков.

IV. Капак Юпанки, или На тропе войны

Майта Капак объединил народ инков. Однако владения четвертого Инки по-прежнему ограничивались долиной Куско. Именно границы этой долины и являлись границами местопоселения народа инков. Преемникам Майта Капака, если они хотели содействовать росту могущества и славы своего государства, не оставалось ничего другого, как «перейти Рубикон», то есть выйти за пределы своей родной долины и вторгнуться в соседние долины, на ближние и отдаленные территории, принадлежащие другим племенам индейцев Анд, до тех пор сохранявшим свою независимость от инков.

Военную экспансию за границы своей — хотя и обширной — долины впервые предпринял пятый Инка — сын Майта Капака — Капак Юпанки. Следует отметить, что первоначально преемником Майта Капака должен был стать его перво-

родный сын, названный по отцу Майта. Однако, как утверждают, у него было крайне некрасивое лицо. Да и фигура его будто бы тоже была безобразна. В силу этого отнюдь не политического, а, скорее, эстетического обстоятельства четвертый Инка и сделал своим преемником непервородного сына — Капака Юпанки. Разумеется, принц Майта отнюдь не был в восторге от этого столь оскорбительно-го для него решения отца. Тем не менее Майта Капак заставил его публично присягнуть своему младшему брату Капак Юпанки, признав его будущим правителем государства. Некрасивый принц Майта, как говорят, действительно принес присягу. Таким образом, обычно столь щекотливый для Тауантинсуйу вопрос о том, кто же из сыновей владыки станет будущим Инкой, на этот раз, к счастью, был решен без открытого столкновения.

Сосуд в виде головы инкского воина в шлеме из шерсти ламы. (Ныне хранится в Музее народоведения в Берлине.)

Пятый Инка, Капак Юпанки, выполняя волю отца, предпринял ряд военных походов за границы долины Куско. Нам неизвестны все эти походы. Однако мы знаем, что вместе со своими воинами он оккупировал долину Юкай. Успехом завершилась также и его война с городами Куюмарка и Анкасмарка, не принадлежавшими до той поры инкам. Капак Юпанки сам командовал своими армиями.

В отсутствие Капака Юпанки все государственные дела вел один из его братьев, Тарко Уаман, находившийся в Куско. А поскольку он был отличным воином, на его плечи ложилась и защита растущей столицы в случае возможной военной угрозы. И действительно, несколько горных индейских племен решили напасть на Куско. Организаторами этого нападения, видимо, были индейцы антауалас. Впрочем, благодаря хорошо организованной и очень густой сети шпионов — шупалец Тауантинсуйу, — охватывающей и территории, до тех пор не принадлежавшие инкам, Капак Юпанки вовремя узнал о готовящемся нападении врагов «сыновей Солнца». Он опередил врага, напал на него неожиданно, нанеся ему тяжелый урон, после чего сам вторгся на его собственную территорию.

Враги инков, потерпев поражение, тем не менее позже все-таки вновь выступили против Куско. Им удалось даже захватить Уанакаури, святыню «сыновей Солнца», — место, где некогда во время исторического путешествия, предпринятого Манко Капаком и его дружиной в поисках земли обетованной, погиб один из айяров.

Отвоевав обратно Уанакаури, Капак как следует рассчитался с врагами своего государства. В страшном побоище он уничтожил до шести тысяч вражеских воинов. Впоследствии побежденные стали вассалами империи инков.

Во время правления Капака Юпанки были установлены дружественные отношения между инками, относившимися к той части индейцев, потомков которых мы ныне называем кечуа, и кечуа в собственном смысле слова, жившими в ту пору не в Куско, а на северо-запад от «пу-па мира». Родной язык этих индейцев, их племенной диалект, позднее стал государственным официальным языком империи инков.

Наряду с победами, одержанными на «международной арене», наряду с укреплением дружественных отношений с кечуа, наряду с военными победами над различными группами индейцев Перу Капак Юпанки успешно действовал и у себя дома, то есть в Куско. Так, хронисты чаще всего упоминают о том, что он покинул Интиканчу – дворец, в котором родился и в котором со времени легендарного основателя династии Манко Капака жили все правители государства. Само название этого места – Двор Солнца – говорит о том, что здесь также находилось и главное святилище национального бога инков – Инти, то есть Солнца.

По решению Капака Юпанки Интиканча (именуемая теперь Кориكانча) впредь должна была принадлежать лишь одному Солнцу. Пятый Инка перестраивает Двор Солнца в Куско, делает из него великолепный национальный храм империи и одновременно императорский пантеон. Для себя же Капак Юпанки строит новый роскошный дворец, новую канчу. Впоследствии его преемники, все последующие Инки, стали возводить для себя подобные дворцы.

Новую резиденцию Капак Юпанки приказал построить выше, у брода через реку Уатанай, в том самом месте, которое алькаусы, правившие здесь ранее, называли Пукамарка. Факт этого переселения владык из Интиканчи в Пукамарку часто упоминается инками в их историях.

А поскольку владыки поселились «выше», то отсюда и пошло разделение правителей на «правителей из Нижнего Куско» (Хурин Коско, то есть с первого до четвертого Инки) и «правителей из Верхнего Куско» (Ханан Коско – Капак Юпанки и последующие главы государства).

Капак Юпанки, по-видимому, в отличие от большинства Инков имел двух законных супругов. Вначале это была Чимбо Мама, однако она будто бы сошла с ума. Инка отрекся от душевнобольной жены и взял себе в жены дочь правителя крупного города Айярмака – красивую Куриильпай. От этого брака родилось много сыновей, поэтому, как всегда бывает в таких случаях, когда дело дошло до выбора претендента на королевский трон в Куско, возникла проблема, кого же из этих многочисленных претендентов сделать новым Инкой.

В конце концов новым главой государства стал Инка Рока. Некоторые историки утверждают, что он добился этого с помощью своего рода дворцового переворота. Впрочем, наши сведения об этом периоде в истории Перу весьма туманны. Странную, прямо-таки загадочную роль во всем этом деле сыграла одна из побочных жен Капака Юпанки, которая впоследствии, возможно, стала любовницей или даже женой его собственного сына и которая в совершенстве владела искусством дворцовых интриг, политической кинжала, яда и коварства. Многие исследователи полагают, что Капак Юпанки на самом деле умер насильственной смертью, будто бы он был отравлен ядом. Не исключено, что предполагаемое убийство короля было делом рук одной из представительниц правящей семьи – Кусичимбо. Она же, видимо, и помогла принцу Рока стать новым правителем государства. Впрочем, все это одни лишь догадки. Наверное же известно лишь то, что этот самый Рока отвое-

вал трон Куско у нескольких законных претендентов.

Инка Рока очень рвался заполучить самую высокую должность в империи. Не случайно именно он первым из правителей Тауантинсуйу присоединил к своему имени титул «Инка». Он-то и стал первым, кто начал официально использовать этот столь импонирующий титул. В то время как во главе соседних племен и мини-государств индейцев находились синчи или же кураки, то есть попросту начальники, то жителями Тауантинсуйу управлял не кто иной, как человек, носивший титул «великий господин» или же «владыка» (в Европе бы ему, пожалуй, соответствовал аналог «король» или даже «император»). Таким образом, вместе с шестым Инкой мы вступаем в эпоху индейских королей.

V. Инка Рока, или Стремление к величию

Шестого правителя Тауантинсуйу – Инку Рока – ничто не волновало столь сильно, как культ его собственного величия и исключительности. Теоретическому обоснованию и насаждению этого культа он уделял все свое внимание. Именно поэтому период правления шестого короля Куско можно определить как эпоху поисков абсолютного величия.

Инка Рока чрезвычайно пестовал свое величие. Как никто иной из его предшественников, он требовал от подданных, чтобы они как можно более красноречиво демонстрировали ему свое почитание. Он полностью сосредоточился на собственной персоне, на своем величии. Только величие Рока любил в полном смысле этого слова. Впрочем, любил он также и роскошь, дворцовое великолепие, бывшее атрибутом и отражением

его величия. Поэтому он устраивал большие приемы и возлияния. И даже жен у него было больше, чем у предыдущих Инков.

Однако всем увеселениям, всем женщинам и всем бесконечным попойкам он предпочитал культ собственной персоны. Именно он первым из владык Тауантинсуйу стал требовать, чтобы Инкам уже при жизни оказывались такие же почести, какие воздавались одним лишь богам. Рока также первым стал требовать, чтобы «граждане» его империи представляли пред своим повелителем, склонив голову или же на коленях, чтобы они были босы и обращались к владыке тихим, покорным голосом.

Чтобы подчеркнуть исключительность владык Тауантинсуйу, бывших благодаря Манко Капаку прямыми потомками Инти – бога-Солнца, Инка Рока чрезвычайно возвеличивал Солнце, своего великого предка. Следуя этой логике, он подавлял и должен был подавлять поклонение богу-творцу Виракоче, почитаемому в ряде областей Перу как верховное божество.

Помимо всего прочего, Рока явился создателем уникального института инков – так называемой «панакис». Все потомки Инков принадлежали к одному королевскому роду – капак айлью. Кроме того, со времени правления Рока потомки каждого из умерших Инков относились к роду этого Инки. Эти родовые объединения кровных родственников умерших владык – «панакис» – обязаны были заботиться о мертвом предке, об усопшем и ныне мумифицированном владыке. Так, они должны были кормить его мумию, одевать ее, устраивать для нее празднества, нанимать для мумии слуг, следить за домом, в котором находится мумия, и так далее. Первым, кто создал эти панакисы, кто стал культивировать поклонение умершим владыкам, их обожествление, был Рока. Так, например, он

категорически наказал одному из своих сыновей, чтобы тот после его смерти заботился о его мумии, кормил ее, одевал и развлекал.

Рока, который придавал столь большое значение тому, кто и как будет ему прислуживать после смерти, и голова которого была занята тем, что станет с его мумией, уделял чрезвычайно мало внимания такому важнейшему для империи вопросу, как обеспечение ее безопасности и независимости. Между тем у Тауантинсуйу все еще и теперь было немало врагов. Вблизи ее границ точили мечи опасные и могущественные чанки, с которыми несколько позже империя сразится в роковой битве; она будет иметь для нее решающее значение.

Вместо правящего Инки дело защиты империи, а также руководство военными походами за ее границами, то есть военной экспансией «сыновей Солнца», взяли в свои руки другие члены королевской семьи. Одаренные воины, хорошие стратеги и тактики, они твердо верили в историческую миссию своего рода, своего народа. Они были одержимы воинствующим национализмом инков, у истоков которого стоял дед Рока – Майта Капак.

В истории империи особенно прославились два полководца, впоследствии также преданно служившие и преемникам Рока, – это генералы Викакирао и Апо Майта. Так, Апо Майта от имени Рока подавил большой мятеж индейцев маска, во главе которого стоял их военачальник Уаси Уакоу. Впоследствии пленного Уаси Уакоу генерал Апо Майта в составе торжественной процессии доставил в Куско, с тем чтобы там его, побежденного, продемонстрировать жителям столицы империи, а заодно предостеречь других потенциальных врагов Тауантинсуйу: так случится с каждым, кто осмелится противопоставить себя военной мощи крепнущего государства «сыновей Солнца».

Триумфальный прием, оказанный инкским народом в Куско своим победоносным войскам, очень напоминает то, как встречали своих доблестных полководцев и их легионы жители античного Рима. Вместе с тем это является несомненным подтверждением того, сколь высоко и сильно уже тогда, во времена Рока, полыхал огонь национализма инков и сколь глубоко – даже у рядовых граждан государства инков – укоренилась убежденность в исторической миссии их народа, в абсолютной правомерности завоевательных походов, территориальной экспансии их империи.

Завоевательные походы за пределы Тауантинсуйу следовали один за другим. Так, были покорены не принадлежавшие до этого инкам города Муйна и Пинауа. В военных операциях инков участвовали и индейцы из крупных племен капа и канса. Генералы инков, видимо, уже заранее готовились к предстоящим сражениям с воинственными чанками, более чем кто-либо препятствовавшими реализации стремлений «сыновей Солнца» к господству над обширными просторами Центральных Анд.

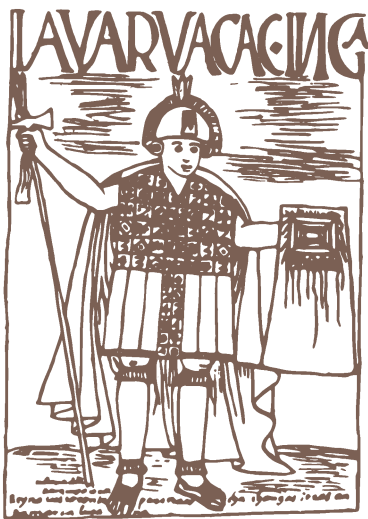
В то время как Апо Майта и генерал Викакирао вместе с другими офицерами, а также многочисленными соединениями вооруженных сил бдительно стояли на страже государства, а нередко и проливали свою кровь на полях сражений в Андах, Инка Рока по-прежнему предавался поискам максимального величия, с не меньшим усердием наслаждался он упоительной праздностью и роскошью.

Владыка распорядился построить для себя в Куско новый великолепный дворец, назвав его Коракора. По соседству с ним он приказал построить и первую в империи школу, предназначенную для привилегированного сословия. Эта школа представляла собой некое подобие университета инков – «ячауаси» (буквально: «дом образования»), в котором сы-

новья Инки, а также другие представители господствующего класса должны были получать все необходимые знания, учиться искусству управления. Изучая историю и религию, а также легенды о «сыновьях Солнца», они должны были утверждаться в представлении об исключительности своего рода.

Теоретик и практик величия и исключительности Инков, создатель первого учебного заведения для знати Куско, создатель дворца Коракора – Инка Рока дожил до весьма почтенного возраста. Как утверждают, он правил своим народом на протяжении целых 60 лет. Своим преемникам он оставил в наследство империю, территория которой значительно увеличилась в результате завоевательных походов его талантливых генералов. Помимо необычного титула «Инка», Инка Рока оставил прежде всего разработанное во всех деталях учение об исключительности, прямо-таки сверхъестественном величии Инков, – учение, которое могло стать, и действительно стало во время правления Пачакути, философской основой захватнических устремлений инков.

VI. Яуар Уакак, или Кровавые слезы

Будучи уже в преклонном возрасте, Инка Рока женился на Мама Микай, дочери правителя города Уайлякана, которая, впрочем, ранее была обещана вождем аймара – чрезвычайно воинственному Токай Капаку. От этого брака родилось много сыновей. В их числе был и принц Тито Куси Уальпа, ставший позднее седьмым Инкой Тауантинсуйу. Впрочем, в историю Перу он вошел под совсем другим именем, а именно как Яуар Уакак – Плачущий Кровью.

Яуар Уакак пробыл на троне Инков совсем недолго. Умер он довольно молодым, поэтому и вошел в историю империи юным, очень юным. Впрочем, и прославился он не совсем обычным образом, собственно говоря, благодаря не столько своим личным заслугам, сколько тому самому начальнику Токай Капаку, которому вначале была обещана его мать – прелестная Мама Микай, впоследствии вышедшая замуж за совсем друго-

го человека – шестого владыку Тауантинсуйу, Инку Рока.

Отвергнутый, оскорбленный до глубины души Отелло из Уайлякана готовился к отмищению. И действительно случай представился через несколько лет. Как ни странно, в этом деле ему пришли на помощь (притом без особого на то основания) близкие родственники жены Инки. Индейцы из Уайлякана пригласили к себе тогда восьмилетнего принца, с тем чтобы через его особу символически вернуть свои земли и собственные судьбы «сыновьям Солнца». В знак того, что будто бы хотят официально признать и подчиниться Куско.

Инка Рока, разумеется, не усмотрел ничего подозрительного в приглашении, присланном ему родственниками жены. Поэтому он и отправил своего восьмилетнего сына в Уайлякан в сопровождении многочисленной личной охраны. Однако сразу же после прибытия в город, из которого происходила жена владыки, на процессию напали местные воины. Охрана принца в этой схватке была изрублена коварными хозяевами. И лишь один Тито Куси Уальпа был отдан живым в руки в свое время отвергнутого Токай Капака. Когда принц предстал перед своим тираном, он неожиданно заплакал кровавыми слезами.

Здесь индейцам никогда ранее не доводилось видеть человека, в сущности еще ребенка, который бы плакал кровавыми слезами, поэтому, вполне естественно, они восприняли кровавые слезы молодого принца как особое знамение или же предостережение. Именно поэтому Токай Капак в конце концов юного узника не убил, а всего лишь приговорил к пожизненной ссылке в горы своей страны к пастухам лам.

Там в окружении горных стад юный принц действительно провел долгие двенадцать месяцев. Позднее над маленьким узником сжалась одна из по-

бочных жен Токай Капака. Она спрятала похищенного узника в своем родном городе Анта, где правил ее отец. Индейцы анта оказали будущему Инке воистину королевский прием. Тито Куси провел среди гостеприимных индейцев в Анта еще целый год.

К тому времени до Куско дошло известие о том, что похищенный сын Инки в действительности не убит, как думали, а только осужден в Уайлякане на ссылку, из которой он бежал, и что теперь он будто бы живет в Анте. Тогда Инка Рока направил в страну этих индейцев своего шпиона, переодетого попрошайкой. Тот подтвердил, что так и есть на самом деле. Правитель Куско послал к антам на сей раз уже не шпиона, а официальное посольство с множеством дорогих подарков. Анты не приняли дары, а вместо этого попросили Рока, чтобы он позволил им стать полноправными членами его народа. Владыка согласился. Вот почему анты вошли в историю Тауантинсуйу как первое индейское племя, которое добровольно присоединилось к «сыновьям Солнца» и стало, таким образом, составной частью народа инков. Позднее подобным образом поступали многие другие перуанские племена. Анты же фактически были первыми из них.

Возвратясь в Куско, Тито Куси Уальпа стал править вместе со своим отцом, которого, впрочем, ничуть не интересовали дела государства. В память о происшедшем удивительном событии Тито Куси Уальпа стали называть не иначе, как Яуар Уакак, то есть Плачущий Кровью. Как ни странно, именно Яуар Уакак, недавний узник Токай Капака, мирным путем разрешил столь опасный для империи «сыновей Солнца» конфликт с ее могущественным соседом. Он, которого правитель Уайлякана хотел убить, теперь взял в качестве официальной жены родную дочь Токай Капака — Мама Чикльо! В свою очередь недавний за-

клятый враг «сыновей Солнца» Токай Какак вступил в законный брак с принцессой инков Кури Окльо.

Дипломатические браки, заключенные по инициативе Яуар Уакака, упорядочили столь важные отношения между «сыновьями Солнца» и индейцами Уайлякана. Присоединение антов к инкам еще более упрочило стратегическое положение Тауантинсуйу среди наиболее крупных индейских группировок и государств Сьерры (в их числе должны быть названы прежде всего воинственные, непрерывно крепнущие чанки). В этой ситуации при неясных обстоятельствах (автор хроники Сьеса де Леон утверждает даже, что Яуар Уакак был убит) на трон вступает один из трех законных сыновей Инки Плачущий Кровью — принц Атун Тупак Инка. По стечению обстоятельств это был самый молодой из трех полноправных преемников покойного. Атун Тупак Инка утверждал, что будто бы во сне ему явился бог Виракоча с большой окладистой бородой, столь необычной для индейцев, и попросил его о том, чтобы именно он унаследовал от отца регалии Инков. В связи с этим принц и принял имя этого древнеперуанского бога-творца. Принц провозгласил и еще кое-что. Виракоча ему будто бы также сказал, что только от него, от его действий и его военных походов зависят судьбы Тауантинсуйу.

Сон остается сном. Правдой же было то, что Инка Виракоча на протяжении длительного времени весьма усердствовал при выполнении предполагаемого божьего повеления предпринять дальнейшую военную экспансию империи. Впрочем, вначале ему пришлось заняться умиротворением своих же собственных подданных, поскольку, как только он впервые покинул Куско, в городе сразу же вспыхнул мятеж против нового Инки. Под предводительством других сыновей Яуара Уакака, столь безуспешно претен-

довавших на отцовский трон, мятежники отказались признать принца Атун Тупака Инку новым Инкой, называя его неправомочным узурпатором королевского престола.

Повстанцы убили брата Виракочи, Року (II), управлявшего городом в отсутствие владыки. Заодно они без всякого на то основания убили ни в чем не повинных наложниц правителя. Виракоча, возвратившись в Куско, в свою очередь уничтожил всех, кто покушался на его жизнь, и в империи наконец воцарился мир. Если вообще можно соотносить это прекрасное слово со столь жестокими историями.

Подавив мятеж внутренних врагов своей власти, Инка Виракоча принялся и за внешних противников «сыновей Солнца». Так, он овладел важным городом Калькой над рекой Урубамба, окончательно покорил и присоединил к Тауантинсуйу город Муйну, игравший в ранний период экспансии инков исключительно важную стратегическую роль. После захвата города Муйны, расположенного к югу от Куско, Инка Виракоча устремился еще дальше на юг и юго-восток. Он окончательно присоединил к империи три здешних больших индейских племени: чавин, чанка и, наконец, кану. Кану добровольно подчинились владыке, убедившись в том, что сопротивление их соседей экспансии инков оказалось безрезультатным.

За границами страны канов начинались уже владения государств колья (или, как мы называем их сейчас, аймара). Эту обширную территорию, расположенную на юге нынешнего Перу, а также на плоскогорье Альтипано в Боливии, доколумбовы индейцы Южной Америки называли Кольясуйу (или же Колья). В Кольясуйу во времена Инки Виракочи существовал ряд государств или же племенных союзов аймара. К их числу относились, в частности, Кильяка, Омасуйу,

Кольяуйяна, Пакаса и Убина. Самыми могущественными из них были государства: Колья со столицей Хатун-Колья и Лупака со столицей Чукито. Только эти два королевства могли подчинить себе все остальные и создать здесь, около озера Титикака, всеаймарскую империю.

Во времена правления Виракочи оба королевства Колья искали случай нанести друг другу сокрушительный удар. Для осуществления этого замысла им были нужны подходящие союзники. Правители обоих аймарских государств – как Кари из Лупака, так и Сапана из Колья, – естественно, обратились в Куско с просьбой об оказании им помощи. Они предложили заключить союз как для обороны, так и для нападения. Инкам подобное предложение показалось чрезвычайно заманчивым, так как оно давало им надежду проникнуть во владения колья, далеко на юг Перу и еще дальше на территорию нынешних Боливии, Чили и Аргентины. Поскольку правителя государства Лупака – Кари – они считали более сильным в военном отношении, то именно с ним они и заключили договор о союзнничестве и военном сотрудничестве. Одновременно Виракоча направил к озеру Титикака свои войска, чтобы оказать военную помощь новому союзнику инков в Лупаке.

О заключении союза двух против третьего правитель государства Колья – Сапана, то есть третий, – узнал вовремя. Поэтому он решил опередить врагов, напав со своими войсками на Лупаку, где правил Кари. Его нападение, однако, было отражено, а сам он понес огромные потери. Армия Кари в свою очередь перешла в контратаку, достигла столицы вражеского государства Хатунколья, разграбила ее и затем присоединила территорию побежденного королевства Сапана к своему государству.

Инки появились на поле боя уже тогда, когда сражение аймара было закончено.

Дружественное отношение «сыновей Солнца» к победившей Лупаке Виракоча вновь скрепил очередным договором. Несмотря на то что «сыновья Солнца» не приняли непосредственного участия в боях, тем не менее им удалось во времена правления седьмого Инки вновь проникнуть к священному озеру, от берегов которого их легендарный предок Манко Капак некогда начал свой путь в Куско. Выход к стране аймара, несомненно, явился кульминационным пунктом обширных военных акций Виракочи, его стремления к экспансии и расширению территории государства «сыновей Солнца».

Долгие годы военных действий, военные походы по дорогам и бездорожью Перу сильно утомили Инку, поэтому, будучи уже в преклонном возрасте, он поручил защиту государства от внешних врагов военачальникам Тауантинсуйу, то есть тем самым талантливым генералам Апо Майта и Викакирао, которые служили еще и при его отце. Сам же владыка уединился в маленьком интимном раю, который он построил для себя, для койи Мама Рунту (Кайя), а также для своих многочисленных побочных жен в Писаке, удивительно красивом месте, которое и сейчас производит буквально магическое впечатление (во всяком случае, именно такое впечатление вынес и автор этой книги, когда впервые посетил этот мир, по-прежнему принадлежащий индейцам).

В Писаке, высоко над самим городом, Виракоча велел построить хорошо укрепленное «орлиное гнездо», которое он назвал Хакихауана. Только здесь владыка чувствовал себя в полной безопасности и совершенно счастливым. Именно здесь он наслаждался обществом своего самого любимого сына Уркона, которого он назначил преемником и который еще при жизни Виракочи правил вместе с ним. Инка Уркон, ныне официальный соправитель Тауантинсуйу, по утверждению,

например, хрониста Сармьенто, был незаконнорожденным сыном. Дитя, возникшее от большой любви, связывавшей Виракочу с одной из самых красивых наложниц его двора, молоденькой девушкой по имени Кори Чульпа. Кори Чульпа имела столь большое влияние на влюбленного в нее правителя, который был более чем на пятьдесят лет старше ее, что Инка в конце концов полностью игнорировал законных сыновей и назначил преемником Уркона.

Как почти всегда бывает в таких случаях, и на этот раз отсутствие в Тауантинсуйу четких и ясных законов о престолонаследии, о назначении будущего Инки империи отрицательно отразилось на внутренней стабильности государства. К тому же юный Уркон еще при жизни отца официально носивший титул «Инка», куда более, чем делами государства, интересовался женщинами, поставляемыми империей на его двор. Иными словами, как утверждают, его влекла лишь эротика. Вот почему ни самого Уркона, ни его стареющего отца не устраивала жизнь в сердце империи, в Куско, где их окружали, а на деле обременяли многочисленные государственные обязанности, сопутствующие их статусу Инки. Поэтому Уркон и предпочитал проводить все время с женщинами из своего большого гарема во дворце Хакихауана, расположенном в горах.

Здесь в укрепленном дворце в Писаке (а может быть, и в Кальке), где находился другой уединенный приют наслаждений, и укрылся Инка Уркон. Вообще-то, если говорить честно, он просто-напросто сбежал, когда однажды фортуна повернулась спиной и в ворота империи, — империи, которая до сих пор лишь нападала сама и которая отодвигала свои границы во всех направлениях все дальше и дальше от Куско, вдруг совершенно неожиданно стали рваться чанки.

VII. Война с чанками

Чанки во многом были похожи на тех, кого они теперь хотели уничтожить, — на инков. Так же как и «сыновья Солнца», чанки пришли в центральную область Анд с берегов большого озера Чоклокоча (дословно: «кукуруза»), простиравшегося на западе нынешнего перуанского департамента Уанкавелика. От Чоклокочи чанки, опять-таки как и инки, после ряда остановок проникли в одну из горных долин Центральных Анд, где подчинили себе жившие здесь индейские племена, а затем сделали эту Андауальяс, что дословно означает «долина медных лугов», центром своего могущества — так, как это сделали некогда «сыновья Солнца», превратив долину Куско в сердце своего государства.

Агрессивные чанки — опять так же, как и инки, — силой, то есть военным путем, постепенно подчиняли своей власти все новые и новые племена. Воинственные

чанки иногда даже сгоняли некоторые индейские племена с их родных мест. Здесь было бы уместно напомнить об одном племени, которое особенно сильно испытало на себе власть чанков, — это племя кечуа. Само название «кечуа» можно было бы перевести как «люди из теплой долины». Дialect «людей из теплой долины» являлся вариантом языка, используемого очень многими племенами, жившими в горах около Куско. Именно этот диалект и стал в Тауантинсуйу государственным языком, позднее он стал насаждаться и среди других народов, находившихся в подчинении у инков, пока постепенно не превратился в самый распространенный язык индейцев не только в Перу, но и во всей Южной Америке, — язык, который и поныне используется на всей территории от Эквадора до Аргентины.

Исконные носители кечуанского языка, то есть кечуа в истинном смысле слова, по стечению обстоятельств и стали первой жертвой экспансии чанков. Исконная территория кечуа — субтропическая долина около города Абанкай (отсюда и их название — «люди из теплой долины») — была оккупирована чанками, населявшие ее жители утратили свою независимость. Оставшаяся часть племени ушла из области Абанкай и присоединилась к инкам. Позднее они полностью перешли под защиту «сыновей Солнца», пока наконец окончательно не растворились в народе инков.

Агрессивные чанки, захватив страну исконных кечуа, тем самым вышли непосредственно к границам государства инков, также непрерывно разраставшегося благодаря экспансии. Было лишь вопросом времени, когда обе силы столкнутся в решающей битве, — в битве, от исхода которой зависит, кто же из этих двух соперников станет полновластным хозяином во всей области Центральных Анд.

Было очевидно также, что в выигрыше останется тот, кто нанесет первый удар. Как раз в это время некогда столь активный правитель инков Виракоча спокойно доживал последние годы в тишине своего горного «Эрмитажа». Тот же, с кем он официально делил власть и кто с его согласия уже действительно находился вместе с ним на троне «сыновей Солнца», – молодой Уркон – интересовался лишь одним: девушками, девушками и еще раз девушками – и ничем другим.

В Тауантинсуйу, управляемом в тот период двумя владыками, чрезвычайно мало интересующимися делами государства, никто и не помышлял о начале борьбы, об объявлении войны. В крепнувшем государстве чанков в это же время господствовали совсем другие отношения: два наиболее крупные деятеля, два «консула» чанков, – Асту Уаранка и Томай Уаранка – полагали, что мощь их народа теперь уже настолько укрепилась, что ни Куско, ни государство «сыновей Солнца» в целом не в состоянии ей противостоять.

Чанки явно принимали в расчет и недостатки тогдашнего руководства государства Тауантинсуйу, обусловленные полным отсутствием интереса к делам империи у обоих глав государства: очень старого Виракочи и очень молодого Инки Уркона, бывшего к тому же совершенно неопытным в военных делах. И Асту Уаранка, и Томай Уаранка поняли, что настало время нанести смертельный удар «сыновьям Солнца». Вот почему и был отдан приказ о походе на Куско.

Перед тем как выступить, чанки прежде всего украсили мумию основателя своего государства Ускоуилька (Дикая кошка). Облаченную в золотое одеяние, украшенную изумрудами мумию положили на носилки и понесли во главе огромного войска. Так вместе с мумией и отправились в путь. Вне всякого сомнения, это было самое большое инкское

войско, какое когда-либо передвигалось по просторам индейской части Перу. Преодолев на пути к Куско крайне важный перевал Вильканого, имеющий ключевое значение, чанки настолько уверовали в успех начатого похода, что направили к инкам посольство, которое потребовало от «сыновей Солнца» ни больше ни меньше как полной и безоговорочной капитуляции. Инкам было предложено сложить оружие, сдать Куско и признать неограниченную власть чанков.

Неслыханный ультиматум, требование полной капитуляции «сыновей Солнца» вызвало во дворце Инки переполох. До смерти перепугались и стареющий Виракоча, и царствующий вместе с ним незаконнорожденный Уркон. Оба они и не помышляли об обороне Куско. В панике они спешно бежали из столицы империи вместе со своими приближенными, слугами и многочисленными женами, к которым оба – и отец и сын – всегда питали такую слабость. Все они укрылись в том неприступном, как они надеялись, горном гнезде над Писаком – в знаменитом дворце Хакихауана.

В Куско начался страшный переполох. И король, и большинство военачальников бросили его жителей на произвол судьбы. Тем не менее в городе осталась малочисленная группа членов правящего рода, отнюдь не помышлявшая о какой бы то ни было капитуляции и о бегстве из столицы империи. В эту патриотическую фалангу отважных входили и два, теперь уже очень старых, генерала – Апо Майта и Викакирао. В ее составе были также и все три законных сына Инки Виракочи: самый старший – Рока, затем величавый Тупак Уарочири, являвшийся в то время Верховным жрецом Храма Солнца в Куско, и, наконец, едва достигший двадцатилетнего возраста Куси Юпанки, высокоинтеллигентный юноша, находившийся до того периода в изгнании. В детстве он провел три года в Чита, где по прика-

зу Инки пас лам. Впрочем, сейчас, когда Куси Юпанки вернулся в Куско из своего недобровольного изгнания и когда городу угрожала непосредственная опасность от быстро продвигающихся чанков, он стал главным организатором обороны столицы Тауантинсуйу.

Это была, однако, нечеловечески трудная задача. В то время как у чанков «под ружьем» находилось, по утверждению авторов позднейших хроник, до 100 тысяч человек, Куско в этом гигантском хаосе мог выставить на поле боя едва ли 700 солдат. Вполне естественно поэтому, что Куси Юпанки обратился за военной помощью к союзникам своего государства. Однако многие из них, в том числе и те, кто жили в непосредственной близости к городу и формально на протяжении многих лет были подданными «сыновей Солнца», заняли выжидательную позицию. Вместе со своими воинами они наблюдали с окрестных гор за исходом борьбы между «Голиафами» чанков и «Давидами» инков.

Тем временем чанки во главе с мумией своего предка Ускоуильки подошли вплотную к городским воротам. Начался решающий штурм Куско. Вначале главный удар был направлен на предместье, на крайний квартал Кильисканча. Здесь борьба велась за каждый дом. Жители Кильисканчи под руководством своего начальника кураки Уаранки мужественно противостояли численно превосходящему противнику. Настоящие чудеса мужества проявила жена Уаранки – Чанан Кока, которая собственными руками убила несколько десятков воинов-чанков.

Бои развернулись и на склонах холма Карменка, находившегося на окраине города. В одной из этих схваток был тяжело ранен и генерал Апо Майта, столь долго и преданно служивший империи. На следующий день атакующие намеревались спуститься со склонов Карменка и

проникнуть непосредственно в центр Куско. Однако прежде, чем до этого дошло дело, Куси Юпанки нанес неожиданный контрудар, разрядивший критическую ситуацию, сложившуюся в столице государства. С горсткой своих самых преданных и самых отважных воинов он поднялся вверх по склону, прорвался к святому символу чанков – мумии их предка Ускоуильки, захватил ее и унес с собой в Куско.

Потеря мумии – этого небесного покровителя чанков – лишила их уверенности в победе. Они заколебались. После этого на окраине Куско началась настоящая резня, ставшая вскоре подлинной «Березиной» для чанков. В этом решающем столкновении пали тысячи, а может быть, и десятки тысяч воинов агрессора. Позднее инки не без основания переименовали это место в Яуарпампа – «Кровавое поле».

Потерпевшие поражение чанки в панике отступили из Яуарпампы, то есть «Кровавого поля», и были отброшены к их исходному лагерю в Ичупампе. На протяжении всех десяти километров, отделявших один лагерь от другого, воины Куси Юпанки преследовали бегущих солдат Асту Уаранки и Томай Уаранки, нанося чанкам все новые и новые удары.

Тогда-то и произошло то, что обычно происходит в аналогичных исторических ситуациях: увидев страшное поражение, нанесенное Куси Юпанки агрессорам, союзники и вассалы инков, а также вообще все «нейтралы» быстро изменили свою ранее выжидательную позицию, присоединились к войскам юного принца, чем сильно увеличили мощь армии инков. Куси Юпанки повел объединенное войско в новую атаку на чанков, укрывшихся в Ичупампе. Те начали быстро отступать, только возможно подтягивать военные подкрепления. Тем самым защищающийся стал нападающим. На этот раз битва приняла особенно затяжной харак-

тер. Однако и в этом бою молодому полководцу инков улыбнулась фортуна. Победа была на стороне «сыновей Солнца», один из двух вождей чанков – Томай Уаранка – пал, сраженный ударом каменного топора в висок; вечером того же дня погиб в бою и другой вождь племени – Асту Уаранка.

Битва у Ичупампы, несомненно, была самым кровавым сражением, которое когда-либо происходило в Южной Америке доколумбова периода. Как утверждают, в этой битве погибло 30 тысяч воинов Тауантинсуйу. Впрочем, эта часто приводимая цифра может оказаться и преувеличенной. Потери чанков были во много раз больше. Главный же итог поражения чанков у ворот Куско, а затем и их полного разгрома у Ичупампы заключался в другом: окончательно завершилась борьба за господство во всей области Центральных Анд. Победителями из этой борьбы вышли «сыновья Солнца». Это произошло четверть тысячелетия спустя после того, как первый Инка Манко Капак привел к Куско предков инков.

Итак, победа решила судьбу древнего Перу. Главным героем решающей победы инков стал молодой человек, которому его же собственный отец отказал в праве на трон. Этим героем был принц Куси Юпанки, защищавший свою страну действительно по собственной инициативе и на свой страх и риск. Те же, кто стоял во главе страны и кто должен был защищать и самое страну, и ее столицу, трусливо бежали из Куско.

VIII. Преобразователь Мира

Юный сын Виракочи, принц Куси Юпанки, вне всякого сомнения, спас Тауантинсуйу от полного уничтожения. Настало время, когда спаситель империи мог насладиться своим триумфом. Прежде всего, он еще раз унизил врагов «сыновей Солнца» – чанков, испивших уже свою чашу унижения на поле брани. Он превратил их мертвые тела в страшные военные трофеи, приказав содрать с погибших вождей побежденного народа кожу и набить ее горной травой. После этой процедуры тела покойников по приказу Инки были выставлены в Куско для всеобщего обозрения. Высушенные тела сановников чанков демонстрировались всем посетителям столицы империи для вполне понятного, хотя и молчаливого предостережения: «Так будет с каждым, кто осмелится встать на пути «сыновей Солнца» и их могущества».

Горькую чашу унижения пришлось испить до дна и отцу принца, Инке, отка-

завшему сыну в праве на трон, и его неродному брату, незаконнорожденному Уркону, который оттеснил Куси на задний план, пользуясь расположением Виракочи к его матери, наложнице Кори Чульпа.

Вся знать, собравшаяся в Куско, и в частности оба увенчанных лаврами генерала – Викакирао и Апо Майга, – Верховный жрец империи Тупак Уарочири, а также все остальные находившиеся в городе сыновья Виракочи избрали (!) новым Инкой спасителя империи принца Куси. Уркон – официальный преемник своего отца на троне Куско, правивший вместе с Виракочей, конечно, не хотел признать столь непривычные для Тауантинсу́йу демократические выборы владыки. Вместе с преданными ему войсками он двинулся из Писака на столицу государства. Однако в пути он был застигнут врасплох и, будучи никудышным солдатом, в первом же бою убит.

Победитель чанков подверг своего прославленного отца примерно тем же унижениям, что и поверженных врагов. Он пригласил Инку, находившегося до сих пор на троне, на свою коронацию. После церемонии принятия из рук Верховного жреца регалий владыки, состоявшейся в Храме Солнца, он заставил Виракочу на глазах собравшей толпы лечь прямо в пыль на главной площади Куско и просить у сына прощения! Затем Куси Юпанки протянул отцу грязную, вонючую посудину, в которую в домах Куско собирали испражнения, наполнил ее чичей и приказал Виракоче выпить содержимое «ночного горшка». Бывшему владыке государства пришлось выполнить все, что приказал ему сын. Униженный, он был потом помилован и получил возможность спокойно прожить последние годы жизни в своем деревенском дворце.

Впрочем, после смерти Инка Виракоча стал объектом такого же почитания и

обожествления, как и все другие покойные правители империи; его имя упоминается в описаниях истории мира, которые были созданы историками Тауантинсу́йу.

Отныне трон Виракочи долгие годы принадлежал Куси Юпанки. Интересно, что во время коронации девятый Инка вместе с королевскими регалиями принял и новое имя: Пачакути Юпанки (Пачакути в переводе означает примерно «преобразователь мира»). Нужно признать, что это имя оказалось более чем подходящим. Действительно, ни один Инка до Пачакути и ни один Инка после него не сделали столько для преобразования мира, страны «сыновей Солнца», отношений в империи, сколько сделал этот незаурядный человек. Из всех индейцев Южной Америки доколумбова периода, о жизни и деятельности которых нам известно, Пачакути, совершенно несомненно, был самой примечательной личностью.

Преобразователь Мира во многом оказал решающее влияние на историю своей империи. В первую очередь это касается военной области, то есть сферы экспансии империи. После разгрома чанков Тауантинсу́йу не имело больше сколь-нибудь серьезных конкурентов в Центральных Андах. На всем пространстве горного Перу никто не пользовался таким большим авторитетом, как инки. Все тамошние племена и этнические группы или вошли в состав их государства, или же в крайнем случае стали его вассалами. Опасность, угрожавшая империи «сыновей Солнца» со стороны чанков, теперь осталась позади. Впрочем, к югу от нее находилась еще одна относительно крупная империя. Это было государство Колья (нынешних аймара), с которым, однако, еще отец Пачакути поддерживал дружественные отношения. Многолетняя борьба за власть в этом регионе, развернувшаяся между отдельны-

ми группами аймара, несколько десятилетий тому назад завершилась. Теперь во главе единого национального государства Колья находился Чучи Капак, резиденцией которого был город Хатун-Колья. Владения империи аймара (центром ее была область озера Титикака) простирались от западных границ нынешней Боливии до берегов Тихого океана, от Атакама в Чили до перуанского города Пуно. Пачакути пожелал присоединить к своей империи и эту большую страну, жители которой еще недавно были союзниками «сыновей Солнца». Именно поэтому он и направил послов в Хатун-Колья к Чучи Капаку с требованием, чтобы он подчинился инкам и присоединил свой многочисленный индейский народ к всеобъемлющему государству Тауантинсуйу.

Чучи Капак повел себя с послами очень достойно. Он не склонил головы, совсем наоборот. Через этих же послов он сам пригрозил Пачакути, что если тот не откажется от агрессивных намерений в отношении Колья, то поплатится за это жизнью. Ибо тогда он, Чучи Капак, велит сделать себе кубок из черепа Инки, чтобы выпить из него за свою победу.

Коса инков нашла на камень аймара, однако она оказалась более сильной. Многочисленное войско инков действительно вторглось в страну Колья. После нескольких тяжелых сражений и столкновений (самое кровопролитное произошло у города Пукари) была захвачена столица империи Чучи Капака – город Хатун-Колья.

В руки Пачакути, лично возглавившего поход против Колья, попали Чучи Капак и оба его сына. Однако владыка отнюдь не спешил вернуться вместе со своими пленниками в Куско. Он устремился на сей раз на запад, то есть к морю. Он стал первым Инкой, увидевшим голубые воды Тихого океана. И как это бывает с каждым, кто не привык к океану с дет-

ства, Пачакути подпал под его волшебные чары. Из путешествия к берегам Тихого океана девятый Инка увез к себе в горы один совершенно необычный трофей: огромного кита.

В результате этого, а также других военных походов, предпринятых в период правления девятого Инки, «сыновья Солнца» овладели значительной частью южного побережья Перу – от его современных границ до нынешней столицы этой южноамериканской республики, Лимы. В доинкский период в этой прибрежной зоне находились многие местные культуры, достигшие большого расцвета и имевшие немалое значение, например Паракас или Наска. Их города, их речные долины попали теперь в руки Пачакути. В результате захвата южной части приморского Перу во власти «сыновей Солнца» оказалось и важнейшее место паломничества в Косте – знаменитый Пачакамак – Дельфы древней Америки.

Во время своего знаменательного похода на запад и юг Перу девятый Инка, проявлявший столь большой интерес к истории и легендам своего народа, посетил и развалины Тиауанако, играющего столь большую роль в мифах индейцев Анд. Некоторое время он находился в крупном перуанском городе Арекипа, который позже также захватил. Пачакути подчинил себе и несколько других городов, племен и небольших королевств. После всего этого вместе с упомянутым выше тихоокеанским китом, с пленным правителем империи Колья, а также с другими правителями, подчинившимися власти инков, Пачакути окончательно возвратился в Куско, чтобы здесь принять почести от жителей города.

Наделенный совершенно исключительной фантазией, Пачакути явился автором целого ряда общегосударственных торжеств и церемоний. Он же создал и «ритуал» триумфальных приемов, оказы-

ваемых населением возвращающимся правителям Тауантинсуйу. Если судить по хроникам доколумбова Перу, то даже столетием позже память индейцев все еще хранила яркие впечатления о великолепном приеме, оказанном Куско и его народом победителю Колья, покорителю приморских царств, своему Пачакути.

Город стоял в торжественном убранстве из благоухавших цветов и великолепных ковров, развешанных прямо на стенах домов и дворцов. В воздухе порхали привязанные на длинных шнурках диковинные птицы, доставленные из джунглей Амазонки. Население облачилось в самые лучшие одежды. И вот в конце концов наблюдатели, разместившиеся на холмах над Куско, возвестили о приближении к родному городу победителя вместе с его армией.

Впереди великолепной процессии Инки вышагивали музыканты, игравшие на индейских флейтах, за ними маршировали несколько сотен барабанщиков и трубачей, которые дули в морские раковины. Вслед за ними шли певцы. Хор исполнял гимны инков – айлья, – восхваляющие замечательные военные подвиги Инки. Автором этих од в честь Пачакути, впрочем, был сам Пачакути.

За музыкантами и певцами шагали первые соединения армии Инки. И наконец, уже после них, гордых победителей, шли, опустив головы, военнопленные, раздетые догола. Рядом с ними «шли» и их убитые офицеры! Пачакути приказал сделать из тел аймарских генералов так называемых «людей-барабаны». Из тел офицеров вынимали внутренности, потом тела бальзамировали и набивали горной травой ичу. Руки покойников складывали таким образом, что при каждом шаге они ударялись о живот, издавая при этом специфический глухой звук.

Верховный правитель Колья – Чучи Капак – пока еще не был убит победите-

лем. Его, раздетого да к тому же связанного, несли на носилках бывшие подданные. Вслед за ними снова шагали войска Инки. После них в сверкающей одежде следовала знать Тауантинсуйу – «большехуи». Верховный жрец, некоторые «епископы», управляющие провинцией, генералитет.

Рядом с элитой империи, гордившейся своим происхождением, своей знатностью, шли те, чьим украшением было их очарование, их женственность, – «девы Солнца». Как утверждают, их было около трех тысяч. Это были те девушки, которые не могли принадлежать никому иному, кроме того единственного, в чью честь, и только его одного, было устроено это великолепное торжество. И вот теперь он демонстрировал себя своему народу. Он не шел! Нет, он плыл над головами ликующей толпы, полулежа на золотом сиденье великолепных носилок, украшенных драгоценными камнями.

Так, словно Божественный Цезарь, родной «сын Солнца» возвращался в город своих отцов. И великий город ликовал, приветствуя его. Ликовал потому, что в результате этого и последующих походов (позднее их возглавлял обычно сын владыки, Тупак Юпанки) Пачакути положил к ногам «сыновей Солнца» все Перу.

Девятый Инка сам назвал себя Преобразователем Мира. И верно, именно Пачакути преобразил мир доколумбова Перу, как никто до него и никто после него. Все это делалось для собственного блага, для блага своего народа, для блага гордых «сыновей Солнца». Все же остальному населению Южной Америки он принес лишь скорбь и зависимость. Так или иначе, он был человеком действия. А в истории, как известно, больше, чем идеи или же идеалы, ценятся именно действия.

IX. Дорога на север

После великолепного триумфа, ожидавшего величайшего «императора» Тауантинсуйу на улицах и площадях Куско, герой на какое-то время уединился в Кориكانче – главном святилище государства, отданном на этот раз ему одному. Именно здесь он склонил голову перед своим национальным божеством, которому так долго молился в Кориكانче, размышляя о нем и о самом себе.

Покорность, с которой Пачакути предстал перед божественным Инти, резко контрастировала с возмездием, которое владыка уготовил тому, кто отказался подчиниться инкам, – аймарскому правителю Чучи Капаку. После окончания «молитвы императора» вождь Коля был торжественно обезглавлен в помещении национального храма Тауантинсуйу. Два его сына были осуждены на пожизненные каторжные работы в каменоломнях. Остальных начальников аймара, тех, чьи тела не были превращены в шагающие барабаны, бросили на растерза-

ние хищникам в зоопарке Инки в Куско.

Поход против аймара, завершившийся столь пышными церемониями, более чем в два раза увеличил площадь империи «сыновей Солнца». И война с чанками, и этот большой поход против Коля, и последовавшее за ним постепенное подчинение одного за другим небольших прибрежных королевств на юге страны – все это явилось дальнейшим подтверждением выдающегося полководческого таланта столь разносторонне одаренного Пачакути.

Девятый Инка, мечтавший об объединении империи, о создании действительно единого государства и народа, намеревался теперь посвятить себя реализации этого замысла. Это было тем более важно, что Тауантинсуйу, столь увеличившееся ныне, в значительной степени превратилось в конгломерат различных племен и этнических групп, сильно отличающихся друг от друга по культурному уровню, а зачастую и по религиозным верованиям. Как и правители множества других гигантских государств, он хотел осуществить *ex pluribus unum*, то есть из множества племен создать единый народ, из множества маленьких государств – единую гомогенную супердержаву. Поэтому он и верил своему первенцу – любимому принцу Амару – командование своей армией, многочисленные соединения которой по-прежнему находились в стране Коля для осуществления контроля над этой большой, недавно завоеванной инками территорией. Не исключено также, что по велению Инки Амару какое-то время даже правил вместе со своим отцом.

Первородный сын Пачакути был утонченным и образованным человеком, рыцарем и романтиком по духу. На полях сражений он особенно не блистал: ему не доставало той жестокости и решительности, которые были в избытке у других полководцев-инков. И вот теперь, когда

по поручению отца ему пришлось командовать армиями, дислоцированными в недавно завоеванной стране Чучи Капака, Амару не смог расправиться даже с небольшими повстанческими группами аймара – партизанами, действовавшими в отдельных областях Колясуу. При Амару ослабла, как бы «размякла» и вся юго-восточная граница империи, отделявшая ее от беспокойных племен Аргентины и Чака. Полная неспособность принца к решительным военным действиям пагубно отразилась и на его авторитете у большинства влиятельных членов правящей семьи и в особенности у высших военачальников государства. Особое возмущение, однако, вызвала любовная история сына и преемника Инки, в которой он проявил себя как рыцарь. Так, если в наши дни вызвала бы скандал попытка столь знатного молодого человека силой завоевать понравившуюся ему девушку, то в Тауантинсуу было совсем наоборот. Инки и другие члены королевского айлью привыкли, имели право и даже более того – были обязаны брать себе жен по собственному выбору, брать вообще все, никого и ни о чем не спрашивая, не обращая внимания на чувства и желания женщины.

В Перу инков главенствующее положение знатного мужчины в любовных отношениях подразумевалось само собой. И вот теперь член королевского айлью да к тому же еще сам будущий владыка Тауантинсуу по уши влюбляется в какую-то хорошенькую девушку по имени Куси Чимбо. Он мечтает о ней, пытается снискать ее расположение голосом своего сердца, а отнюдь не приказом. И надо же случиться такому – эта девушка осмеливается отвергнуть принца, наследника трона!

В глазах военных заправил империи недостойная влюбленность Амару в Куси Чимбо полностью скомпрометировала его как будущего наследника трона.

Положение не спасло даже то, что Куси Чимбо (будто бы благодаря прикосновению волшебного цветка, пробуждающего у женщин чувство любви) вроде бы стала отвечать взаимностью на любовь Амару и даже в конце концов согласилась (!) стать женой принца. Так или иначе, в глазах знати государства этот публичный скандал отнюдь не стал менее позорным.

Двор, общественное мнение, то есть, собственно говоря, те немногие, кто в Тауантинсуу мог позволить себе иметь собственное мнение, единодушно ополчились против влюбленного принца-рыцаря. Тут уж и Пачакути, хотя он и любил Амару больше, чем кого-либо из своих 150 детей (полагают, что у девятого Инки было 100 сыновей и более 50 дочерей), не оставалось ничего другого, как лишить своего первенца права на трон. Новым, на сей раз уже окончательным своим преемником он назначил другого законного сына – Тупака Юпанки. Принц Амару, проявлявший благородство во всех своих поступках, с достоинством принял это страшное унижение. Он даже не озлобился и по-прежнему продолжал верно служить как своему стареющему отцу, так, позднее, и своему более молодому брату Тупаку Юпанки, лишившему его трона «сыновей Солнца».

Тупак Юпанки, будущий десятый правитель Тауантинсуу, был сделан из совсем другого, типично инкского теста. И действительно, очень скоро он доказал, что сможет быть успешным продолжателем дела отца. Судьба предоставила ему возможность участвовать в большом походе на север Перу, который вошел в историю Тауантинсуу как одна из самых значительных военных акций инков. В этом походе Тупак Юпанки был всего лишь одним из офицеров, а отнюдь не верховным главнокомандующим. Командование своей северной армией Пачакути поручил другому сыну – генералу

Капаку Юпанки, – в то время обладавшие-
му значительно большими познаниями в
области стратегий и тактики.

Первоначально целью этой акции,
столь существенно изменившей позднее
ситуацию на севере Перу, был захват тер-
ритории, через которую время от време-
ни, словно осы, надвигались на Тауан-
тинсуйу с запада чинча, жившие на побе-
режье. В этой пограничной области, меж-
ду государством Чинча и империей ин-
ков жили рукано – «пальцевые индейцы»,
которые вскоре добровольно, без сопро-
тивления сдались «сыновьям Солнца».

Командующий операцией, в ходе кото-
рой получил боевое крещение будущий
десятый Инка, Тупак Юпанки, упомя-
нутый генерал Капак Юпанки, из страны
рукано направил свои войска на север.
Как ни странно, в этой продвигавшейся
на север армии служило множество вчера
еще заклятых врагов «сыновей Солнца»,
знаменитых чанков, во главе которых в
составе войска Капака Юпанки стоял
принц Анко Айлью. По иронии судьбы,
именно чанки во всех решающих битвах
северного похода повлияли на исход боя
в пользу инков. Будучи великолепными
воинами, они захватили крепость у Пар-
коса, преграждавшую путь армии Капа-
ка Юпанки. В другой битве чанки откры-
ли доступ войскам инков в плодородную
долину Хауха. Именно чанки одержали
победу в боях у Тармы и Пумпу.

Пачакути, вполне естественно, радо-
вался успехам северного похода. Каждый
день его информировали специальные
послы, прибывавшие в Куско. Вместе с
тем, однако, он был крайне возмущен
тем, что одержанные победы приписыва-
лись именно чанкам, с которыми он сам
в начале своего пути сразился не на
жизнь, а на смерть. Поэтому-то он и
принял решение избавиться от чанков,
служивших ему теперь столь преданно и
хорошо. С чанками нужно было покон-
чить раз и навсегда.

Он направил приказ своему брату Ка-
паку Юпанки – командующему северной
армией, – чтобы тот, выбрав подходящий
момент, перебил ничего не подозревав-
ших чанков всех до одного, причем луч-
ше всего сделать это во время их сна.
Приказ дошел до полководца в целости и
сохранности. Однако вместе с ним этот
приказ услышала и любовница генера-
ла – чанкская девушка, родная сестра
принца Анко Айлью, начальника чанков,
ставших теперь столь неугодными союз-
никами «сыновей Солнца». А поскольку
голос крови оказался сильнее голоса
любви к инкскому господину, она сразу
же известила брата о готовящейся ло-
вушке для чанков.

Чанки решили не дожидаться начала
вероломной, кровопролитной резни. При
первом же удобном случае – он предста-
вился им, когда они находились в районе
Уанака, – они тайно и совершенно неза-
метно ночью покинули инкскую армию
Капака Юпанки. По дороге чанки втор-
глись, пожалуй, в самую красивую
область Анд – знаменитую Кальехон-де-
Уайлас, «перуанскую Швейцарию». Здесь
они захватили женщин, а также пополни-
ли свои запасы. Полностью себя обеспе-
чив, чанки направились затем на восток
(собственно говоря, на восток они пово-
рачивали дважды), к самым высоким
гребням Анд, пока не вышли к долине
Мараньон. Здесь, у большой реки, в пе-
руанской Монтанье, они и осели. И, не-
пожорившиеся, прожили спокойно
вплоть до прихода белых.

По стечению обстоятельств, чанки, с
которыми инки воевали, вероятно, чаще,
чем с каким-либо другим индейским на-
родом Перу, принадлежали к тем немно-
гочисленным этническим группам Юж-
ной Америки, которые «сыновья Солн-
ца» так и не смогли за все время своего
господства победить.

Итак, генерал Капак Юпанки не вы-
полнил приказа Пачакути ликвидировать

чанков. Приказ же Инки для любого человека в Тауантинсуйу, конечно, был законом. Того, кто его не выполнял, вполне естественно, ожидало единственно возможное в таком случае наказание, наказание самое жестокое – смерть. Поэтому Капак Юпанки начал преследовать бегущих чанков. Но ему не удалось их настичь. В ходе преследования ему, впрочем, удалось добиться кое-чего другого, что было, по его мнению, очень важной победой. Перейдя через крайний рубеж, установленный Пачакути для продвижения войска в этом походе (таким рубежом была одна североперуанская река), он вступил в царство Кахамарка, граничащее с прибрежной империей Чиму.

Небольшое государство в горах Кахамарка и его одноименная столица занимали ключевое положение на севере Перу. Овладевший этим государством становился владыкой всей северной территории страны. Одновременно для него открывался путь к северному побережью, к золотым сокровищам самой могущественной империи Косты – королевства Чиму.

Для того чтобы исправить ошибку, заключавшуюся в том, что он упустил чанков, Капак Юпанки напал на Кахамарку и действительно завоевал как город, так и государство, захватив огромные трофеи. Считая, что этой важнейшей победой он смыл с себя вину перед Инкой, Капак Юпанки решился наконец вернуться в Куско. Оставив в Кахамарке большой гарнизон, он с остальной частью своего войска быстро направился «домой».

Пачакути, конечно, обрадовало взятие Кахамарки, однако уже одно то, что его генерал, бывший к тому же его родным братом, добился подобного успеха по собственной инициативе и в нарушение приказа перешел через реку, которую сам Инка определил как крайний рубеж военных действий, было в глазах абсолют-

ного монарха непростительным проступком. А поэтому прежде, чем славный победитель – генерал Капак Юпанки – достиг Куско, он был осужден на смерть!

Приговор над непослушным братом Инки, Капаком Юпанки, и его первым заместителем, генералом Уайна Юпанки, был приведен в исполнение в Лиматамбу («городе пророчеств»). В столицу государства победоносное войско прибыло уже без главного героя северного похода, под командованием принца Апу Янки, единственного, кто уцелел из тройки верховных командующих.

Апу Янки вместе с генералом Тилька Юпанки позднее возглавлял и другие походы северной армии, но верховным главнокомандующим – «генералиссимусом» – Пачакути на этот раз назначил своего преемника, Тупака Юпанки. Отвергнутого принца-рыцаря Амару Пачакути любил, однако Тупака Юпанки, который благодаря участию в северном походе приобрел огромный военный опыт и зарекомендовал себя талантливым полководцем, Преобразователь Мира считал своим лучшим учеником, способным более, чем кто-либо, проникнуться устремлениями и идеалами девятого Инки. Именно ему, Тупаку Юпанки, Пачакути старался привить свои идеи мирового господства и преобразования общества. И он действительно в нем не ошибся, так как ни одно инкское яблоко не падало столь близко от отцовской яблони, чем Тупак Юпанки.

Х. Время реформ

По приказу отца будущий десятый Инка – Тупак Юпанки – должен был путем военных походов расширить границы империи, превратив ее, подобно империи Габсбургов в Европе, в страну незаходящего солнца. Пачакути вскоре на самом деле сумел убедиться в том, что в своем преемнике он нашел действительно сильного и преданного воплотителя своих идей о необходимости постоянного роста, экспансии государства «сыновей Солнца».

Теперь Пачакути мог полностью посвятить себя своему предназначению, столь красноречиво отраженному в его собственном имени. Этот разносторонне одаренный человек давно стремился направить свою невероятную энергию на задуманное им самим преобразование мира, внутреннюю перестройку государства инков, точное определение задач, прав и обязанностей отдельных его классов и групп. Он хотел посвятить себя так-

же созданию идеологии инков, их религии, то есть тому, что, по его представлению, служило источником силы, пресловутой внутренней энергии общества и государства. Реформы Пачакути должны были распространяться не только на живущих на земле, но и на тех, кто пребывает на небесах, то есть на богов. Наконец, в намерения владыки входило преобразование и столицы его государства, – столицы, которая должна была служить самым убедительным выражением, проявлением величия империи, должна была стать настоящим Римом и Иерусалимом древней Америки. С эпохи Пачакути упоминавшееся выше изречение, что «Куско – это империя, а империя – это Куско», приобретает еще более однозначный смысл.

Планы и деяния талантливого Преобразователя Мира сохранились в памяти перуанских индейцев и после его смерти. Если предшественники Пачакути на троне Куско известны нам, как правило, только своими военными походами да, пожалуй, еще семейными историями, то в преданиях об этом действительно незаурядном правителе отмечается прежде всего его вклад в организацию империи, преобразование общества и религии. Характеризуются и его философские взгляды, законодательные реформы, воззрения в области архитектуры и урбанистики. Приводятся сохранившиеся изречения Пачакути и даже стихи, которые он сам сочинял и сам декламировал. Этот перечень, впрочем, легко мог бы быть продолжен упоминанием целого ряда других сфер интересов Инки.

Кстати говоря, год вступления Пачакути на трон – 1438 год – вообще является первой, самой ранней и наиболее достоверной датой доколумбовой индейской истории Южной Америки, приводимой во всех источниках. Этот факт сам по себе свидетельствует о той выдающейся роли, которую девятый Инка сыграл в

истории своей страны и континента в целом.

О разносторонней деятельности Пачакути мы лучше всего можем судить по тем преобразованиям, которые затронули Куско. Современный посетитель Куско своими глазами может видеть следы тех изменений, которые остались в этом перуанском городе со времен Пачакути. Вот почему из всех реформ, осуществленных владыкой, прежде всего стоит упомянуть о перестройке Куско.

Пачакути был в полном смысле слова гением, — гением, который принадлежал своему классу, классу господ. Этот классовый подход к обществу, к миру, к его структуре получил свое отражение и в перестройке Куско, осуществленной Пачакути. Пачакути распорядился снести весь традиционный исторический центр города, который находился в окрестностях Кориكانчи и был со времен Манко Капака местом поселения простого люда инков. Он запретил селиться в центральной части Куско всем тем, кто не относился к высшим слоям общества «сыновей Солнца».

Вокруг Кориكانчи девятый Инка постепенно создал настоящий «пуп мира» — всего мира. Это было вовсе не удивительно, так как Пачакути был одержим идеей объединения под властью «сыновей Солнца», — властью изначально прозорливой, мудрой и потому законной, всех известных инкам народов, всего известного им мира.

В городе, построенном Пачакути, центральной стала та часть территории, которая была получена в результате канализации обеих рек, протекавших через Куско, и осушения заболоченной земли у их берегов. Это была очень трудоемкая работа. В конце концов владыка приказал сделать над рекой Утанай свод из каменных плит. Полученная подобным путем территория по решению Пачакути стала большой центральной площадью

Куско, состоящей из двух частей. Граница между обеими частями проходила как раз на месте течения реки, заключенной в каменное русло и протекающей теперь под площадью. Первая половина площади, называемая Уакайпата, по воле Пачакути была отведена для больших народных торжеств. Вторая — Кусипата — предназначалась для военных парадов и триумфальных торжеств, устраиваемых в честь возвращающихся домой армий «сыновей Солнца».

Появившаяся при Пачакути двойная площадь у Кориكانчи была поистине сердцем мира инков. От нее исходили четыре основные шоссейные дороги, которые вели в те четыре части света, совокупность которых и составляла Тауантинсуйу. Сердце империи или нулевой километр магистралей инков символизировал так называемый «капак усно», представлявший собой специально обработанную каменную плиту, на которой во время религиозных церемоний восседал владыка. Посредством капак усно Инка как бы символически соединялся с Инти и вообще с богами.

Основным, центральным местом совершения религиозных обрядов и во времена Пачакути по-прежнему оставалась Кориканча, основательно реконструированная владыкой. Впрочем, теперь более чем когда-либо Храм Солнца предназначался лишь для Инки и его ближних. Для простого народа Пачакути приказал отлить образ бога-Солнца в виде смазливой мальчугана, детское тельце которого было покрыто золотыми пластинками. Это столь похожее на человека изображение божества поставили перед Кориканчей. Именно здесь ему и поклонялся народ.

Вокруг Кориكانчи и двойной площади Пачакути и начал постепенно строить новый, «собственный», абсолютно видоизмененный город. Вместо его первоначальных «четырёх четвертей импе-

рии», заложенных первым Инкой – Манко Капаком, – он построил десять новых городских кварталов, каждый из которых находился под покровительством панаки одного из Инков. В центральной части Куско были расположены кварталы, опекаемые панаками более поздних владык. По воле Пачакути ему самому предназначался квартал Кондорканча («двор кондора»), где Пачакути возвел для себя двойной продолговатый дворец Касана – Коракора. Позади его резиденции по приказу девятого Инки построили ячауаси – новое здание «университета» для знати, то есть центральное учебное заведение для «сливок» империи. Неподалеку от него, по соседству с дворцом, который позднее будет принадлежать Инке Уайна Капаку, Пачакути реконструировал и основательно расширил акляуаси – дом «невест Солнца».

Инка строил или же перестраивал в Куско и другие здания, например печально известную Санкайуаси, основанную Майта Капаком, где подвергались пыткам люди, которые угрожали безопасности государства, прежде всего представители элиты империи, то есть кураки и тому подобные. Те несчастные, которые уцелели после допросов «полиции» инков в Санкайуаси и потом не были казнены, должны были провести остаток дней своих в другом печально известном месте, также построенном Пачакути, в Бимбиле – тюрьме для преступников, угрожавших своими деяниями стабильности государства. Жизнь многих узников Санкайуаси обрывалась на государственном эшафоте, перенесенном Пачакути на окраину Куско, в Арауа.

В Арауа при Пачакути преступников вешали. Однако в отличие от Европы здесь государственных преступников, покусившихся на безопасность государства, вешали головой вниз, привязав за

правую ногу. В подобном случае смерть наступала не сразу и была более мучительной, чем смерть преступников, казненных в Старом Свете.

Вся перестройка столицы «сыновей Солнца», начиная от реконструкции национального храма и включая канализацию рек, сооружение огромной двойной площади, разделение Куско на десять кварталов и, наконец, постройку упомянутых мест пыток, казней, тюрем, осуществлялась по замыслу самого Пачакути. Легенды повествуют о том, что он будто бы даже вылепил из глины модель города, отражавшую градостроительные представления Инки. Подобно тому как в Чехии король Карл IV видоизменил Прагу, так и Инка Пачакути в Перу коренным образом преобразовал Куско. Поскольку Пачакути везде и во всем был исключительно деятельным человеком, он не только провозглашал свои урбанистические концепции, но и ценой больших усилий претворял их в жизнь.

С помощью миты девятый Инка постепенно использовал на общественных работах и на перестройке города более 50 тысяч рабочих самых различных профессий. Благодаря их труду новый Куско Пачакути рос, как на дрожжах. В это же время владыка начал строительство упоминавшегося выше щита города – крепости Саксауаман.

Строительство Саксауамана, самой большой крепости индейцев во всей Америке, по сути, является символом, отражением организаторских способностей Пачакути, его умения планировать. Вместе с тем это свидетельствует и о его огромной вере в свои силы. Весьма возможно, что Саксауаман, пока он существовал лишь в воображении девятого Инки, мог показаться любому трезвомыслящему деятелю Тауантинсуйу нечто совершенно нереальным, невыполнимым. Пачакути, однако, верил в себя.

XI. Владыка Пачакути

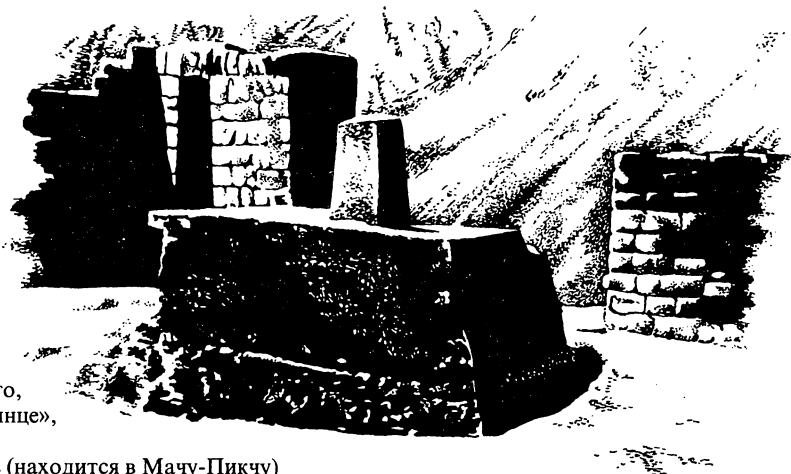
Великолепный Саксауаман, корона Куско, был крупнейшим фортификационным сооружением девятого Инки. Многие постройки, воздвигнутые Пачакути в городе, свидетельствуют о том большом интересе, который великий владыка питал к развитию науки и духовной культуры своего народа. Вероятно, именно поэтому он и приказал построить для знати государства здание «университета» и своего рода академии наук – ячауаси. А поскольку, помимо всего прочего, он интересовался астрономией, то соорудил и нечто вроде солнечной обсерватории – Интиуатану (дословно: «место, где привязано Солнце»). Инка приказал поставить в западной и восточной частях Куско несколько разноразмерных каменных столбов, называвшихся «сукана». С центральной площади Куско через сукана можно было наблюдать восход Солнца.

Пачакути интересовали небесные све-

тила и календарь, поэтому одна из его многочисленных реформ касалась изменений в календаре инков. Впрочем, об этом речь пойдет дальше. Уместно будет напомнить, что владыка пытался сделать этот календарь единым, то есть объединить как солнечный, так и лунный год. Пачакути также перенес начало нового года у инков с нашего января на наш декабрь. Одновременно он установил, какие праздники должны приходиться на тот или иной из двенадцати месяцев года.

Из других научных дисциплин, помимо астрономии, Пачакути интересовала больше всего история, которая, вне всякого сомнения, была любимейшим занятием Инки. Впрочем, всемирная история в представлении инкских «историков» сводилась, собственно, к истории «сыновей Солнца». Их не интересовало, что было до «сыновей Солнца» и что происходило за границами Тауантинсуйу. Факты, реальные события, происшедшие в прошлом, в инкской историографии ко всему еще переплетались с мифами и легендами о «сыновьях Солнца».

Охваченный глубоким интересом к прошлому своего народа, Пачакути даже предпринял путешествие по следам далекого прошлого инков. Прежде всего он хотел увидеть те места, откуда «сыновья Солнца» пришли на «пуп мира». Регион священного озера Титикака Пачакути изучил еще в период знаменитого похода в страну Коля, поэтому теперь он направился в Пакаритамбо, откуда, как гласит легенда, будто бы начал свой путь Манко Капак в сопровождении братьев-айяров. Во время паломничества в Пакаритамбо владыка увидел и тамошнюю пещеру айяров, вход в которую он приказал впоследствии на вечную память украсить золотым обрамлением. Возвратившись из Пакаритамбо, Места Утренней Зари, Инка, взволнованный посещением пещеры, в которой,

Интиутана – «место,
где привязано Солнце»,
пункт наблюдения
за Солнцем у инков (находится в Мачу-Пикчу)

по легенде, началась невероятная история рода «сыновей Солнца», созвал в Куско нечто вроде конгресса историков и приказал собравшимся на нем мудрецам написать для него истинную «историю мира». Эта всемирная история (интерпретированная, конечно, прежде всего как история самих инков) была запечатлена на больших полотнах, размещенных на стенах своего рода государственного исторического архива, называвшегося Пукинканча. Этот архив находился на холме с тем же названием – Пукин – по соседству с Куско.

Пукинканча – эта картинная историческая библиотека – находилась в ведении специально назначенных Инкой библиотекарей, хранителей государственного исторического архива. Можно лишь глубоко пожалеть о том, что эта полотняная всемирная история и история народа инков бесследно исчезла в период конкисты. Иначе она позволила бы нам увидеть, как Инка и его историки представляли себе прошлое мира, как они его подправляли и даже, очевидно, фальсифицировали. Судя по хроникам, нетрудно понять, что Пачакути и его историки некоторые события, не укладывающиеся

в инкский стереотип прошлого, либо попросту совершенно выбрасывали из своей истории мира, либо изменяли. Иные же события они интерпретировали не так, как это было на самом деле.

Иллюстрированная история, хранившаяся в Пукинканче, также содержала оценку – разумеется, через призму восприятия Пачакути – роли отдельных его предшественников. Вершиной всего, вполне естественно, был Манко Капак, основатель империи. Положительно оценивалась также деятельность Майта Капака, отличавшегося решительностью и воинственностью. И напротив, например, Уркон, которого Пачакути лишил уже принадлежавшего ему трона, вообще был вычеркнут из истории.

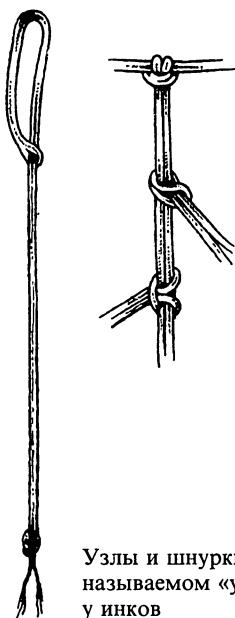
То обстоятельство, что иллюстрированная всемирная история Пачакути, хранившаяся в государственном историческом архиве Пукинканча, в хаосе конкисты была безнадежно утрачена, вызывает у нас чувство сожаления не только потому, что она позволила бы нам точнее узнать, какова была история мира и история инков в представлении владыки, но также и потому, что эти картины могли пролить свет на одну из сложней-

ших, притом крайне важных, проблем культуры «сыновей Солнца» — проблему наличия или же отсутствия письменности в Перу инков.

Есть основания думать, что владыка, проявлявший столь большой интерес к достижениям науки, очевидно, искал способ зафиксировать эти достижения. Вполне естественно, что вряд ли какой-либо другой способ фиксации, кроме письменного, в этом случае мог быть более удовлетворительным. Впрочем, это пока еще открытый вопрос, который предстоит разрешить будущим исследователям истории Тауантинсуйу. Несомненно одно, Пачакути, наверняка испытывавший потребность в тщательной и точной фиксации фактов, придавал огромное значение совершенствованию системы, существовавшей у инков еще раньше. Мы имеем в виду «кипу», так называемое «узелковое письмо» древних перуанцев. Впрочем, об этом речь пойдет ниже.

Пачакути занимала не только проблема распространения южноамериканского узелкового письма, особое внимание он уделял и тем, кто сам владел искусством кипу, то есть сложным искусством фиксировать информацию посредством узелков на цветных шнурках. Во времена Пачакути эти так называемые «кипукамайоки» («мастера кипу») пользовались особым расположением владыки. По воле Инки они занимали привилегированное положение в обществе. Благоклонностью и постоянным вниманием Пачакути пользовались и ученые — традиционная для Перу категория так называемых «мудрых мужей», амауту.

Владыка стремился расширить традиции индейской науки. Из амауту, людей, бесспорно, высокоинтеллигентных, обладавших глубокими познаниями, он хотел постепенно сделать нечто вроде инкских «академиков», носителей научного прогресса. В намерениях Пачакути

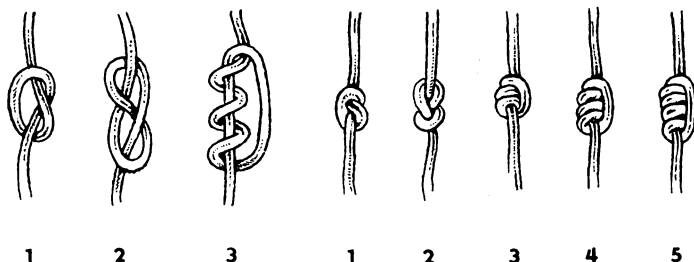

Узлы и шнурки, используемые в так называемом «узелковом письме» кипу у инков

было создать целый слой высшей интеллигенции, от которой он по праву ожидал, что ее деятельность будет полезной для народа, для всего Тауантинсуйу.

Самых выдающихся из амауту Инка объединил в ячауаси, «университете» и «академии наук» «сыновей Солнца». Здание этого храма науки владыка символически поместил в непосредственной близости от истинного главного храма — сердца своего государства — Кориканчи. Примечательно, что Пачакути ввел для сыновей элиты империи, для сыновей «большеехих» — курак и других знатных лиц, — обязательное обучение в ячауаси. По приказу Инки в ячауаси также обучались сыновья сановников тех королевств и народов, которые находились в подчинении у «сыновей Солнца». Именно здесь они осваивали характерную для инков, для Пачакути, интерпретацию истории мира. Тут они получали и представление о религиозных воззрениях «сыновей Солнца». И наконец, здесь же они обучались совершенному владению кечуанским языком, государственным языком империи.

Слева показан способ,
каким вязались узлы,
справа – цифры
от одного до пяти

Пачакути придавал важное значение не только развитию науки, реформе истории (если, разумеется, вообще можно говорить о реформировании исторических фактов), но и, естественно, религии своего государства. Так же как и во всем остальном, ему хотелось «навести порядок» и в господствовавших религиозных представлениях. Будучи идеологом правящего класса, Пачакути разграничил религию для простого народа и религию для сильных мира сего, то есть более сложную, предполагающую более высокую ступень интеллекта, более высокую ступень абстрактного мышления. Народ, как и прежде, должен был поклоняться одному Солнцу – Инти – Отцу инков, творцу жизни. Образ Инти – национального бога инков – Пачакути конкретизировал и одновременно очеловечил. Именно поэтому он и распорядился поместить перед Кориқанчей ту самую статую, которая представляла божественное Солнце (официально это было сделано впервые) в облике человека.

Таким образом, религиозный мир знатных жителей Тауантинсу́йу должен был быть более сложным. Для того чтобы уточнить «господский» вариант веры инков, Пачакути даже созвал в Куско настоящий теологический собор, на который было приглашено все высшее духовенство страны!

Теологический собор Пачакути не имеет себе равного в истории американских индейцев. На нем Инка сформулировал свое понимание истинной сущно-

сти религиозного мировоззрения «сыновей Солнца». Выступая на соборе, владыка прежде всего принизил значимость бесчисленных традиционных святых мест и предметов, называвшихся во всем Перу «уака». С этого времени все местные уаки, восходящие, как правило, к доинкским временам, должны были служить культу Инти, то есть как бы находиться в подчинении у бога-Солнца. Впрочем, даже Инти, бывший для простого народа отцом-Солнцем, защитником и спасителем их народа, не удовлетворял представлениям Пачакути.

На своем теологическом соборе правитель высказал три основных возражения против возвеличивания Инти как всемогущего божества. Сущность первого сводилась к следующему: «Солнце не может быть всемогущим богом, поскольку своим теплом оно согревает лишь некоторых, другие же в это время мерзнут». Второе возражение: «Солнце не является совершенным, так как оно никогда не позволяет себе отдохнуть и вечно странствует по небу». Третье подчеркивало: «Солнце не может быть всемогущим, ибо даже самое маленькое облачко способно загородить его золотой лик».

Несомненно, для Пачакути Солнце являлось слишком конкретным и слишком зримым. И как таковое оно не могло быть, по мнению правителя, подходящим объектом для философского религиозного созерцания. Таким образом, Солнце перестало быть главным, вер-

ховным божеством господствующего класса. По убеждению Пачакути, в религиозной системе инков не хватало истинного творца, поэтому на теологическом соборе в Кориكانче он вновь восстановил, культ творца мира – почитаемого не только в Тиауанако, но и вообще в Перу – Кон-Тики Виракочи.

Пачакути по-новому, более точно определил сущность Виракочи – творца мира. Он охарактеризовал его как невидимое, незачатое божество, которое является источником всего живого на свете. Пачакути также подчеркнул, что у Виракочи нет партнерши: он творит, рождает иначе, чем простые смертные. Кон-Тики Виракоча дает миру и человечеству благословение. Через него и от него на человечество нисходит блаженство, удовлетворение всех потребностей.

Виракоча невидим, он далеко, поэтому поклоняться ему могут лишь господа, то есть те, кто способен к глубокому созерцанию, наделен большим воображением, лучше образован. Иными словами, имеет настоящую философскую подготовку. На соборе в Кориكانче Пачакути систематизировал религиозные представления инков и установил последовательность уак, над которыми возвышается Солнце, Инти, а еще выше над ним – Кон-Тики Виракоча. Таким образом, культ Виракочи предназначался исключительно для элиты государства. В честь невидимого творца мира и человечества был воздвигнут всего один-единственный храм – Кечуаканча, в то время как зримому, в полном смысле слова осязаемому Солнцу, день изо дня странствующему по небу, люди поклонялись в сотнях храмов и святилищ.

Истины ради следует сказать, что культ Виракочи так и не удалось никогда насадить, даже среди правящего класса. Несмотря на реформу Пачакути, империя «сыновей Солнца» так и осталась империей бога Солнца.

ХП. Лилия, рожденная в саду инков

Теологическая реформа Пачакути, согласно которой обособлялись, с одной стороны, религия для простого народа, а с другой – религия, предназначенная исключительно для элиты империи, поскольку лишь она одна была способна ее воспринять, несомненно, свидетельствовала о стремлении девятого Инки строго разграничить отдельные общественные классы государства. Как в своей великой перестройке Куско Пачакути точно предусматривал, где в городе следует селиться простому люду, а где знати, так и на теологическом соборе в Кориكانче он обозначил социальные границы в отношении религиозных представлений.

Как уже говорилось, Пачакути являлся человеком действия. Вместе с тем он был и блюстителем порядка. Он верил, причем верил всем сердцем – и это как нельзя лучше подтверждают его сохранившиеся «максимы», – что залогом про-

цветания общества, империи является порядок, при котором каждый член общества знает свое место. Хорошо функционировать будет только такой механизм, в котором каждое колесико вращается по предписанию Инки.

Пачакути был ревнителем строгой централизации власти. На вершине государственной пирамиды, по его мнению, должен находиться единственный, всемогущий, безраздельно властвующий и вместе с тем мудрый и приветливый правитель. Государство, послушное приказам мудрого, талантливого владыки, будет существовать для всеобщего блага.

По представлениям Пачакути, государство — это очень активный организм, где каждый его член имеет не только точно отведенное ему место, четко определенное социальное положение, но и прежде всего знает, что ему необходимо делать, то есть знает свою задачу. Девятый Инка ненавидел леность, он осуждал безделье. Каждый человек в его государстве, от мала до велика, призван был работать. И каждый гражданин Тауантинсуйу обязан был отдавать плоды своего труда империи. В свою очередь империя, по мнению Пачакути, должна была хорошенько заботиться о своих гражданах или же, говоря современным языком, взять на себя социальное обеспечение граждан.

Несмотря на то что в обществе инков люди в действительности не были равны и отнюдь не были свободны, тем не менее, по представлениям Пачакути, оно являлось справедливым обществом, таким организмом, который в соответствии с образом мышления Инки отвечает естественному положению вещей. А поскольку по сравнению со всеми другими близлежащими народами и государствами, которых правителю и «сыновьям Солнца» довелось узнать, жители Тауантинсуйу, казалось бы, жили лучше, уве-

реннее в своем завтрашнем дне, имели лучшее социальное обеспечение, Пачакути верилось, что весь мир и все человечество (то есть, собственно говоря, та часть мира и человечества, которые были известны инкам) будут жить в довольствии и счастье лишь в том случае, если они подпадут под власть Инки и станут составной частью великого наднационального сообщества «сыновей Солнца». Пачакути, никогда не довольствовавшегося малым, теперь влекло не что иное, как установление мирового господства, объединение народов мира под его, как он был полностью убежден, самым совершенным и самым справедливым правлением.

А для того, чтобы этот мир с «сыновьями Солнца» во главе хорошо функционировал, Пачакути начал издавать законы. Его законодательная деятельность не знает себе равной во всей индейской Америке. Она распространялась как на государственные дела империи (примечательно, что именно этот Инка категорически запретил правителям вступать в брак с женщинами, не являвшимися их родными сестрами), так и на целый ряд основных вопросов гражданского и уголовного права. Изданные девятым Инкой законы без малейших корректив действовали в Перу вплоть до прихода испанцев. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся позднее, когда речь пойдет о юридической системе «сыновей Солнца».

Мировоззрение Пачакути нашло отражение не только в многочисленных законах, но и в его «золотых мыслях», то есть изречениях, относящихся к философии, управлению государством и так далее. Многие из этих изречений дошли до нас в воспроизведении хронистов. Давайте послушаем хотя бы некоторые из них:

«Тот, кто пытается сосчитать звезды, не умея считать фишки (*tantos*) и узелков от счетов, достоин смеха».

«Врач или знахарь, игнорирующий полезность трав или узнавший о некоторых из них и не стремящийся узнать о всех, знает мало или ничего не знает».

«Опьянение, ярость и безумие одинаковы, только первые возникают добровольно, и они могут измениться, а третье дано навечно».

«Судьи, которые тайно принимают подношения от негоциантов и от конфликтующих сторон, должны считаться ворами и как таковые наказываться смертью».

«Когда подданные подчиняются во всем, в чем могут, не проявляя какого-либо противоречия, короли и губернаторы должны относиться к ним либерально и милосердно; в противном случае – строго и справедливо, однако всегда благоразумно».

Автор «золотых мыслей», философ и государственный деятель, законодатель и реформатор религии, историк, архитектор и урбанист, прожил очень долгую жизнь. Свои идеи об устройстве мира, о подчинении его воле инков владыка передал самому талантливому из сыновей – Тупаку Юпанки, верному продолжателю дела отца, немало сделавшему для осуществления идеалов Пачакути.

Удовлетворенный тем, что ему удалось сделать в жизни, теми коренными преобразованиями, которые он сумел осуществить, девятый Инка мог спокойно покинуть мир живых. Находясь уже на смертном одре, он сумел тем не менее создать свой действительно последний труд. Умирая, он написал стихотворение, сохраненное для нас памятью индейцев. Вот его текст:

Я был рожден, как лилия в саду,
И так же был воспитан.
Когда же час пришел мой,
Когда ослаб я
И время пришло моей смерти,
Я сдался
И умер. Потом.

ХIII. Тупак Юпанки, или Александр Македонский Нового Света

Преобразователь Мира, эта «лилия», рожденная в саду инков, создав свое последнее произведение, то есть последнее стихотворение, распрощался с этим миром. И на самом деле этот перуанский правитель до неузнаваемости изменил мир индейцев. Благодаря ему страна «сыновей Солнца» теперь простиралась от горизонта до горизонта. Такой он ее и оставил сыну Тупаку Юпанки, уверенный в том, что древо инков и после его смерти будет расти так, как он предназначал.

Выдающийся организатор, Пачакути действительно сумел предопределить ход событий после его кончины. На этот раз трон Куско перешел от одного Инки к другому без каких бы то ни было потрясений.

В отличие от отца Тупак Юпанки не занимался преобразованием мира. Он уже

не давал Тауантинсу́йу такое множество новых законов, не вносил изменений в его общественный строй, не занимался он ни философией, ни преобразованием календаря. По-видимому, он даже не писал и стихов. Тем не менее он сохранил в силе все решения Пачакути, сохранил верность его заветам, его мировоззрению. Полностью воспринял он и основную «доктрину» отца, согласно которой весь мир, все народы для собственного же их блага должны были объединиться под мудрой властью инков. Именно поэтому Тупак Юпанки предпринял целый ряд грандиозных военных походов, в результате которых достиг того максимума, который вообще был возможен для этих индейцев, выходцев с гор Перу. Меч инков звенел теперь повсюду: в северной и южной части Южной Америки, в джунглях реки Мараньон и у берегов Тихого океана. Тупака Юпанки, пожалуй, можно было бы сравнить лишь с одним-единственным полководцем Старого Света — с Александром Македонским.

Трудно, пожалуй даже невозможно, перечислить все военные акции Тупака Юпанки. Столь же трудно упорядочить их хронологически, во временной последовательности. Некоторые из своих походов перуанский Александр Македонский предпринял еще при жизни отца, другие — после его кончины. Тупак Юпанки начал завоевательные акции на севере Перу, то есть в той области, где он когда-то во время знаменитого похода Капака Юпанки получил боевое крещение.

Из Кахамарки, теперь уже принадлежавшей инкам и устоявшей перед неоднократными атаками чиму, Тупак Юпанки повел свое войско прежде всего во владения индейцев чачапойя, находившиеся в тропической низменности Мараньон. Целью этого похода было не только завоевать и присоединить к империи эту часть Монтаньи, но и заполнить

самых красивых, по эстетическим идеалам инков, женщин Перу — девушек чачапойя, славившихся, ко всему прочему, необычным для индейцев белым цветом кожи.

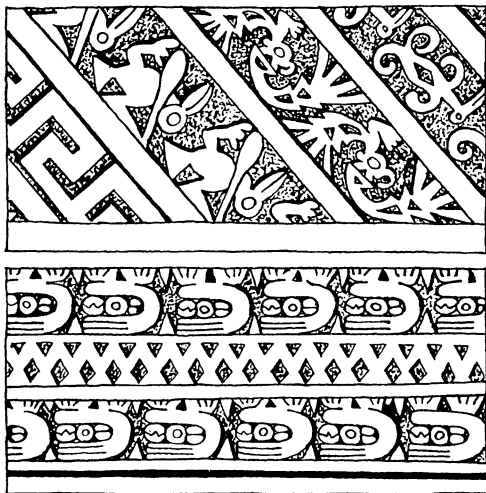
Победив индейцев чачапойя и взяв в плен главного синчи, то есть верховного вождя их племени, Чукисокти, Тупак Юпанки изменил на 180 градусов направление своего продвижения и мощью всех своих армий ударил по самому сильному прибрежному королевству, по самой последней в Перу империи, продолжающей сохранять независимость от инков, — прославленному государству Чиму.

Страна Чиму (название этого государства восходит к титулу его суверенных правителей) простиралась вдоль всего северного побережья Перу от Анкона до Тумбеса, ее протяженность составляла более тысячи километров. Люди здесь селились главным образом в плодородных долинах рек, пересекающих, в общем-то, безжизненную пустыню. Жители этой страны умело возделывали землю, прекрасно строили ирригационные сооружения, были отличными рыбаками, но далеко не столь умелыми воинами.

Обитавшие на побережье чиму по своему образу жизни значительно отличались от инков, живших в горах. Негодование «сыновей Солнца», любивших во всем порядок, вызывали прежде всего отклонения от нормы в сфере страсти у этих жителей теплого побережья.

От своих соседей из Сьерры чиму отличались и своими религиозными представлениями. Главным божеством жителей этого прибрежного государства была Луна. Именно в честь ее, а не Солнца здесь возводились святилища и даже пирамиды. Перуанское королевство Луны было богатым, его гордостью были не только сокровища из золота и драгоценных камней, но также и люди, ко-

торые своими руками их создавали: мастера, ремесленники, и в особенности ювелиры, значительно превосходившие своим искусством инкских собратьев. Уже из-за одних этих несметных сокровищ солдаты Солнца и рвались захватить и разграбить страну Луны и ее столицу – великолепный Чан-Чан.

Последней перуанской империей, завоеванной инками, была Чиму. Ее искусство оказало большое влияние на развитие ремесел у инков. Гордостью столицы империи города Чан-Чана были не только ювелирные изделия из золота, но и великолепные рельефы на стенах дворцов

Тауантинсуйу уже на раз вступало с прибрежными «лунопоклонниками» в конфликт, грозящий перейти во взрыв. В последний раз это случилось тогда, когда Капак Юпанки – без согласия Пачакути – захватил горное королевство Кахамарка, связанное союзническими отношениями с империей Луны. Было совершенно очевидно, что в скором времени оба государства – прибрежное

Чиму и горное Тауантинсуйу – действительно скрестят друг с другом оружие в решающей схватке. Это произошло в 70-е годы XV века. В итоге поединка прибрежная страна Луны утратила свою политическую независимость. Случилось это, конечно, не сразу, а постепенно, в результате целого ряда столкновений и битв, происходивших на юге, востоке и севере государства Чиму.

Первый большой удар войско Тупака Юпанки нанесло с востока. Чиму во главе с правителем Минчанкамано все же устояли перед мощной атакой инков. Тем не менее Тупак Юпанки все-таки сумел разграбить одну из основных долин страны Чиму, Хекетепеке. После этого он изменил направление удара и устремился прямо на север. Поскольку захват Кахамарки давал ему в руки ключ от всей северной Сьерры, он желал теперь проникнуть дальше на территорию, которая ныне является – в этой горной области – непосредственной границей Перуанской республики. В ту пору этот регион населяли довольно примитивные индейцы пальта.

После боев, продолжавшихся пять месяцев, армия инков взяла верх над пальта. Захватив страну пальта, Тупак Юпанки повел свое войско еще дальше на север – на территорию, ныне принадлежащую Республике Эквадор. Здесь находилась родина очень воинственного племени каньяри, которое с невероятным упорством противостояло отрядам Инки. Но в конце концов и мужественные каньяри, так же как до них их южные соседи пальта, не устояли перед численно превосходящим противником. Они подчинились «сыновьям Солнца», а со временем даже стали, как это произошло не так давно с чанками, преданно служить в войске Тупака Юпанки.

Из южного Эквадора, из страны каньяри, руководитель похода – сын Пачакути – на какое-то время возвратился в Ку-

ско. Покончив с делами в столице, он снова вернулся на север, к своей армии. Некоторое время он пробыл в бывшей столице каньяри – Тумибамбе («город ножей»), который инки быстро превратили в типичный город инкской провинции со всеми атрибутами провинциальной столицы, то есть с храмом Инти, домом «избранниц Солнца», дворцами для правителя и других вельмож государства, с военными складами и амбарами.

Тумибамба каньяри, так же как и несколько лет тому назад Кахамарка, стала для Инки удобным трамплином для последующих завоеваний «сыновей Солнца», рвущихся теперь к самому сердцу горной области Эквадора. Эта центральная часть страны, расположенная под склонами горы Чимборасо высотой в шесть тысяч метров, в то время находилась под властью очень могущественного царства Киту (Кито), населенного одноименным индейским племенем.

Первоначально киту называли себя кара – по имени своего легендарного предка. Судя по всему, они пришли сюда из тропических низменностей Колумбии и принадлежали к индейской языковой семье чибча. Во главе этого в ту пору самого сильного эквадорского государства, к которому присоединились индейцы пура и пенсалека, в течение длительного времени находились единовластные владыки – цари, – официальный титул которых – шири. Первые десять шири происходили из племени киту. Следующие четыре правителя принадлежали к так называемой династии Дучицелья, образовавшейся в результате брака между китской принцессой и верховным начальником упомянутых индейцев пура.

К четырнадцатому шири государства Киту – четвертому представителю династии Дучицелья, царю Уалкопо, и направил теперь Тупак Юпанки свое посоль-

ство, которое должно было предложить правителю горного государства в Эквадоре, чтобы он вместе со своим народом, так же как и многие другие народы в Андах, признал власть Тауантинсуйу.

Уалкопо отказался. Сделал он это вежливо, тем не менее это был все же отказ. И действительно, какое-то время он успешно противостоял инкам, но в конце концов «сыновьям Солнца» удалось позднее захватить царство четырнадцатого шири. Из всех территорий, которые Александру Македонскому Нового Света удалось завоевать во время своих походов, пожалуй, именно Киту имело наибольшее значение. К тому же владыкам Тауантинсуйу Киту очень понравилось. Именно в его дворцах Тупак Юпанки провел немалую часть своей жизни. Его преемник из Киту, а отнюдь не из официальной столицы Куско длительное время даже вершил судьбы всей империи.

Однако сейчас, к моменту повествования, Тупак Юпанки пока еще не нанес удара по Киту. Он все время помнит о том, что главной целью его большого, многолетнего похода по-прежнему остается захват и полный разгром империи Чиму. Поэтому, оставив часть своей армии под командованием генерала Чалко Майта (его же он назначает и управляющим еще не полностью завоеванной эквадорской Сьерры), сам он спускается к океанскому побережью. Впрочем, по болотистому побережью Эквадора далеко не пройдешь, поэтому великому полководцу, пришедшему с гор, не остается ничего другого, как научиться путешествовать по морю. От индейцев, живущих на побережье, он учится строить плоты из бальсовых бревен. На этих плотках Тупак Юпанки атакует с моря остров Пуна, расположенный в Тихом океане, неподалеку от крупнейшего ныне эквадорского города Гуаякиль.

Большая флотилия бальсовых плотов, использованная Тупаком Юпанки при высадке на остров Пуна, послужила правителью еще раз во время морской экспедиции, сохранившейся в памяти южноамериканских индейцев. В настоящее время, конечно, трудно установить, куда направлялась эта экспедиция и какой части планеты она достигла.

Коренные жители Перу рассказывали о том, что десятый Инка тогда будто бы совершил продолжительное плавание по волнам Тихого океана в западном направлении. В ходе этого плавания были обнаружены два острова. Первый остров кечуанцы называли Ауачумби, другой – Ниначумби. Примечательно, что в своих рассказах индейцы единодушно утверждали, будто на этих тихоокеанских островах Тупак Юпанки обнаружил и взял в плен множество чернокожих людей.

Именно упоминание о «тихоокеанских неграх» чрезвычайно заинтересовало автора этой книги в процессе его работы над четырехтомным трудом по истории и культуре народов Океании. Дело в том, что подобные «черные люди» действительно живут в одной из трех частей Океании – Меланезии! По имеющимся описаниям, тихоокеанские острова, на которых побывал Тупак Юпанки, скорее всего напоминают Соломоновы острова Меланезии.

Соломоновы острова – Гуадалканал и другие – от берегов Южной Америки отделяет расстояние в десять тысяч километров, поэтому очень сомнительно, чтобы пришедший с гор правитель Инка Тупак Юпанки и его солдаты, также жители гор, не имевшие абсолютно никакого опыта в мореплавании, сумели бы совершить столь длительное путешествие на плотах через весь Тихий океан и, кроме того, той же дорогой и тем же самым способом вернуться обратно в Южную Америку. Вместе с тем, например, знаме-

нитое путешествие Тура Хейердала на плоту «Кон-Тики», а также другие экспедиции на подобных плотах (в частности, чеха Ингриша, переплывшего Тихий океан даже в обоих направлениях) доказали, что индейские бальсовые плоты при благоприятных обстоятельствах действительно могли преодолевать бесконечные просторы Тихого океана.

Думается все же, что Тупак Юпанки вместе со своей флотилией, скорее всего, побывал на Галапагосских островах, расположенных ближе к Американскому континенту и относящихся ныне к Республике Эквадор. Один из двух островов, обнаруженных Инкой в Тихом океане, по-кечуански называется Ниначумби, что буквально означает «огненный пояс». Весьма возможно, это говорит о том, что владыка обнаружил острова вулканического происхождения. На Галапагосах же действительно в нескольких местах (например, на острове Сан-Сальвадор) до сих пор можно наблюдать значительные следы вулканической деятельности.

Нет сомнения, что доколумбовы индейцы бывали на Галапагосских островах. Это были главным образом индейские торговцы на своих бальсовых плотах. На островах обнаружены также (впервые в 1953 году) остатки доколумбовой керамики. Несмотря на то что мы не можем быть до конца уверенными в том, что именно Галапагосы были целью этой совершенно уникальной в истории коренных жителей доколумбовой Америки морской экспедиции по бесконечным просторам Тихого океана, тем не менее более правдоподобно, что Тупак Юпанки посетил тогда вместе с флотилией бальсовых плотов, скорее всего, именно эти острова, чем отдаленную страну чернокожих людей – Меланезию.

Экспедиция по водам самого большого океана планеты, организованная и осуществленная индейцем высокогорья,

который сам еще недавно не имел никакого понятия о мореплавании, об искусстве навигации, свидетельствует об исключительной отваге Тупака Юпанки.

Действительно, Александр Македонский Нового Света нес огонь инков везде, где только можно было пройти. Совершая морскую экспедицию на остров Пуна, а затем к своей менее достоверной цели в глубинах Тихого океана, он «шагал» даже по воде, как Христос. Поэтому с полным основанием можно сказать, что в Латинской Америке никогда еще не было столь одаренного воина, столь крупного полководца. Однако ни одну территорию, ни одно государство Инка не желал подчинить себе столь страстно, как прибрежную империю Чиму. Вот почему, одержав победу над пальтами, захватив страну каньяри, достигнув границ эквадорского царства Киту и, наконец, совершив невероятные морские экспедиции, Тупак Юпанки вновь поднял войско инков, с тем чтобы на сей раз выполнить, как он был убежден, свою главную задачу, определить которую можно коротко и ясно: Чиму.

XIV. Покорение Луны

С завоеванного острова Пуна, важного морского торгового центра, бывшего местом поклонения ягуару, Тупак Юпанки снова на большой флотилии бальсовых плотов перевез своих воинов на Южноамериканский материк. Его ближайшей целью был прибрежный город Тумбес.

Для тех, кто прибывает в Перу с севера, будь то во времена инков, в период испанской колонизации или же, наконец, сейчас, во времена южноамериканской республики, Тумбес – первый город, встречающий путешественника на территории этой страны. Вот и теперь именно через Тумбес Тупак Юпанки возвращался на свою родину, в Перу.

Во главе этого небольшого полусамостоятельного города-государства, находившегося в вассальной зависимости от Чиму, как ни странно, уже несколько поколений стояли женщины-правительницы, официальным титулом которых был «капульяна». Капульяна Тумбеса

обладала всеми обычными привилегиями, полагающимися правителям доколумбова государства. Разница лишь в том, что в Тумбесе все было наоборот, чем в Куско. Если, например, Инка мог иметь неограниченное количество женщин, то капульяна пользовалась правом выбирать и брать себе в мужа неограниченное количество тумбесских мужчин. Причем избранники не смели отвергнуть владычицу или отказаться удовлетворить ее страсть. Таким образом, если в других местах преобладала полигамия, то для города капульяны была характерна полиандрия – многомужество.

Тумбес сдался «сыновьям Солнца» практически без боя. Как уже говорилось, до этого город был связан вассальными отношениями с Чиму. Он представлял собой северную, «безопасную» границу государства Луны, то есть границу, на которой чиму вообще не ожидали появления войск инков. Вот почему армия Тупака Юпанки могла беспрепятственно продвигаться по стране Чиму, не защищенной войсками с севера.

Одновременно с вторжением Тупака Юпанки в незащищенный тыл Чиму другая армия инков атаковала прибрежную империю с юга. Эта армия, впрочем, уже в течение длительного времени держала осаду самой большой крепости Чиму, Парамонги, сооруженной из адоб – высушенного на солнце кирпича-сырца. Теперь же, когда государство «лунопоклонников» попало в сомкнутые клещи инков, южной армии удалось взять штурмом Парамонгу. И вот уже с севера и с юга к самому сердцу страны – городу Чан-Чану – неудержимым потоком устремились спустившиеся с гор армии.

Завоеванием Чан-Чана закончился длительный поход Тупака Юпанки. Он достиг своей цели. Империя Чиму была сокрушена, а ее владыка Минчакаман как знатный пленник был отвезен в Куско. Вместе с ним в столицу империи «сыно-

вей Солнца» отправились и сказочные сокровища прибрежного государства.

В тогдaшнем Перу мастера Чиму были вне конкуренции в искусстве керамики, в ткачестве и особенно в обработке драгоценных металлов и камней. Именно поэтому вместе с изготовленными ими украшениями и сами они как ценнейшие живые военные трофеи были увезены в Куско. Руками этих ремесленников, работавших впоследствии при дворе Инков, было создано множество великолепных произведений, украсивших столицу государства. К их числу принадлежат и знаменитый сказочный золотой сад в Куско, бывший, вне всякого сомнения, величайшим произведением искусства в столице империи. Он, бесспорно, являлся творением, созданным привезенными из Чан-Чана чимускими золотых дел мастерами.

После захвата запада (Чиму) и севера (горного Эквадора, страны каньяри, а позднее и царства Киту) Тупак Юпанки отправился на восток – в джунгли Амазонской низменности. В довольно неблагоприятных для индейцев, привыкших к горам, условиях он достиг тем не менее реки Амарумайо («река анаконда»), называемой ныне Мадре-де-Дьос. Затем правитель инков начал продвигаться к реке Манаус, протекающей через джунгли, и далее к Паитити. Здесь его настигло известие о том, что покоренные Пачакути колья воспользовались отсутствием Инки и под руководством одного из сыновей некогда казнённого в Куско правителя (Чучи Капака) подняли мятеж, перебили весь тамошний гарнизон инков и инкских колонистов и пытаются восстановить свою, независимую от «сыновей Солнца» империю аймара.

Встревоженный известиями об опасном мятеже аймара, Инка маршем прошел от рек джунглей до озера Титикака. Здесь он довольно легко усмирил восставших колья. От берегов Титикака Ту-

пак Юпанки повел войска на юго-восток нынешней Боливии, к северным границам Парагвая, устремляясь прежде всего к владениям полудиких индейцев чаркас.

У границ Парагвая Инку настигло посольство жителей аргентинского Тукумана: эти североамериканские индейцы также просили о покровительстве Тауантинсуйу. С учетом этого Тупак Юпанки разместил в Тукумане постоянный гарнизон своей армии. Основную же часть войска владыка направил дальше на юг – в Чили. Некоторое время в походе на Чиму Тупак Юпанки сам командовал войсками, впоследствии же по его поручению руководство осуществлял один из его сыновей – Синчи Рока (II).

В ходе продвижения в глубь Чили армию Тупака Юпанки, уже имевшую опыт ведения войны во влажных, полных ядовитых испарений джунглях Амазонки, не один раз покорявшую высочайшие ледники Анд, плававшую даже на плотах, в том числе по Тихому океану, ожидало, пожалуй, самое тяжелое испытание: переход через бесконечную, раскаленную, безводную и безжизненную пустыню Атакаму в северном Чиму. Экспедиционная армия «сыновей Солнца» тем не менее с успехом вышла и из этого испытания. Когда у нынешнего города Копьяпо войны Инки одержали победу над местным племенем диагитов, перед «сыновьями Солнца» открылся путь к самому сердцу Чили – в большую центральную долину, в места, где позднее испанцы заложат столицу этой страны – город Сантьяго-де-Чили.

Центральное Чили с его вздымающейся к небу высочайшей горой Нового Света, Аконкагуа, покрытой вечными снегами, с его лесами араукарий было родиной самых отважных воинов индейской Америки – мужественных арауканов. Именно арауканы (мапуче), впоследствии оказавшиеся единственным во всем Новом Свете индейским племенем,

которое на протяжении всего колониального периода смогло противостоять испанцам, в жестокой трехдневной битве на берегах чилийской реки Мауле нанесли поражение экспедиционным войскам Тупака Юпанки. Река Мауле, протекающая по территории чилийских арауканов, и стала самой южной границей столь возросшей империи «сыновей Солнца».

В результате многочисленных военных походов Александр Македонский Нового Света – Тупак Юпанки – воплотил в жизнь идею своего отца о мировом господстве. Площадь государства инков теперь уже превышала миллион квадратных километров. Тупак Юпанки расширил границы Тауантинсуйу во всех направлениях. Его продвижение было остановлено лишь неблагоприятными природными условиями, оказавшимися непреодолимыми для пришедших с гор инков, – неприступными смертоносными джунглями Амазонки. Из всех индейских народностей лишь чилийские арауканы оказали сопротивление войскам Тупака Юпанки на поле сражения.

Тупак Юпанки завершает военную экспансию Тауантинсуйу. Впрочем, дальнейшее расширение территории империи, наверное, уже вряд ли было возможным. Будучи в преклонном возрасте, Александр Македонский Нового Света отложил меч. Борьба тем не менее продолжалась. Однако на сей раз она развернулась не на границах империи, а в самом его сердце, собственно говоря, в центре этого сердца – в стенах королевских дворцов, в их покоях, залах и, пожалуй даже в первую очередь, в роскошных будуарах многочисленных любовниц Инки. Борьба здесь шла не между мужчинами. В схватке сошлись женщины и даже дети. Они пытались победить друг друга в игре, полной коварства и интриг, достойных Лукреции Борджиа или же других жестоких придворных интриганов эпохи Возрождения.

XV. Яд, трон и прекрасная фаворитка

Главную героиню странного поединка, внезапно разыгравшегося в будуарах и покоях дворца Инки Тупака Юпанки, теперь уже стареющего и больного, пожалуй, лучше всего было бы сравнить с итальянской Лукрецией Борджиа. Эта индианка, искусно владевшая политикой кинжала и яда, вполне могла бы сойти за героиню романтически сентиментальных исторических или же женских романов. Звали ее Мама Окльо (II).

Мама Окльо была одной из немногочисленных законных дочерей великого Пачакути. По воле отца, одержимого идеей исключительности своего рода, она, еще будучи юной, стала законной женой Тупака Юпанки. Как мы уже знаем, Пачакути в детстве пришлось пасти лам, собственно говоря, он был изгнан из своего родного дома; позднее

ему пришлось бороться за свое положение в обществе. Право на трон в Куско он буквально отвоевал путем дворцового переворота. И вообще свои юношеские годы он провел весьма беспокойно. В отличие от него Тупак Юпанки уже с детства целенаправленно подготавливался отцом к карьере правителя. И невеста ему была выбрана соответственно представлениям Пачакути, то есть родная сестра Тупака Юпанки.

Несмотря на то что Пачакути первоначально хотел видеть своим преемником на троне первородного сына Амару, тем не менее и два других сына воспитывались в строгом соответствии с идеалами отца, который желал, чтобы манеры, убежденность в своей собственной исключительности у его сыновей вошли в плоть и кровь, буквально с молоком матери. Именно поэтому Тупак Юпанки – вплоть до своих пятнадцати-шестнадцати лет – жил исключительно в Кориканче или же королевском дворце. Он воспитывался лучшими преподавателями ячауаси и ведущими теологами империи. Готовили его также и к выполнению функции командующего армией Тауантинсуйу. Именно в стенах королевского дворца по приказу отца будущий Инка сблизился, а затем на самом деле женился на столь же юной сестре Мама Окльо.

Мама Окльо, маленького роста и отнюдь не красавица, была чрезвычайно претенциозной особой. В ее намерения входило стать не только женой инки-правителя, но и матерью будущего властелина государства. С течением времени она родила Тупаку Юпанки нескольких детей, в том числе двух мальчиков, один из которых, второй по счету, Уайна Капак должен был стать, как многие при дворе думали, будущим Инкой.

Принц Уайна Капак появился на свет уже на склоне лет отца, так как до этого Тупак Юпанки большую часть своей жизни провел в военных походах. Ему

был подвластен теперь почти весь дотоле неизвестный инкам мир. Когда же, по сути дела, уже нечего было завоевывать (к тому же давали себя знать усталость и болезни, верные спутники старости), владыка Тауантинсуйу отложил оружие и доспехи, чтобы уединиться в своих личных резиденциях – уютных дворцах либо в Ольянтайтамбо, либо в другом излюбленном месте, в Киту, с тем чтобы «на склоне лет» насладиться радостями жизни. Вполне естественно, что к числу этих радостей десятого Инки относились прежде всего женщины, а среди них была его законная жена Мама Окльо (родившая ему того самого Уайна Капака), но главным образом бессчетное количество жен побочных.

Бесконечные увеселения владыки с девушками из его гарема отнюдь не сердили Мама Окльо, поскольку любовные утехы, которым теперь с таким энтузиазмом предавался Инка, не ставили под угрозу ее привилегированного положения как законной супруги владыки и матери будущего главы государства. Однако в один прекрасный день Тупак Юпанки среди придворных дам обнаружил хорошенькую молоденькую девушку, оказавшуюся его неродной сестрой, по имени Чуики Окльо. Вот тут-то, очевидно, и повторилась во всех деталях история, уже однажды случившаяся при королевском дворе Инков. Влюбившись без памяти в нежную Чуики Окльо, владыка будто бы принял решение: будущим Инкой станет не сын законной супруги Мама Окльо, а незаконнорожденный сын упомянутой фаворитки. Это важное решение Инка принял, однако, находясь уже, так сказать, на смертном одре, будучи тяжелобольным человеком.

Оба наследника трона – как «законный», так и «незаконный» – в то время были совсем юными. Решение вопроса о том, кто из них станет будущим Инкой, зависело, между прочим, не от их якобы

всемогущего отца, по законам империи имевшего право выбора своего преемника, а от тех двух до глубины души ненавидящих друг друга женщин, матерей этих мальчиков.

Тяжелобольному Инке, безусловно, хотелось, чтобы у его постели находилась и ухаживала за ним его любовница, а отнюдь не его стареющая жена, поэтому Чуики Окльо почти все время проводила наедине с больным Тупаком Юпанки. Поскольку лекарства и процедуры, назначенные придворными лекарями, больному не помогали, Чуики Окльо призвала на помощь колдуна. Однако, несмотря на усилия, правитель умер.

В империи начались распри. Многочисленные сторонники Чуики Окльо не без основания утверждали, что Тупак Юпанки назвал своим преемником Капака Уари, сына фаворитки. Противоположная сторона, возглавляемая умной коией Мама Окльо, напротив, настаивала на соблюдении законов империи. По законам престолонаследия одиннадцатым Инкой должен был стать мальчик Уайна Капак. Оба претендента на трон были очень юны, прямо-таки дети. Исход дворцовой войны, спора, кто же взойдет на трон, за них и от их имени решали враждующие матери.

После бесконечных истинно борджиевских интриг победа оказалась на стороне крайне изощренной Мама Окльо. Так, например, ей удалось распространить по всему Тауантинсуйу явно лживый слух о том, что ее соперница, красавица Чуики Окльо, воспользовавшись тем, что она единственная имела право неотлучно находиться у ложа Тупака Юпанки, с помощью колдуна отравила Инку ядом тропических трав.

Факт вмешательства колдуна вызвал негодование у духовенства государства; в свою очередь и генералитет империи, сохранявший верность традициям Пачакути, оказался на стороне официальной

королевы, а не фаворитки. Против Чуики Окльо восстало и общественное мнение государства, взбудораженное слухом о преступлении цареубийства, якобы совершенном ею. В конце концов будущим Инкой стал малолетний Уайна Капак; второго же мальчика, незаконнорожденного Уари, отправили в пожизненную ссылку в город Чинчерос.

Победителем из жестокой дворцовой войны, завершившейся, как в романе, историей с ядом, естественно, вышел не мальчик Уайна Капак, а его мать Мама Окльо. Тогда же эта стареющая малорослая и некрасивая королева показала всем, на что она способна. Она устроила настоящую Варфоломеевскую ночь поперуански: прежде всего ревнивая койя приказала убить каменными топорами красавицу Чуики Окльо; после этого в упоминавшейся выше камере пыток государства, предназначенной для врагов страны, были ликвидированы и родственники и союзники побежденной фаворитки Инки.

Как ни странно, победа, одержанная честолюбивой, жестокой Мама Окльо, как вскоре выяснилось, не была окончательной. Ее сын, которому предстояло стать одиннадцатым Инкой, еще носил «коротенькие штанишки». Поэтому впервые в истории Тауантинсуйу государственный совет поручил временное управление страной регенту по имени Уальпайя. Но регент Уальпайя, вместо того чтобы пекся о делах империи, штурвал которой ему доверили крепко держать в руках, стремился прежде всего к тому, чего в столь жестокой борьбе добивались обе женщины-соперницы: он мечтал, чтобы будущим Инкой стал не сын Мама Окльо и не сын убитой Чуики Окльо, а его собственное чадо!

Замысел, целью которого было вывести победителем в поединке двух третьего, регент Уальпайя, вполне естественно, держал в строжайшем секрете. Он тайно

организовывал в некоторых провинциях отряды верных ему людей и снабжал их оружием. На случай военных выступлений своих приверженцев в столице империи он сосредоточивал оружие и в самом Куско.

Заговор против империи, столь тщательно законспирированный тем, кто по воле государственного совета должен был временно управлять Тауантинсуйу, был раскрыт совершенно случайно. На одном из «контрольных пунктов» в Лиматамбу в ходе проверки товаров, направлявшихся в Куско, в мешках с листьями коки было обнаружено спрятанное оружие. Те, кто его тайно переправлял в столицу империи, под пытками показали, что оружие было предназначено для заговорщиков Уальпайя на случай подготавливаемого им государственного переворота.

Регент своевременно узнал о том, что его замыслы раскрыты. Для того чтобы опередить противников, он решил со своими отрядами напасть на Киспиканчу («хрустальный дворец»), где находился ребенок, которому предстояло стать в будущем одиннадцатым Инкой, — сын Мама Окльо, маленький принц Уайна Капак.

Ребенка-наследника трона спас от верной смерти преданный королевскому айлью генерал Уаман Ачачи, прибывший с несколькими сотнями верных ему солдат во дворец до прихода отрядов регента. В ходе столкновения заговорщики были разбиты. Уальпайя попал в плен, его так же, как совсем недавно любовницу Инки Чуики Окльо, сначала пытали, а потом вместе с приверженцами казнили.

Только теперь пришло время полного триумфа Мама Окльо. Невзирая на то что ее сын все еще был очень мал и, разумеется, абсолютно не готов к тому, чтобы выполнять обязанности главы столь большого государства, она настояла на немедленной коронации, чтобы

впредь уже никакой другой заговор не смог помешать его вступлению на трон Куско. Во время скоропалительного обряда несовершеннолетнему принцу были вручены официальные регалии Инки. Несмотря на малолетство Инки, его тотчас же женили на дочери Мама Окльо, девочке по имени Куси Римаи.

Триумф, одержанный десятой койей, завершился собой один из самых жестоких и самых запутанных поединков, которые когда-либо происходили в Тауантинсуйу. Это единоборство развернулось не на поле брани между солдатами враждующих армий, а в стенах королевского дворца, в богатых будуарах. Участниками этого единоборства были несколько детей, один властолюбивый регент и две женщины. Победительницей из этой борьбы вышла та, которая не знала себе равных в искусстве ведения дворцовых интриг, в умении пользоваться вероломным тайным оружием, политикой кинжала и яда, — Лукреция Борджиа из Перу — койя Мама Окльо.

Вопреки всем опасностям, подстергавшим его в бурлящем океане дворцовой ненависти, новым правителем стал все-таки Уайна Капак. Одиннадцатый Инка всегда помнил о том, что свой трон он получил исключительно благодаря матери. Поэтому после ее смерти он превратил материнский дворец, называвшийся Пикчу, в одно из самых важных святилищ страны. Именно здесь почитали эту женщину жители империи, даже не догадываясь о том, с помощью каких жестоких средств эта настоящая Лукреция Борджиа древней Америки влияла на жизнь Тауантинсуйу. Посмертному возвеличиванию культа матери Уайна Капака в значительной степени способствовало и то, что по стечению обстоятельств ревнивая королева носила то же самое имя, что и легендарная сестра и супруга основателя государства, родная сестра самого Солнца — Мама Окльо.

XVI. Уайна Капак, или Владыка страны в пути

В результате вмешательства Мама Окльо в жизнь государства «сыновей Солнца» в Тауантинсуйу, кажется, наметились существенные изменения. Во времена Пачакути, а также в период правления Тупака Юпанки, крепко и уверенно державшего в своих руках кормило империи, все силы страны и ее руководства, королевского айлью, то есть своего рода инкской элиты, были направлены на непрерывную экспансию, территориальный рост империи. Что же касается внутренней жизни, то здесь предметом внимания стало постоянное совершенствование ее государственного устройства.

С периода дворцовой войны, в которой столь удивительным образом победила ловкая Мама Окльо, многие из сановников Тауантинсуйу, вдохновленные примером койи, стали больше заниматься придворными интригами, так как самым

изворотливым это, несомненно, сулило немалые куши: должности правителей, регентов, управляющих провинциями. Это было похоже на раковую опухоль, разъедающую монолитность той небольшой группы людей, которые собственно-ручно вершили судьбы империи. И как у всякой раковой опухоли, симптомы ее поначалу были совсем незаметны.

Владыка-подросток Уайна Капак по мере своих сил пытался управлять делами государства. Он не достиг совершеннолетия, когда от его брака со столь же юной сестрой родился законный сын Нинан Куйочи. Примерно в это же время другая родная дочь Тупака Юпанки, то есть родная сестра Инки, по имени Рауа Окльо родила от него сына Уаскара. И наконец, в скором времени у владыки родился еще один, третий, «менее законный» сын – Атауальпа, матерью которого была одна из побочных жен Инки, последняя оставшаяся в живых принцесса из династии правителей эквадорского Киту – шири, – потерпевших поражение от «сыновей Солнца». Это была красавица Токто Кока.

Отец родившихся детей – Нинана Куйочи, Уаскара и Атауальпы – сам был еще почти ребенок. Однако юный Инка был очень привязан к своим сыновьям. Совершенно очевидно, что едва в стенах дворцов Куско утихла борьба за трон, как в результате рождения трех практически равноправных потомков Уайна Капака начала пускаться корни новая склока.

Впрочем, несовершеннолетнего владыку пока еще мало волновал вопрос о том, кому он со временем передаст свой жезл правителя. Его, так же как и его покойного отца, впереди ждали многочисленные военные походы и путешествия по бескрайним просторам империи.

Путешествия, экспедиции, военные походы владыка осуществлял постепенно. Так, вначале он совершал лишь непродолжительные поездки по ближайшим

окрестностям Куско. Со временем, однако, возникла необходимость консолидировать отношения в южных и северных окраинах Тауантинсуйу. Сам правитель отправился в нынешнюю Боливию, затем в Чили и даже посетил в итоге северную часть Аргентины. В противоположном направлении – во вновь kloчущий от недовольства Эквадор – Уайна Капак направил своего лучшего командующего, генерала Уамана Ачачи, того самого, благодаря своевременному вмешательству которого в недалеком прошлом был ликвидирован заговор регента и юный Инка остался на троне.

Проследим сначала за путешествием владыки на юг империи. Область боливийского Альтиплано – страна Колья – была для «сыновей Солнца» важным источником двух крайне необходимых для них поставок: серебра и живой военной силы. Для того чтобы поддерживать мир в этой столь важной для Тауантинсуйу области, Инка приказал поселить здесь, прежде всего в районе Кочабамбы, большие группы колонистов, говоривших на языке кечуа. Он заставил подчиниться исконных жителей, чарков, приказав одновременно выстроить здесь множество крепостей и укреплений, чтобы воспрепятствовать проникновению боливийских индейцев чиригвано – людоедов, живших в перуанском Чако.

После пребывания в Боливии Уайна Капак направился далее на юг. Потом он перебрался в Чили, где и провел более двенадцати месяцев. В Чили Уайна Капак пытался приспособить бытовавшие там отношения к тем, которые были характерны для инков. Здесь же он воздвиг множество святилищ в честь культа Солнца. Многие из уак Уайна Капак разместил в окрестностях и на островах озера Титикака, то есть в тех местах, где когда-то, если верить легенде, сошли на землю первый Инка и первая койя – родные «дети Солнца». Попечительни-

цей большого святилища на острове Коати, что на озере Титикака, Уайна Капак назначил свою первую родную дочь. Тем самым он хотел подчеркнуть большую значимость этих святых мест.

Вот так долгие месяцы и годы путешествовал молодой владыка, успешно верша свои дела, вдали от Куско — на юге своей империи. На севере же Тауантинсуйу события разворачивались совершенно иначе. В Эквадоре против инков вспыхнуло настоящее восстание. Основными противниками «сыновей Солнца» тут стали воинственные индейцы каранги. Успехи, одержанные ими на поле брани, были настолько значительными, что угрожали владычеству инков в этой части Южной Америки.

Уайна Капаку, большому любителю путешествий, на сей раз пришлось прервать свое путешествие по югу страны, с тем чтобы отправиться в путешествие иное, по северной территории империи, находившейся теперь в угрожающем положении.

В Куско Уайна Капак не задерживается. Поскольку правитель покидает свою резиденцию, видимо, надолго, он снова поручает управление городом одному из трех сыновей, о которых речь шла выше, а именно Уаскару. И хотя Уайна Капак проживет еще почти двадцать долгих лет, тем не менее он никогда уже не вернется в Куско Уаскара. Никогда уже ему не придется вершить судьбы своей империи из ее столицы.

Так впервые в истории Тауантинсуйу «путешественник» Уайна Капак нарушил истинность утверждения «Инка — это Куско, а Куско — это Инка». И хотя вначале это не бросалось так сильно в глаза, тем не менее нарушение этого тождества между владыкой и его столицей вновь повлекло за собой какое-то ослабление традиций индейского Перу. Интересно, кем бы был Цезарь без своего Рима?

XVII. Любовь к северу

Впрочем, подобные философские проблемы о взаимосвязи между империей, ее священной столицей и правителем пока еще не слишком волнуют Уайна Капака, едва достигнувшего двадцатилетнего возраста. Теперь перед ним стоит ряд задач — в частности, создать большую боеспособную армию, которая сможет подавить восстание на севере. На этот раз в состав экспедиционного войска, кроме отрядов кусканской знати, вошли прежде всего боливийские колья.

Вместе с молодым правителем в войне участвуют и десятилетний принц Нинан Куйочи, а также неродной брат Нинана, Атауальпа. Последний из этой тройки принцев — Уаскар — по воле отца остается в Куско. И хотя ему тоже едва исполнилось двенадцать лет, тем не менее на случай гибели отца и братьев на поле брани Уайна Капак назначает его наследником трона. Кстати, у Инки тем временем родились еще два других законных сына —

Манко и Паулью, которые сыграют своеобразную роль в период завоевания империи испанцами.

Ну а пока «сыновья Солнца» воюют не с испанскими завоевателями, пришедшими из Европы. Сейчас основными их врагами являются северные повстанцы каранги, которые живут в северном Эквадоре и южной Колумбии, на самом крайнем «верхнем конце» Тауантинсуйу.

При жизни отца Уайна Капака индейцы каранги формально признали власть инков. Сейчас же они отбросили мнимое послушание и зависимость, объявили «сыновьям Солнца» войну, налетев как смерч на целый ряд крепостей инков, расположенных в северном Эквадоре и в южной части нынешней Колумбии. Почти все крепости были захвачены, и теперь каранги, видимо, готовились идти походом против столицы инкской части Эквадора – Киту. Положение дел не стало лучше и после прибытия большой армии, возглавляемой самим Инкой. В битве у горы Котокачи воинам-каранги удалось даже сбросить с носилок «сына Солнца», и только своевременное вмешательство нескольких мужественных и верных воинов-инков спасло Уайна Капака от самого худшего.

В боях с индейцами каранги, как ни странно, не оправдали себя те, кто до сих пор всегда был стальным кулаком армий инков, – представители знати Куско, входившие в состав отборных отрядов. Поэтому неудивительно, что после горького урока, полученного у Котокачи, когда Уайна Капак не только лишился своих золотых носилок, но едва не лишился головы, Инка вознегодовал на знатных воинов из Куско. Он придумал для них необычное наказание: отнял не только все привилегии, но и ограничил их питание до минимума.

Униженная знать, среди которой было немало кровных родственников правите-

ля, отплатила «сыну Солнца» ненавистью. Под руководством генерала Ми-чи она начала готовить мятеж против Уайна Капака. По замыслу мятежников Инку следовало схватить и убить во время пребывания его армии в Тумибамбе, красивой инкской провинции. К счастью для Инки, в конце концов распри закончились примирением. Уайна Капак отменил унижительные наказания и приказал выдать со складов империи знатным офицерам большое количество золотых изделий. Недовольные получили также множество красивых девушек из здешнего дома «невест Солнца».

После примирения, купленного ценой золота и женщин, войско «сыновей Солнца» с новыми силами могло выступить против каранги. В этот раз Инка поручил командование армией генералу Ауки Тома, обладавшему в полном смысле слова бульдожьей хваткой. Одновременно Уайна Капак отдал приказ, чтобы вся империя позаботилась о пополнении поредевших рядов экспедиционного корпуса новыми силами. Получив свежее подкрепление, генерал Ауки Тома атаковал главную крепость каранги, обнесенную пятью линиями мощных валов. Ценой огромных жертв ему вместе с солдатами действительно удалось пробиться к самому центру крепости. Однако, добившись определенного успеха, солдаты Инки вдруг почему-то покинули крепость. Создалось впечатление, что они отступают. Вполне естественно, каранги принялись преследовать утомленного и обратившегося в бегство врага. Но, как только они вышли за оборонительные валы своей мощной крепости, с обеих сторон на них напали два больших отряда армии Инки, находившихся в резерве. Ауки Тома великолепно удался старый трюк с выманиванием врага из безопасных укреплений крепости. И вот теперь у склонов горы Котокачи, где совсем недавно Инка чуть было не лишился

жизни, каранги были изрублены все до последнего человека.

Уайна Капак отомстил и всем оставшимся в живых индейцам каранги. Их жен и детей «сын Солнца» приказал преследовать и убивать, как диких зверей. Во всех эквадорских деревнях, отвоеванных и очищенных от каранги, по приказанию владыки поселились колонисты из области Куско, говорившие на кечуа.

В последующем индейцы каранги были почти полностью уничтожены. Продолжала оказывать сопротивление лишь небольшая группа беженцев во главе с одним из сановников этого угасающего индейского народа – начальником Пинтой. Позднее на долю этого Пинты выпала честь оказаться последним оставшимся в живых представителем своего народа. Когда начальника взяли в плен, Уайна Капак распорядился сохранить ему жизнь. Возможно, это было сделано специально, чтобы он смог стать экзотическим украшением коллекции курьезов, принадлежавшей владыке.

Однако Пинта, последний представитель индейцев каранги, отказался принять эту сомнительную благосклонность судьбы. В конце концов он был убит, а его тело, так же как и останки других высокопоставленных врагов Тауантинсуйу, было превращено в церемониальный «барабан» из человеческой кожи. В виде «барабана» тело Пинты и было доставлено в Куско.

После двенадцати долгих лет войны Уайна Капак наконец-то дождался триумфа на севере своей империи, триумфа, о котором он столько мечтал. Однако правитель не возвратился в Куско вместе с упомянутым последним индейцем каранги. Инка – уроженец Тумибамбы, судя по всему, на севере чувствовал себя лучше, чем в резиденции в Куско. Именно здесь, в Тумибамбе, на своей родине, Уайна Капак воздвиг мно-

жество великолепных построек в знак приверженности к этому северному городу, к этой северной стране. Именно тут и был сооружен дворец Инков Мольеканча. Здесь, так же как и в Куско, мастера Инки создали второй золотой сад Тауантинсуйу, украшенный сделанными из золота животными, деревьями и растениями.

В Тумибамбе Уайна Капака были сооружены и многие святилища, в том числе Храм Мама Окльо, украшенный золотыми пластинками. Он был построен в честь той гениальной интриганки, которая как раз в этом городе и дала жизнь Уайна Капаку. В золотом святилище, посвященном Мама Окльо, благодарный сын даже поместил статую матери величиной выше человеческого роста. Фигура койи также была сделана из чистого золота. Внутри золотой фигуры находилась редчайшая реликвия: плацента, которая питала Уайна Капака, когда тот находился в чреве матери.

Помимо своей северной родины Тумибамбы, Уайна Капак чаще всего бывал в Киту, которое он любил, пожалуй, еще больше. Отсюда, а вовсе не из Куско он и управлял жизнью империи. Именно здесь, в Киту, Инке и пришлось вести новую борьбу, куда более тяжелую, чем то единоборство с индейцами каранги, которое длилось двенадцать лет.

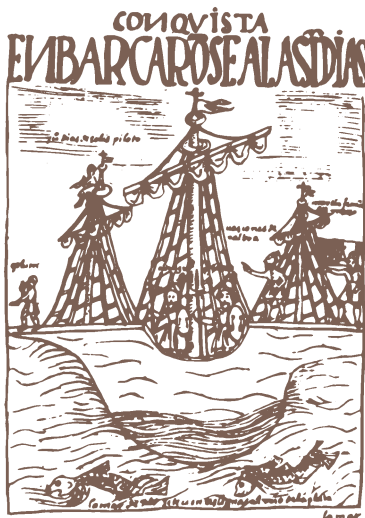
На «сына Солнца» и на жителей его империи тогда обрушилась болезнь, до толе индейцам неизвестная, – болезнь, против которой они были абсолютно бессильны. Она поражает не только отдельных людей, но и целые народы. Эпидемию, как был уверен Уайна Капак, занесли к индейцам белолицые, появившиеся на побережье Эквадора, – хотя ни в самом Киту, ни в горах они еще не показывались. Это были бородачи, о которых даже мудрейшие из его амауту не могли определенно сказать, являются ли

они действительно людьми или же это боги, ниспосланные Виракочей.

Эти белокожие существа должны были обладать, так по крайней мере казалось Инке, чудовищной силой, позволяющей им управлять даже такой ужасной болезнью. Сам же владыка защищался от эпидемии (видимо, это была оспа или же бубонная чума) лишь большим постом и молитвами. Ничто, однако, не помогло. Индейский владыка заразился и, недолго проболев, скончался в Киту от болезни, занесенной из Европы.

Таким образом, от болезни, а не от боевой раны умер этот вечно беспокойный, вечно странствующий и вечно сражающийся одиннадцатый Инка — «путешествующий владыка» империи, — правитель Уайна Капак.

XVIII. Инка Уаскар, или Коронация самого себя

Так же как и одиннадцатый Инка, Уайна Капак, от последствий загадочной болезни белых людей умерло около 250 тысяч южноамериканских индейцев. Будучи на смертном одре, Уайна Капак все же успел высказать два важных последних желания. Во-первых, он пожелал, чтобы его преемником стал законный наследник трона — принц Нинан Куйочи. Во-вторых, правитель высказал просьбу, чтобы после смерти его тело перенесли обратно, в законную столицу Тауантинсуйу — Куско. Он хотел этого совсем не потому, что его привлекало именно там покоемся в вечном сне. Для Инки было важно, чтобы по крайней мере на долю его мумии выпали те почести, тот поримски роскошный триумфальный прием, который по традициям империи был положен владыке, возвращающемуся из победоносного похода.

И действительно, мумию Уайна Капа-

ка в Куско приветствовали, словно живого, могущественного участника эквадорской и колумбийской войн. Вторая часть завещания Инки — желание, чтобы после его смерти власть в империи перешла к Нинану Куйочи, — выполнена не была. Собственно говоря, это желание было просто невыполнимо, так как юный принц, находившийся вместе с отцом за пределами Куско, на севере империи, заразился той же странной неизвестной болезнью. Как и его отец, он стал жертвой фатальной эпидемии. После смерти возвратились в Куско оба — отец и его любимый сын и преемник, который даже не успел водрузить на свою голову корону Инков.

О принце Нинане Куйочи, наследнике трона, назначенном самим Уайна Капаком, мы знаем мало. Поэтому нам трудно сказать о нем что-либо определенное. Он умер слишком молодым. Принц хотя и находился рядом с Инкой, но все же оставался в тени. Что же все-таки можно сказать о его отце? Об Уайна Капаке, который жил и, главное, правил своей империей довольно долго — целых 35 лет?

О государственном деятеле и в особенности о главе большой империи, имевшей столь важное значение, следует судить по его делам, причем прежде всего по мирным деяниям, а не по военным акциям. Уайна Капак, однако, заботился о благе империи и народа в первую очередь на поле боя. Ему действительно удалось обеспечить спокойствие для Тауантинсуйу. По крайней мере такое впечатление создавалось. Этого он добился, разгромив индейцев каранги, одержав победу в самой продолжительной войне, которую когда-либо вели инки. Уайна Капаку также удалось расширить и с помощью военной силы укрепить северную границу империи, передвинув ее в глубь территории нынешней Колумбии.

Во время великой южной экспедиции

Уайна Капак вместе со своими солдатами добился стабилизации власти инков в Чили и Аргентине, а также на плоскогорьях и низменностях Боливии. На всей территории Тауантинсуйу теперь снова воцарился мир в типично инкском понимании этого слова. Мир на севере насаждался с помощью военной силы, на юге поддерживался присутствием огромных военных контингентов. Истории неизвестны мирные деяния или же сколько-нибудь значительные реформы Уайна Капака, которые, подобно актам Пачакути, способствовали бы экономическому или культурному развитию Тауантинсуйу.

Можно даже сказать, что Уайна Капак в некотором роде нарушил структуру империи, привычный для нее ход жизни. Это случилось главным образом потому, что он, по сути дела, лишил Куско, этот «пуп мира», его совершенно исключительного положения. Из-за приверженности Уайна Капака к северным районам империи — к Эквадору, и в частности к его столице Киту, — в империи появились как бы две головы, имеющие примерно равную значимость. Между тем такому организму, каким было государство инков, обязательно нужна была лишь одна голова. А глубокая привязанность владыки к северу империи, то, что он ставил на первое место именно этот регион, в частности город Киту, — все это явилось своего рода бумерангом, который возвратился после смерти Инки, нанеся жестокий удар государству его преемников.

Это произошло уже после смерти Уайна Капака и его преемника, который так и не успел даже взойти на трон. И хотя болезнь белых людей убивала быстро, не делая различия между вельможей и простолудином, тем не менее еще до того, как принц Нинан Куйочи успел умереть, он на деле снова лишился трона, обещанного ему отцом.

Ведь братьев-то, занимавших привилегированное положение среди всех остальных многочисленных сыновей Уайна Капака, было трое. Нинан Куйочи был первородным сыном, зачатым в первом законном браке Инки, далее шел Атауальпа. Оба брата как во время войны с индейцами каранги, так и в мирное время находились вместе со своим отцом на севере, то есть в Эквадоре, и прежде всего в городе Киту. Третьим из принцев был Уаскар.

В отличие от обоих братьев Уаскар по воле отца постоянно находился в Куско. Он не принимал участия в походах родителя. Для него борьба началась только теперь, когда одиннадцатый Инка столь неожиданно скончался. Наступило время вести с братьями борьбу за отцовский трон. А поскольку в подобной борьбе, словно в карточной игре, побеждает тот, кто ходит первым, то властолюбивый Уаскар не стал выжидать, а сразу же, узнав о смерти отца в Киту, объявил себя новым Инкой.

Он принялся раздавать богатые подарки знати Куско, и прежде всего остальным сыновьям Инки. Уаскар хотел купить их золотом, драгоценными камнями и красивыми женщинами. Одновременно он попытался вывести из игры тех, кто представлял собой опасность для похищенного им трона, например принца Куси Атуачи. Этих людей он приказывал убивать, мучить или же по крайней мере гноить в тюрьме.

Поскольку церемонию коронации владыки мог осуществить, по законам империи, лишь Верховный жрец солнечного культа, а тот, вполне естественно, находился возле своего усопшего господина Уайна Капака в Киту и к тому же знал о последней воле Инки, отраженной в его завещании (иными словами, ему было известно, что будущий владыка – принц Нинан Куйочи), Уаскар из своих сторонников назначил нового

Верховного жреца. Вообще-то говоря, он назначил сразу двух верховных жрецов, которые охотно водрuzили на его голову корону страны четырех частей света.

Спектакль, однако, полностью еще не был готов. В Тауантинсуйу было принято, чтобы новый Инка во время официального вступления на трон столь же официально и сочетался браком. Посему Уаскар попросил у своей матери руки сестры Чуки Уипа. Однако мать, недовольная действиями сына, отказала ему! Одного восклицательного знака тут, пожалуй, мало, нужно было бы поставить два или даже три. Никогда до этого и, разумеется, никогда после этого в Тауантинсуйу ничего подобного не случалось. В конце концов царственный поклонник Чуки Уипы разрешил эту ситуацию типично по-уаскаровски. По его приказу из национального храма государства – Кориكانчи – вышли несколько мужчин, облаченных в великолепные одежды, которые изображали Виракочу и остальных богов инков. Жрецы, переодетые богами, «уста́ми богов» просили мать отдать руку красивой Чуки Уипы. Королева, естественно, не могла отказать подобной просьбе, по сути дела, приказу Виракочи. Вслед за этим действительно состоялась великолепная свадьба, а после нее еще более великолепная коронация, которая на самом деле была самокоронацией Инки Уаскара.

Честно говоря, народ Куско не очень-то ликовал во время пышной церемонии. Одни жители Куско томились в тюрьмах, другие же попросту опасались непредсказуемых выходов Тупака Куси Уальпы, нареченного теперь Уаскаром. Очень многие в городе и империи считали его полусумасшедшим, неизлечимо одержимым манией властолюбия, человеком, который принесет стране «сыновей Солнца» одни несчастья. К сожалению, в этих своих мрачных прогнозах индейцы Перу не ошиблись.

Впрочем, мрачные предвидения исполняются лишь в будущем. Пока же, казалось, все было в порядке. Куско, как и прежде, правда только внешне, являлся сердцем империи. Да и болезнь, которую, видимо, занесли в Америку странные белокожие существа, осталась в прошлом. Сами же они – то ли это боги, то ли бородатые посланцы Виракочи – пока что не торопятся сойти на землю Тауантинсуйю.

Иными словами, в империи и в ее сердце – Куско – царило спокойствие. В Куско – на «пупе мира» – происходила торжественная коронация. Из трех сыновей Уайна Капака, претендовавших на трон, в коронации принимал участие один, тот, который самовольно взял в свои руки государство отца. Это двенадцатый Инка, принявший имя Уаскар. Второй из трех братьев – Нинан Куйочи – находится на смертном одре, третий – Атауальпа – вообще не явился на коронацию в Куско. Он предпочел остаться там, где чувствовал себя в безопасности и где в обществе своего отца он провел большую часть жизни: на севере, в горах Эквадора, в красивом городе Киту, ставшем во времена Уайна Капака вторым, неофициальным сердцем государства инков.

На церемонии самокоронации Уаскара присутствовало до 40 неродных братьев нового Инки. Явно не хватало на этой пышной церемонии Атауальпы. Поэтому неудивительно, что у жителей города, равно как и у жителей всего государства, невольно напрашивались вопросы: почему на великолепном торжестве нет самого почетного гостя? Где брат Уаскара? Где он и чем занимается? Что предпримет брат Уаскара завтра?

И в самом деле правомерно вставал вопрос: что ожидает государство в будущем: любовь двух братьев друг к другу или же, наоборот, лютая ненависть?

XIX. Ненависть братьев друг к другу

Где же находится брат двенадцатого Инки Уаскара – принц Атауальпа? Он пребывает в Киту, то есть там, где так любил жить отец обоих братьев, отнюдь не испытывавших друг к другу какой бы то ни было любви. В том самом Киту, которое во времена Уайна Капака на самом деле стало вторым сердцем империи. Так получилось, что в Тауантинсуйю стало, собственно говоря, две резиденции, как некогда в государстве римлян, где было две столицы – Рим и Константинополь-Царьград. О чем же мечтал в Киту Атауальпа? О роли управляющего провинции Киту? А может быть, о должности вице-короля Киту? Инка Уаскар согласен, чтобы его брат носил титул «вице-король» – Инкап Ранги. Но может быть, Атауальпа желает чего-то большего?

Атауальпа действительно хотел нечто большее. Вместе с тем его совсем не

привлекала перспектива открытой конфронтации с братом. Посему в знак полного примирения он и посылает в официальную столицу государства своих послов с богатыми дарами. Во главе посольства, состоящего из пяти человек, находится одна очень примечательная личность – молодой аристократ Килако Юпанки, выросший в семье родной матери Уаскара, рядом с будущим Инкой. Атауальпа надеется, что он будет иметь доступ и к владыке, и к его двору.

В Анте, в тамошнем приеме для путников, Килако знакомится и вскоре влюбляется в одну из представительниц королевской семьи – родную дочь Уаскара, Кори Кильор (Золотая Звезда). Золотая Звезда с нескрываемой страстью отвечает на проявления симпатии со стороны посла. Из-за своей любви к Килако она становится главной шпионкой Атауальпы в лагере собственного отца!

Как мы уже говорили, посольство Атауальпы направляется в Куско с добрыми намерениями. Мало того, оно везет с собой из Киту ценные подарки для Уаскара. Послы просят, чтобы двенадцатый Инка их выслушал. Аудиенция, которую Уаскар наконец-то назначил послам своего брата, проходила отнюдь не по правилам дипломатического протокола: едва послы Атауальпы вошли в приемную, Инка обвинил их в шпионаже, дары их были брошены в огонь, а сами послы, за исключением (по счастливому стечению обстоятельств) тайного любовника родной дочери Уаскара – Килако, – по приказу владыки были немедленно казнены.

Таким образом, позорной смерти избежал лишь Килако. По повелению Инки его насильно переодели в женское платье и «как продажную девку своего вероломного господина Атауальпы» отправили обратно в Киту.

Оскорбительные действия Уаскара, по сути дела, были равноценны объявле-

нию войны, – войны, которую могущественный Инка должен был вести против своего брата. Впрочем, последний располагал примерно равными силами да к тому же в его власти была вся северная часть Тауантинсуйу.

После того как Уаскар в полном смысле слова истерически отверг предложение брата о примирении, произошло то, что должно было непременно произойти в подобной ситуации. Атауальпе не оставалось ничего другого, как «легалizоваться» и здесь, на севере, провозгласить себя суверенным правителем. Раскол среди инков был полным. В горах Южной Америки друг против друга стояли теперь два государя, и оба хотели править одной и той же империей. Возникшая ситуация становилась еще более трагичной, так как претенденты были родными братьями.

И Уаскар, и Атауальпа призвали своих сторонников к оружию. А их было отнюдь не мало. В гражданской войне «атауальпистов» и «уаскаристов» на поле брани противостояли друг другу в целом около 320 тысяч солдат. Сто тысяч индейцев найдут себе смерть в этой крупнейшей войне доколумбовой Америки. В ней будет 15 больших сражений и бесконечное множество небольших боев и стычек.

Во главе противоборствующих армий, по крайней мере в начале войны, стояли не сами братья, а их генералы. Уаскар поручает свое войско одному из неродных братьев, отличавшемуся большим послушанием, – Уанка Ауки, отпрыску одной из основных ветвей королевского айлью. Атауальпа при выборе полководцев поступает совсем иначе: вопреки традиции, существовавшей у инков, он вверяет командование своей армией не представителю знати, а фанатически одержимым воинам, своим эквадорским соотечественникам, которые, так же как и он сам, мечтают отсюда, с

севера, властвовать над всей Тауантинсуйу. Иными словами, он выбирает таких людей, которые, сами не теряя ничего, могут приобрести почти все.

«Нетрадиционные» полководцы Атауальпы, и прежде всего наиболее известные из них – генералы Чалькочима и Кискис, – а также другие военные командиры Атауальпы, например Руминьяуи, Укумари, и их части одержали победу в первой же из решающих битв войны – в сражении с индейцами каньяри, преданными сторонниками Уаскара.

Победа над каньяри Уаскара в Тауантинсуйу имела большой резонанс. Тем более что генералы Атауальпы вскоре одержали новую победу в этой части Перу: в большом сражении у Чочауайлас они разгромили войско преданных Инке индейцев чачапойя.

Из десяти тысяч чачапойя в сражении у Чачауайлас погибло восемь тысяч. Под ударами войск Атауальпы в руки «северного брата» перешла Кахамарка – самое трагичное место в этой части страны. После потери Кахамарки новым центром обороны Уаскар сделал окрестности города Хауха. После тяжелого сражения у Мантарского моста, в котором пало десять тысяч человек, генералы Атауальпы овладели и этим крайне важным пунктом.

Кстати говоря, одержать важную победу в битве у Мантарского моста северянам будто бы вновь помогли подробные шпионские сведения, которые из Куско тайно посылала для Ромео из другого перуанского лагеря, то есть для Килако, родная дочь Уаскара.

Проиграв мантарское сражение, Уаскар буквально потерял самообладание. Он совсем обезумел от ярости. Инка снял верховного главнокомандующего своих войск Уанка Ауки и назначил на его место фанатичного Майка Юпанки. Одновременно Уаскар объявил в Куско нечто вроде всеобщей мобилизации. Наскоро

собранные в ходе мобилизации силы он снова отправил в район города Хауха под командование того самого Майка Юпанки. Несмотря на все приготовления, в новой битве, состоявшейся по стечению обстоятельств у селения Янамарка (что на языке перуанских индейцев означает «черное место»), кусканцы вновь потерпели поражение. На этот раз решающий удар войскам Куско нанесло соединение, во главе которого стоял упоминавшийся выше любовник дочери Уаскара, Килако, не так давно уцелевший во время недостойного истребления дипломатического посольства из Киту.

Как вначале казалось, поражение у Янамарки могло означать окончательное завершение гражданской войны. Инка, который еще недавно – самоуверенный и дерзкий – назначил себя правителем крупнейшей индейской империи Америки, был уверен, что ничто уже не сможет спасти его от поражения. Однако советники убедили правителя в том, что еще не все потеряно, что на юге, в Боливии, еще имеются солдаты. Они же и предложили Уаскару обратиться с просьбой о помощи к белокожим существам, которые будто бы расположились на границах Тауантинсуйу. Решающее слово было принесено оракулом древнего Перу из Пачакамака, Дельф этой индейской страны. Здешний оракул провозгласил: «Если сам Инка станет во главе армии, он победит. Брат его Атауальпа будет Уаскаром уничтожен».

Уаскар послушался совета оракула из Пачакамака. Он взял в руки оружие из камня и пошел в бой. Эта битва, действительно оказавшаяся последней битвой в гражданской войне, состоялась неподалеку от реки Котапампа, при входе на одноименный горный перевал, находившийся южнее знаменитого Апуримака.

В ходе битвы у Котапампы события сначала развивались так, как предсказывал оракул. Уаскару удалось загнать оба

больших военных соединения Атауальпы, возглавляемые генералами Чалькочимой и Кискисом, в заросли андской травы ичу, которые затем были подожжены. Многие воины Атауальпы в буквальном смысле слова заживо сгорели в этом пожарище. На следующий день Инка готовился нанести очередной удар, с помощью которого он должен был и действительно имел реальный шанс изменить общую ситуацию в Перу. В руки разведчиков Атауальпы попал, однако, раненый кусканский офицер, который под пытками выдал северянам план Уаскара, о чем, конечно, его господин даже не подозревал.

Генералы Атауальпы учли намерения противника. Мало того, учитывая замыслы Уаскара, они придумали военную хитрость: во время очередного столкновения сделать вид, будто их войска отступают. Инка не заметил ловушки, принялся преследовать отступающих и неожиданно для себя в узком ущелье попал в западню. С обеих сторон, как волки на преследуемую добычу, на войска Уаскара ринулись отряды обоих генералов. В этом, теперь уже действительно последнем сражении гражданской войны погибли почти все воины Уаскара.

Взятого в плен Инку победители пока что пощадили, но только для того, чтобы сделать его непосредственным свидетелем унижения своей столицы, чтобы он своими глазами увидел чудовищное, кровавое истребление родственников и приверженцев. Победитель, выходец из Киту, — а теперь уже новый правитель империи — показал себя столь же жестоким, как и тот, кто потерпел поражение в бою, как его кровавый неродный брат — полубезумный Уаскар. Впрочем, это уже будет следующая, совершенно самостоятельная и, к сожалению, очень печальная глава нашего повествования об инках, о славе и смерти «сыновей Солнца».

XX. Куско истекает кровью

После того как основной враг — теперь уже бывший Инка Уаскар — был разбит и взят в плен, генералы Атауальпы устремились к Куско, к тому самому Куско, который северяне, жители Киту, столь сильно ненавидели. Для того чтобы столица Тауантинсуйу уже никогда больше не обрела своего прежнего привилегированного положения, своего чванливого высокомерия, были истреблены прежде всего все его сановники, жрецы, ученые, артисты, а самое главное — все близкие и дальние родственники Уаскара.

Впрочем, прежде чем речь пойдет о чудовищных репрессиях, которым подверглись Куско и его жители, следует сказать хотя бы несколько слов о том, кто был их инициатором и вдохновителем, кто одержал верх в этой братоубийственной борьбе, то есть о победителе в гражданской войне Атауальпе. Несмотря на то что лавры победителя над братом ему

снискали главным образом его талантливые военачальники, тем не менее и сам он еще раньше проявил большое мужество на полях сражений.

Атауальпа был более талантливым воином и государственным деятелем, чем его неродной брат Уаскар, совсем недавно самовольно водрузивший на свою голову корону империи. Говорят, что и внешне он был привлекателен. Даже некоторые испанцы, захватившие в свое время в плен Атауальпу, этого нового суверенного владыку Тауантинсуйу, с симпатией отзывались о нем.

Атауальпа родился на севере империи. Он был сыном последней принцессы Киту. По сути дела, он был последним потомком династии некогда могущественных эквадорских шири, которым в свое время пришлось испытать от «сыновей Солнца» чашу жестокого унижения. Мать мальчика, последняя принцесса из династии шири, настолько была дорога сердцу Уайна Капака, что тот – прежде всего ради нее – сделал Киту, некогда принадлежавшее шири, в сущности, вторым сердцем империи. Еще до того, как сын принцессы одержал столь блестящую победу в гражданской войне и завоевал все Перу, сторонники Атауальпы утверждали, что его отец, Инка Уайна Капак, находясь на смертном одре, разделил Тауантинсуйу на две половины. Север – вице-королевство Киту, то есть Эквадор, – покойный в своем завещании будто бы обещал Атауальпе, остальную же часть империи (здесь мы опять добавим слово «будто бы») он отдал во власть Инке Уаскару.

Итак, Атауальпа был сыном Севера. В его жилах текла кровь китайских шири. Поэтому вполне естественно, что своей родиной воинственный принц всегда считал эту северную страну, а отнюдь не чванливый Куско. Война против Уаскара стала для него войной против Куско, против его жителей. Под ненавистными кускан-

цами имелись в виду, разумеется, те, чья кровь в отличие от крови китайского принца не была осквернена «недостойным мезальянсом». Иными словами, это были полноправные представители королевского айлью, традиционная элита империи, из которой рекрутировались все высшие государственные чиновники, высшее офицерство, духовенство, а также многие представители инкской интеллигенции и амауту. И вот эти-то в плохом и хорошем смысле «сливки» империи жили исключительно в Куско, который отнюдь не в переносном смысле, а на самом деле был настоящим «пупом» государства «сыновей Солнца».

Победу над Уаскаром для его неродного брата, «назаконнорожденного» Атауальпы, открывала путь к внутреннему преобразованию Тауантинсуйу. Страстным желанием победителя было взойти на трон Инков. Вместе с тем он хотел сохранить и само государство инков. Тех же, кто находился у власти в этом государстве с момента его возникновения, то есть со времен первого Инки, Манко Капака, Атауальпа предполагал уничтожить всех до единого.

Атауальпа, внешне спокойный, мягкий, терпимый, сразу после победы, одержанной его войсками у Котопампы, устраивает ужасающее кровопролитие, кровавую купель, в которой навеки исчезли те, кто находился у власти в этом государстве в период правления «сыновей Солнца», кто играл роль первой скрипки в деле управления государством, кто стоял во главе духовенства. Новый Инка уничтожил практически всех, даже тех, кто на шнурках кипу регистрировал важные статистические сведения. Он распорядился убить многих амауту, в особенности «историков», сохранявших в своей памяти, а возможно, и в исчезнувших архивах империи славные деяния знатных родов Куско.

Реальным осуществлением этого гено-

цида элиты Атауальпы, впрочем, не занимался лично. Кровавое дело он снова возложил на генералов. А для того, чтобы по ошибке или же по невнимательности палачей кто-нибудь из обреченных не уцелел, Атауальпа назначил личного поверенного, в обязанность которого входил надзор за надлежащим исполнением репрессий, проводимых по воле победителя.

По иронии судьбы, обязанность надзора за пытками и убийствами была возложена на Верховного жреца Атауальпы Куси Юпанки. Под его контролем победители, возглавляемые военачальниками Кискисом и Чалькочимой, вошли в Куско, ведя за собой связанного веревкой Уаскара. Через глашатаев генералы отдали приказ, чтобы все кусканцы, принадлежащие к королевскому айлью, и в первую очередь братья и сестры Уаскара, его жены, дети (включая грудных младенцев) и, наконец, все высшее духовенство, ученые и представители знатных родов Куско собрались на склонах горы Яуиры. Победитель заранее гарантировал им полную безопасность.

На склонах Яуиры представители знати должны были выслушать «официальное сообщение» о захвате Атауальпой всей империи. Когда принцы и принцессы, супруги и возлюбленные, жрецы и даже младенцы собрались, их окружили солдаты обоих генералов. Полилась кровь: первым был убит верховный главнокомандующий Уаскара, Уанка Ауки, затем от ударов камнями погибли оба верховных жреца, которых недавно Уаскар выбрал из числа наиболее преданных ему жрецов. Именно они в свое время надели ныне свергнутому владыке корону Инков. Солдаты зверски убили почти всех собравшихся представителей королевского айлью, а вместе с ними и членов одиннадцати панак ныне покойных владык.

Объектом особой ненависти победите-

лей был Инка Тупак Юпанки, первым захвативший родину северян, королевство и город эквадорских шири – Киту. Мумию Тупака Юпанки, столь почитаемую и буквально обожествляемую на «пупе мира», теперь волокли по пыльным городским улицам. В конце концов сопровождаемый насмешками и оскорблениями мертвый Инка, вернее его останки, был брошен победителем в огонь. Таким образом, спустя некоторое время после своей кончины Тупак Юпанки был снова убит, точнее, сожжен на большом костре.

Оставленные победителями в живых высокопоставленные кусканские узники должны были прославлять Атауальпу, жителя Киту. В знак своей покорности они, по перуанскому обычаю, должны были выдергивать волоски из бровей и бросать их в направлении Кахамарки, где расположился Атауальпа и откуда он дирижировал этим страшным зрелищем.

Наиболее жестокая месть Атауальпы была уготована тем, кто еще недавно занимал самое привилегированное положение: братьям Уаскара, его женам и наложницам, грудным детям и даже еще не родившимся на свет детям Уаскара!

В Куско жило тогда более 80 потомков Уаскара. Всех этих детей либо повесили, либо посадили на колья, водруженные генералами вдоль дороги в Хакихауану. Точно таким же образом поступили с женами Уаскара. Погибли и две самые любимые его жены – его сестры Миро и Чимбо Каса. Миро шла на место казни с двумя младенцами на руках. Страшные муки были уготованы беременным женам Уаскара. К смертным столбам их привязывали вместе с еще не рожденными детьми. В общей сложности было убито 35 братьев Уаскара (бывших вместе с тем и сводными братьями Атауальпы) – их единственной виной было то, что они жили, а многие родились в Куско, слава которого догорала под аккомпанемент жестокой тризны.

Уничтожив зная, победители набросились на простой люд ненавистной, чванливой столицы Перу. В городе было объявлено нечто вроде чрезвычайного военного положения. В этот период генерал Кискис сам решал, в каких районах города будет казнен каждый пятый житель, а в каких – каждый третий. Камеры пыток в Куско, тюрьмы Куско и в особенности эшафот в Куско требовали все больше и больше клиентов.

Массовые зверства над жителями Куско явились трагическим эпилогом гражданской войны, точнее говоря, войны между двумя братьями, сражавшимися друг с другом за власть в империи «сыновей Солнца». Победитель – тринадцатый Инка, Атауальпа, наблюдал за этим чудовищным спектаклем издалека, блаженствуя на водах в Кахамарке. Что же в это время делал его побежденный брат Уаскар? Как ни странно, он оказался единственным членом своего многочисленного рода, который не был уничтожен в ходе описанных репрессий. Ему пришлось тем не менее стать очевидцем всего происходившего, что само по себе было ужасным испытанием. Его связали с помощью соломы, посадили в кресло и заставили наблюдать за казнью всех его жен, одной за другой. Он явился очевидцем убийства своих детей, пришлось смотреть ему и на то, как еще не родившихся на свет детей вырывали из чрева матерей, как забивали камнями жрецов, как мучили историков.

Индейцы умеют хранить молчание. Так и Уаскар, как утверждают, молча наблюдал за всем этим кошмаром. Лишь про себя, судя по воспоминаниям очевидцев событий, он все время шептал: «О пацачи Виракоча! О творец вселенной! Пусть также воздастся тому, кто так со мной поступает. И пусть когда-нибудь ему самому придется увидеть своими глазами то, на что я должен теперь смотреть...»

XXI. Миры встречаются в океане

Просьба, с которой Уаскар обратился к Виракоче, его мольба о том, чтобы Атауальпу постигла та же участь, что и его самого, чтобы его победоносному брату однажды пришлось стать свидетелем столь же чудовищных сцен, какие пришлось наблюдать побежденному Инке, как ни странно, исполнилась через несколько месяцев, точнее говоря, в ноябре 1532 года.

До сих пор в нашем рассказе почти не приводились конкретные даты. Дело в том, что в отличие от древнеамериканских ацтеков, ольмеков, миштеков, сапотеков или же наиболее развитых творцов индейской культуры – майя – инки не знали, вернее, не сумели изобразить какой-либо точный способ датировки. Теперь, пожалуй, мы попытаемся соотнести с нашим календарем те важные события, о которых мы до сих пор говорили. Итак, Уайна Капак скончался примерно в 1527

году (мы намеренно акцентируем слово «примерно», так как нам очень недостает точных данных). Кончину владыки отделяют от прихода испанцев каких-то пять лет! Решающую победу над Уаскаром в гражданской войне Атауальпа, ставший теперь уже Инкой, одержал где-то на рубеже 1531 и 1532 годов. И вот уже в ноябре 1532 года Атауальпе пришлось лично столкнуться с белыми, о которых Инку все чаще и чаще информируют через гонцов (часки) его шпионы. Впрочем, более точного представления о них новоиспеченный владыка Перу пока еще не имеет. Боги ли это или же «просто» люди?

В нашу задачу не входит рассказывать об интересных и волнующих приключениях испанца Франсиско Писарро и его сообщников, конкистадоров, которые отправились в Южную Америку, обнаружили, захватили и в конце концов попросту разграбили самую большую из всех индейских империй. Нас интересует не только то, что происходило непосредственно перед завоеванием Тауантинсуйу. Куда более интересен тот период, когда Атауальпа впервые скрестил свой меч с испанцами. Пожалуй, также было бы важно знать, что происходило после смерти этого Инки.

Одним из самых распространенных и вместе с тем ошибочных утверждений является то, что Тауантинсуйу, империя «сыновей Солнца», была завоевана сразу, одним ударом. Не следует, однако, забывать, что со смертью Инки не умер его народ. Не умерла и идея государства инков. Уже после того, как брэнное тело Атауальпы превратилось в прах, в Южной Америке долгое время существовало «новоинкское государство» Вилькакамба, нечто вроде инкской республики. Впрочем, об этом факте мало кто знает, о нем нет упоминаний (по крайней мере не было раньше) почти ни в одной книге о завоевании Перу. На протяжении нескольких столетий после смерти

Атауальпы, когда Перу официально стало испанской колонией, индейцы Анд с именем инков на устах поднимали мятежи и восстания. И делали они это совсем не для того, чтобы разрушенную европейскими господами империю инков вернуть в руки господ индейских, а чтобы отвоевать для индейцев свободу и справедливость. Именно эта послеинкская история народа инков нас и будет прежде всего интересовать. История, о которой мало кто знает, но которая повествует о том, что происходило позже, когда в стране инков все для индейцев оказалось в прошлом. И напротив, лишь в общих чертах нас будет интересовать то, что предшествовало крушению империи «сыновей Солнца», в частности события, связанные с небезынтересным приключением Франсиско Писарро и его сообщников, или же то, что предшествовало встрече этого человека с могущественным Атауальпой.

В отличие от истории инков мы можем довольно точно датировать события, предшествовавшие завоеванию Тауантинсуйу и связанные с европейцами. Припомним в этой связи несколько дат, имеющих большое значение. Вне всякого сомнения, это 1492 год, — год во всех отношениях важный, в том числе и для Испании, поскольку в 1492 году эта христианская страна, расположенная на юге Европы, одерживает сразу две победы. Во-первых, завоеванием Гранады победоносно завершается борьба с маврами-мусульманами, продолжавшаяся целых семь столетий. Испания вновь становится испанской, христианской, объединенной под властью феодального правителя. Во-вторых, в том же самом году Испания, собственно, Кастилия, а точнее говоря, некий генуэзец по имени Христофор Колумб, служивший у короля Кастилии, открывает Америку. Для Европы и ее жителей — это совершенно новый мир, материк, населенный чужеземцами.

Первые индейцы, которых Колумб и его последователи увидели на Багамах, на некоторых из Антильских островов, а также на не слишком гостеприимном севере Южной Америки, были весьма отсталыми. Они находились, согласно Ф. Энгельсу, на средней ступени варварства.

Вторая важная дата предыстории завоевания империи инков – 1522 год. Эрнан Кортес, имея в своем распоряжении всего лишь 500 солдат (верхом на лошадках, ранее не виданных в Америке), окончательно завоевал могущественное государство ацтеков и его знаменитую столицу Теночтитлан, город ослепительного великолепия, полный фантастических сокровищ. Разграбление Теночтитлана изменило отношение Испании и испанцев к континенту, который четверть столетия тому назад открыл Христофор Колумб. Совершенно неожиданно тут были обнаружены сокровища, ставшие для всех в Кастилии предметом мечтаний, вождения. В государстве ацтеков завоеватели нашли золото, драгоценные камни, а также бесчисленное множество людей, которых они могли теперь эксплуатировать на своих полях и в рудниках.

Когда был обнаружен мексиканский Теночтитлан, в Кастилии, естественно, вспыхнула настоящая лихорадка, подобная золотой лихорадке более позднего времени. Буквально каждый испанец горел желанием попасть в Новый Свет, найти здесь новую, такую же золотую империю, отыскать новые города, которые можно было бы грабить, и новых индейских королей, которых можно было бы шантажировать.

Среди тех, чьи глаза разгорелись от жажды наживы (когда разнеслась весть о фантастическом завоевании Кортесом Мексики), находился и некий Франсиско Писарро, бывший свинопас, внебрачный сын, брошенный как отцом, так и матерью, уроженец испанской Эстрема-

дуры, точнее, эстремадурского города Трухильо. Это был человек, не отличавшийся благородством, но вместе с тем наделенный невероятной выносливостью и настойчивостью.

Ничто не удерживало дома молодого Франсиско: в семье его не любили, он в свою очередь не любил своих свиней. Откликнувшись на соблазнительный зов неизвестной Америки, Писарро нанялся в Севилье на один из кораблей, направлявшихся в Новый Свет. Вскоре мы увидим его в числе участников экспедиций, прощупывающих Карибское побережье Центральной Америки и севера Южной Америки. Франсиско Писарро принял участие в одной чрезвычайно важной экспедиции, успешное завершение которой могло бы стать третьей значительной датой в хронологии предыстории завоевания империи инков. Молодой уроженец Эстремадуры не остается в стороне, когда малочисленная группа первопроходцев, возглавляемая Васко Нуньесом де Бальбоа, пересекает джунгли Панамского перешейка, и 25 сентября 1513 года впервые своими глазами видит самый большой океан нашей планеты – величественный Тихий океан.

Офицер этой памятной экспедиции Бальбоа – Франсиско Писарро – впоследствии оседает в городе Панаме, основанном испанцами на тихоокеанском побережье перешейка. Панама – первый город европейцев на побережье Тихого океана, поэтому не случайно, что именно он становится базой для всех последующих экспедиций, предпринимаемых испанцами по морю вдоль Тихоокеанского побережья Америки. Важнейшим толчком для морских экспедиций послужило невероятное завоевание Теночтитлана.

Писарро с вождением помышляет о том, чтобы найти такую же золотую жилу, как индейская Мексика. Ему кажется, что он знает, где европейцев поджидает новый Теночтитлан: там, на юге, южнее

Панамы, в просторах Тихого океана живет племя, а возможно, даже существует страна под названием «Пиру».

Первым, кто попытался найти таинственное Перу, был зажиточный колонист из Панамы Паскуаль де Андагойя. Паскаль на своих кораблях без особого результата обследовал побережье нынешней Колумбии протяженностью около двухсот миль, после чего возвратился назад в Панаму, где продал свои корабли. Корабли незадачливого искателя Перу были куплены тремя тамошними предприимчивыми поселенцами во главе с капитаном Франсиско Писарро. Вторым членом компании, пытавшейся обнаружить «Пиру», был Диего де Альмагро. Физически крепкий и выносливый, он столь же настойчиво рвался к заветным индейским сокровищам. Наконец, третьим компаньоном, как ни странно, оказался священник, патер Эрнандо де Люке. Троица сначала сложила в один котел свои деньги, а затем подобрала себе 80 единомышленников и купила четырех лошадей. Таким образом, с четырьмя лошадьми и с упомянутыми 80 искателями приключений, а также со своим заместителем Альмагро (патер Люке остался в Панаме, чтобы представлять здесь интересы организации и прежде всего обеспечивать ее финансирование) Франсиско Писарро на двух кораблях отправился на поиски «Пиру».

Первая экспедиция Писарро, по сути дела, закончилась неудачей. В море корабли разошлись. Отправив свой корабль назад в Панаму для пополнения запасов, люди Писарро долгое время жили, как Робинзоны, в месте, которое они по праву окрестили Пуэрто-де-Амбре—«Пристань голода». В ходе первой экспедиции от голода, а также в стычке с индейцами, жившими на колумбийском побережье, погибли почти три пятых ее участников. В одном из боев с индейцами лишился глаза и сам

Альмагро. Поэтому неудивительно, что когда жалкая горстка людей, задавшихся целью найти и завоевать золотую империю, подобную той, которую нашел Кортес, возвратилась в Панаму, то результаты их экспедиции отнюдь не вызвали у жителей города восторга, а тем более желания последовать за ее руководителями на поиски новых земель. Мало того, губернатор Панамы Педрариас Давила впредь вообще отказался давать согласие на мероприятия подобного рода. Тем не менее Писарро и два других члена тройственного союза не намерены были отказываться от своих замыслов. Когда патер Люке, отличавшийся красноречием и вдобавок пользовавшийся уважением у жителей Панамы, сумел все-таки рассеять сомнения губернатора и вновь раздобыл деньги, целых 20 тысяч дукатов, на финансирование новой экспедиции, три компаньона в панамском соборе заключили новое соглашение о продолжении совместных поисков страны «Пиру». В соглашении точно оговаривалось, как будет делиться добыча, полученная при завоевании этой пока еще воображаемой империи.

Договор, заключенный в соборе, подписал лишь патер Люке, поскольку ни самозванный завоеватель самой большой индейской империи Америки Франсиско Писарро, ни третий компаньон—Альмагро—не могли изобразить на бумаге ни одной буквой: они были совершенно неграмотны. Тем не менее не знающие грамоты завоеватели вновь отправляются в плавание. А Люке опять остается в Панаме. На сей раз экспедиция включает команду из 180 человек и два корабля. Альмагро плывет на одном корабле, Писарро—на другом. Успешное плавание было заслугой отнюдь не Альмагро и не Писарро, а способного рулевого Бартоломе Руиса. Благодаря ему вторая экспедиция с самого начала оказалась более успешной. На этот раз испанцам удалось запо-

лучить у местных жителей, проживавших в устье колумбийской реки, впадающей в Тихий океан (ныне она называется Сан-Хуан), довольно большое количество украшений из чистого золота, того самого золота, которое всегда было «главной движущей силой» в поисках заветных индейских империй.

С первым ощутимым трофеем, свидетельствовавшим о наличии сокровищ на американском юге, Альмагро на своем корабле возвращается в Панаму, чтобы заняться пополнением команды солдат для экспедиции в «Пиру». Кроме того, он должен был на корабле доставить для Писарро столь необходимые ему продукты питания и боеприпасы.

После отплытия корабля Альмагро Писарро с большей частью команды высаживается на берег Колумбии, а корабль под командованием Бартоломе Руиса направляется дальше, на юг, в разведывательное плавание. Писарро и его людям на тропическом побережье Тихого океана пришлось довольно туго. Их мучили насекомые, неизвестные местные болезни и, конечно же, голод. Да и местные индейцы отнюдь не проявляли дружелюбия по отношению к незванным гостям.

Остальной части команды Писарро, оставшейся на корабле, повезло куда больше. Под управлением Бартоломе Руиса корабль успешно продвигался на юг и достиг второго градуса южной широты. Лоцман Руис, несомненно, был первым белым человеком, которому удалось проникнуть в южную часть Америки.

Успех Руиса смогли по достоинству оценить лишь последующие поколения. Для судьбы же экспедиции Писарро куда важнее была другая случайная удача лоцмана: в открытом океане его корабль встретился с большим индейским плотом, оснащенным парусами. Никогда ранее, а моряк Руис знал это совершенно

точно, европейцы в Америке не видели ничего подобного. Ни высокоразвитые ацтеки Мексики, ни тем более индейцы, которых Руис встречал в Панаме и на Антильских островах, не имели таких судов. Да, это был настоящий бальсовый плот инков! Моряк хорошо понимал, что перед ним творение рук не примитивного индейского народа, а развитой, технически зрелой культуры. Но больше, чем сам плот, испанцев заинтересовали его пассажиры. Как впоследствии писали испанцы своему королю Карлу I, эти люди были одеты в золотые и серебряные плащи. Они имели различные золотые украшения, и даже на головах у них было нечто вроде золотых корон. Путешественники везли с собой халцедоны, а также множество тяжелых изумрудов. Кроме того, на плоту были и прекрасные перуанские ткани.

Руис, естественно, не мог не остановить это фантастическое судно индейцев. Некоторые из пливших на плоту людей попрыгали в воду, остальные перешли на испанский корабль. Они долго рассказывали, вернее, пытались рассказать капитану корабля на родном им кечуанском языке о своей стране, о великой южной империи, в которой есть красивые города, о городе Куско, «пупе мира», о его дворцах и золотом саде, о полях, возделываемых заботливыми руками и, наконец, о ламе, животном, о котором испанцы не имели ни малейшего понятия. Итак, индейцы пытались описать европейцам свой необычный мир – мир, где поклоняются Солнцу – высшему божеству, мир, в котором правит прямой потомок бога-Солнца. Тот, кто носит титул «Инка».

XXII. Прелюдия к завоеванию

По невероятному стечению обстоятельств первая встреча жителей государства инков и тех, кто впоследствии сыграл роль могильщика высокогорной империи, состоялась не на суше, а на воде, на вольных просторах океана. Из белых людей первым увидел жителей Тауантинсуйу не Писарро, не отважный Альмагро и даже не умный священник Люке, а опытный моряк Бартоломе Руис.

Из плывущих на бальсовом плоту индейцев он выбрал троих и оставил их на корабле, но не в качестве узников, а, скорее, как живое подтверждение существования инкского народа и его империи. Сделал он это еще и потому, чтобы иметь переводчиков на случай, если испанцы в будущем действительно ступят на золотую землю инков. Впрочем, от этого момента их пока отделяли долгие четыре года. Прежде Руис должен был взять на борт умиравших от голода во-

инов Писарро, оставленных на побережье Колумбии.

За десять недель, что Руис отсутствовал, солдаты Писарро совсем исстрадались в результате своей колумбийской робинзонады и были в буквальном смысле слова на последнем издыхании. После встречи в океане с первыми жителями империи инков завоевательная экспедиция окончательно обрела конкретную цель – захват страны четырех сторон света. От пассажиров с бальсового плота, захваченного Руисом, испанцам стало известно и название Тумбеса – первого прибрежного города империи инков. Команда единодушно приняла решение: всем вместе двигаться дальше на юг. Это решение было вызвано, помимо всего прочего, и нежеланием, чтобы кто-нибудь из жадных на поживу земляков, не дай бог, не ухватил у них прямо из-под носа ставшую теперь вполне конкретной добычу.

Итак, Писарро вместе со своими солдатами вновь направляется на юг. На сей раз испанцы принялись разведывать Тихоокеанское побережье Эквадора. Некоторое время они проводят на Исла-дель-Гальо – Острове Петуха – в устье эквадорской реки Тумако, а затем их пути вновь расходятся: Альмагро плывет в Панаму, чтобы пополнить запасы, а команда Писарро решает продержаться на Острове Петуха. Семимесячное пребывание – в полном смысле слова заточение – на Исла-дель-Гальо стало тяжелейшим испытанием для самозванных завоевателей империи инков.

Крайне неблагоприятные природные условия на Исла-дель-Гальо: илистый грунт мангровых лесов, тропическая жара, а главное, высокая влажность воздуха – все это с прямо-таки железной регулярностью уносит людей Писарро; каждую неделю на Острове Петуха умирает четыре испанца. К тому же на исходе были продукты питания. Местные индейцы,

к которым европейцы с самого начала относились как к своей добыче, отнюдь не желали снабжать «белых дикарей» едой и питьевой водой. Казалось, европейцы были на пороге золотой империи. Однако многие из тех, кто еще остался в живых, решают любой ценой покинуть Исла-дель-Гальо и как можно скорее вернуться в Панаму. Губернатор Панама в это время посылает корабль с инспектором Хуаном Тафуром на борту для того, чтобы подобрать остатки команды Писарро и доставить их, пусть даже силой, назад на север.

Когда корабль Тафура бросил якорь у берегов Острова Петуха, большинство испанцев, поневоле ставших жителями этого острова, встретили инспектора как спасителя. Однако несколько человек отказались капитулировать. Естественно, самым одержимым из них был Франсиско Писарро. Теперь, когда решался вопрос: все или ничего, этот человек, обладавший буквально бульдожьей хваткой, сделал то, о чем люди вспоминали и много лет спустя. Острым концом своего меча он провел на земле линию и сказал тем, кто намеревался вернуться под крылышко Панама: «Это разделительная линия. По одну ее сторону – север. Если вы вернетесь туда, в Панаму, вас ожидают нищета и прозябание. По другую сторону этой черты – юг. Здесь вас ждет Тумбес и золотая империя. Кто останется и войдет в нее вместе со мной, того ожидают богатство, успех, слава и неслетное количество золота».

Честно говоря, театральный жест и тирада Писарро оказались убедительными лишь для немногих из до смерти изголодавшихся, измученных тропическими болезнями узников Исла-дель-Гальо. Только тринадцать человек из команды Франсиско Писарро пересекли начертанную линию в сторону юга. Остальные же с помощью Тафура возвратились обратно, в «безопасную» Панаму. Оставшиеся че-

тырнадцать человек, включая самого Франсиско, несмотря на весьма плачевный вид, остались верны своему намерению завоевать империю, которую населяло не менее десяти миллионов человек!

Тринадцать последних приверженцев Писарро переселяются с Исла-дель-Гальо на соседний необитаемый остров Горгона. Здесь они несколько месяцев впустую ожидали обещанной помощи от своих панамских сообщников – Альмагры и Люке. В конце концов спасение пришло. Но к сожалению, прибыл всего-навсего один корабль, да и то после долгих двухсот дней ожидания. Корабль хотя и доставил на Горгону запасы продовольствия, однако обещанных новых солдат для Писарро он не привез. Тем не менее настойчивый глава экспедиции отдает приказ, и корабль снова берет курс на юг, к городу, откуда были родом пассажиры с бальсового плота инков, то есть к Тумбесу. В Тумбесе в начале 1528 года первые европейцы, действительно, ступили на землю империи инков.

Наконец-то Писарро испытал чувство удовлетворения. Испусти конкистадор дух в первое же мгновение своего пребывания на земле Тумбеса, все равно он вошел бы в историю как европеец, открывший эту «страну Солнца». В самом деле, он вошел бы в историю как человек, который взлелеял свою мечту, мечту поистине фантастическую. Сейчас эта мечта начинала осуществляться. Все, что люди Писарро увидели в Тумбесе инков, казалось подлинным сном. До сих пор они встречали в Южной Америке лишь примитивных «дикарей», ходивших без одежды, живших в небольших поселениях, употреблявших в пищу будто бы даже человеческое мясо. И вот теперь они вдруг видят перед собой большой город, построенный из камня. В порту этого города на якоре стоит множество бальсовых плотов, подобных тому, ка-

кой еще недавно повстречался Руису. Знатные жители Тумбеса одеты в одежды из великолепных тканей, их уши украшают огромные золотые диски и вообще кругом полно золота. Город хорош своими дворцами и храмами. Земля, куда ни посмотришь, прекрасно обработана. А между полями тянутся мощеные дороги! Да, Тумбес и эта страна вокруг него поистине сказочно великолепны. Нет, это отнюдь не сон, а реальность. Но как известно, тумбесское чудо было всего лишь маленькой скромной частичкой того великого чуда, которое станет известно миру под названием «империя инков».

В тот памятный день столь же памятного 1528 года началось испанское завоевание страны «сыновей Солнца». Пока же оба мира, мир перуанских индейцев и мир белых людей, присматриваются друг к другу, изучают друг друга. Управляющий городом послал к кораблю Писарро судно с солдатами. До боя, однако, дело не дошло. Сопровождавшие Писарро индейцы родом из Эквадора и Колумбии, к великому изумлению тумбесцев, находившиеся на европейском корабле, убедили своих перуанских собратьев в том, что испанцы прибыли к ним с самыми хорошими намерениями и с самыми дружескими чувствами.

В знак этих якобы добрых намерений белых людей Писарро пригласил на судно одного из членов королевского айлью Тауантинсуйу, который по воле случая находился в это время в Тумбесе. Конкистадор хорошо угостил инкского сановника и даже налил ему крепкого андалусского вина, которое понравилось «большеухому». Он преподнес ему также в качестве подарка железный топор! В свою очередь на следующий день испанцы во главе с командиром получили приглашение прибыть в Тумбес. Писарро, однако, из осторожности отправил

всего лишь двух своих людей, с тем чтобы они разведали обстановку в первом городе империи, которую они намеревались захватить. Это были испанец Алонсо де Молина, а также один из негров, служивших на корабле.

Первые посланцы из Европы вызвали жгучий интерес у жителей Тумбеса уже одним только цветом кожи. У темнокожего слуги Писарро любопытные индейцы даже попытались (правда, безуспешно) стереть с лица непривычную для них черную краску. Если не считать попытки «обесцветить негра», то в целом первое посещение европейцами первого города империи инков, по мнению испанцев, прошло вполне благополучно. Более того, де Молине удалось завоевать расположение всего Тумбеса благодаря великолепному подарку, который он от имени Писарро вручил местным инкским сановникам. Это были несколько поросят, а также петух и курица. Невиданные ранее в Перу европейские животные индейцам понравились почти так же, как оба первых визитера Тумбеса: чернокожий слуга и белокожий де Молина.

Де Молина в свою очередь также приметил в Тумбесе кое-что интересное. Он подробно описал командиру великолепно построенный дом местного кураки, заинтересовала его и крепость, обнесенная тремя рядами укреплений; испанец посетил в городе и священный Храм Солнца, облицованный пластинками из чистого золота.

Достоверность сведений, сообщенных де Молиной, на следующий день подтвердил другой посланец Писарро, сиа-тельный участник экспедиции, грек с Крита с испанским именем — Педро де Кандиа. Он появился в городе в великолепной кольчуге, сверкавшей на солнце. «Цельнометаллический» Кандиа впервые продемонстрировал перуанским индейцам стрельбу из аркебузы.

Жители империи инков не были знакомы с огнестрельным оружием, поэтому «клин-громовержец» (по незнанию они так называли ружья европейцев) вызвал у них буквально панический ужас. Таким образом приглядывались в Тумбесе друг к другу «дети Солнца» – так перуанцы называли людей, умеющих обращаться с этим наводящим ужас огнестрельным оружием, – и «солнцепоклонники», то есть подданные великого Инки. Именно здесь, в Тумбесе, Писарро впервые услышал об Инке, который правит этим удивительным золотым государством и живет где-то далеко, а самое главное, очень высоко в горах. Впрочем, для того чтобы предпринять какую-либо экспедицию в горы, у испанцев еще не доставало сил. Не хватало и более точных сведений о мощи их потенциальных противников. Именно поэтому Писарро решил пока продолжить свое путешествие по океану, с тем чтобы «прощупать» страну Инки, находясь от нее на безопасном расстоянии на воде.

Испанский корабль на время покинул гостеприимный Тумбес и направился дальше на юг. Последующий этап экспедиции Писарро, как мы увидим, подтвердил верность впечатлений, оставшихся от посещения первого города инков. Вне всякого сомнения, им удалось обнаружить большое индейское государство, победа над которым сулила победителям несметные богатства. И к сожалению, ничто так не интересовало отважных путешественников с корабля Писарро, как сокровища.

Пассажиры корабля внимательно изучали побережье. Они миновали место, где некогда стояла великолепная столица империи город Чан-Чан, и бросили якорь несколько дальше – там, где большая перуанская река Санта впадает в океан. Здесь, в устье Санты, примерно на десятом градусе южной широты, Писарро наконец принял решение повер-

нуть руль на 180 градусов и пуститься в обратный путь. Он прекрасно понимал, что для завоевания открытой им империи необходимо собрать более крупные силы, рекрутировать гораздо больше солдат, чем он пока что имел.

Итак, испанцы возвращаются в Панаму. Но на этот раз они возвращаются с юга Америки уже не с пустыми руками. Отнюдь нет! Они везут известие о существовании золотой империи, богатства которой, судя по всему, превосходят разграбленный Кортесом Теночтитлан. Везут они с собой и весомые доказательства реального существования этих богатств: золотые индейские украшения и великолепную золотую посуду. На борту корабля находятся и ранее невиданные животные – ламы. Испанцы прихватили с собой даже нескольких перуанских индейцев, которые своими рассказами должны подтвердить достоверность открытой империи. Более того, они дополняют сведения Писарро о стране могущественного Инки, о ее несметных сокровищах.

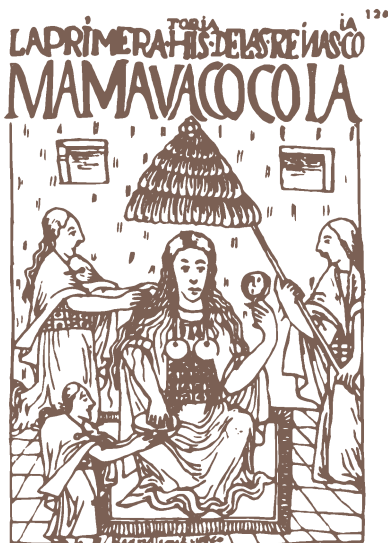
Невзирая ни на какие доказательства существования богатств пока еще не завоеванной южноамериканской империи, ни на ее золото и драгоценные металлы, наконец, несмотря на невероятное красноречие Писарро, а главным образом патера Люке и его приятелей, нового губернатора испанской Панамы Педро де лос Риоса не удалось убедить. Он не только отказывается дать согласие на последующие экспедиции в Перу, но и лишает их какой-либо помощи. Мало того, соотечественники Писарро, испанские колонисты Панамы, не хотят субсидировать его дальнейшие безумные авантюры в Южной Америке.

В это было просто невозможно поверить. Раньше, когда Писарро, Альмагро и Люке знали всего-навсего только одно название «Пиру», да к тому же и неправильно его произносили, когда они были

лишь одержимы желанием найти какой-нибудь новый Теночтитлан, власти не отказывали им в своем благословении, а земляки – в финансовой поддержке. Теперь же, когда они действительно нашли огромную и великолепную индейскую империю и держали в руках ее золотые сокровища, никто не хотел, чтобы Писарро и Испания завоевали как само это государство, так и его богатства.

Самозванным завоевателям империи инков не оставалось ничего другого, как обратиться к самой высшей инстанции – к испанскому королю. Они объединили все свои средства и на последние деньги отправили Писарро и Педро де Кандиа в сопровождении нескольких перуанских индейцев морем к королю в Толедо. Там, вдали от перуанских гор, вдали от берегов Перу, должен был окончательно решиться вопрос о том, будет ли разрешено Франсиско Писарро и его конкистадорам завоевать эту крупнейшую древнеамериканскую индейскую империю.

XXIII. Долгий путь к Атауальпе

Итак, после 20-летнего перерыва Франсиско Писарро вновь возвращается на свою родину. Однако страна предков встретила его отнюдь не с распростертыми объятиями. Куда там! Стоило только Писарро ступить в Севилье на испанскую землю, как он был брошен в долговую тюрьму по требованию одного из своих многочисленных кредиторов. Впрочем, несколько позже уроженца Эстремадуры все же выпускают из каталажки. При дворе короля его принимают весьма благожелательно. Причиной тому были прежде всего отзвуки завоевания Кортесом Мексики, а также интерес, который вызвали выполненные из золота художественные ценности инков, привезенные Писарро. В конце концов ему удалось добиться поставленной цели. После долгих проволочек коро-

лева наконец от имени правителя заключила с ним заветный договор (так называемую «Толедскую капитуляцию»). Этим договором испанский король позволял Писарро «открыть» (что, впрочем, конкистадор и без того давно уже сделал) страну Перу. Ему также выдали патент на завоевание этого индейского государства.

«Толедская капитуляция» определяла и размеры прибыли, которую должны были получить Писарро и его сообщники. По правде говоря, из всех компаньонов в этом грабительском мероприятии, участников разработки проекта и его реализации на первом этапе, большая доля предназначалась самому Писарро. Мало того, в результате королевского указа он становился пожизненным губернатором Перу, или же Новой Кастилии, как испанцы начали называть эту, пока еще не завоеванную страну Америки. Писарро был назначен капитан-генералом Новой Кастилии и получил должность главного судьи, ему было присвоено также звание «аделантадо»*. Годовой доход губернатора был определен в размере 725 тысяч мараведи.

Все остальные компаньоны Писарро по «Толедской капитуляции» получили несравнимо меньше. Так, например, его ближайший сообщник в этом деле – Диего де Альмагро – был назначен всего лишь управляющим города Тумбеса с годовым жалованьем в 300 тысяч мараведи. Священник Люке получил и того менее – должность епископа Тумбеса и 1000 дукатов годового дохода.

Согласно «Толедской капитуляции», Писарро имел право сформировать новую военную экспедицию в составе 250

солдат. Из нее также следовало, что экспедиция должна отправиться в путь не позднее полугода со времени ее подписания. По королевской «Капитуляции», Писарро был повышен до ранга «рыцаря с золотыми шпорами», а на его гербе стали изображать индейский город, перуанскую ламу и судно инков.

Таким образом, договор подтверждал согласие короля на то, чтобы теперь уже рыцарь дон Франсиско Писарро возглавил захват и разграбление империи инков. Впрочем, солдат, желающих вместе с ним завоевывать страну «сыновей Солнца», ему нужно было вербовать самому, притом там, где он сочтет нужным. Поразмыслив, Писарро решил набрать людей для новой дружины на своей родине – в Трухильо, откуда 20 лет тому назад он ушел никем не любимым, к тому же незаконнорожденным подростком.

С чувством глубокого удовлетворения возвращается Писарро в родной город. Он едет в сопровождении свиты, в одежде рыцаря ордена св. Якова. Трухильо встречает героя восторженно. Для своей новой экспедиции дон Франсиско Писарро легко набирает людей из числа здешних молодцов, столь же страстно мечтающих о приключениях среди индейцев, как некогда об этом мечтал он сам. Участвовать в завоевании Перу теперь хотят и все четыре брата Писарро, живущие в Трухильо. Трое из них – Хуан, Гонсало и Мартин де Алькантара, – так же как и он сам, являются внебрачными детьми отца, а может быть, матери Писарро. Четвертый, зазнайка Эрнандо, – единственный законный сын полковника Писарро.

Компания братьев-завоевателей с дружиной своих эстремадурских земляков переправляется через Атлантический океан в Америку, где в панамском Номбре-де-Дьос собираются вместе главные действующие лица нового спектак-

* Аделантадо – предводители отрядов конкистадоров. Набрав отряд, они заключали с испанской короной договор – капитуляцию. – *Прим. ред.*

ля: Писарро, Альмагро, Люке и их солдаты.

Когда оставшиеся в Панаме сообщники узнали о том, как главарь надул их при дележе еще не полученной добычи, буквально обворовал и присвоил себе все основные должности в Перу, они пришли в страшную ярость. Альмагро даже стал всерьез помышлять о том, чтобы организовать в страну «сыновей Солнца» собственную, сепаратную экспедицию. Только после долгих пререканий, да и то, как всегда, благодаря красноречию Люке, ценой ряда уступок с обеих сторон, удалось в конце концов примирить рассорившихся самозванных завоевателей Перу. Итак, третья, решающая экспедиция в «золотую страну» инков теперь уже может начаться.

В новой экспедиции испанцев в Перу принимали участие три корабля. На них находилось в общей сложности 180 человек, а также 27 лошадей. Помимо ветеранов, участников первых двух экспедиций, и новичков, прибывших из родного города Писарро, в состав экспедиции несколько позднее вошли (что, кстати, очень укрепило ее боевую мощь в предстоящих многочисленных сражениях) отряд во главе с темпераментным Эрнандо де Соте, уже имевшим немалый военный опыт, а также прибывший из Никарагуа отряд испанцев во главе с Себастьяном де Бельалькасаром.

Корабли направляются на юг по маршруту, намеченному во время предыдущих морских экспедиций. Как и ранее, они сначала останавливаются у Тихоокеанского побережья Колумбии, где, помимо всего прочего, раздобывают огромное количество изумрудов. Останавливаются они и на острове Пуна, у побережья Пуэрто-Вьехо (современного Эквадора), на том самом острове, который сыграл столь большую роль в истории последних Инков. Наконец, кон-

кистадоры готовятся к высадке в Тумбесе – первом городе страны «сыновей Солнца», который люди Писарро имели возможность узнать ранее.

Те, кто побывал в Тумбесе в ходе последней экспедиции, с восхищением вспоминали об этом великолепном инкском порте. Именно поэтому все, в том числе и новички, с нетерпением ждали прибытия в Тумбес. Каково же было, однако, разочарование захватчиков, когда, высадившись у его берегов, они увидели, что от города остались одни лишь развалины, сотни убитых мужчин и женщин, следы боев, военного разгрома и уничтожения. Да, это были следы гражданской войны в империи инков, последствия непрерывных кровавых столкновений между двумя ненавидевшими друг друга братьями, Уаскаром и Атауальпой.

«Нет худа без добра», – подумал Писарро. Вести о гражданской войне в империи, о противоречиях между Уаскаром и Атауальпой – все это живо напомнило ему то, что совсем недавно рассказывал при дворе короля в испанском Толедо Кортес и к чему с таким волнением прислушивался Писарро. Он сразу же вспомнил, как ловко воспользовался Кортес ненавистью, которую индейские племена Мексики, подданные ацтеков, испытывали к теночитланским правителям. Писарро сразу же смекнул, что и в этом случае рознь между двумя братьями королевской крови может помочь ему подыскать нужный ключик к «империи Солнца». Именно поэтому он стал тщательно собирать все доступные сведения о ходе жестокой борьбы, которая в это время разыгрывалась в горах Перу.

И тем не менее Писарро пока не решился проникнуть на Андскую возвышенность. В мае 1532 года он счел более разумным продолжить вместе со своими конкистадорами плавание по морю в

южном направлении. В южной части побережья Перу им была заложена первая испанская крепость в стране инков под названием Сан-Мигель-де-Пьюра. Из своей команды Писарро оставляет в Сан-Мигеле гарнизон численностью в 60 человек, остальные члены экспедиции стали готовиться к походу в горы. Действительно, 24 сентября 1532 года конкистадоры (их было 177 человек) начали путь к сердцу Сьерры, городу Кахамарка на севере Перу, где как раз в тот период находился одержавший победу в гражданской войне новый правитель Тауантинсуйу – тринадцатый Инка, по имени Атауальпа.

XXIV. День, когда была уничтожена империя

Атауальпе, тринадцатому Инке, правителю десятиmillionной империи, под началом которого находится четвертьmillionная армия, противостоят 177 авантюристов, прибывших из Европы. В ходе предыдущих экспедиций эти люди пытались найти империю, о которой помышляли только в своих самых дерзновенных мечтаниях. Как ни странно, им удалось в конце концов найти сказочную «золотую империю». Ныне, когда они своими несмелыми прикосновениями уже нащупали границы этого государства индейцев, им захотелось найти и дотронуться до его головы – главы империи, который благодаря победе, одержанной в гражданской войне, носит имя Атауальпа.

Как говорится, рыба гниет с головы.

А Тауантинсуйу, как конкистадоры уже ясно понимали, живет, дышит, существует до тех пор, пока живет ее голова, то есть Инка. Если испанцам удастся ухватить голову перуанской рыбы, они поймут и всю рыбу, рыбу из волшебной сказки, всю из золота. И вот, как голодные волки, они устремляются по свежему следу Атауальпы. Инке же в свою очередь нет дела до встречи с какими-то белыми людьми. Поэтому он и посылает к Писарро послов, чтобы заверениями в дружбе, с помощью ценных подарков они отговорили белых от посещения его резиденции.

Однако отговорить от похода в горы испанцев, преодолевших на пути в «золотую страну» столько трудностей, не удастся даже самым красноречивым послам Инки. Не тут-то было! Писарро чувствует: надо поторапливаться. Вопреки желанию «сына Солнца» он не только не останавливается, а, наоборот, сам посылает в горы на разведку своих людей во главе с умудренным опытом Эрнандо де Соте. Тот в ходе рекогносцировки в горах, помимо всего прочего, выведывает много сведений о разброде в государстве инков, пагубных последствиях войны между Уаскаром и Атауальпой. Отряд Соте побывал в нескольких перуанских селениях, в том числе в Кахасе, где белые разграбили не сокровища инков, а «всего лишь» дом их весталок – здешний дом «невест Солнца». К великому возмущению местного населения, Соте отдал солдатам, изголодавшимся по женщинам, 500 кахасских девушек, долгом которых было хранить целомудрие.

После возвращения разведывательной группы основная часть экспедиции Писарро под впечатлением сведений, собранных Соте, проникает еще глубже в горную часть империи инков. Вначале испанцы двигались по течению реки Чанкай, миновали город Ченгойапе,

переправились (на высоте более четырех тысяч метров) в Андах через главный водный рубеж. 15 ноября 1532 года глазам самозванных завоевателей Перу наконец открылся инкский город Кахамарка, расположенный в широкой долине. Этому городу было суждено стать «кулисой» последнего акта длинного театрального спектакля, в котором речь шла лишь об одном – об уничтожении крупнейшей во всех трех Америках индейской империи.

Сам по себе город был не особенно велик, но очень эффектен. Его украшали Храм Солнца, облицованный золотыми пластинами, как и следовало ожидать, дом «невест Солнца», а также мощная, находившаяся на возвышении крепость. Теперь, когда в Кахамарке пребывал новый Инка – победитель в войне двух братьев, – в городе, помимо каменных строений, появились сотни, даже тысячи жилых палаток. В этих палатках размещалась личная охрана Инки, его прислуга, многотысячная дружина владыки. Одних лишь воинов инкской армии, заграничных врагов испанцев, в Кахамарке в ту пору находилось до 50 тысяч человек!

Сам Инка расположился не прямо в Кахамарке и даже не в палаточной столице, а неподалеку, на курорте. Вблизи здешних источников теплой минеральной воды были сооружены царские ванны, к «летнему королевскому дворцу» примыкал бассейн, в который по двум трубам поступала вода: по одной – горячая, по другой – холодная. В этом бассейне Атауальпа ежедневно совершал омовения вместе с женами. Здесь же он и отпраздновал победу над братом Уаскаром.

Писарро не стал посещать курорт Инки сам. Он направил к владыке посольство во главе со своим братом Эрнандо и находчивым де Соте. Они-то и передали Атауальпе пожелание командира: стре-

←
Древнеперуанский сановник, облаченный в
оригинальные одежды. (Ныне находится в
Национальном музее в Лиме.)

Государство инков родилось именно в этой
прекрасной части горного Перу (Сьерра)

Прибрежные низменности империи инков имели совершенно пустынный вид

Одним из замечательных творений древнего Перу являются глиптолиты (предположительно очень древние) Впрочем, не исключено, что это подделка. На снимке изображен древний перуанец, пользующийся лупой!

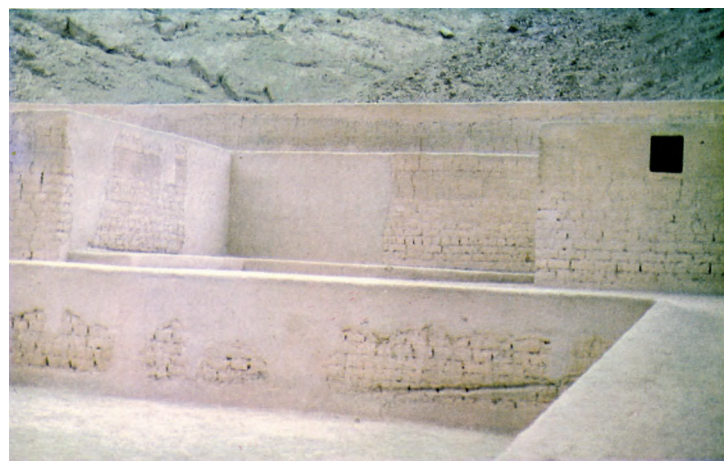
Отдельные кварталы Мачу-Пикчу соединены друг с другом посредством тщательно вырубленных в скале лестниц. В городе было более сотни таких лестниц

Развалины Мачу-Пикчу

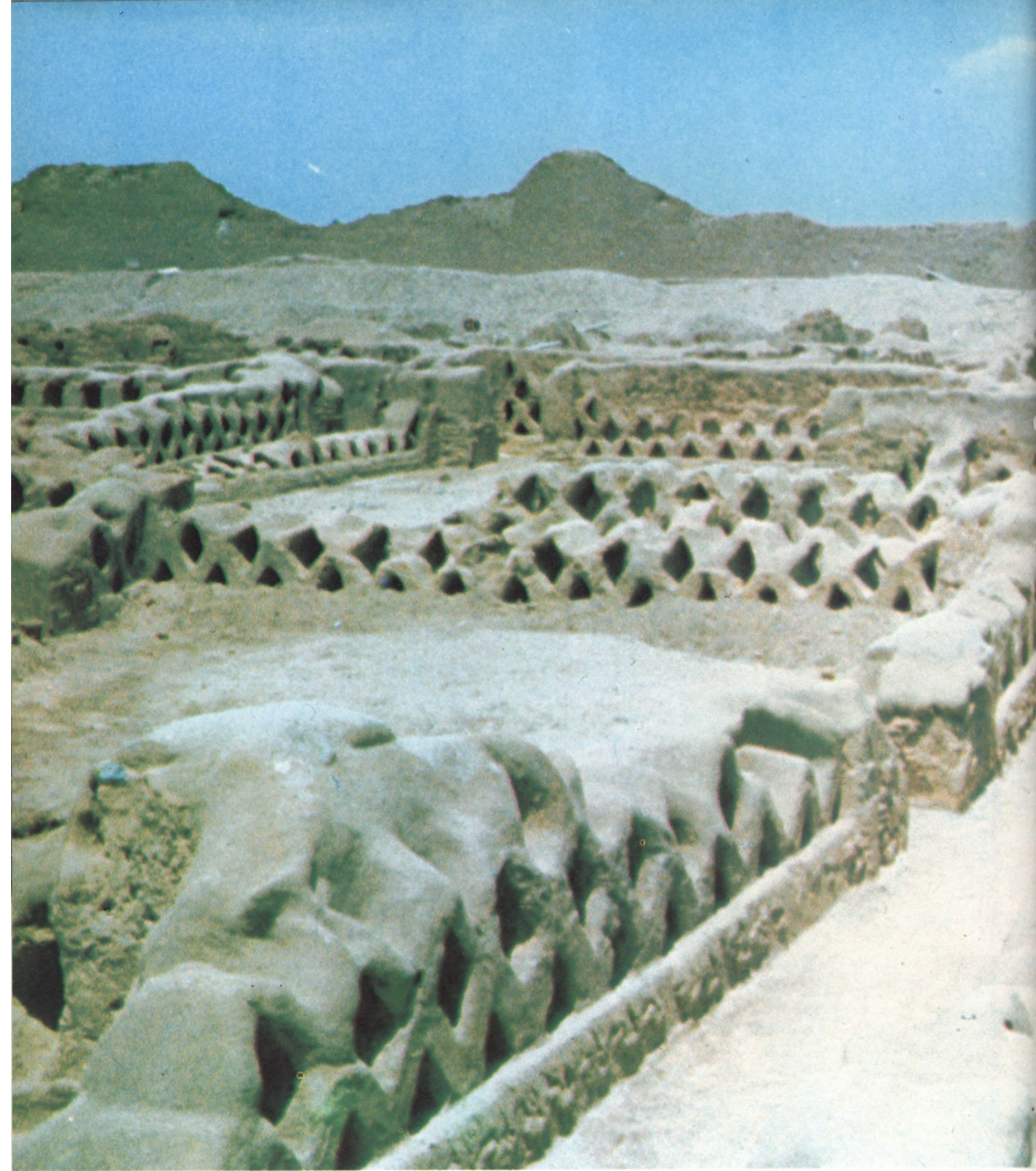

Улица в городке Пурукучо

Стены зданий в древнеперуанском городке Пурукучо выложены из высушенных на солнце кирпичей и покрыты штукатуркой

Так выглядели постройки инков

В древних городах Перу было обнаружено множество интересных стел. На снимке – одна из стел, очень хорошо обработанная, украшенная изображением хищника из семейства кошачьих

Обращают на себя внимание треугольные проемы в стенах зданий в городке инков Пурукучо

В подобных керамических сосудах инки Пурукучо, а также других селений хранили продукты и напитки

Чульпа из древнеперуанского Чавина

Каменный рельеф мужчины из перуанского храма Сечин, обезглавленного согласно ритуалу

←

В настоящее время в Перу полностью реконструировано лишь одно поселение инков – городок Пурукучо, который находится неподалеку от современной столицы Перу Лимы. Этот городок имеет чрезвычайно большое значение для изучения образа жизни инков. На снимке – общий вид Пурукучо

Города инков, расположенные
в горах, были построены из огромных
каменных блоков

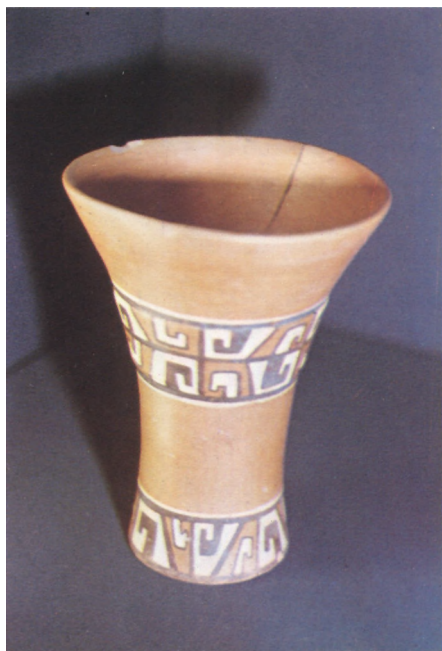
Автор книги, чехословацкий
путешественник и этнограф, д-р
М. Стингл у загадочного
трузубца в пустыне полуострова
Паракас

В прибрежных областях Перу сохранились многочисленные памятники индейских культур. Один из наиболее загадочных – трезубец длиной 250 метров в пустыне полуострова Паракас, Писко

Великолепные рельефы украшают постройки перуанского города доколумбовых индейцев Чан-Чана

Типичный древнеперуанский сосуд
(горная часть Перу)

Из всего наследия, оставленного «сыновьями Солнца», наиболее красноречивым свидетельством мощи и богатства крупнейшей индейской империи древней Америки являются города. На снимке – гигантские каменные лестницы Мачу-Пикчу

Автор книги во время последнего посещения городка инков Пурукучо

Так выглядели постройки инков

Отрубленные руки на стене древнего перуанского городка, видимо, символизируют собой трагическую судьбу военнопленных

Автопортрет в камне жителя
древнего Перу

Часть древнеперуанской
скульптуры. Голова, которую
держит в руках этот человек,
по-видимому, символизирует его
так называемое «второе я»

Искатели сокровищ инков – пресловутые «уакеро» – не останавливаются ни перед чем. Так выглядит после «археологического визита» уакеро одно из разграбленных древнеперуанских погребений. Сокровища инков и их предшественников грабители унесли с собой, а останки древних индейцев уакеро оставили разбросанными на месте преступления

Мумифицированный древний перуанец с искусственно деформированным черепом

Помимо золота, инки
обрабатывали и серебро.
Серебряная статуэтка мужчины

Древнеперуанская скульптура

Рубашка – характерная часть одежды инков

Камень был одним из основных материалов древнеперуанских ремесленников. Из камня они делали и такие удивительные портреты

В горах и на побережье Перу до сих пор сохранились остатки прекрасных дорог инков

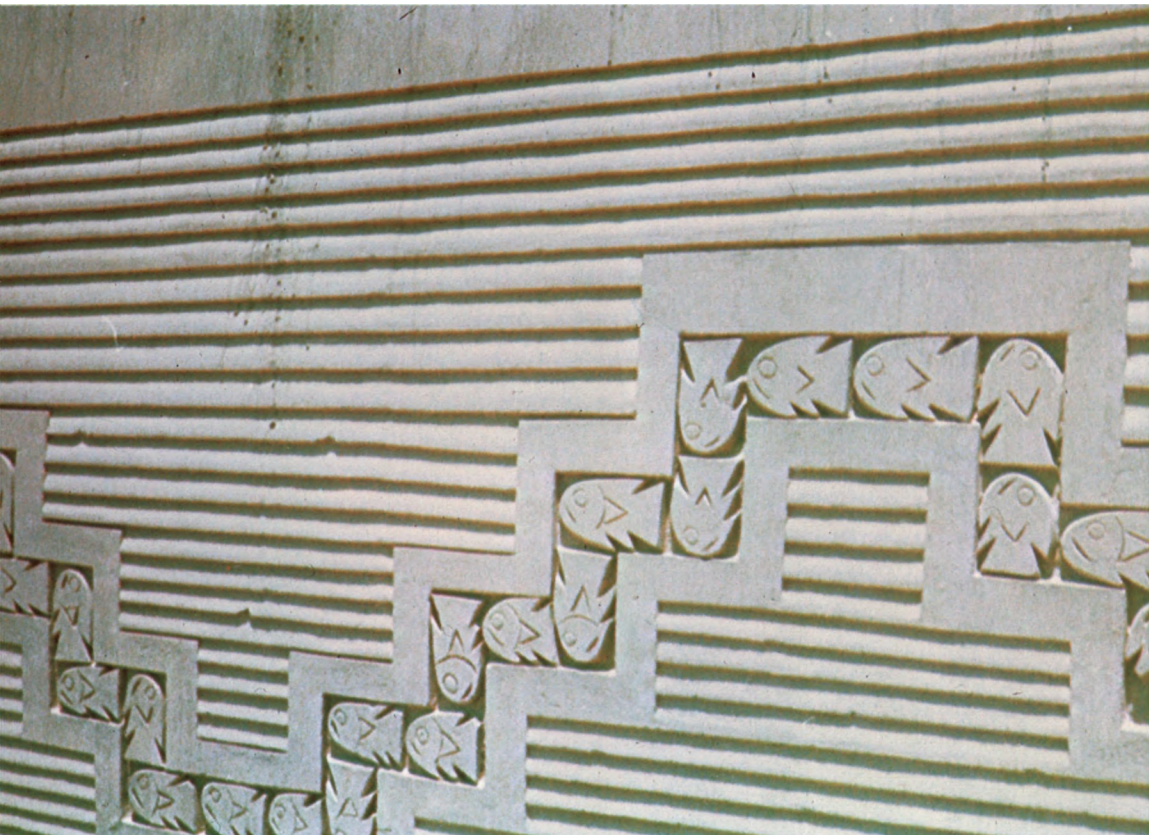
Керамическая фигурка
мужчины
(доколумбово Перу)

Каменный рельеф
древнеперуанского
воина, вооруженного
палицей (северное
Перу)

Деревянная фигурка
древнеперуанского
божества, найденная в
одном из
могильников на севере
Перу

Каменные рельефы
индейских воинов на
стенах доколумбова
храма Сечин
(северное Перу)

Оригинальные рельефы
украшали фасад индейских
построек на северном
побережье Перу

Керамический портрет
древнеперуанского музыканта

Рельефы, украшавшие
древнеперуанский город
Чан-Чан

Один из перуанских
керамических сосудов

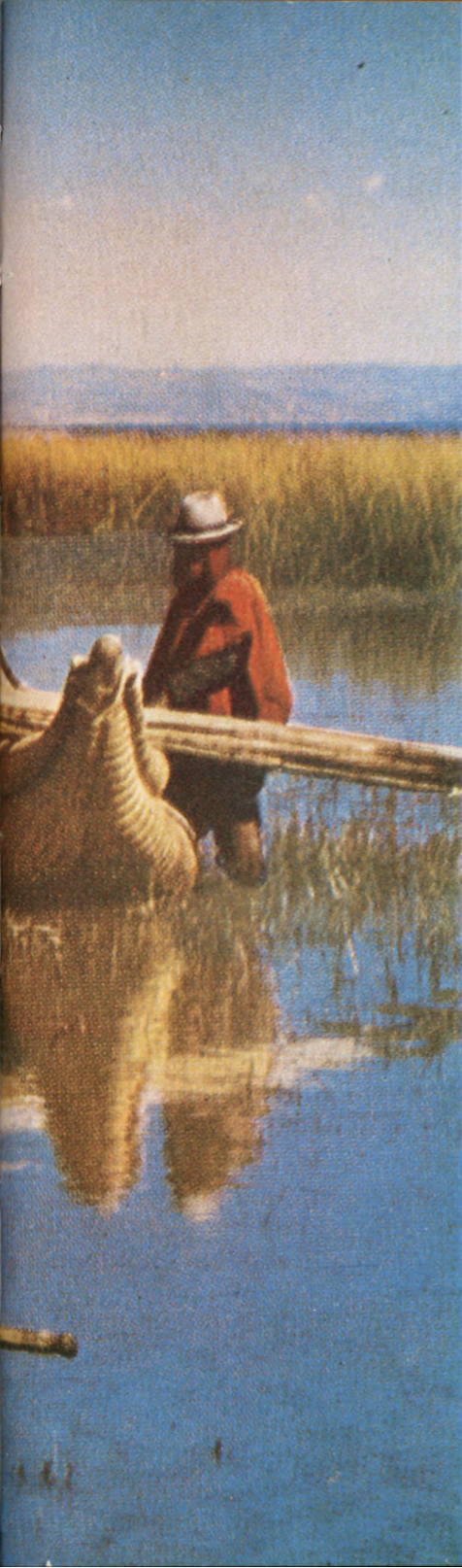
Столица «сыновей Солнца» город Куско. На рисунке – торжество на центральной площади

В память о национально-освободительной борьбе коренных жителей Латинской Америки воздвигнуто множество памятников (как, например, этот, напоминающий о героях-индейцах, участниках борьбы за свободу своей родины)

Произведения доколумбовых культур Перу экспонируются, в частности, в знаменитом музее Паракаса

Жители государства инков были не только трудолюбивыми земледельцами, но и великолепными пастухами. Они пасли стада лам, которых в Перу разводят и в настоящее время

Самый живописный край бывшей империи инков – высокогорное озеро Титикака

Индейцы-кечуа – современные жители гор Перу – любят музыку, пение и танцы. На снимке – индейский музыкант из Перу

мясь к миру и дружбе, Писарро хотел бы встретиться лично с великим владыкой страны «сыновей Солнца». И Инка решил удовлетворить просьбу о свидании.

Встреча вождя перуанских индейцев и предводителя испанцев должна была состояться на следующий день, то есть 16 ноября столь памятного для Перу 1532 года, на площади Кахамарки. По распоряжению правителя европейцам разрешили расположиться на площади. Треугольный «плац» в Кахамарке обрамляли фасады трех небольших зданий, длиной по 200 метров каждое. Все они имели несколько выходов, которые вели прямо на площадь. По замыслу испанцев, через эти выходы на собравшихся на городской площади индейцев должны были напасть их отряды, в том числе всадники на лошадях. В третьем из зданий, находившихся на площади Кахамарки, расположился Франсиско Писарро с группой самых опытных солдат. В задачу этих испанских «коммандос» входил захват самого Инки. Если всем здешним индейцам была уготована смерть, то правителя инков Писарро желал захватить живьем, притом любой ценой.

Надо сказать, что в назначенный день владыка, которому гость его страны собирался столь коварным способом отплатить за дружеский прием, вовсе не торопился на встречу с испанцами. В тот день как раз заканчивался великий пост. Кроме того, высокое положение Инки отнюдь не позволяло ему проявлять сколь-нибудь большой интерес к встрече с белыми чужестранцами.

Торжественная процессия Атауальпы прибыла на площадь Кахамарки незадолго до захода солнца. Естественно, что сначала по пути следования Инки прошло несколько сотен подметальщиков. Они очистили дорогу, по которой должны были нести на золотых носилках «сына Солнца», от сора и грязи. Только тогда, когда дорога стала абсолютно чи-

стой, тронулась в путь процессия самого Инки. Первыми шли около шести тысяч солдат Тауантинсуйу, вооруженных пращами и копьями, за армией следовали сановники империи в туниках, украшенных золотом и серебром, за сановниками вышагивали орехоны – «большеухие», то есть аристократические «сливки» империи. В конце процессии шел, вернее, не шел, а его несли на носилках – живой сын и наместник божественного Солнца на земле.

Носилки Атауальпы несли восемь rukano в красивой синей униформе. Сам Инка был одет очень легко. Верхняя часть его тела вообще была обнаженной, только шею украшало ожерелье из тяжелых изумрудов, а в ушах, конечно, были пресловутые большие золотые диски. Более нарядными, чем одежда владыки, были его носилки, разукрашенные перьями амазонских попугаев и облицованные небольшими пластинками из чистого золота. За Атауальпой следовали, также в носилках, некоторые важные персоны государства. Замыкала процессию группа аристократов империи, чьи головы были покрыты золотыми накидками.

Процессия Инки, его личная охрана заполнили каждый метр треугольной площади Кахамарки. Но, как ни странно, на условленное место не пришли те, кто столь рьяно настаивал на встрече и кто, вообще-то говоря, был ее инициатором. Да, так оно и было: на площади не оказалось ни одного белого!

Инка был крайне возмущен столь неожиданным и вместе с тем столь оскорбительным отсутствием бородачей. «Где же они?!» – воскликнул он гневно. Тут испанцы и появились из своих укрытий. Собственно говоря, вышли не все. Вышел только один человек. Толпа, собравшаяся на площади, расступилась перед ним, и человек – это был монах-доминиканец Винсенте де Вальверде, в бедном длиннополом одеянии своего ордена, с

крестом в левой руке и с молитвенником в правой,—обратился к правителю Перу через индейского переводчика Мартина.

Он сообщил Инке, что его послал к индейцам король страны, которая расположена по другую сторону океана. Вальверде предложил Атауальпе оказать повиновение испанскому владыке и к сказанному добавил, что сам он пришел в страну «сыновей Солнца» для того, чтобы ему—Атауальпе—и его языческому народу передать послание истинной христианской веры. Монах с ходу начал распространяться перед Инкой о боге-отце, о его сыне Иисусе Христе, который страдал за людей и умер на кресте. Не забыл он и о папе, божьем наместнике на земле, который предоставил королю Испании право владеть Америкой и населяющими ее народами.

В заключение своего долгого и непонятного для Инки повествования монах показал Атауальпе книгу, которую он держал в руке. Это был молитвенник в кожаном переплете. Как утверждал Вальверде, в этой книге хранится священная истина белых богов. «Сын Солнца» попытался открыть эту диковинную вещь, что, впрочем, ему не сразу удалось. Наконец, открыв молитвенник, он принялся рассматривать отдельные его листы, ничего, конечно, не понимая. Тем не менее это не помешало ему дать достойный ответ наглому монаху. Как и следовало ожидать, Атауальпа отказался признать господство странного владыки, якобы живущего по другую сторону океана. Осудил и папу, который, по мнению правителя, не имел никакого права раздавать каким-то королям страны и целые народы. Инка отверг утверждение Вальверде о том, что бог будто бы умер на кресте. Он показал рукой на заходящее солнце и сказал, что оно—единственное истинное божество для его народа. Солнце не только не умерло, напротив, изо дня в день молодое и веселое, а стало

быть, живое, оно вновь и вновь поднимается над горизонтом. В конце концов Инка Атауальпа с гневом бросил на землю священную книгу монаха как совершенно непонятную, а потому ненужную безделицу. Испанцы бросились в атаку. Сигнал к ней подал, собственно говоря, отец Вальверде, завопивший из всех сил: «Бейте этих языческих псов! Бейте этих индейских еретиков!»

Услышав вопль монаха, белые действительно кинулись в атаку: с трех сторон, из всех трех вытянутых в длину домов, стоявших по краям площади Кахамарки. Они ударили всей своей силой. В то же самое время Педро де Кандиа, начальник артиллерии Писарро, приказал выстрелить по собравшимся на площади индейцам из имевшихся у испанцев двух пушек. На площади поднялась ужасная паника: артиллерийская стрельба и вздыбившиеся кони—все это было для индейцев в диковинку и поэтому настолько их испугало, что они бросились бежать, однако бежать было некуда. Их методично истребляли, а они даже не могли за себя постоять!

В то время как большая часть испанцев занималась ликвидацией шести тысяч человек личной свиты Атауальпы, Писарро, возглавив «коммандос», стал пробиваться через невероятное месиво человеческих тел к золотым носилкам владыки. Он был убежден, что если ему удастся захватить Инку, то одновременно он овладеет и его государством.

Главарю конкистадоров и его отборным воякам вскоре удалось прорубить себе дорогу к синему островку носильщиков золотых носилок. Носильщики в униформах приняли удары мечей испанцев на себя. Они сознательно шли на этот шаг: пусть калечат и убивают их, только бы ценой собственной жизни спасти жизнь Инке. Впрочем, как нам известно, Писарро вовсе не собирался убивать Атауальпу, он хотел лишь взять его

в плен. Писарро даже получил ранение от удара кинжалом его же оголтелого во-
яки, который предназначался Атауальпе.

Следует сказать, что ранение Писарро от руки своего солдата было единственным ранением, которое получили европейцы в том историческом сражении. В целом же они не потеряли ни одного человека, не пролили ни одной капли собственной крови. В страшной бойне, устроенной солдатами Писарро в Кахамарке, были порублены почти все индейцы, которые вместе с Атауальпой ступили на городскую площадь в тот трагический день.

Инку испанцы взяли в плен. На какое-то время его оставили в живых (как еще совсем недавно он на время оставил в живых своего брата Уаскара). Войско правителя, во всяком случае его основная часть, стоявшая в полном вооружении в трехстах-четырехстах метрах от окраин города, вообще не принимало участие в сражении. Пленение Инки буквально ошеломило воинов его армии, пол-

ностью лишив их боеспособности.

Это была вероломная победа, жестокая и коварная. Но так или иначе, победа была полной. Захватив Инку, испанцы тем самым захватили всю его империю. Действительно, с того дня, когда Писарро в перуанской Кахамарке разгромил самую большую индейскую империю Америки, об инках, их культуре можно было говорить лишь в прошедшем времени. Хотя, как мы увидим ниже, очень многое все же сохранилось.

Теперь, когда взлет и слава великой империи «сыновей Солнца» завершились кахамарской резней, для нас настало время более подробно остановиться на общем анализе их цивилизации, их материальной и духовной культуры. Настало время снова взглянуть на общество, создавшее эту культуру, на государство «сыновей Солнца», над которым 16 ноября 1532 года в перуанской Кахамарке столь быстро и трагично зашло то солнце, которое было для него богом и защитником.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЖИЗНЬ В ИМПЕРИИ ЖИЗНЬ ИМПЕРИИ

I. Пурех, или Картинки из жизни народа

16 ноября 1532 года быстро, а главное, неожиданно и трагично закатилось солнце инков. Многие по-разному пытались объяснить причину как поражения в Кахамарке, так и вообще поражения индейцев в схватке с белым человеком. Ранее, да и сейчас еще выдвигались и выдвигаются довольно загадочные объяснения этого столь легко доставшегося европей-

цам триумфа. На самом же деле причина победы одних и поражения других вполне проста и понятна. Белые завоеватели (а это были в первую очередь испанцы) одержали победу так легко потому, что их цивилизация, их общественная система в целом в тот период была несравненно выше, прогрессивнее, чем система, которая существовала, например, в Тауантинсуйу, в стране ацтеков или же в других развитых государствах древней Америки. Впрочем, нас сейчас в первую очередь интересует государство «сыновей Солнца». В Тауантинсуйу правила, притом правила совершенно деспотично, небольшая привилегированная группа, вернее класс, в руках которой была сосредоточена вся полнота власти, все законодательство. Верховным, суверенным представителем, вождем этого господствующего класса был Сапа Инка – кровный сын золотого Солнца.

Но ведь, помимо Инки, который на самом деле был Сапа, то есть буквально «единственным», в империи жило несколько миллионов других жителей, занимавших прямо противоположное социальное положение. В начале книги мы уже начали о них рассказ. Как уже говорилось, эти люди, представители простого народа, за небольшим исключением, были крепко-накрепко привязаны к своей общине – айлью, члены которой вначале – в доинкские времена – были связаны друг с другом узами кровного родства. Для айлью доинкской эпохи, судя по всему, была характерна общественная собственность на землю, которую совместно обрабатывали все его члены. На всех распределялся и полученный урожай.

В перуанской общине времен инков уже не было так существенно, являются ли его члены родственниками по крови или нет. Айлью (община) по-прежнему, как и ранее, продолжала оставаться основной единицей общественной структуры. Разница была лишь в том, что от-

ныне первостепенную значимость приобретал не родственный, а территориальный принцип. Иными словами, во внимание принималась принадлежность к одному и тому же месту жительства, а отнюдь не кровное родство.

Во главе перуанской айлью стоял курака, являвшийся связующим началом между айлью и более высокими звеньями государственной системы инков. В состав айлью входило несколько семей, во главе каждой из них стоял пурех, то есть взрослый мужчина-крестьянин, который, пройдя военную службу, после увольнения из армии женился на девушке из своей деревни и теперь занимался делами собственной семьи.

Простые смертные до конца дней своих были привязаны к айлью. Они могли покинуть общину только в случае, если по приказу империи выполняли свои обязанности в каком-либо другом месте (например, служба в армии, о чем пойдет речь ниже, либо мита, о которой мы говорили выше). Все остальное время пурех обязан был трудиться в айлью, именно трудиться, так как труд на благо империи, то есть Инки и высшего класса, был основным законом Тауантинсуйу.

Основу экономики государства «сыновей Солнца», вполне естественно, составляло сельское хозяйство. Иными словами, пурех всегда был крестьянином. Вместе с остальными членами айлью он обрабатывал землю, принадлежавшую его деревне. Территория эта, как правило, называлась «марка». Именно к этой территории, то есть к марке, пурех и был привязан практически всю свою жизнь, которая была весьма однообразной. Как мы уже говорили, смыслом жизни индейца в Тауантинсуйу являлось служение своим трудом Инке, его классу и его империи.

В Перу пурех, правда, имел личную свободу, однако она регламентировалась множеством приказов и запретов, рас-

пространявшихся, как мы бы сейчас сказали, и на сферу сугубо личной жизни. Впрочем, разве можно применительно к Тауантинсу́йу говорить о какой бы то ни было сугубо «личной жизни»!

Работая в поле, пурех отдавал государству «сыновей Солнца» все свои силы; сражаясь на поле боя, он проливал кровь, всю до последней капли. Однако этого было мало. Он должен был отдавать империи и Инке своих детей – будущую рабочую силу. В качестве иллюстрации бесчисленных приказов и запретов, ограничивавших свободу пуреха, можно привести такой факт: в определенное время он обязан был жениться! Причем невесту себе он выбирал не сам. Это делал за него специально назначенный Инкой государственный инспектор, который во время посещения айлью выбирал невесту из числа незамужних девушек. Таким образом, в обязанности инспектора входило осуществлять от имени государства контроль над таким, прямо скажем, сугубо личным делом.

Наряду с псевдосвободным простым народом в империи «сыновей Солнца» были и действительно лишенные личной свободы люди. Специалистам по древней Америке так и не удалось однозначно решить вопрос: были ли «янаконы» (так назывались эти несчастные) рабами в полном смысле слова или нет? Так или иначе, в Тауантинсу́йу, бесспорно, существовала группа людей, лишенных личной свободы, численность которых с течением времени непрерывно возрастала. Люди эти не относились к айлью, они не имели никаких гражданских прав, кроме одного – служить тому, кому они были обязаны служить по воле Инки и его империи (примечательно, что само слово «янаконы» образовано от слова «янапай», что означает «служба»).

По некоторым данным, например по свидетельству хрониста Сармьенто, создателем института янаконов был Инка

Тупак Юпанки, который будто бы приговорил к пожизненным принудительным работам большую группу восставших против него индейцев. Утверждают, что сначала Тупак Юпанки хотел приговорить бунтовщиков к смертной казни, однако потом, поддавшись на уговоры жены, не лишил их жизни, а приговорил к пожизненному лишению свободы.

Перуанским янаконам приходилось работать там, куда их посылал «сын Солнца». Нередко они пасли стада королевских лам, иногда занимались ткачеством. Направляли их также на сбор листьев кустарника коки, зачастую янаконы работали в рудниках.

Численность янаконов в Тауантинсу́йу непрерывно увеличивалась. Наряду с теми, кто уже родился янаконом, янаконами становились и представители побежденных племен, в первую очередь тех, которые оказывали инкам особенно упорное сопротивление.

В период, непосредственно предшествовавший приходу испанцев, янаконами иногда становились и так называемые «подаренные» люди. Так, местные чиновники – управляющие провинций и кураки больших деревень – нередко в доказательство своей преданности Инке преподносили ему в качестве подарка не только золото или художественные изделия, но также и особо одаренных ремесленников, музыкантов, танцоров и т. д. «Подаренные» люди полностью утрачивали свою связь с айлью. Они становились «людьми без родины», то есть все теми же янаконами. В свою очередь Инка, получивший этих людей в «личную собственность», сам раздавал янаконов. Он одаривал ими своих фаворитов. Часто «сын Солнца» раздавал янаконов в качестве вознаграждения своим доблестным офицерам, а также видным чиновникам империи.

Количество янаконов, то есть людей, работавших по принуждению, в Тауан-

тинсуйу непрерывно возрастало. Так, в печально известной горной Кахамарке, городе, где произошла первая серьезная схватка между европейцами и инками, испанцы насчитали несколько тысяч янаконов. Весьма возможно, что янаконы тогда составляли добрую половину жителей этого инкского города!

Итак, помимо элиты империи – Инки, его семьи, высшей и низшей знати, помимо курак, жрецов и представителей отдельных айлью, пользующихся личной свободой, – в Тауантинсуйу были и янаконы, то есть люди, лишенные личной свободы. Впрочем, наряду с ними в империи «сыновей Солнца» имелась еще одна весьма примечательная категория населения – так называемые «митимае». Это кечуанское слово примерно означает то же, что и «переселенцы». Именно таковыми и были митимае. Для умиротворения населения в завоеванных империей областях, в особенности тех из них, где еще полностью не угасла искра сопротивления новым правителям – инкам, – посылались большие группы колонистов, говоривших на языке кечуа. В недавно присоединенных к Тауантинсуйу территориях митимае должны были своим присутствием и своей преданностью «сыновьям Солнца» не только обеспечивать мир и спокойствие, но и способствовать насаждению институтов инков. Кроме того, им следовало насаждать и укреплять инкский культ Солнца, знакомить местных жителей с приемами земледелия, с достижениями ремесел инков. Наконец, они должны были повсюду во вновь завоеванных землях распространять государственный язык империи, то есть язык кечуа.

В результате деятельности инкских колонистов – митимае – безвозвратно забыты сотни различных языков доколумбова Перу (исключение составляют языки аймара и уру – последний является вымирающим языком жителей искусственных

плавающих островов на озере Титикака). В настоящее время на кечуанском языке, то есть на бывшем государственном языке империи инков, говорит больше индейцев, чем на всех остальных туземных языках во всех трех Америках, вместе взятых.

Приносившие столь большую и многообразную пользу Тауантинсуйу переселенцы по праву пользовались многочисленными привилегиями. На средства империи им строили на новой родине жилища, в течение первых двух лет они получали от государства пропитание. Мало того, им даже было позволено носить украшения, которые в родной общине полагались лишь кураке. Иногда, особенно на территориях, ранее враждебных империи, за колонистами признавалось и соблазнительное право на полигамию. В некоторых совершенно исключительных случаях особо отличившиеся митимае за заслуги получали от государства даже янаконов!

На новых территориях, попавших под власть империи инков, переселенцы жили иначе, чем в родной айлью. Они были здесь не просто крестьянами или же ремесленниками, а солдатами своей империи, ее пограничниками, защитниками ее рубежей. Вместе с тем они были и шпионами империи. Митимае насаждали нравы инков, их законы и в особенности веру в культ Солнца.

Такую миссию выполняли митимае – колонисты великой империи, пожелавшие сменить монотонность жизни, нищету прозябания в родной айлью на совсем иную судьбу. Впрочем, давайте снова вернемся к тем, кто в отличие от переселенцев остался дома, то есть к индейцам, которые по воле Сапа Инки остались в своей общине, на его земле и которые с головы до ног были опутаны, словно стальными канатами, приказами и запретами. Заодно давайте посмотрим и на землю общины, то есть на ее уголья.

стях империи: на влажных тропических землях, расположенных вдоль Амазонки, в засушливых низовьях перуанского взморья – везде выращивали огромное множество самых различных растений. Продолжая традиции своих предшественников, инки соорудили в страдающих от засухи районах Косты огромные, эффективные ирригационные системы. Верхушка империи уделяла исключительное внимание орошению земель. Строительство и расширение ирригационных систем – каналов и водоемов – в древнем Перу находилось в ведении большого количества государственных служащих инкского «водного хозяйства».

Инки сумели развернуть интенсивное земледелие и в центре своей территории – в районе Сьерры, где в высокогорных долинах к небу вздымались горные исполины и простирались суровые горные плато. Именно здесь, в этих, казалось бы, неблагоприятных для человека природных условиях, перуанские индейцы со временем применили одно из самых значительных своих изобретений – знаменитые террасы – «анденес». Эти расположенные в виде ступеней террасы, созданные руками человека, позволяли приспособить для растениеводства крутые, ранее непригодные для земледелия склоны. Одновременно террасы инков укрепляли почву на склонах и тем самым препятствовали ее эрозии.

Строительство анденес в империи тщательно планировалось, равно как и сооружение ирригационных каналов и водоемов. Возведение этих монументальных гигантов необходимо было держать под постоянным контролем и вниманием. И в настоящее время террасы в Андах, возникшие, как правило, во времена инков, являются одним из самых выразительных символов Перу, одной из характерных примет рельефа этой удивительной южноамериканской страны.

На плодородной, вернее, ставшей пло-

дородной, земле во всех областях Перу инки выращивали самые различные растения, королевой среди которых, конечно, была кукуруза – на языке кечуа «сара». Индейцам было известно до 20 различных сортов кукурузы. В древнем Перу кукуруза вызревала практически на всей его территории – от морского побережья до высокогорного плато, находившегося на высоте трех с половиной тысяч метров. Здесь индейцы выращивали сладкую кукурузу «чокльо»; другой сорт кукурузы использовался ими для поджаривания, еще один сорт годился для приготовления каши «моте» и, наконец, так называемая «сара ака си» шла на изготовление национального напитка инков – знаменитой чичи.

Судя по всему, кукуруза в древнем Перу была откуда-то занесена или же заве-

Изображения распространенных в древнем Перу растений украшают и керамику инков. Инкский сосуд, ныне хранящийся в Археологическом институте Куско

зена. Скорее всего, из области Месоамерики, или же индейской Мексики, где, насколько нам известно, разведение кукурузы отмечается раньше всего.

Ценнейшим даром перуанского земледелия земледелию всего мира является, однако, не «иностранка» кукуруза, а уроженец Анд картофель. Инкам было известно до 250 его сортов. Они выращивали картофель самого различного цвета: почти белый, желтый, розовый, коричневый и даже черный.

Картофель, так же как и кукуруза, мог в Перу расти везде, то есть как на морском побережье, так и на головокружительной высоте в почти пять тысяч метров над уровнем моря. Для индейцев Анд картофель был хлебом насущным. Этот насущный хлеб жители Тауантинсуйу вкушали не только в свежесобранном виде, то есть сразу после уборки урожая. Они придумали и великолепный способ консервирования основного продукта питания. Чтобы устранить из клубней влагу (а как известно, они содержат до 70 процентов воды), древние перуанцы сушили их днем на солнце, а ночью – в горах на морозе. После подобной дегидратации они мяли клубни ногами, чтобы устранить оставшуюся влагу.

В результате этого остроумного способа консервирования картофеля, используемого, кстати, в Перу до сих пор, получался ценный продукт под названием «чуньо» (замороженный картофель), который хранился на государственных складах Тауантинсуйу. Этот «государственный чуньо» Инка раздавал в голодное время народу. Он был также основным продуктом питания в войсках Инки во время военных походов. Для приготовления чуньо использовались низкосортные горьковатые темные клубни. Для знатных жителей империи, а также для Инки таким же точно образом приготавливалась «морайя» – консервированный картофель первого сорта.

III. На полях империи

Кроме королевы кукурузы и короля картофеля, земледельцы-инки в древнем Перу знали еще великое множество других культурных растений. Из клубнеплодов они знали «оку», которая, как и картофель, могла расти и в надоблачных высотах Анд. Здешные крестьяне выращивали «сладкий картофель» батат, а также популярный ямс.

Из бобовых перуанские индейцы выращивали прежде всего фасоль, на которой в доинкские времена, возможно, даже и писали. Помимо этого, доколумбовым индейцам были известны и ананасы, чиримоя, папайя, какаоовое дерево, гуайява, гренадилля, различные сорта тыкв, орехов, местные «огурцы» (пепино), арахис. Употребляли они также четыре сорта пряностей, в особенности красный перец. Из зерновых, кроме кукурузы, выращивалась чилийская лебеда, или же киноа.

Из числа технических культур инским

земледельцам были известны прежде всего тыквы (они знали множество сортов этих растений), которые использовались самым различным образом. Сюда же относятся волокнистые растения, например агавы и в особенности хлопчатник. Совершенно особое место в сельском хозяйстве Перу занимало разведение кустарника коки. Так же как и террасы в Андах или же золотые сокровища инков, кока является символом индейского Перу. Упоминавшийся выше хронист Сьеса де Леон буквально заявляет следующее: «Если бы не было коки, не существовало бы и Перу».

Перуанская кока

Кока представляет собой вечнозеленый кустарник (взрослое растение достигает высоты до трех метров), который растет в низинах, а также на восточных склонах Анд. Период вегетации коки составляет 14 месяцев, плодоносит она четыре раза в году. Собранные зеленые листья коки тщательно высушивались в тени, затем их связывали в пучки и в таком виде доставляли в Куско.

Кокаин, содержащийся в листьях коки,

был излюбленным наркотиком инков. Однако жевать листья коки в Тауантинсуйу разрешалось исключительно знати. Из рядовых жителей империи определенное количество листьев коки имели право получать лишь представители инкской почтовой службы и шахтеры, тяжелый труд которых – в соответствии с митой – использовался на рудниках империи. Кроме того, коку применяли как очень эффективное обезболивающее средство инкские врачи, прежде всего хирурги.

Действительно, кока стала символом Перу времен инков (и в этом Сьеса де Леон прав). Другой хронист – Гарсиласо де ла Вега – в свою очередь отмечал: «Для индейцев кока представляла собой куда большую ценность, чем драгоценные камни, серебро или золото».

Когда индейцы жевали коку, они обычно добавляли в пучки высушенных листьев известь. Известь ускоряла выделение алкалоида, то есть кокаина. Тот в свою очередь из желудка попадал в кровеносную систему. Кока заглушала чувство голода и жажды, снимала усталость и не давала замерзнуть в условиях морозных равнин Андской возвышенности.

Так же как и другие дары древнего Перу, например картофель, человечество унаследовало от инков и их познания о воздействии листьев коки на человеческий организм. Полученный из этих листьев алкалоид и сейчас применяется в мировой медицине как обезболивающее средство. До недавнего времени из листьев коки получали также знаменитое коковое вино, пользовавшееся большой популярностью. Впрочем, это вино оказывало чрезвычайно неблагоприятное воздействие на организм тех, кто им злоупотреблял.

Теперь, когда не действуют законы инков, ограничивавшие опасное для человеческого организма пристрастие к листьям коки, индейцы Перу широко потребляют их. К сожалению, до сих пор

местным жителям приходится слишком часто подавлять постоянно мучающие их чувства голода, жажды, усталости и холода.

Наряду с листьями коки перуанские индейцы времен инков разводили также табак. Впрочем, инки не изобрели ни сигар, ни сигарет. Табак они нюхали.

Бесчисленные дары перуанских полей требовали неустанного внимания мужчин и женщин, которые сообща занимались обработкой полей и уборкой урожая. На полях работали исключительно люди, поскольку андская лама не годилась в упряжку. Перуанцы даже не знали, что такое плуг. Крестьяне Тауантинсуйу обрабатывали землю с помощью так называемой «чакитальи» – длинной палки с бронзовым острием.

Посредством этой палки крестьянин как «пахал», то есть разрыхлял землю, так и делал ямки для рассады. Одной чакитальей иногда пользовались сразу несколько семей. Перуанцы обрабатывали поле следующим образом: в один ряд, друг возле друга, становились мужчины, они делали борозды. За ними следовали, также выстроившись в ряд, женщины. Опустившись на колени, они разбивали комья земли при помощи специальной мотыги, которую называли «лампа».

Изнурительная, крайне однообразная процедура обработки полей, как и вообще труд крестьянина в империи, воспринималась как некая мистическая, роковая борьба человека с землей. Поэтому, работая в поле, мужчины и женщины декламировали, пели ритмические религиозные гимны. По окончании сева кукурузы местные жрецы обычно совершали религиозные обряды, с тем чтобы сельскохозяйственные работы увенчались успехом. Поскольку кукуруза была одной из важнейших культур, местные жрецы длительное время постились после ее посева.

Сроки проведения отдельных видов

сельскохозяйственных работ в Тауантинсуйу, вполне естественно, зависели от погоды. В соответствии с этим инки делили год на два основных периода: на влажный (начиная с нашего октября по май) и на сухой (с мая по октябрь). Пахота производилась, как правило, в августе. Начало важнейших сельскохозяйственных работ являлось делом общегосударственным. В каждой общине процедуру «закладки поля» начинал кто-нибудь из чиновников империи. На «золотом поле» в Куско сам Инка, втыкая в землю заостренную палку, символически открывал земледельческие работы.

Инкский
носильщик воды.
(Керамика времен
Тауантинсуйу.)

Вслед за Инкой, который при помощи золотой чакитальи делал первую борозду на перуанской земле, в государстве начиналась сельскохозяйственная деятельность: первойшей обязанностью каждого жителя государства становилась забота о поле и урожае. Никто из тружеников не смел забывать главнейшую из трех заповедей «сыновей Солнца»: «Не ленись!»

IV. От пастухов, пасущих лам, до гончаров

У индейца Перу – рядового жителя империи «сыновей Солнца» – не было времени для лени. Если он не обрабатывал поле, не проходил службу в армии своей страны, не увеличивал ее богатства, выполняя всеобщую трудовую повинность, миту, то он разводил для себя, а значит, опять-таки для государства, лам. В разведении животных, в частности андских лам, перуанские индейцы превзошли все остальные культуры древней Америки.

Лама приносила большую пользу жителям Перу. Она одевала их за счет своей шерсти, а ее мясо шло в пищу. Индейцы использовали не только мясо ламы, но и ее кости, из которых делались самые различные инструменты. Экскременты этого животного служили в империи инков ценным топливом.

Ламы относятся к семейству верблюдовых. Как верблюдов в Старом Свете, так и верблюдовых в Новом Свете использовали прежде всего для перевозки грузов. За день это южноамериканское вьючное животное может перевезти на себе около четверти центнера груза на расстояние более 20 километров. Люди – по крайней мере в Тауантинсуйу – на ламах не ездили. Хотя, впрочем, на древних изделиях из керамики, относящихся к культуре Мочика (на перуанском побережье), встречаются изображения индейцев, путешествующих верхом на ламах.

Так же как и картофель – уроженец перуанской флоры, – лама чувствует себя в Перу как дома. Ей хорошо везде: она отлично переносит зной прибрежных пустынь, столь же хорошо, пожалуй даже лучше, она чувствует себя на высокогорье, на высоте свыше пяти тысяч метров над уровнем моря. Впервые одомашнили лам в Андах по крайней мере семь тысяч лет тому назад, то есть задолго до возникновения государства инков.

Обычно лам держали в загонах, поблизости от сельских жилищ. В империи инков индеец мог держать до десяти лам – это была его единственная личная собственность. И действительно, почти каждый пурех держал у себя несколько лам. Община, равно как и вся империя в целом, имела огромные стада лам. Примечательно, что поголовье этих животных, как и земля в Тауантинсуйу, подлежало разделу: на стада, принадлежавшие Инке, Солнцу, то есть жречеству, и общине.

Молоко лам не шло в пищу. Лам никогда не использовали и как тягловых животных, то есть в упряжке. Для империи, особенно во время военных действий, было чрезвычайно важно, чтобы ламы доставляли тяжелые грузы на большие расстояния. Мясо лам, так же

как и картофель, в Перу сушилось. Подсоленное, нарезанное полосками мясо ламы являлось важным компонентом рациона армии империи во время войны.

Помимо ламы, важную роль в экономике империи играли и другие родственные ей животные, прежде всего альпаки, которых разводили исключительно ради чрезвычайно мягкой шерсти (альпака не использовалась ни на мясо, ни для перевозки грузов). Диким предком ламы, которая сама, очевидно, была гибридом, являлся гуанако. На юрких гуанако обычно охотились. Впрочем, пойманных животных обычно не убивали, их стригли, а потом опять (главным образом самок и большую часть сильных самцов) отпускали на волю. Так же как и гуанако, на воле живет и самый красивый представитель южноамериканского семейства верблюдовых – быстроногая викунья. Из шерсти викуньи, называемой в империи Тауантинсуйу «кумпи», делали ткани того же названия, предназначавшиеся для Инки и его ближайших родственников.

Забота о ламах и альпаках, сохранение поголовья гуанако и викуний являлись весьма важными занятиями жителей империи. Пастухи, которые вместе со стадами лам подолгу находились на высокогорных равнинах Анд, в своих айлью пользовались почетом и уважением. Их первоочередной обязанностью было следить за размножением этих животных. Лама является гибридом, поэтому самка производит на свет всего лишь одного детеныша.

В обязанность пастухов-индейцев входила и забота об осеменении введенных им животных. Возможно, что в связи с этим и возникло достаточно распространенное мнение, будто разносчиками люэса – отвратительной болезни, которая, вне всякого сомнения, впервые появилась в Америке, – были перуанские

Древнеперуанский
сосуд

индейцы, разводившие лам. Впрочем, это труднодоказуемо.

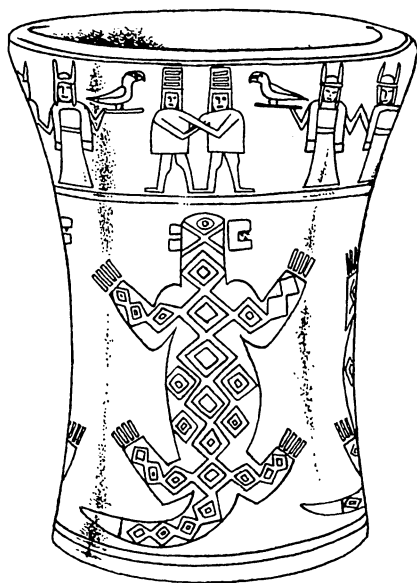
Обработкой шерсти, полученной от перуанских лам – викуний и альпак, – в Тауантинсуйу занимались как мужчины, так и женщины. Из шерстяной пряжи перуанские индейцы изготавливали высококачественные ткани. Так же как и во всех других видах ремесел, в ткачестве инки опирались на замечательные традиции предшествующих древнеперуанских культур. Хотя, сказать по справедливости, инкским ткачам так и не удалось добиться той степени мягкости и той высокой художественности текстильных изделий, которые отличали, например, изделия жителей южноперуанского полуострова Паракас уже в начале I тысячелетия. При изготовлении тканей инки использовали, помимо шерсти, также и хлопок.

Индейцам Перу были уже известны ткацкие станки (на языке кечуа они назывались «ауана»). Причем это были станки трех видов. Сотканые на них ткани индейцы иногда окрашивали, используя

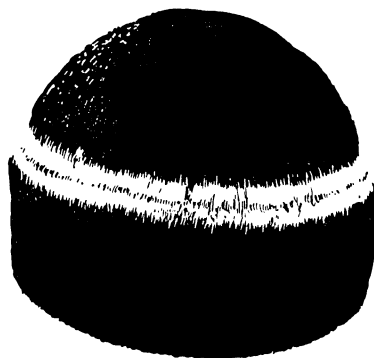
для этой цели семена дерева авокадо (ткань принимала интенсивный синий цвет) или же различные металлы, в частности медь и олово. Сшитые из цветных тканей туники, предназначавшиеся для знати государства, украшались золотыми, серебряными или же отполированными медными пластинками.

В Тауантинсуйу, как и в доинкских государствах Перу, работали в прямом смысле слова ткацкие мастерские с большим количеством персонала, специализировавшиеся на производстве тканей для массового потребления. Самые тонкие ткани, выделанные из шерсти викуньи и предназначавшиеся для Инки и «большеуших», изготавливались в специальных маленьких мастерских, созданных при домах «невест Солнца».

Для Инки, а также членов королевского клана «невесты Солнца» делали особые «ткани» — из цветных птичьих

Деревянный кубок инков колониального периода, украшенный рисунками

Одним из самых примечательных изделий инкских гончаров была керамическая грелка — единственная «печка», известная жителям империи

перьев. Подобные одежды из перьев, как правило, имели вид туник. Наряду с выделкой тканей и «материи из перьев» важнейшим ремеслом в Тауантинсуйу было гончарное дело. При изготовлении керамических изделий инки также опирались на богатые традиции высокоразвитого гончарного дела в древнейших культурах Перу, и прежде всего культуры Мочика.

Хотя древние перуанцы еще не знали гончарного круга, тем не менее их изделия из керамики отличает высокое качество. Из глины они делали как предметы культа, так и бытовую утварь. Ассортимент гончарных изделий инков довольно ограничен. Сюда относятся, например, трехногие горшки, огромные кухонные сосуды ярко-красного цвета, плоские миски для еды и т. д. Однако все эти изделия отличает тщательность исполнения. Керамика инков была украшена довольно разнообразными четырехцветными геометрическими узорами. Иногда это были изображения птиц, рыб, бабочек или растений.

Анды предоставляли в распоряжение инкских гончаров предостаточное коли-

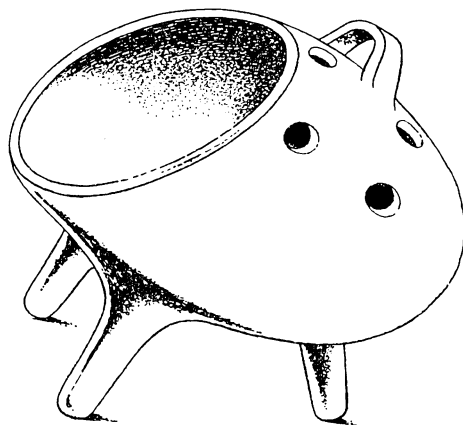
чество сырья. Мокрую глину долго месили, пока она не превращалась в тягучее «тесто». В некоторых областях Тауантинсуйу гончары иногда добавляли в глину различные вещества, так называемые «отошители», которые повышали прочность изделия.

В Перу во времена инков при изготовлении керамики повсюду применялся типично индейский метод, открытый в Южной Америке, — метод штамповки изделий с применением твердых форм. Этот прогрессивный полупромышленный метод позволял изготавливать целые серии одинаковых предметов. Изготовленная в формах керамика инкских гончаров отличалась достаточно высоким качеством, однако, как и многое в образцовой империи, эти изделия были серийными, стереотипными.

Совершенно уникальным изделием инкских гончаров были керамические грелки — единственная настоящая «печка», использовавшаяся в Тауантинсуйу.

Помимо глины, инкские ремесленники обрабатывали и дерево. Изделий древнеперуанских резчиков по дереву по вполне понятным причинам до нынешних дней сохранилось очень мало. К ним относятся прежде всего «керы» — большие деревянные кубки, нередко украшенные портретами Инков или других сановников империи.

Изучая сохранившиеся изделия инкских резчиков по дереву, можно сделать вывод, что этот вид ремесел в империи высокого уровня не достиг. И напротив, в обработке металлов, прежде всего золота и серебра, древние перуанцы превзошли все другие древнеамериканские культуры. Золото, столь любимый и столь ненавидимый людьми металл, играло в жизни Тауантинсуйу исключительную роль. Не случайно государство «сыновей Солнца» зачастую называют «золотой страной» или же «золотой империей».

Один из инкских сосудов

Именно в погоне за золотом, за золотыми сокровищами инков, а не за чем-либо другим явились в южноамериканскую страну Перу европейские завоеватели. Вот почему золоту инков, а также их серебру и бронзе следует посвятить специальную главу в нашем кратком обзоре ремесел инков. Эта важная глава войдет в тот раздел книги, в котором пойдет речь о реальных и мнимых сокровищах «сыновей Солнца», о судьбе этих сокровищ.

V. Десять классов жизни. Два уровня жизни

Золото, о котором пойдет речь ниже, в южноамериканской империи инков играло совершенно исключительную роль. Оно выполняло в этой «золотой стране» самые различные функции, не имея, впрочем, одной, столь существенной для других народов: не было средством платежа. Примечательно, что многие названия национальных денежных знаков и поныне включают эпитет «золотой». А у инков денег не было. Следует сказать, что они прекрасно обходились без них, поскольку одним из основных принципов общества инков являлся принцип самообеспечения. Семья каждого пуреха питалась теми сельскохозяйственными продуктами, которые она производила на своем небольшом наделе земли. Она одевалась в ткани, которые были сотканы из шерсти, полученной от домашних лам. Точно в такой же степени должны были

сами себя обеспечивать каждая община, каждая провинция. Самообеспечение всех звеньев системы инков в полном смысле слова было одним из основных законов империи «сыновей Солнца».

Итак, в Тауантинсуу не было денег. Перуанские индейцы не платили на базаре денег, они попросту обменивали одно изделие на другое. Такие базары, называвшиеся «кату», по распоряжению Инки Пачакути регулярно устраивались в крупных деревнях и городах империи через каждые девять дней. В Перу инков кату являлись местом, где совершался обмен. На кату индейцы собирались из самых разных уголков страны. Нередко они несли товар на собственной спине, иногда изделия доставляли целые караваны лам.

Особо бойко на инкских базарах обменивались продукты Сьерры на продукты равнинных районов империи. Так, например, в горах разводили лам, а значит, там была шерсть, на равнинах же, напротив, хорошо произрастал хлопчатник. Индейцы, занимавшиеся ткачеством, получали от индейцев с побережья красящие вещества и неорганические морилки. В Куско и вообще в горы с побережья поставлялись столь любимые индейцами морские водоросли, а также высоко ценившиеся раковины морских моллюсков. Оттуда же поступала и вяленая морская рыба, а также тропические пряности. Из джунглей Амазонки на базары в горах привозили красивые, всегда вызывавшие восторг перья попугаев, доставлялись дичь, каучуковый латекс и различные лекарства, полученные из растений, например знаменитый хинин.

Инкские базары стали одним из основных центров чрезвычайно широкой сети внутренней торговли империи. Значимость и объем внешней торговли были несравнимо меньшими. Без преувеличения можно сказать, что вся империя, включая айлью и провинции, предста-

вляла собой как бы единое натуральное хозяйство. Несмотря на это, государство инков (в особенности в последний период своего существования) все же посылало небольшие группы торговцев – «катукамайоков» – и за границу. В заграничные торговые вояжи катукамайоки отправлялись с большими караванами лам или же – что было чаще – на кораблях, вернее, на тех самых бальсовых плотках, один из которых и повстречал в океане знаменитый рулевой Бартоломе Руис.

Империя инков экспортировала за границу прежде всего свои высококачественные ткани, а также золотые и серебряные украшения, посуду и т. д. Из дальних плаваний (катукамайоки инков на плотках добирались, например, до Центральной Америки, в частности до бухты Никоя в Коста-Рике; не исключено, что они бывали и на тихоокеанском побережье мексиканской Оахаки) торговцы привозили для знати империи изделия, которых в Тауантинсуйу не доставало и которые считались предметом роскоши, а поэтому очень высоко ценились. О чем же мечтали представители элиты государства? Из привозных предметов роскоши в Тауантинсуйу особенно ценились раковины морских моллюсков *Spondylus pictorum* и *Strombus galeatus*. Из Колумбии – территории современного департамента Чоко – торговцы привозили прекрасный жемчуг, а из других районов этой страны – великолепные изумруды, которые можно видеть на сохранившихся древнеперуанских украшениях.

У инков, как и у ацтеков, торговцы, отправлявшиеся за границу, помимо экономической функции, выполняли еще одно, очень важное для государства задание: они играли роль шупалец империи, а точнее, роль разведчиков – «чадаков», которым предписывалось изучать внутреннее положение тех территорий, которые еще не были присоединены. Таким

образом, они являлись разведчиками, выявлявшими уязвимые места, ахиллесову пяту различных стран и царств для будущего захвата их войсками Тауантинсуйу.

Внешняя торговля, равно как и многие другие институты империи инков, также имела классовый характер. Помимо своей важной разведывательной функции, она должна была обеспечивать привилегированные слои общества различными предметами роскоши, недоступными или даже запретными для простого народа. Таким образом, внешняя торговля еще больше способствовала повышению жизненного уровня инкской элиты.

В Тауантинсуйу уровни жизни народа и господствующего класса были диаметрально противоположными. Как мы уже говорили, жизненный уровень знати повышался благодаря поездкам за границу катукамайоков. Каков же был уровень жизни, «качество жизни» хатун руна, то есть простых инков? В сущности, их уровень жизни был довольно низким.

Рядовой, лично свободный житель империи, гражданин государства инков, имел лишь прожиточный минимум. Ел он всего два раза в день. Обычным блюдом его ежедневного меню была картофельная или кукурузная похлебка. Из размельченных зерен кукурузы выпекалось нечто вроде хлеба. Из кукурузы готовилось и национальное блюдо инков – моте, в которое добавлялись перец и немного овощей. Из замороженного картофеля чуньо варили кашу локро. В меню хатун руна мясо бывало совсем не так часто. По торжественным случаям индейцы ели «чакри» – «консервы» из вяленого мяса ламы. В семьях хатун руна гораздо чаще ели мясо морских свинок, которых разводили практически в каждом доме империи.

Так же как и почти везде в мире, в Перу

Из подобных сосудов и чашек ели и пили инкские пурехи

инков пищу готовили женщины. Им не приходилось сетовать на скуку: на протяжении почти всего дня они трудились вместе со своими мужьями в поле; непрерывно, иногда на ходу, они пряли шерсть лам и весьма часто производили на свет детей, которых от них требовала империя.

Столь же однообразной, как пища, была и «мода», то есть одежда простого народа. Мужчины носили короткие, до колен, брюки «уара», служившие одновременно признаком зрелости. Носили они и рубашку без рукавов – «унку». На женщинах были длинные шерстяные «анаку», которые надевали через голову и стягивали в талии широким, красиво украшенным поясом. В холодную погоду мужчины (а иногда и женщины) носили длинные теплые шерстяные плащи. Представители обоих полов носили на ногах сандалии «асуту», сделанные из шерсти лам. Жители отдельных областей

Тауантинсуйу, а также представители отдельных племен отличались друг от друга не столько одеждой, сколько головным убором (так, например, в районе Куско носили плоские шапки).

Семьи индейцев жили в примитивных жилищах без окон и без какой-либо мебели. Их хижины обогревались керамической печкой, о которой мы уже говорили, топливом для нее служили экскременты лам. Впрочем, в жилищах индейцы – прежде всего мужчины – в течение дня практически не находились, так как империя давала им все новые и новые задания. Упоминавшаяся выше «божья заповедь» инков – «Не ленись!» – распространялась, в сущности, на все возрастные категории жителей империи. В Тауантинсуйу эти возрастные категории были точно обозначены. Можно сказать, что общество инков было одним из немногих обществ, которое буквально узаконило возрастные категории. И это неудивительно, ибо «сыновья Солнца» отличались невероятной педантичностью в организационных делах. Действительно, государственный механизм, основывавшийся на децимальной, то есть на десятичной, системе, никого не оставлял без внимания.

В империи, всегда и во всем соблюдавшей децимальный принцип, выделялись десять возрастных категорий граждан. Примечательно, что для мужчин и женщин эти категории были различными. У мужчин к первому классу относились «грудные младенцы», ко второму – «грудные дети, начинающие ползать», к третьей категории – «играющие дети» – принадлежали мальчики до 9 лет. Впрочем, последние, невзирая на общее название этой категории, уже должны были помогать по дому. Четвертая группа, называвшаяся «дети, охотящиеся с силками», включала мальчиков от 9 до 12 лет, к пятой – относились юноши от 12 до 18 лет. Эти молодые люди главным

образом охраняли скот. Важным периодом в жизни мужчины-инки была шестая категория, называвшаяся «сайя паяк». Молодой мужчина этого возраста, то есть от 18 до 25 лет, должен был находиться на военной службе, очень часто он служил и в качестве курьера, «часки», знаменитой почтовой службы империи.

Самой основной и самой большой возрастной категорией была седьмая, включавшая мужчин от 25 до 50 лет. Собственно говоря, именно эти мужчины были пурехами, истинными гражданами государства. Все жители империи, имевшие личную свободу, но не обладавшие какими бы то ни было привилегиями, а это и были как раз пурехи и члены их семьи, в совокупности назывались «хатун руна».

Именно представители этой самой многочисленной седьмой возрастной категории мужчин и должны были платить государству подати. Таким образом, можно поставить знак равенства между словом «пурех» и словом «налогоплательщик». Мужчина в возрасте от 25 до 50 лет компенсировал налоговые обязательства по отношению к Инке и его государству не деньгами, а своим трудом. Делать он это мог самым различным образом – например, отдавать часть собранного им урожая либо отрабатывать на гражданских стройках, куда его направляли на основе миты. Его могли также послать на временную работу в государственные шахты или же на сбор листьев коки на государственных плантациях.

За сбором подати, то есть за тем, чтобы пурехи, представители самой главной возрастной категории, честно выполняли свои налоговые обязательства, следили кураки селений, которые от имени государства принимали налоги от налогоплательщика и передавали их государственному сборщику налогов («тукуй рикоку») или же его заместителю на местах

во время посещения ими селений. Налоговые обязательства граждан, а также доходы империи от сбора подати «записывались» при помощи узелкового письма кипу, о чем ниже еще будет речь.

Итак, подати платили государству лишь пурехи, то есть представители простого народа в возрасте от 25 до 50 лет, которые имели личную свободу, были женаты и, таким образом, являлись главами своих семей. В отличие от них аристократия, а также жрецы империи налоги не платили. Итак, как мы видим, на представителе седьмой возрастной категории – пурехе – держалось практически все государство. Уплачиваемая им подать, хотя и не в форме денег, а в виде труда и изделий, являлась единственным источником доходов государства «сыновей Солнца». Впрочем, мужчины должны были продолжать работать и после того, как они по возрасту выходили из главной, седьмой категории и переходили в категорию восьмую, включавшую мужчин в возрасте от 50 до 80 лет. От них империя уже не требовала столь тяжелой физической работы на полях. Кроме всего прочего, они занимались воспитанием детей своего селения. Еще более пожилые мужчины (старцы, перешагнувшие за 80 лет) принадлежали к возрастной категории «глухие старики». Название этой группы довольно точно передает то, чем главным образом занимались эти мужчины.

К последней, десятой категории, не имеющей точного возрастного ограничения, относились разного рода больные и немощные люди. Впрочем, и эти не совсем здоровые граждане имели трудовые обязательства перед империей. Так, например, при дворе Инки карлики выступали в роли шутов. Мужчины, лишившиеся в результате ранения нижних конечностей, должны были работать во благо империи по крайней мере конечно-

стями верхними: ткать, вырезать и т. п. На калек и больных распространялось специальное государственное распоряжение: они должны были жениться исключительно на себе подобных. Поэтому в Тауантинсуйу немой мог взять в жены лишь немую девушку, слепой – только слепую и т. д.

Женщины империи также делились на десять возрастных категорий. К двум первым из них относились младенцы, пока еще не имевшие никаких обязанностей. Начиная с третьей возрастной категории (от 5 до 9 лет), девочки должны были уже помогать по дому, в этом же возрасте они начинали учиться какому-нибудь ремеслу. Некоторые девочки третьей возрастной категории поступа-

ли в дом «невест Солнца», где должны были прислуживать инкским «весталкам».

Представительницы четвертого класса – девушки в возрасте от 9 до 12 лет – помогали работать в поле, собирали травы или же самостоятельно занимались ткачеством. Девушки пятого класса – в возрасте от 12 до 18 лет – все еще продолжали жить в семье своих родителей. Под страхом смертной казни они обязаны были сохранять свою невинность. Некоторых специально отобранных девушек этого возраста отдавали в дом «невест Солнца».

Только после достижения 18 лет, то есть после перехода в шестую категорию, молодые женщины Тауантинсуйу имели право выйти замуж. Примечательно, что если мужчина обязан был жениться, то девушка могла остаться и девственницей. В этом случае она нередко становилась наложницей одного из государственных чиновников. Инки, склонные к педантичности, специальным указом Тупака Юпанки точно определяли, сколько женщин мог иметь тот или другой чиновник. Так, например, тот, кто отвечал за жизнь миллиона пурехов (ункокамайок), имел право на 30 наложниц, 10 тысяч пурехов – на 20. И так далее. Важную возрастную категорию представляли собой женщины от 18 до 30 лет: в этом возрасте они выходили замуж. Если же им не удавалось найти себе спутника жизни, они становились иногда наложницами какого-либо чиновника. Следующую возрастную категорию составляли незамужние женщины от 30 до 50 лет. Хотя по меркам инков они уже считались пожилыми, тем не менее и они все еще могли быть любовницами знати государства. Иногда они прислуживали в домах государственных чиновников.

К следующему классу относились женщины между 50 и 80 годами. Особую категорию, не имеющую строгих воз-

Женщина – представительница общества инков. Рисунок выполнен на основе иллюстраций Гуамана Помы де Аяла

растных границ, составляли женщины больные и калеки, которые, так же как и мужчины последней категории, все-таки должны были по мере сил и состояния здоровья работать.

Как видим, при возрастной классификации граждан империи никто не был забыт. Согласно десятичной системе, любой, даже самый маленький, самый незначительный винтик государственного механизма, даже грудной младенец или старец, одной ногой стоящий в могиле, точно знали свое место. И так, в Тауантинсуйу было десять возрастных категорий, однако уровней жизни было всего лишь два: один – знати, другой – народа. И если из одной возрастной категории в другую гражданин государства «сыновей Солнца» переходил постепенно, то от низкого жизненного уровня к уровню жизни высокому практически не мог перейти никто.

VI. «Индийский социализм»

Труд облагораживает человека. Он является его самым почетным и ценным правом. Как и свобода, труд – самое прекрасное украшение человека. Владыки же Тауантинсуйу принижали труд, они превращали его из права в обязанность, из достоинства в тяжелое бремя. В империи придавалось большое значение тому, чтобы каждый ее житель всегда был при деле. Это обуславливалось не только экономическими потребностями Тауантинсуйу и непрерывно возрастающими аппетитами правящего класса. Немалую роль играло и то соображение, что у людей, которые сверх головы заняты делом, нет времени для размышлений о своем жизненном уровне, о незавидном социальном положении, о плохих бытовых условиях, в которых они живут отнюдь не по своей вине. Следует, впрочем, признать, что в империи делалось все возможное для того, чтобы предупредить какие-либо проявления социального не-

довольства. Ни один ее гражданин не был обойден при получении того минимума, который обеспечивал ему элементарное существование.

В мирное время взрослый здоровый человек в государстве «сыновей Солнца» сам заботился об удовлетворении своих жизненных потребностей. Однако заботы о старых и больных, вдовах и сиротах, о калеках и в особенности о ветеранах войны брало на себя государство. Причем делало оно это весьма последовательно, стараясь ни о ком не забыть. Тот, кто не мог работать, имел право получать все необходимое для жизни, то есть основные продукты питания, одежду, обувь, из фондов империи, из ее закромов и амбаров, из разбросанных повсюду складов ремесленных изделий.

Больные и инвалиды, старцы и дети, вдовы и сироты – все получали поровну из государственного фонда социального обеспечения. Уровень жизни всех здоровых пурехов и их семей был почти одинаковым. Иными словами, у всех было одинаково много или, что, пожалуй, точнее, одинаково мало продуктов питания. И одеты и обуты они были, по сути дела, одинаково. У всех были одинаковые хижины и одинаковая домашняя утварь.

И действительно, создавалось впечатление, будто в индейских селениях Перу времен инков не было ни бедных, ни богатых. Казалось, что по части удовлетворения потребностей люди равны между собой. Как будто бы и не существовало имущественного неравенства! А поскольку частная собственность практически, казалось бы, отсутствовала, то отсутствовали и условия, порождающие такие отвратительные черты характера человека, как жадность или, что еще хуже, зависть. Ведь они появляются одновременно с возникновением частной собственности.

Учитывая, что благодаря упомянутой системе «социального обеспечения» ни один человек в империи «сыновей Солнца» – ни тот, кто трудился, ни тот, кто уже не мог трудиться, – не голодал, не ходил нагой и босой, что империя помнила о каждом своем гражданине (и каждый соответственно получал все необходимое для жизни), многие исследователи делают ошибочный вывод о социалистическом характере государства и общества «сыновей Солнца».

Так, например, труд одного известного французского экономиста так и называется – «Социалистическое государство инков». На самом же деле это просто полное непонимание отношений, господствовавших в Тауантинсуйу. Известно множество определений социализма, однако ни одно из этих определений не дает нам основания квалифицировать как социалистическое или даже просто как социально справедливое такое общество, в котором существовал привилегированный класс во главе с «сыном Солнца», «Единственным Инкой». Этот класс присваивал себе большую часть продукции, произведенной многомиллионным народом, он являлся единственным творцом и мерилom законности. Ему одному – без каких бы то ни было ограничений – принадлежала монополия на богатства страны, в том числе на золото и коку. Представителям этого класса было даже предоставлено право иметь неограниченное количество наложниц. Простому народу, хатун руна, было позволено только трудиться в поте лица на привилегированные слои и их высочайшего представителя, владыку государства, служить в его войске, рожать детей для этого государства. Они имели лишь право, вернее говоря, обязанность: вести крайне монотонную жизнь, выполнять налоговые обязательства в отношении империи, на основе миты надрываться на золотых и серебряных приисках. За свой труд на-

род, каждый его представитель, от государства получал одно: уверенность в том, что он не умрет от голода, когда будет уже не в состоянии тянуть эту лямку, когда от изнурительного труда на шахтах он полностью потеряет здоровье или же на поле сражения лишится зрения или конечностей.

Социализм предполагает общественную собственность на средства производства. В Тауантинсуу средства производства, и прежде всего основное из них – земля, – принадлежали не всем, а лишь одному Инке, который давал землю пурехам как бы в долг, во временное пользование.

Пурех, этот «лично свободный гражданин» государства «сыновей Солнца», в ничтожной мере мог воспользоваться упомянутой свободой. Он был лишен права самому решать свою судьбу. Общинник не выбирал своих представителей, начальство, не выбирал он и Инку. Система власти, разветвленный государственный аппарат, давивший на пуреха огромным весом и высасывавший из него, как некий чудовищный вампир, соки, – все это было навязано ему сверху. По сути дела, даже личные вопросы человека: покинет он или нет свое селение, будет на основе миты надрываться на шахтах или нет, прольет ли он кровь на тропе войны и, наконец, женится он или нет – за него решали, причем со всей полнотой власти, другие. Ему же, почти бесправному колесу безупречно отлаженного «десятичного» государственного механизма, оставалось лишь одно: бесперебойно функционировать. Человек должен был выполнять то, что ему приказывали, и он действительно выполнял все указания безоговорочно.

Впрочем, и в перуанской «империи социального мира» доколумбова периода время от времени происходили социальные выступления. Правда, нам о них очень мало известно. Видимо, инки и

не старались сохранять эти события в своей памяти. О восстании, происшедшем в одной из четырех составных частей (Антисуу) государства инков, рассказывает кечуанская народная драма «Апу-Ольянтай», с которой мы познакомимся поближе. Другое выступление произошло во времена правления Инки Тупака Юпанки в районе того самого города Тумбеса, который вписал свою страницу в историю завоевания Перу европейцами.

От хрониста Гарсиласо де ла Веги, весьма симпатизировавшего своим предкам, представителям правящей династии Тауантинсуу, мы узнаем, сколь «гуманно» обошелся Инка с людьми, недовольными порядками, которые существовали в империи: «...Одних бросали [в наказание] в море, привязав к ним тяжести, других пронзали копьями... третьих обезглавливали, четвертых четвертовали, пятых убивали их собственным оружием... шестых вешали».

Жители Куско – столицы империи – сохранили воспоминание о большом бунте рабочих – строителей знаменитой крепости Саксауаман. Тогда шесть тысяч человек в упряжке перетаскивали в Куско гигантские каменные блоки из майюнских каменоломен, находившихся на расстоянии нескольких километров от столицы. Неожиданно одна из глыб сорвалась и задавила более 400 рабочих. Возмущенные труженики Куско взбунтовались и перебили надсмотрщиков, тех, кто придумал подобным образом доставлять на стройку тяжести.

Сведения о социальных бунтах доколумбова Перу, дошедшие до нас благодаря местным индейцам, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в «золотой стране» инков, как, впрочем, и в других древнеамериканских государствах, не могло быть и речи о существовании некоего «золотого века». В начале повествования о «сыновьях Солнца» мы

сказали, что в империи инков было создано великое множество чудес. Однако империя не сотворила, да и не могла сотворить самое большое чудо, на которое каждый человек имеет неотъемлемое право, — общество социальной справедливости. Вот почему на вопрос, существовал ли в Тауантинсуйу социализм, точнее, особый, инкский, индейский социализм, следует однозначно и категорично ответить: нет, не существовал!

VII. Глас закона

Общественный строй и правопорядок, который Инки, владыки Тауантинсуйу, и правящая элита установили в империи и который они стремились насадить повсюду, во всем известном им мире, должны были подпирать, защищать, укреплять три основных столпа: законы империи, армию империи и идеологию империи, то есть ее солнечную религию.

Вначале скажем несколько слов о первом из этих столпов — о законах и праве в империи инков. Право это было неписаным, то есть, как говорили римляне, *lex non scripta*. В составе этого неписаного права, опиравшегося на привычки, традиции, можно выделить два больших раздела: право гражданское и право уголовное. В Тауантинсуйу, где, в общем, не было частной собственности и отсутствовали торговля в исконном смысле этого слова и деньги, а также такие связанные с

ними явления, как накопление капитала, кредиты и ростовщичество, несравненно большее значение имело право уголовное и соответственно уделялось особое внимание таким понятиям, как «преступление» и «наказание».

В глазах общества «сыновей Солнца» преступление являлось не только нарушением действовавших законов. Это было нечто большее. Любое преступление рассматривалось как непослушание самому Инке, который считался символом государства, творцом его законов. Таким образом, преступление расценивалось как святотатство, как надругательство над священными устоями общества, покоящимися на солнечной религии инков и освященными ею.

Несмотря на то что законы инков не фиксировались на письме, в основе юстиции лежали точные и ясные принципы. К их числу можно отнести, например, принцип, согласно которому уголовное преступление, совершенное представителем элиты, квалифицировалось как более серьезный проступок, чем провинность представителя хатун руна, простого народа. Так, к примеру, если один знатный человек соблазнил жену другого знатного человека, то оба – и соблазнитель, и совершившая грехопадение – карались смертной казнью. Если же оба согрешившие были выходцами из народа, то за неверность их только подвергали пыткам.

Существовал и такой принцип: если преступление было совершено не по инициативе правонарушителя, а по наущению другого лица, наказанию подлежал инициатор нарушения закона, а не сам преступник. Судья принимал во внимание, если можно так сказать, «коэффициент интеллигентности» правонарушителя, то есть его способность осознать серьезность содеянного. В качестве соучастника по каждому уголовному делу выступал и «камайок», то есть чиновник, отвечавший за десятичное «подразделе-

ние», к которому правонарушитель принадлежал.

Вопрос о виновности или же невинности и наказании правонарушителей решали судьи. Конечно, у инков не было судов в нашем смысле слова. В том случае, если правонарушения не носили слишком вредного для государства характера, то есть не выходили за рамки того или иного селения, в роли судей выступали камайоки и местные кураки. Более серьезные уголовные преступления находились в ведении «государственных инспекторов», регулярно посещавших все селения государства. Преступления против безопасности государства, и в особенности преступления, совершенные представителями элиты, находились в компетенции самого Инки. Он вершил суд при участии нескольких других членов «уголовного сената». Этот высший суд, разумеется, заседал в столице – Куско.

Поводом для судебного разбирательства служила жалоба о совершении уголовного преступления, которую чиновнику империи, наделенному соответствующими судебными полномочиями, передавал или сам потерпевший, или какое-либо другое лицо. После этого правонарушителя арестовывали и содержали под надзором вплоть до начала судебного разбирательства. Интересно, что судопроизводство должно было осуществляться в течение пяти дней.

В заключение судебного разбирательства судья выносил, как правило, довольно суровый приговор, ибо любое правонарушение, даже совсем незначительное, правителями государства, являвшимися единственными законодателями, расценивалось как посягательство на священные, неприкосновенные устои империи, как угроза ее внутреннему спокойствию.

Наиболее распространенной и вместе с тем высшей мерой наказания была смертная казнь. Смертный приговор

приводили в исполнение самым различным образом: осужденных забивали камнями, вешали, сбрасывали со скалы. Лиц, угрожавших безопасности государства, заключали в своего рода «камеры смерти», которые кишели ядовитыми змеями и хищниками. Впрочем, об этих своеобразных, жестоких заведениях, предназначенных для ликвидации врагов империи «сыновей Солнца», речь пойдет ниже.

Государственные чиновники, небрежно или плохо исполнявшие свои обязанности, приговаривались к особому виду наказания – «ивайе», сущность которого заключалась в том, что на спину нерадивых служащих с высоты одного метра сбрасывали огромный камень. После «ивайи» правонарушитель, даже если он выживал, до конца дней своих оставался калекой. Инкские судьи могли приговаривать и к другим видам наказания, например к изгнанию, бичеванию, пыткам. Иногда дело ограничивалось лишь публичным порицанием.

В том случае, если преступление совершал малолетний, наказанию подвергался его отец. Когда особо опасное преступление совершал простолюдин, наказанию подлежали все жители его селения. Села, в которых жили государственные преступники, в наказание сравнивались с землей, а их жителей казнили вместе с преступником.

Инкское право не предусматривало апелляции. Судебное разбирательство совершалось быстро и почти всегда публично. В качестве свидетелей вызывались только мужчины, поскольку о женщинах еще Инка Тупак Yupанки со всей категоричностью заявил, что они «от природы лживы и недостойны доверия».

В числе наказаний, к которым приговаривали судьи Тауантинсуйу, не встречалось одного, самого распространенного в современной юстиции: тюремного за-

ключения. В империи было мало тюрем, и пребывание в них для осужденного, наверное, считалось страшнее казни. Тюрьмы у инков назывались «санкай» («суанкай»). В них размещались различные южноамериканские хищники: птицы и звери, ядовитые насекомые и змеи. Вот в такую ужасную компанию и попадали преступники, совершившие особо тяжкие преступления против государства. В своей иллюстрированной хронике Гуаман Пома де Аяла во всех подробностях описывает кошмары этих страшных узилищ. На одном из его рисунков, например, изображен узник кусканской государственной тюрьмы Санкай, защищающийся от кондора, который пытается выклевать несчастному глаз. Если же заключенному в этом аду, полном ядовитых змей и грозных хищников, удавалось остаться целым и невредимым в течение 48 часов, если за два дня, казавшихся ему бесконечно долгими, он не погибал, Инка убеждался в его невиновности. В этом случае узника выпускали из тюрьмы, в качестве компенсации он получал от «сына Солнца» богатое вознаграждение.

Итак, преступление и наказание находились в центре внимания юриспруденции инков. Гражданскому праву, как мы его теперь называем, «сыновья Солнца» уделяли гораздо меньше внимания. Во времена наивысшего расцвета империи ее правители, очевидно, уже начали ощущать потребность в «кодификации», создании настоящего, исчерпывающего свода повсеместно действующих законов, то есть «кодекса», и в первую очередь уголовного кодекса. Автором последнего явился Инка Пачакути.

Уголовный кодекс, создание которого приписывается Пачакути, содержал перечень основных преступлений; для каждого из них он устанавливал соответствующее наказание с учетом степени социальной опасности преступления. Начнем, к

примеру, с самого опасного для империи преступления – государственной измены. Государственный преступник, то есть тот, кто выступил против власти Инков, осуждался на смерть. Его тело превращали в «рунатию» – «человек-барабан», из костей делали маленькие флейты, дом изменника сравнивали с землей, а его надел засыпали солью, с тем чтобы он больше уже никогда не родил. Столь же жестокое наказание было уготовано тому, кто осмелился бы вступить в дом «невест Солнца», с тем чтобы лишить их девственной чистоты. Ужасным преступлением считалось и безбожие, богохульство. Смертью карали того, кто позволял себе усомниться в богах инков, в могуществе Солнца – верховного божества.

После тягчайших преступлений против государства и его религии в «кодексе» инков следовал перечень некоторых других тяжких уголовных преступлений. Прежде всего это были убийства. Самым жестоким убийством считалось убийство родителей или родных детей. За подобное преступление полагалась смерть через повешение. Убийцу чужих детей забивали камнями, а убийцу чиновников империи, например курак, четвертовали.

Смертью каралось в Тауантинсуйу и изнасилование. Впрочем, преступник мог и избежать наказания, если до начала судебного разбирательства женился на своей жертве. Смертной казнью каралось и прелюбодеяние, правда в том случае, если измена совершалась представителями знати. Что касается простого народа, то здесь лица, избалованные в прелюбодеянии, приговаривались к пыткам. Муж, застигнутый свою жену с чужим мужчиной, так сказать *in flagrante**, мог

безнаказанно убить неверную. Если же муж узнавал об измене жены, но не имел доказательств, он мог просить государство покарать виновную.

По инкским законам строго карались и аборт, так как в этом случае Тауантинсуйу лишалось потенциальной рабочей силы, будущих воинов. Размер наказания зависел от пола ребенка. Так, если женщина делала аборт, а у нее должен был родиться мальчик, ее казнили. За неродившуюся девочку виновной давали 200 плетей.

Примечательно, что в империи, во главе которой всегда находилась супружеская чета, состоявшая из родных брата и сестры, уголовный кодекс строго карал граждан государства за кровосмешение, инцест. Так, например, если мать прелюбодействовала с сыном, оба приговаривались к смертной казни через повешение. Точно так же каралась любовная связь между братом и сестрой и даже между двоюродными братьями и сестрами.

Вполне естественно, что государство с помощью законов защищало и свое собственное имущество. Так, кража имущества, принадлежавшего Инке, каралась смертью. Особенно строго закон карал кражи в храмах, в общественных складах, амбарах. Однако, если было доказано, что представитель хатун руна крал от голода, а его непосредственный камайок не сумел обеспечить человека продуктами питания, необходимыми для жизни, наказывался не совершивший преступления, а нерадивый чиновник.

Закон карал смертной казнью поджог государственных зданий и умышленное нанесение ущерба гражданским сооружениям, например мощным дорогам и особенно мостам. Помимо некоторых других, менее тяжких уголовных преступлений, инкское право выделяло один вид правонарушений, являвший собой наглядное отражение морали этого общества: закон строго карал безделье,

* На месте преступления (лат.). – Прим. ред.

лень. По мнению инков, такой «преступник» своей ленью наносил ущерб правителю и империи, в которой гражданин имел «естественное» и «полное право» на труд.

Если посмотреть на уголовный кодекс инков в целом, то можно прийти к выводу, что законы Тауантинсуйу были довольно строгими, зачастую они в буквальном смысле слова являлись драконовскими. Тем не менее первые хронисты Перу единодушно утверждают, что законы инков были очень эффективны: благодаря своей крайней жестокости они удерживали людей от преступных деяний. И на самом деле преступность в империи инков была очень низкой. Правопорядок, который ввели «сыновья Солнца», в их стране соблюдался всеми. От тех же немногочисленных лиц, которые все-таки нарушали законность, общество умело раз и навсегда избавиться.

VIII. Самая большая армия древней Америки

Юстиция инков оказывала большое влияние на жизнь инкского общества. Если в Тауантинсуйу и встречались отдельные лица, которые осмеливались нарушить господствующие порядки и тем самым приходили в столкновение с законами, то их карала суровая рука блюстителей закона и экзекуторов, приводящих в исполнение приговоры инкских судей. В том случае, когда против священных устоев империи выступали уже не одиночки, а группа лиц, недовольных существовавшими в Тауантинсуйу социальными порядками (например, если бы вдруг вздумали бунтовать покоренные инками некечуанские племена, вознамерившиеся обрести свою былую независимость), на защиту *Pax Incaica* *

* Мир инков (лат.).—Прим. перев.

выступала главная опора государственной власти – огромная армия. Армия Тауантинсуйу оберегала *Pax Incaica* и за границами империи. Она защищала безопасность Тауантинсуйу от внешних врагов, от возможного нападения со стороны соседей (например, парагвайских чиригуано). Наконец, первейшей обязанностью армии было осуществлять непрерывную экспансию, то есть насильственно расширять территорию великой империи.

Со временем военная экспансия стала идеалом, главным девизом государства и его правителей. Инки считали своим правом, первейшей обязанностью насаждать во всем известном им мире свою священную, единственно правильную идеологию – религию Солнца. В духе этой концепции заранее оправдывался любой экспансионистский акт.

«Сыновья Солнца» искренне верили (а возможно, делали вид, что верят) в свою добродетель, в то, что путем захвата чужих территорий они приносят счастье их жителям, даруют им благословение своей высокой культуры и цивилизации. Во всяком случае, «сыновья Солнца» были убеждены в том, что завоевательными войнами они приносят пользу обеим сторонам, участвующим в конфликте. И как ни странно, на первый взгляд войны инков приносили пользу тем, кто проливал кровь на полях сражений, то есть пурехам, простому народу Тауантинсуйу. Действительно, только на поле битвы эти рядовые представители мужской части населения империи могли хоть как-то отличиться, «улучшить» свое положение. Военные заслуги облегчали им продвижение вверх по иерархической общественной лестнице.

Таким образом, «аука руна» (так назывался солдат инков), участвуя в войнах своих правителей, одновременно воевал сам за себя. Участие в военном походе, конечно, давало различные привилегии и

представителям элиты империи. И даже сам верховный правитель – Инка – был кровно заинтересован в том, чтобы войны велись непрерывно, поскольку тем самым он находил занятие для своих братьев, племянников и дядей, которые в противном случае от недостатка других интересных дел с удовольствием свернули бы шею правящему «сыну Солнца» и сами заняли бы его место на троне Куско.

В период зарождения инкского государства, во времена Манко Капака и первых Инков, «сыновья Солнца» вели войны за место под солнцем, буквально за каждый квадратный километр долины Куско. Тогда они стремились обеспечить безопасность своей страны, закрепить право на существование. Однако после исторической победы над чанками правители Тауантинсуйу начали вести войны совсем иного рода. Их целью была экспансия, завоевание. Инки вели войны и тогда, когда им уже никто не угрожал. Захватнические войны, являвшиеся своего рода времяпрепровождением как для инкской знати, так и для простого народа, в известной мере способствовали укреплению стабильности внутри империи, потому что, когда воюют с внешним врагом, уже не остается времени на войну в собственном доме. Это правило было впервые нарушено, когда разразилась вооруженная борьба между братьями Уаскаром и Атауальпой за несколько лет до прихода европейцев.

Начиная примерно с 30-х годов XV столетия и вплоть до прихода испанцев на землю Перу, инки не проиграли ни одной войны. Никогда ранее в доколумбовой Америке не было такой большой армии, какую имели инки. Боевые успехи этой огромной армии основывались, впрочем, не столько на ее численном превосходстве, сколько на исключительной организованности инков.

На основе действующей в империи де-

сятийной системы каждый гражданин Тауантинсуйу входил в состав соответствующего административно-организационного подразделения. В силу этого для «сыновей Солнца» не составляло особого труда в случае необходимости мобилизовать тысячи и тысячи пурехов и отправить их в течение короткого времени на войну.

Государство «сыновей Солнца» проявляло заботу о сражавшихся воинах. Великолепным было тыловое обеспечение армии: повсюду располагались склады, из которых войско получало всю необходимую провизию, и прежде всего консервированные продукты – картофель чуньо, а также сушеное мясо ламы. Одновременно с армией на завоеванные территории вступали и многочисленные отряды водоносов и носильщиков продуктов. Вместе с армией передвигались и многотысячные караваны лам, навьюченных запасами продовольствия и вооружения. Быстрому передвижению войска немало способствовали и превосходные, мощенные кирпичом дороги империи; протяженность одной из них, к примеру, превышала пять тысяч километров.

Преимуществом армии инков была и высокая дисциплинированность воинов. Так, например, под страхом смертной казни никто не смел отлучаться из воинского подразделения, двигавшегося по дорогам империи. Солдаты армии инков обеспечивались всем необходимым, поэтому им не приходилось (да они даже и не посмели бы) просить у местного населения ни еды, ни питьевой воды. Им было запрещено причинять какой-либо ущерб местным жителям, не разрешалось сблизиться с женщинами из тех селений, через которые проходили войска. Впрочем, они и не ночевали в сельских жилищах, так как инкское войско всегда передвигалось со своими «домами» – полотняными палатками. Когда в Кахамарке испанцы впервые встретились с ар-

мией инков, то первое, что они увидели, был бивак армии «сыновей Солнца» – на расстоянии нескольких километров простиралось море палаток воинов Атауальпы.

Индийская империя, располагавшая самой большой армией древней Америки, постоянно держала под ружьем лишь очень небольшое количество профессиональных воинов. Постоянный профессиональный контингент находился лишь в личной охране Инки, в ее состав входило всего-навсего каких-нибудь десять тысяч человек. В период войны в армию империи призывались все взрослые мужчины, прежде всего, конечно, простолюдины. Всеобщая воинская повинность распространялась на лиц мужского пола соответствующих возрастных категорий, пригодных для военной службы. Таким образом, в Тауантинсуйу существовала всеобщая воинская повинность в полном смысле этого слова.

По первому приказу Инки каждый военнообязанный Тауантинсуйу должен был немедленно явиться в соответствующее воинское подразделение, поэтому «сыновья Солнца» в случае необходимости могли в течение нескольких дней сформировать 300-тысячную армию, которая действительно была самой многочисленной армией древней Америки. Эта армия отличалась высоким боевым духом и высокой боеготовностью, что было результатом тщательной военной подготовки, через которую должен был пройти каждый молодой человек – будущий солдат империи.

IX. Возьми в руки оружие!

Инки сумели создать самую многочисленную армию древней Америки. С армией «сыновей Солнца», по крайней мере в численном отношении, не могла сравниться ни одна другая армия доколумбовых индейских государств. В Тауантинсуйу существовала всеобщая воинская повинность. В период мобилизации в армию государства мог быть призван любой гражданин империи инков. В силу того что империя непрерывно воевала (в особенности во время правления последних шести владык), через суровую школу военных походов проходил практически каждый мужчина. Кстати, только после возвращения с войны или же после завершения военной службы пурех получал право жениться и создавать собственную семью.

Приобщение к военной службе для простого народа начиналось с раннего

возраста. К началу XV века в империи инков была введена обязательная военная подготовка, охватывавшая всех молодых людей в возрасте от 10 до 18 лет. Подготовкой руководили профессиональные военные, обычно из низшего офицерского состава, которые обучали своих воспитанников владению оружием обороны и нападения, знакомили их с основами рукопашного боя, обучали преодолевать водные препятствия, осаждали вражеские укрепления, подавать дымовые сигналы и еще многим другим полезным на войне вещам.

После завершения длительной военной подготовки молодые люди в своей айлью в присутствии государственного инспектора сдавали нечто вроде выпускных экзаменов по военному делу. Юноша считался взрослым лишь тогда, когда успешно сдавал этот экзамен. Военной подготовке не подлежали больные и калеки. Следует, впрочем, признать, что на неподготовных к военной службе молодых людей общество, как правило, взирало свысока. Когда начиналась война, молодежь общины, прошедшая длительное военное обучение, отправлялась на поле боя с тем подразделением, к которому она была приписана на основе административной структуры империи.

Структура военной организации в точности соответствовала административно-организационному устройству государства и общества. Одно селение составляло команду, состоящую из десяти человек, десяток селений направлял на службу 100 человек и т. д. К числу больших воинских подразделений относились батальон (тысяча человек), полк (две с половиной тысячи человек), бригада (два полка, то есть пять тысяч человек), дивизия (десять тысяч человек) и, наконец, армейские корпуса, в состав которых входило 40 тысяч солдат, последние составлялись отдельными провинциями.

Главнокомандующим армии Тауан-

тинсуйу, естественно, был Инка. Впрочем, нередко, как это случилось, например, во время войны двух братьев — Уаскара и Атауальпы, — Инка назначал на должность верховного командующего («апо киспай») кого-нибудь из своих братьев или же других знатных представителей королевского рода. Во главе армейских корпусов находились «апоскин рантин», полков — «атун апо» и т. п.

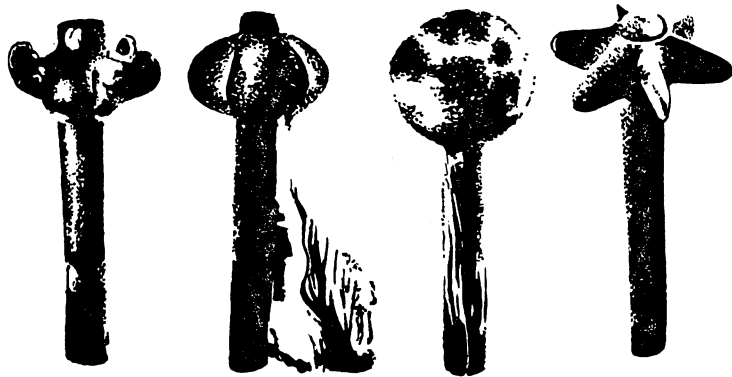
Солдаты, особенно те, которые хорошо зарекомендовали себя в бою, не только улучшали свое общественное положение, но нередко получали и награды. Обычно в качестве наград использовались различные металлические, иногда золотые, пластинки. Если система вознаграждений в империи была унифицирована, то единая военная форма в ней отсутствовала. Собственно говоря, в армии инков вообще не было воинского обмундирования. Мужчины шли на войну практически в той одежде, в какой они ходили в своей общине-айлью в мирное время. Только на голове у них были шлемы из кожи или прутьев, нередко украшенные разноцветным плюмажем. На ноги надевались прочные сандалии, тело защищали толстые стеганные куртки.

Воинские части тех или иных айлью, а нередко и целые армейские корпуса отдельных провинций обычно специализировались на применении того или иного

вида оружия. Из наступательного оружия солдаты империи использовали главным образом пращи, топоры и палицы с каменным или же металлическим наконечником, применялись также пики и в меньшей степени — преимущественно у мужчин из Чинчасуйу — луки со стрелами (жителям Куско они, например, были неизвестны).

Инки делали свои пращи из шерсти, кожи, а иногда и из волокон растений. Они использовались для метания камней величиной примерно с куриное яйцо. Это оружие отличалось большой точностью попадания. Камень, брошенный с помощью перуанской пращи, на небольшом расстоянии пробивал металлические шлемы испанцев.

Для ближнего боя солдаты Тауантинсуйу использовали главным образом дубинки-палицы — традиционное оружие всех перуанских индейских культур. Самым распространенным видом дубинки была так называемая «макана», то есть палица с каменным наконечником в виде шестигранной звезды. Наконечники, впрочем, могли быть и металлическими. На конце пики инков было металлическое, закаленное в огне острие. Обычно пики были двухметровыми. Лук — столь распространенное в древней Америке оружие — в армии инков применялся редко. Полки лучников обычно состояли из жи-

Четыре палицы инков
с каменными и
металлическими
наконечниками

телей восточной части империи, граничащей с бесконечными джунглями Амазонки. Длина лука доходила до двух с половиной метров. Восточноперуанские индейцы делали лук из очень твердого местного дерева «митуй» («чунта»).

Основным оборонительным оружием служил квадратный или круглый щит, обтянутый шкурой оленя или тапира. Щиты инков имели вполне определенную «гербовую окраску», по которой можно было определить, к какой группе войск принадлежит данный воин.

В таком облачении и с таким вооружением шли в бой солдаты империи – аюкаруна. Впрочем, в тех войнах, которые вели инки, далеко не всегда дело доходило до настоящего боя. В последнее столетие доколумбовой истории, когда «сыновья Солнца» вели исключительно завоевательные войны, ставившие своей целью захват чужой территории, инки нередко побеждали силой слова, то есть посредством дипломатических переговоров.

Так, если Инка и руководство государства принимали решение о присоединении к владениям империи территории очередного, до тех пор независимого от Тауантинсуйу племени или народа, к вождям этого племени вначале направлялось дипломатическое посольство. Вручая богатые дары хозяевам, посланцы («качаски») предлагали им мирно и добровольно подчиниться «сыновьям Солнца». Если эти местные цари и вожди добровольно соглашались стать вассалами кусканского Инки, владыка Тауантинсуйу оставлял за ними их должности. Они даже становились представителями знати, а в их владениях устанавливались порядки, заведенные инками, со всеми достоинствами и недостатками, вытекавшими из экономической и социальной системы Тауантинсуйу.

Если вожди до сих пор не подчинившегося Тауантинсуйу племени или народа отказывались принять предложение по-

сланцев стать вассалами инков и превратить свое племя или свой народ в составную часть единого всеандского и всеамериканского сообщества инков, к созданию которого стремились «сыновья Солнца», послы умолкали и начинало говорить оружие.

Владыка объявлял мобилизацию. Поскольку, как уже было сказано, государство и общество инков отличались исключительной организованностью, огромное войско собиралось с невероятной быстротой. Начинался поход против тех, кто предпочитал борьбу капитуляции и добровольному признанию инкских порядков.

Войско Инки выступало в поход из сборного пункта. Оно шло маршем по прекрасным дорогам империи, – дорогам, которые вели во все направления. Мобилизованные солдаты, получившие хорошую предварительную подготовку в своей общине-айлью, были приучены к длительным переходам, поэтому войско продвигалось очень быстро. Хорошо было поставлено и снабжение армии из государственных амбаров и складов. Армию сопровождали многочисленные отряды носильщиков, доставлявших провиант и питьевую воду. Следом за войском шли многотысячные караваны лам, навьюченных резервным вооружением и провиантом.

Когда враждующие стороны подходили друг к другу достаточно близко, первый удар – с определенного расстояния – наносили инкские метатели пращи. Тучи камней как смерч взлетали к небу и обрушивались на головы противников «сыновей Солнца». Затем в дело шли пики, и только после этого поднимали свои маканы, шестигранные каменные и металлешеские дубинки, солдаты империи.

Исход поединка решался на заключительной фазе – в рукопашном бою. Впрочем, к этому времени обычно уже было ясно, кто окажется победителем. По-

сколько солдаты инков в течение длительного периода проходили довольно хорошую военную подготовку и, как правило, всегда находились в численном превосходстве по сравнению с противником, то армия «сыновей Солнца» побеждала во всех войнах.

Победе инков на полях сражений немало способствовало их излюбленное «психологическое оружие». По мере приближения к позициям своих врагов они принимались дико кричать, издавать самые различные устрашающие звуки, трубить в раковины, играть на флейтах, бить в барабаны и т. д. Иными словами, инки поднимали невероятный гвалт, который повергал противника в ужас. Кстати, этот устрашающий прием сыграл свою роль во всех победах инков. После окончания боя крики победителей стихали и начинали раздаваться вопли побежденных.

В отличие от ацтеков Мексики инки вели войны совсем не для того, чтобы получить человеческие жертвы или кровь и ими ублажить богов. «Сыновья Солнца» убивали только тех пленных, которые в будущем могли оказаться для них опасными. Уничтожали они и тех, кто своим ожесточенным сопротивлением доставил им немало хлопот. Эти враги перед смертью подвергались страшным унижениям. Инки делали из костей убитых воинов флейты, а из черепов – кубки для чичи.

Остальных же пленников, в том числе тех из вражеских вождей, кто не был убит сразу после пленения, инки торжественным маршем отправляли в Куско. Как могучий финал завершает большую симфонию, так и все войны «сыновей Солнца» завершались триумфальным приемом, который победителям устраивала столица их государства. Город ликовал в торжественном убранстве. Его жители вывешивали на стенах домов разноцветные ковры и гирлянды цветов.

Жители Куско устраивали пышный прием «героям», и прежде всего они чествовали Инку, которому, собственно, принадлежал этот триумф, столь похожий на триумфы императоров Древнего Рима.

По улицам проходили колоннами пленные солдаты неприятеля. Победленных царей или вождей, обычно раздетых донага, несли в клетках или выставляли в ином, но столь же унижительном виде. Следом за поверженным врагом гордо вышагивали победители – тысячные отряды инкских копейщиков и метателей пращи. И наконец, на золотых носилках следовал главный герой триумфального шествия – божественный Инка – «сын Солнца».

Народ осыпал носилки владыки красными цветами перуанской гвоздики. Перед Кориканчей – национальным храмом священного Солнца – Инка спускался с носилок. Босой и покорный, он благодарил своего золотого небесного отца, который ниспослал ему новую победу.

Перед Храмом Солнца в Куско пленные должны были пасть ниц, с тем чтобы Инка прошел по их спинам. Акт хождения владыки по обнаженным спинам лежащих на дороге поверженных противников империи символически завершал триумфальную процессию в честь победы «сыновей Солнца» и разгрома врагов империи. После этого рядовых пленных обычно отпускали домой. Захваченных и убитых царей и вождей ожидала иная участь: из их черепов делали кубки для Инков, на их костях музицировали.

Очередная война завершалась. Империя инков еще больше увеличивала свои владения, становилась еще более могущественной. На очереди была новая война, поскольку весь этот дьявольский цикл завоеваний и непрерывного насилия, то есть военной экспансии, в последний период истории «сыновей Солнца» воистину не имел конца.

На дорогах Тауантинсуйу

В числе причин, обуславливавших военные успехи армии инков, следует назвать также наличие весьма совершенной для своего времени сети дорог, напоминавших в некотором роде теперешние шоссе. Да, именно так: великолепные мощенные камнем дороги, транспорт и связь империи, в частности знаменитая почтовая служба, ставшая возможной благодаря наличию хороших дорог, — все это в первую очередь служило целям непрекращавшейся экспансии империи. Вместе с тем эти факторы в немалой степени способствовали объединению отдельных частей государства, полной интеграции ее обширной территории в единый хозяйственно-административный монолит.

Мы уже не раз говорили о том, что империя инков была страной, создавшей множество чудес. В их ряду на одном из самых почетных мест должны находиться и древнеперуанские «магистралы

Солнца», как их называл один американский писатель. Ни одно другое государство древней Америки не знало подобной сети шоссейных дорог. Одни лишь майя строили короткие дороги, проходившие по насыпям, — «сакбех». Эти дороги предназначались прежде всего для религиозных процессий и вели в места паломничества. Инки же создали продуманную систему великолепных коммуникаций большой протяженности: самая длинная из дорог превышала пять тысяч километров!

Подобной сети шоссейных дорог не имели даже высокоразвитые древние культуры Старого Света, за исключением, пожалуй, лишь Древнего Рима. Следует, однако, отметить, что по римским дорогам ездили колесницы, а в доколумбовой Америке не знали ни колеса, ни повозки. Магистралы инков, протянувшиеся на тысячи километров, предназначались лишь для пешего передвижения, да, пожалуй, еще для копыт лам.

Сеть шоссейных дорог инков включала две главные артерии, настоящие магистралы, а также десятки и даже сотни других дорог, дополнявших обе главные артерии империи. Самая древняя из этих двух основных магистралей империи называлась «Королевская дорога». Кстати говоря, эта Королевская дорога вплоть до начала нашего столетия являлась самой длинной шоссейной дорогой во всем мире! Она пересекала Тауантинсуйу с севера на юг, длина ее составляла 5200 километров. Для наглядности приведем следующее сравнение: если бы эта магистраль находилась в Старом Свете, она пересекла бы весь Европейский континент от западного — Атлантического — побережья и окончилась бы где-нибудь в Сибири.

Королевская дорога начиналась на севере — в Колумбии — у города Анкасмайю (то есть еще в северном полушарии), далее она шла с севера на юг через горы Эк-

вадора, затем через все андское Перу, проходя, естественно, и через столицу империи Куско. Затем по территории нынешней Боливии она тянулась вблизи берегов священного озера Титикака, далее проходила через район нынешней столицы Боливии Ла-Паса и направлялась в Аргентину. У аргентинского города Тукуман она поворачивала на юго-запад, вновь пересекала Анды, вступала на территорию Чили и тут, у берегов реки Мауле, в самом сердце этой страны, заканчивала свой долгий путь протяженностью более пяти тысяч километров. Именно здесь инки построили свою самую последнюю стоянку на этой дороге — Пурумауку.

Вторая главная магистраль империи — прибрежная — называлась «Уайна Капак Ньян» в честь Инки, завершившего ее строительство незадолго до прихода белых и реконструировавшего те ее участки, которые были построены ранее. Протяженность магистрали Уайна Капака составляла четыре тысячи километров. Магистраль начиналась у самого северного порта Перу, города Тумбеса, пересекала с севера до крайней южной части полупустынную территорию Косты, тянулась вдоль берега Тихого океана вплоть до Чили, где у нынешнего города Копьяпо обе магистрали — Уайна Капак Ньян и Королевская дорога — соединялись. Далее они шли вместе вплоть до могучей чилийской реки Мауле.

Ширина магистрали Уайна Капака на всем протяжении составляет восемь метров. С обеих сторон ее расположены метровой высоты бортики, которые должны были воспрепятствовать марширующим по шоссе солдатам «выходить из шеренги». Одновременно бортики предохраняли дорогу от занесения ее зыбучими песками прибрежной пустыни.

Инки внимательно следили за тем, чтобы их дороги не затопляли наводнения. В тех местах, где шоссе проходило

по заболоченной местности, древнеперуанские инженеры сочли целесообразным поднять дорогу на возвышение, с тем чтобы она шла по насыпи или же по плотине, хотя сооружение того и другого было весьма трудоемким. Так, например, плотина у перуанского города Анта возвышается над болотом и достигает в длину 13 километров. Как утверждают, на строительство этой 13-километровой шоссейной плотины инкские дорожные строители израсходовали 80 миллионов тонн строительных материалов.

Знаменитый подвесной мост инков над рекой Апуримак на высоте 36 метров

Горные участки шоссейных дорог, и прежде всего упомянутых Уайна Капак Ньян и Королевской дороги, нередко приходилось вырубать в крутых склонах каньонов андских рек. В горных районах Южной Америки шоссейные дороги инков круто поднимаются вверх, зачастую они проходят на огромной высоте. У горы Салькантай Уайна Капак поднимается на высоту 5150 метров.

Помимо двух основных магистралей, имелись также и «государственные дороги», выходявшие из Куско и имевшие немаловажное значение. Как мы видим, Куско, помимо всех прочих своих функций, являлся также главным «транспортным узлом» страны четырех сторон света, тех самых четырех сторон, которые в совокупности и составляли Тауантинсуйу. Две основные магистрали соединялись между собой целым рядом дополнительных дорог. Так, археологами были обнаружены остатки 11 дорог, соединявших между собой магистрали, которые проходили в горах и вдоль побережья. В Перу периода инков этих дорог было, вероятно, гораздо больше.

Нередко инки прокладывали дороги в направлении будущих, пока что еще замышляемых походов. Эти дороги могли также вести на территории, где местное, некечуанское население и после насильственного присоединения к империи продолжало оказывать «сыновьям Солнца» упорное сопротивление. Именно по этой причине была проложена дорога военного назначения протяженностью 640 километров, соединявшая Уануко с владениями постоянно бунтовавших индейцев ча-чапойя. Эта дорога на всем своем протяжении была вымощена камнем. Невзирая на то, что по различным «ньян» ступали только ноги пешеходов да копытца лам, инки мостили как дороги целиком, так и отдельные их участки.

Большую часть дорог инки прокладывали на головокружительной высоте в

горах, там, где вздымались вверх исполинские вершины, где на тысячи метров вглубь уходили каньоны и несли свои воды дикие реки Анд с их бесчисленными стремнинами. Для преодоления водных преград инкские строители использовали канатные дороги – «оройи».

Нигде в других местах Америки подобные подвесные канатные дороги над реками не строились. Древнеперуанские строители сооружали эти дороги следующим образом: по обоим берегам реки они возводили по высокому столбу, между столбами натягивали толстый канат, сплетенный из волокон агавы, к канату подвешивали корзину. По этой довольно примитивной канатной дороге, натянутой над горной рекой, и перебирались индейцы, сидя в корзине.

Канатные дороги – чрезвычайно интересные в техническом отношении сооружения – инки строили главным образом на перуанских реках Монтаро Вильканота и некоторых других. Впрочем, гораздо чаще «инженеры» империи возводили мосты через бурные реки горной части страны. Так же как и шоссейные дороги, мосты инков принадлежат к вершинам достижений инкской культуры.

Из всех видов древнеперуанских мостов самым замечательным сооружением являлись мосты подвесные. Инки иногда их называли «плетеными мостами»; соответственно строителей этих мостов называли «вязальщиками мостов». Подвесные мосты эти делали из толстых, как тело анаконды, тросов, которые плели из волокон листьев американской агавы. Из-за большой тяжести тросы было трудно транспортировать, поэтому индейцы плели их прямо на месте, предназначенном для постройки моста. Затем тросы закапывали глубоко в землю и закрепляли на противоположных берегах реки. Одни тросы служили боковинами моста, три остальных являлись «полом» моста – на них сверху накладывали попе-

речные деревянные палки, и «тротуар» был готов.

Конечно, когда по этим подвесным мостам ходили, они раскачивались. И тем не менее подвесные мосты выдерживали не только пешеходов, но даже пастухов со стадом лам. Впрочем, испанские конкистадоры побаивались этих мостов. Их лошади, не привычные к подобным постройкам, также не чувствовали себя в безопасности на этих «качающихся тротуарах».

Практически каждый год индейцы Тауантинсуйу заменяли тросы на своих мостах, при этом меняли как боковые, так и напольные тросы. Каждый мост находился на попечении жителей селения (в рамках миты), на территории которого он располагался.

В инкской сети шоссейных дорог было несколько сотен мостов, однако ни один из них не был столь знаменит, как тот, который на высоте около 80 метров был переброшен через горную реку Апуримак, протекающую в каньоне глубиной в тысячу метров. Этот мост был построен примерно в 1350 году по приказу Инки Рока. Ко всеобщему удовольствию, он прекрасно пережил период испанской колонизации и «умер» в очень почтенном возрасте, спустя более чем пять с половиной столетий – в 1880 году, – обрушившись в бурные воды Апуримака вместе с несколькими десятками людей, проходившими по нему как раз в это время.

Наряду с подвесными мостами инки строили также и мосты с ложными арками (настоящие арки перуанские индейцы изобрести не смогли). Через узкие речки они сооружали складные мосты, использовались также и мосты понтонные. Самый известный из понтонных мостов был проложен в Боливии через реку Десагуадеро (инки называли ее Уачакака), вытекающую из озера Титикака. Мост состоял из лодок, сплетенных из местно-

го камыша тотора (*scirpus totora*), скрепленных канатами и покрытых камышовым «ковром».

Понтонный мост через реку Десагуадеро, которым так восхищался хронист Гарсиласо де ла Вега, находился на попечении жителей селения Чакамарка в рамках миты. Это замечательное техническое сооружение инкских строителей также благополучно пережило колониальный период, дожило до времен республики в Латинской Америке и прекратило свое существование в самом конце XIX столетия.

Из числа остальных достопримечательностей инкских шоссейных дорог, помимо многочисленных мостов, обращают на себя внимание и «тамбо» – «дорожные станции», где могли отдохнуть люди, путешествующие по древнеперуанской дороге. Здесь они могли поесть, а также переночевать.

Некоторыми тамбо в равной степени могли пользоваться как элита, так и простой народ. В этом случае для Инки и знати отводилась центральная часть типовой для всего Тауантинсуйу постройки. Пурехи же, напротив, ночевали в боковых крыльях тамбо. Иногда возводили специальные, так называемые «королевские» тамбо, предназначенные для знати, другие тамбо – менее красивые и более бедно обставленные – использовались простым народом. К тамбо примыкал один из государственных складов, всегда заполненный съестными припасами. Из этих складов снабжалась армия империи в тех случаях, когда она по приказу своего владыки находилась на марше. Наконец, иногда тамбо служили станцией отдыха для гонцов империи – часки, о которых вскоре пойдет речь.

Жители близлежащей айльо, на территории которой находилась дорожная станция, должны были следить за тем, чтобы тамбо нормально функционировала, чтобы прилегавшие к ней государ-

ственные склады были заполнены всем необходимым.

Члены древнеперуанской общины не только наблюдали за тем, чтобы находившаяся в окрестностях их селения тамбо хорошо работала, не только из собственных источников пополняли государственные амбары и склады, прилегавшие к тамбо, но также полностью своими силами обеспечивали и строительство того участка дороги, который находился в районе их селения. Таким образом, строительство инкской дороги было организовано чрезвычайно просто. Достаточно было инкским инженерам выбрать наиболее подходящую трассу, как «сын Солнца» отдавал приказ о начале строительства дороги. По приказу владыки каждое селение – в рамках ежегодной трудовой повинности, миты, – имеющимися силами строило свой участок дороги. Даже строительный материал для дороги айлью должна была раздобыть самостоятельно.

Таким образом, личный вклад Инки в строительство замечательных древнеперуанских шоссейных дорог ограничивался лишь отдачей приказа. Впрочем, он мог сделать еще одно: после завершения строительства магистрали, созданной руками сотен тысяч пурехов, торжественно присвоить ей свое имя. Именно так и поступил одиннадцатый Инка, Уайна Капак, который, не обременяя себя излишней скромностью, назвал магистраль, проложенную по побережью, «Уайна Капак Ньян».

XI. Почта бежит

По дорогам инков люди путешествовали пешком. Единственное транспортное средство, которое можно было увидеть на этих «магистралях Солнца», были носилки. Впрочем, в Тауантинсуйу привилегия пользоваться ими принадлежала исключительно Инке, членам королевского рода, а также немногим другим знатым лицам и чиновникам государства. Однако о носилках мы уже говорили. Что касается других средств передвижения, то здесь, пожалуй, следовало бы упомянуть о ламе. Но на ламе ездить было невозможно, а других тягловых животных перуанские индейцы не знали.

Говоря о пассажирском транспорте, заметим, что перуанская лама использовалась лишь для перевозки грузов. Примечательно, что для перевозки грузов империя могла одновременно использовать 25 тысяч лам! И тем не менее основную часть грузов – большую часть того,

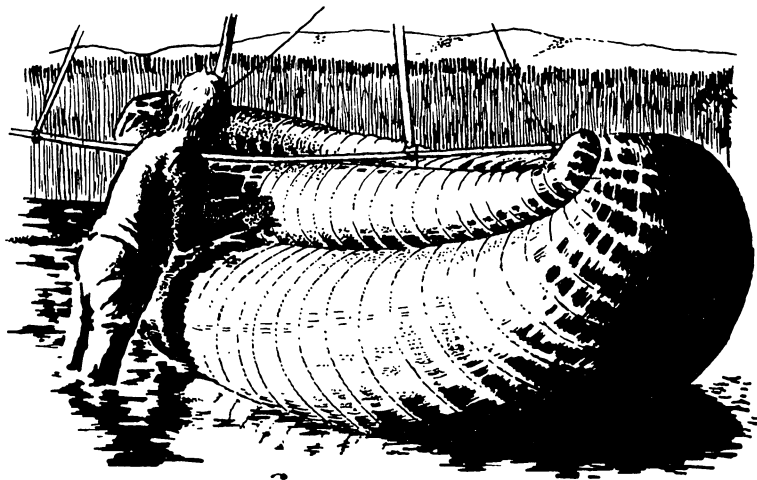
что перевозилось по дорогам империи,— должен был доставлять человек сам, на собственной спине.

По внутренним водам, за исключением озер, в особенности священного озера Титикака, жители империи инков грузы не переправляли и сами не путешествовали. К тому же вряд ли вообще возможно передвигаться на лодках по бурным горным речкам. На озере Титикака лодки плели из местного тростника тотора, следуя, очевидно, традиции индейцев уру—загадочного древнего озерного народа. Лодками, сделанными из тростника, и по сей день пользуются индейцы, живущие у озера Титикака и в особенности на его плавучих островах. Впрочем, сейчас их уже оснащают парусами, также сплетенными из тростника тотора.

передвижения, самое крупное морское судно древней Америки,—плот, сделанный из стволов бальсовых деревьев—могучих деревьев, растущих во влажных тропических лесах Центральной и Южной Америки.

Надувая квадратные паруса, ветер легко подгонял плот инков. На его палубе были сооружены укрытие для пассажиров и команды, а также очаг. Судно оснастили простым килем. Именно такой бальсовый плот и увидел в открытом океане лоцман Бартоломе Руис. Таким образом, «уампу», как называли плот кечуанцы, и стал первым предметом материальной культуры инков, который впервые увидели европейцы.

Впрочем, давайте с невидимых океанских дорог вернемся на те видимые, вели-

Тростниковые лодки индейцев Анд до сих пор используются на озере Титикака

К океану, который индейцы также называли озером, добавляя при этом только слово «атун», то есть «большой», «сыновья Солнца» вышли лишь в последнее столетие своей истории. Тем не менее для плавания по океану (очевидно, опираясь на опыт древнейших перуанских культур) они создали замечательное средство

колепные дороги инков. Шоссейные дороги и магистрали империи, имевшие протяженность 20, а может быть, и 30 тысяч километров, использовались и государственной почтовой службой, ее курьерами. Инкская почтовая служба не знала себе равной ни в одной другой древней цивилизации. Хронист Сьеса де Леон по

этому поводу писал следующее: «Инки изобрели почтовую службу, которая являлась наилучшим из того, что можно было придумать и вообразить».

Бегуны – часки – доставляли по дорогам империи различного рода известия и сообщения, передаваемые ими устно или же с помощью узелкового письма кипу. По сути дела, инкская почтовая служба напоминала эстафету, протянувшуюся на огромные расстояния. На дорогах империи при тамбо или сами по себе были расположены почтовые посты, называвшиеся «чукль». Посты находились друг от друга на расстоянии примерно двух километров. На каждом посту одновременно должны были находиться два курьера. Один отдыхал, возможно спал; другой бодрствовал и внимательно следил за участком дороги, проходившим через его пост.

Как только дежурный часки замечал приближающегося курьера, а того, кстати сказать, было хорошо видно издали, так как он носил на голове белую налобную повязку из птичьих перьев, он тотчас же выбегал ему навстречу и забирал посылаемое по почте сообщение. Если сообщение было устное, передающему во избежание недоразумений следовало несколько раз повторить информацию бегуну, принимающему эстафету. После этого новый часки, запомнив текст сообщения, бежал с ним до следующего поста.

Спринтерская эстафетная почтовая служба империи инков функционировала очень надежно в любую погоду. Расстояние между отдельными постами было в целом небольшим, поэтому скорость доставки сообщений была непостижимо быстрой. Так, например, от столицы Куско до второй неофициальной столицы империи – Киту, отделенных друг от друга расстоянием в две тысячи километров, известие доходило примерно через пять дней. Почтовая служба функционирова-

ла настолько безупречно и надежно, что у инков ее позаимствовали новые, испанские владыки Перу. Так, например, иезуиты ухитрялись передавать по эстафете часки сообщения из столицы вице-королевства Лимы в центр горного Перу, то есть в Куско, всего за три дня.

Работа инкских курьеров была очень тяжелой, поэтому на государственной почтовой службе использовались в рамках миты особенно выносливые молодые люди. И действительно, для роли часки в селениях отбирали лишь самых здоровых и быстроногих юношей в возрасте от 18 до 20 лет.

Особо отличившиеся курьеры, даже если они были самого низкого происхождения, удостоивались похвалы высших чиновников империи. В некоторых случаях даже сам Инка отмечал особо исполнительного часки, награждая его титулом «айя уаман» или же «айя пома». Названия этих титулов были образованы от обозначений наиболее быстрых животных, к которым владыка приравнивал гонцов, удостоившихся этой почести.

И напротив, нерасторопного часки, из-за медлительности которого могла пострадать безупречная работа столь важной для империи почтовой службы, инкская юстиция гораздо строже наказывала за леность, чем любого другого гражданина государства. Так, ему сначала наносили 50 ударов палкой по голове, а потом, уже у мертвого, отрезали обе ноги, которые были повинны в недостаточно тщательном выполнении государственного задания.

Великолепная почтовая служба империи инков была налажена по образцу более ранних перуанских культур – курьерской службы мочикцев и империи Чиму. Следует, однако, отметить, что благодаря своей последовательности и организованности инки «додумали», усовершенствовали, почтовую службу своих южноамериканских предшественников. Они

охватили сетью почтовых постов всю территорию империи, начиная с юга нынешней Колумбии вплоть до центральной части нынешней Республики Чили. Важно также учесть, что организация как почтовой службы, так и других столь же полезных мероприятий, в том числе строительство гражданских сооружений, ничего не стоили империи. Как строительство дорог и мостов, так и организация почтовых постов вменялись в обязанность жителям той общины, на территории которой эти чулки находились. Работая почтальонами, 18–20-летние юноши выполняли свою трудовую повинность на основе миты.

О том, насколько была тяжела служба курьеров инкской почтовой службы, красноречиво свидетельствует следующий факт: в то время как другие, согласно мите, должны были ежегодно работать на государство три месяца (например, в шахтах), часки работали всего навсего месяц. Иными словами, считалось, что служба курьеров в три раза тяжелее, чем какая-либо другая работа.

Почтовая служба Тауантинсуйу передавала самые различные сообщения. Так, например, в Куско поступала информация о том, как идут дела, как разворачивается работа в тех или иных провинциях. В столицу империи направлялись статистические данные и отчеты о выполнении гражданами государства своих налоговых обязательств. Соответственно из Куско в провинции и вообще в отдельные уголки страны передавались административные инструкции и указания экономического характера.

Основная задача инкской почтовой службы заключалась в передаче не столько административных или же экономических данных, сколько прежде всего информации военного характера. Дороги, по которым сновали с сообщениями быстроногие часки, в первую очередь предназначались для солдат империи, почто-

вая служба также использовалась главным образом в военных целях.

В течение буквально нескольких дней, а то и нескольких часов, если это были населенные пункты, находившиеся недалеко от Куско, курьеры доставляли из столицы приказ о мобилизации, инструкцию с указанием, куда и в каком направлении должны следовать отобилизованные части. И наоборот, через курьеров пограничные посты и командиры отрядов, охранявших государственные границы, срочно информировали Куско о концентрации войск на границах империи и даже о возможности вторжения вражеских солдат на территорию Тауантинсуйу.

Через курьерскую службу инкские «наместники» на недавно присоединенных «сыновьями Солнца» некечуанских территориях информировали Куско о готовящихся восстаниях и бунтах, а также о других проявлениях недовольства. Это давало возможность империи быстро и своевременно погасить намечающиеся очаги сопротивления своей власти путем немедленной отправки туда воинских частей.

Действительно, почта инков принадлежит к числу замечательных достижений, к тому же функционировала она превосходно. Как и прекрасные дороги, по которым следовали курьеры, почтовая служба использовалась империей в целях обеспечения ее безопасности, обороны и — особенно в последнее столетие — в целях ее непрекращающихся экспансионистских устремлений.

ХII. Встреча с богами

Армия, в том числе техническое ее обеспечение (в первую очередь дороги и почтовая служба), а также юстиция – вот те два столпа, на которые опиралась мощь «сыновей Солнца». Третьим же ее столпом была религия инков. Религиозные воззрения в Тауантинсуйу, равно как и сама религия, разумеется, не были творением только инков. Поклонение Солнцу в Перу и все, что с его культом связано, уходит корнями в доинкскую историю. Инки же, совершенно несомненно, лишь приспособили религиозные представления предшественников к своим практическим целям. В соответствии с их религиозными воззрениями Солнце занимало главенствующее положение среди богов и управляло всем неземным миром, а поэтому «сыновья Солнца», то есть владыки Куско, естественно, были призваны управлять ходом жизни на земле.

Из этого логически следовало, что порядок, установленный «сыновьями священного Солнца», являлся священным хотя бы уже потому, что он освещен божественным происхождением правителей, – правителей страны четырех сторон света. На первый взгляд сущность религии инков, ее догмы представляются четкими и понятными, однако это не совсем так. В действительности в Тауантинсуйу существовали, вернее, сосуществовали по крайней мере три различные системы религиозных представлений, тесно взаимосвязанные друг с другом.

Главенствующей, официальной религиозной системой Перу инков, получившей наибольшее распространение, является «гелиоцентрическая» система. В ее основе находится поклонение Солнцу. Наряду с официальной религией поклонения Солнцу, которую государство насаждало в народе, были еще живы и более древние религиозные представления. Их сущность сводилась к обожествлению не великих, могущественных богов, небесных тел, а священных мест и предметов, так называемых уак, то есть холмов, речек, скал, родников, деревьев, пещер, мумий предков и в первую очередь камней. Таких уак, предметов и священных мест, наделенных сверхъестественной священной силой, в Тауантинсуйу было великое множество. Несмотря на то что в империи официально главенствовал культ Солнца, большинство своих религиозных обрядов индейцы, как это ни странно, совершали перед уаками и в честь них. Обращаясь к уаке, они молились и даже приносили жертвы. При этом инки, как правило, поливали их своим национальным напитком чичей.

Интересно, что рабоподобное почитание уак, то есть религия простого народа, получило широкое распространение и в самой столице империи бога Солнца – в Куско. Как пишет один из хронистов, в окрестностях Куско было 350 уак. По

другим источникам, их число превышало 500. Мало того, все уаки в Куско были дифференцированы согласно особой системе, называемой «секе». Секе представляло собой четыре таинственные невидимые линии, которые исходили из центра Куско и вели в его четыре квартала. Эти таинственные линии, судя по всему, соответствовали каждому дню инкского месяца и инкского года. В зависимости от того, какое место тот или иной день занимал в этой системе, ему посвящалась соответствующая уака. Различные виды уак находились на попечении жителей соответствующих кварталов.

В сельских айлью, а также в отдельных семьях имелись, помимо всего прочего, собственные духи-хранители, называвшиеся «канопы». Олицетворением этих духов были маленькие каменные фигурки, похожие на людей, — их инки также называли «уаки», то есть «братья». Подобные фигурки-уаки сопровождали, например, владыку во всех его путешествиях.

Для всех почитателей уак, а также семейных или же общинных покровителей — каноп — в доинкские времена — в особенности в селениях — большое значение имел культ матери-Земли. Для крестьянина-индейца эта богиня плодородия, традиционно называемая Пачамама, вполне естественно, была самым почитаемым божеством. Нередко ее изображали в виде обнаженной женщины с пы-

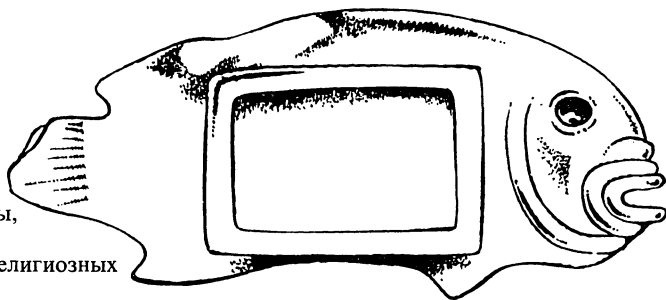
шными формами. В качестве жертвы ей приносили несколько капель чичи. Перуанские индейцы, жившие вблизи океана (или, как они говорили, «Большого соленого озера»), столь же почитали мать-Море — Мамакочу.

Уже в доинкские времена в некоторых районах Перу объектом почитания, помимо матери-Земли и матери-Моря, было и Солнце, а также (в некоторых культурах) другие небесные тела. Так, например, мочки и чиму считали высшим божеством Луну. В других же местах поклонялись Венере или же созвездиям и радуге. В индейском Перу к числу солнцепоклонников относились и неизвестные нам предшественники инков.

Сами же инки — потомки тех самых неизвестных нам племен — в период своего владычества несколько видоизменили религиозные представления, характерные для региона горного Перу. Так, они возвели Инти, бога Солнца своих предков, в ранг главного бога неземного царства. Его же сыновья — Инки, — выполняя волю Инти, управляли миром людей на земле.

Несколько видоизмененная гелиоцентрическая религия инков стала официальной верой, государственной идеологией их империи. Она явилась действенным средством подчинения, духовной конкисты по отношению к другим южноамериканским народам, которых инки считали варварами, поскольку они не поклонялись Солнцу. Точно так же и

Жертвенная миска в виде рыбы, используемая инкскими жрецами во время религиозных обрядов

первые христиане, появившиеся в Перу, считали варварами, язычниками его жителей, поскольку они не молились Иисусу Христу и не имели никакого понятия о святой Троице.

Хотя гелиоцентрическая религия инков и играла в жизни империи главенствующую роль, мы тем не менее о ней, к сожалению, очень мало знаем. Наверняка нам известно лишь то, что эта религия основывалась на поклонении Инти-богу Солнцу, культ которого столь настойчиво насаждался государством. Божественного Инти обычно изображали в виде золотого диска, от которого во все стороны исходили яркие лучи. На самом же диске был изображен лик мужчины. Диск делали из чистого золота, то есть «металла, принадлежащего Солнцу». Именно поэтому испанцы, вступая в очередной захваченный ими перуанский город, прежде всего бросались на поиски золотых изображений Солнца. Образ Инти – золотой диск, украшавший храм бога Солнца в Куско, – отражен и в перуанском фольклоре. По сей день испанцы иногда говорят: «...*Jugar sol antes que atenazca*» – в буквальном переводе это означает «проиграть Солнце еще до наступления рассвета».

Огромный золотой диск – изображение Солнца, – находившийся в крупнейшем храме Тауантинсуйу, оказался в руках одного из испанских солдат – некоего Сьерры де Лекисамо. В ту же ночь, еще до наступления рассвета, он умудрился проиграть диск до последнего грамма золота в карты. Этот в целом весьма незначительный эпизод из полных драматизма событий, связанных с завоеванием империи инков, получил настолько широкую огласку, что его и по сей день вспоминают в Латинской Америке. Об этом эпизоде напоминает нам приводимое выше испанское изречение, известное во всех испаноязычных странах.

Как главное божество официальной

религии Тауантинсуйу Инти, так и остальные боги пантеона инков являлись «обитателями небесного свода». Супругой Инти и вместе с тем матерью инков – в соответствии с верованиями индейцев – была богиня Луны Килья. Индейцы нередко называли ее Мама Килья – мать-Луна. В упоминавшемся выше национальном храме инков Кориқанче в Куско Луне посвящалась одна из часовен. Как отмечает хронист Гарсиласо де ла Вега, все стены этой часовни-святилища были облицованы серебряными пластинками. Украшением часовни являлось также и изображение Луны, сделанное из серебра. На серебряном диске был изображен женский лик. Поблизости от лунного диска помещались мумии некоторых официальных супругов владык империи.

Жители Тауантинсуйу не приносили Луне, в отличие от Солнца, жертв. Небесная мать инков – богиня Луны Килья – одновременно была и покровительницей всех женщин. Так, например, она защищала рожениц. Именно к ней обращались со своими молитвами и бесплодные женщины.

Третьим «жителем небосвода», также почитаемым в империи инков, был бог Ильяпа – одновременно гром и молния. Как известно, в грозу идет дождь, а он несет индейскому крестьянину долгожданную влагу. Поэтому и Ильяпа, так же как некогда мать-Земля Пачамама, заботился о плодородии перуанских полей. Местные индейцы представляли себе Ильяпу в виде статного воина, одетого в золотую кольчугу и вооруженного палицей. Дождь, посылаемый Ильяпой на землю, брал свое начало из Небесной реки, как перуанцы называли Млечный Путь.

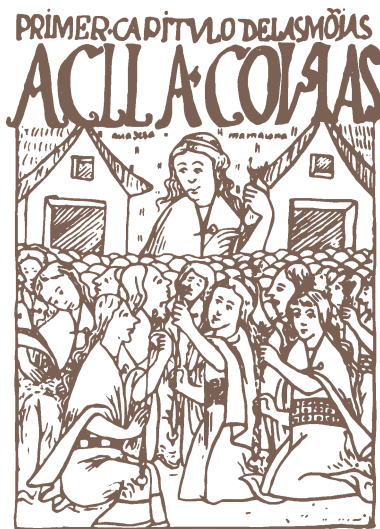
Для могущественного владыки грома, молнии и дождя в Кориқанче была отведена специальная часовня-святилище. Две другие часовни принадлежали Венере, а также созвездиям и радуге. Однако

не следует забывать, что национальный храм с самого начала был посвящен Солнцу, именно ему, и никому другому. Богу Инти посвящалась и главная святыня Кориқанчи, украшенная его золотым ликом,—золотой диск. Диск этот был обращен к востоку таким образом, чтобы его касались первые лучи восходящего Солнца.

В святилище Кориқанча вблизи от образа бога Солнца, а также овальных изображений других богов на тронах, сделанных из чистого золота, восседали мумии умерших Инков. Здесь же находился и трон в тот момент царствовавшего Инки. Трон для здравствующего владыки был сделан из камня, опорой для него служили четыре мощных столба. Именно на этом троне и сидел владыка во время праздников, посвященных Инти.

Кориқанча—Храм Солнца в Куско—был изучен во всех деталях в начале нашего повествования о Тауантинсу́йу, когда мы познакомились со столицей империи и отдельными ее достопримечательностями. Действительно, среди всех достопримечательностей Куско Кориқанча занимал совершенно исключительное место. Именно к нему примыкал знаменитый золотой сад инков, бывший в стране четырех сторон света настоящим чудом из чудес. Именно Кориқанчу украшал тот легендарный диск—образ Солнца, который был проигран в карты неграмотным конкистадором. Именно Кориқанча являлся символом Солнца, олицетворением религии, в основе которой лежало поклонение священному боже-ству Инти. Храм свидетельствовал о том, как «солнечная вера», «солнечная идеология» способствовала укреплению мощи инков, как она подпирала, буквально держала на себе это огромное государство.

XIII. Прислужницы Солнца — «невесты Солнца»

Кориқанча—общенациональный храм Тауантинсу́йу—являлся основным очагом культа Солнца, поэтому совершенно логично, что он одновременно был и резиденцией Верховного жреца «солнечной религии», называвшегося Вильяк Уму («прорицатель»). Вильяк Уму всегда происходил из семьи царствующего Инки. Чаще всего это был один из его родных братьев, иногда—его дядя или же двоюродный брат.

Верховный жрец, этот достойный *Pontifex maximus* Тауантинсу́йу, был одет в красную тунику без рукавов. Даже своим внешним видом он производил весьма внушительное впечатление. Символом его высокого сана служил головной убор—небольшая «тиара», называвшаяся «вилачуко»,—на котором, естественно, находилось изображение золотого Солнца. К числу украшений, которые носил

Вильяк Уму, относилась также небольшая фигурка богини Мама Килья. Кроме того, иногда он украшал лицо разноцветными перьями амазонских попугаев.

Вильяк Уму, как правило, постоянно жил в Кориканче. Ему было запрещено вступать в брак. Мало того, он должен был избегать любых внебрачных связей. Не смел он также есть и мясную пищу, пить ему следовало одну только воду. Вильяк Уму обязан был соблюдать многочисленные посты и вести благопристойный, поистине монашеский образ жизни.

В Тауантинсуйу сан Верховного жреца был пожизненным. Основной обязанностью Вильяка Уму было следить за точным и правильным соблюдением солнечного культа. Вильяк Уму занимал главенствующее положение среди всех остальных служителей культа Солнца. В его задачу входило также выполнение множества разных поручений, непосредственно касавшихся владыки и его семьи. Именно Верховный жрец короновал нового правителя империи, наследующего после смерти отца трон Куско. Наконец, Вильяк Уму совершал церемонию бракосочетания владык империи.

Помимо Вильяка Уму, Верховного жреца империи, было еще десять «атун уильяк», то есть «епископов», которые направляли религиозную жизнь отдельных, очень обширных «епископатов» Тауантинсуйу. Примечательно, что все эти «епископы» инков должны были происходить из одного и того же перуанского рода, носящего название Тарпунтай (точно так же, как духовенство древнего Израиля, по Библии, почти всегда происходило из рода Леви).

Помимо Верховного жреца и упомянутых выше десяти инкских «епископов», в состав верхушки духовенства империи входили также духовные наставники отдельных провинций Тауантинсуйу, то есть главные жрецы, настоятели местных

храмов Солнца. В честь священного Инти подобные храмы обязательно должны были возводиться в каждой из провинций, а также на вновь завоеванных инками территориях.

Патриарх инков Вильяк Уму, епископы и жрецы солнечного культа из провинций – все они принадлежали к «сливкам» общества, жили на доходы от «солнечной трети» земли империи и имели множество специальных привилегий. Впрочем, помимо них, в Тауантинсуйу была и очень большая группа представителей низшего духовенства. Небезынтересно, что эти духовники зачастую служили даже не официальному богу государства – Солнцу; они совершали обряды той, другой, традиционной народной религии, смыслом которой было почитание священных мест и предметов – уак. Именно поэтому перуанцы и называли этих жрецов «уакаримачик». В империи инков к низшему духовенству относились также «айяртапук», которые будто бы умели разговаривать с мертвыми, далее прорицатели, гадавшие на зернах кукурузы, и «кальпарикус», предсказывавшие будущее по внутренностям принесенных в жертву птиц, а иногда по внутренностям других животных.

Жрецы, конечно, отправляли и религиозные обряды. В том случае, если эти обряды предназначались для простого народа, они совершались не в храмах, а в публичных местах. Священники должны были также следить за ходом молитв.

К числу основных обязанностей жрецов относилось также исповедание согрешивших простолюдинов. Элита же, в частности сам Инка, исповедовалась непосредственно перед Солнцем. Иногда после такой «солнечной исповеди» знатные вельможи совершали омовения в стремительных горных реках, надеясь на то, что быстрое течение унесет с собой их провинности. По религиозным представлениям инков, существование греха

(как и у христиан) допускалось, однако инки считали, что грешник может искупить свой грех посредством исповеди.

Грешники, совершившие тяжкие проступки и утаившие их на исповеди, после смерти попадали в некое подобие преисподней, находившейся в глубине земли, где они очень страдали и ели одни лишь камни. Тех же, кто в земной жизни не совершал грехов, после смерти ожидал рай. По представлениям инков, он находился вблизи Солнца и был полон радости и вечного покоя. Рай у инков существовал для всех, независимо от социального положения. Ад же предназначался исключительно для простого люда. Что же касается знатных вельмож, то благодаря своему привилегированному социальному положению они после смерти, конечно же, автоматически попадали в рай.

Кроме исповедания и совершения самых различных обрядов, служители культа участвовали в актах жертвоприношения. В жертву уакам приносили продукты питания, и прежде всего любимый напиток чичу. Часто жертвовались листья коки, торжественно сжигавшиеся во время обрядов. Бедные индейцы, у которых не было ни продуктов, ни чичи, ни листьев коки, приносили в жертвы по крайней мере несколько своих ресниц, которые они бросали в восточном или же западном направлении. Подобная жертва должна была символизировать покорность индейца. В жертву Солнцу чаще всего приносились белые ламы. В Куско — столице империи — белых лам приносили в жертву Солнцу практически ежедневно. Тела животных, убитых по ритуалу, сжигали на костре, сложенном из поленьев, искусно украшенных резьбой!

В отличие от своих современников, например знаменитых ацтеков Мексики, инки гораздо реже приносили в жертву людей. В Тауантинсуйу приносили в жертву живых людей главным образом

во здравие владыки империи, для обеспечения успеха военного похода, а также во время эпидемии, дабы отвлечь, изгнать из страны болезни. В подобных случаях обычно приносили в жертву мальчиков и девочек в возрасте около десяти лет. Перед ритуальным умерщвлением детей нередко поили допьяна, с тем чтобы они предстали, перед богом счастливыми и веселыми. Детей, предназначенных в жертву божеству, тщательно отбирали: это мог быть только очень красивый и рослый ребенок. Предметы, используемые для обряда жертвоприношения, делали из золота. Жертвенный нож был каменным.

Обряды жертвоприношения, в особенности принесение в жертву людей и лам, совершали исключительно представители высшего духовенства, резиденцией которых служили храмы Солнца в тех или иных селениях. К этим храмам Солнца, обслуживаемым представителями высшего духовенства (одновременно они были слугами главного официального бога — Инти), примыкали и специальные дома, называвшиеся акляуаси. В этих домах жили девушки, также посвятившие себя Инти. Да, это были те самые «невесты Солнца», о которых мы уже несколько раз упоминали выше.

«Избранные девиственницы», разумеется, привлекли к себе внимание первых испанцев. Прежде чем завоеватели взяли в плен Инку и выиграли свою первую битву с перуанскими индейцами, солдаты Писарро в городе Кахасе захватили 500 «индейских монашек», как они их называли. Конкистадоров в их черном деле отнюдь не остановило то, что эти девушки обязаны были хранить целомудрие.

Разумеется, далеко не всех женщин и девушек, живших в акляуаси инков, можно полностью приравнять к монашкам католических монастырей. В специальных домах инков — в этих акляуаси, — помимо «невест Солнца», жили и

другие женщины, называвшиеся «акльи» или же «аклякуна». Кечуанский глагол «акля» означает «отбирать» — и это вполне соответствует тому, каким образом молодые девушки, а если быть более точными, еще девочки, появлялись в акляуаси: их отбирали по всей стране. Примечательно, что этим отбором занимался соответствующий имперский чиновник, то есть как во всем остальном, так и в деле специального отбора девушек для акляуаси империя имела кадры квалифицированных знатоков, называвшихся «апо панака», то есть буквально: «господин сестер».

Инкский «господин сестер» ежегодно посещал все айлью своей провинции, чтобы из числа местных детей отобрать девочек, как правило четырех-пяти лет, которые уже в таком юном возрасте были смысленными и отличались определенным «шармом». Каждое селение, поставляя таких девушек, а иногда и маленьких девочек, тем самым выполняло свои обязанности перед государством. Апо панака отводил отобранные кандидатуры в акляуаси и там вверял их заботам матерей-наставниц.

Находясь в акляуаси, девушки в течение долгого времени учились вести хозяйство, готовить пищу и различные напитки, обучались они также музыке, пению и некоторым ремеслам, в первую очередь ткачеству. В дальнейшем девушки несколько раз проходили «аттестацию», обычно после того, как им исполнилось 10 и 13 лет.

После аттестации некоторых девушек, которые лишь временно исполняли роль «невест Солнца», возвращали родителям. Тем же, которые были оставлены в доме «избранниц», империя давала более глубокие познания в ремеслах, в искусстве ведения домашнего хозяйства. Одновременно девушки постигали искусство служения богу Солнцу, учились тому, как они должны выполнять те или

иные обряды солнечного культа, как и с какими молитвами им следует обращаться к Солнцу.

Ко времени наступления половой зрелости жизненные пути молодых женщин, находившихся в акляуаси по воле империи, окончательно определялись. Отныне большинство из них должны были услаживать высокопоставленных государственных особ женским очарованием, умением вести домашнее хозяйство, знанием ремесел, то есть теми познаниями, которые девушки приобрели в течение долгих лет пребывания в доме «невест Солнца». Инка дарил акля в качестве побочных жен своим аристократам, чиновникам империи, инженерам, амауту и особо отличившимся воинам.

Некоторые из девушек, попавших в акляуаси империи Солнца еще в детском возрасте, принимали решение отказаться от мирских радостей, от того, чтобы стать налогоплательщиками господ. В этом случае они становились «невестами Солнца» и отныне должны были хранить свою девственность. Эти девушки, ставшие уже на самом деле девами Солнца, помогали во время совершения религиозных обрядов в честь Инти. «Интип чинан», как их называли перуанские индейцы, носили белое одеяние послушниц, голову покрывали особым покрывалом, называвшимся «пампакуна». В знак своей верности золотому Солнцу, а также в знак того, что они находятся в услужении у Солнца, интип чинан носили особое украшение, «коривинча», сделанное, конечно, из «солнечного металла», то есть из золота.

«Невестам Солнца» вменялось в обязанность пожизненно сохранять невинность. Самое суровое наказание нес тот мужчина, который попытался бы нарушить это непреложное правило и осмелился проникнуть в дом интип чинан. Та из девственниц, которая сама, по собственной воле согрешила с мужчиной,

должна была нести столь же суровую кару: ее вместе с соблазнителем или сжигали (в буквальном смысле этого слова) на высоком костре, или же закапывали живой в землю.

По законам империи инков утрата «невестой Солнца» чистоты рассматривалась как чудовищное преступление, поэтому жестоко наказывались не только соблазнитель и соблазненная, но и родственники девушки, а также жители ее родного села. Селение, из которого происходила грешница, вступившая в преступную связь с мужчиной, ровняли с землей, а всех его жителей, включая кураку, карали смертной казнью. Помимо людей, к смерти приговаривали (и соответственно убивали) все живое, находившееся в таком селении, то есть животных и даже растения!

И только один-единственный мужчина в Тауантинсуйу в любое время дня и ночи мог беспрепятственно войти в дом девственников, мог безнаказанно провести время с любой из приглянувшихся ему дев. Этим мужчиной был Инка. Поскольку, согласно религиозным представлениям империи, царствующий владыка являлся «сыном Солнца», он мог проводить ночи с избранницами Инти, как бы замещая его. Тем самым правитель не совершал ничего предосудительного, ничего такого, что находилось бы в противоречии с законами и религией государства, во главе которого он стоял.

Многие полагают, что дома «невест Солнца» на деле являлись неким подобием южноамериканских гаремов, то есть сералами владык Перу. Они считают, что девы, которые под страхом жесточайших наказаний были запретными для всех остальных мужчин страны, на самом деле являлись наложницами инки-правителя, пополнявшими и без того многочисленную группу побочных жен Инки.

XIV. Виракоча возвращается

«Невесты Солнца» были служительницами солнечного культа, столь планомерно и методически насаждаемого в империи инков. Помимо исконной традиционной народной религии индейцев доколумбова Перу, в основе которой лежал культ уак, то есть священных мест и предметов, в Тауантинсуйу существовала еще и другая – официальная, главная религия империи, смысл которой заключался в поклонении высшему богу Инти – Солнцу. Наряду с этим поклонялись и другим небесным телам – Луне, Венере, созвездиям, почитались также гром, молния и семицветная небесная радуга. Помимо этих двух религиозных систем, в империи существовала еще и третья, которая позднее благодаря великой теологической реформе Инки Пачакути заняла официально главенствующее положение по отношению к обеим предшествующим религиозным системам. Сущность

этой религии сводилась к почитанию бога-творца Виракочи.

Насаждаемый Пачакути культ Виракочи вновь начал распространяться в Перу во время правления ряда последних правителей Тауантинсуйу. Впрочем, своих почитателей этот культ нашел лишь в узком кругу элиты империи, то есть среди относительно образованной группы людей, которых, вполне естественно, уже не могли удовлетворить примитивные, зачастую довольно наивные верования «солнечной религии» с такими ее богами, как, например, громовержец Ильяпа, расхаживающий по небу в золотой кольчуге, с пращей в одной руке и с палицей в другой. Этот бог время от времени выливал на землю воду из Небесной реки и тем самым давал ей влагу и т. п. Поэтому не случайно, что образованные слои империи, люди, тяготевшие к более глубокому, в буквальном смысле слова философским, более абстрактным религиозным представлениям, обратились к творцу Виракоче. Точно так же как и в доколумбовой Мексике, великий философ и реформатор религии Несауалькойотль заменил «обычных» богов, которые вели себя слишком по-земному, схемой, представлением об абстрактном вездесущем высшем существе, то есть заменил идеей, названной им Ин Тлоке Науаке. Таким высшим существом в понимании Пачакути должен был стать в Перу Виракоча Пача.

Впрочем, если мексиканский Несауалькойотль создал образ Ин Тлоке Науаке сам, то инки к Виракоче всего лишь вернулись. Имя Виракочи (впрочем, весьма возможно, что это был лишь один из многочисленных официальных титулов) было известно всему Перу еще в доинкскую эпоху. Сам Виракоча был известен как творец мира, людей, творец всех живых существ. Впрочем, авторы испанских хроник, например Молина, Бетансос, Сармьенто и другие, утверждали,

что индейцы уничтоженного государства Солнца по-разному представляли себе акт сотворения мира.

Легенды о сотворении мира совпадают по крайней мере в одном – в том, что в самом начале в глубине веков вообще ничего и никого не было, кроме всемогущего, вечно существовавшего Виракочи, которого никто не сотворял. Виракоча жил в огромном черном «ничто», которое ему не понравилось, и поэтому он вначале сотворил свет – ясный день. После этого он сотворил землю. Виракоче было угодно, чтобы земля не была пустой, лишенной всего живого, поэтому он и создал особый род людей – великанов. Впрочем, создатель не был удовлетворен первым творением. Ему показалось, что эти люди слишком велики и неловки и вовсе не красивы. Мало того, они не следовали тем наказам, которые дал им мудрый создатель. Поэтому Виракоче пришлось уничтожить первое, «неудавшееся» племя людей и превратить их в камни. Вскоре на окаменевших исполинов Виракоча ниспослал огромный потоп. Потоп в Америке (как мы видим, о потопе говорится не только в Библии, он отражен и в религиозных представлениях перуанских индейцев) продолжался целых 60 дней. Во время потопа навеки скрылись под водой почти все следы первых людей, которых Виракоча сотворил и от которых он сам же отрекся и затем уничтожил.

Когда воды потопа отступили и земля наконец высохла, Виракоча продолжил свое созидание. Он обосновался в местечке, которое называлось Тиуанако, на берегу озера Титикака (говорят, что он жил и на острове Титикака, находившемся посередине одноименного озера). Находясь в Тауантинсуйу, создатель сотворил Солнце, а затем Луну, Венеру, а также другие планеты, звезды и созвездия. В конце концов он вновь попытался сотворить людей. Новым поколением человеческого рода, созданным в Тауантинсуйу

(его прямыми потомками будто и были индейцы, населявшие Перу инков), творец остался доволен. Сотворенных мужчин и женщин Виракоча разделил на племена и народы, определив, на каком месте они должны поселиться. Как пишет хронист Молина, Виракоча сотворил тогда и всех животных, определив для них местожительство.

Виракоча дал людям не только родину и принадлежащие им земли, он составил для них законы. Так, он указал людям, как им надлежит жить и почитать его, Виракочу.

Вслед за этим Виракоча покинул район Тиауанако и озера Титикака и отправился на север. Он двигался через Анды, обозревая страну, населенную сотворенными им людьми. Как повествуют легенды перуанских индейцев, из творца он превратился в просветителя. Виракоча учил мужчин и женщин полезным занятиям. И вот наконец, когда Виракоча остался полностью удовлетворен и людьми, и тем, что он сотворил, он покинул Перу и на побережье Тихого океана погрузился в морские волны, обещая, однако, со временем вновь вернуться к индейцам Перу. Жители Тауантинсуйу иногда представляли себе Виракочу в виде солидного мужчины, высокого роста, с окладистой бородой. Памятуя об этом образе, многие перуанские индейцы решили, что Писарро с его белокожими бородатыми солдатами и есть возвратившийся на землю Виракоча. Точно так же, как мексиканские индейцы видели в кровавом Кортесе возвращающегося Кетцалькоатля.

Виракочу, или же Кон-Тики Виракочу, как его также называли, почитали не только в империи инков (главным образом после упомянутой религиозной реформы Пачакути). Еще задолго до образования империи Виракоче поклонялись индейцы некоторых районов Перу, а также в целом ряде доинкских перуанских культур. В доинкском Перу центром глу-

бокого поклонения Виракоче, очевидно, был город Тиауанако, тот самый велико-лепный Тиауанако, расположенный на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря на высокогорных плоскогорьях Боливии, который принадлежит к числу наиболее примечательных мест Южной Америки. Город этот и по сей день продолжает оставаться для нас загадкой. Именно здесь, в Тиауанако, как рассказывают легенды, Виракоча сотворил также и Солнце, которое позднее – по официальной версии религиозных верований империи инков – стало отцом их владык.

Именно здесь, в этом удивительном Тиауанако, и находится один из самых замечательных памятников индейской культуры всех трех Америк – так называемые Ворота солнца, вытесанные из одной огромной глыбы андезита и украшенные большим фризом, в центре которого находится изображение бога. По мнению многих исследователей, это и есть Виракоча. Этот же бог с Ворот солнца в Тиауанако изображен на тканях, относящихся к доинкской эпохе, и на множестве керамических сосудов, обнаруженных в различных районах Анд.

Всеандский создатель вселенной, сам никем не сотворенный, в Тауантинсуйу долгое время находился на втором плане. И лишь великий реформатор Инка Пачакути на собранном им знаменитом «теологическом соборе» в Кориканче вновь возвратил Виракоче то место в древнеперуанских религиозных представлениях, которое, как был убежден владыка, ему по праву принадлежало.

Образ «нового Виракочи», во всяком случае, в том виде, в каком его воссоздал Пачакути на «теологическом соборе» в Кориканче, во многом утрачивает свою конкретность и получает более философскую интерпретацию. В понимании этого Инки, Виракоча является некоей изначальной идеей, весьма далекой как от са-

мих людей, так и от остальных богов. Он стоит над всеми, суверенный, самозародившийся, сотворивший всех и все вокруг. Он живет один, творит и плодит иначе, чем другие существа. Ему не нужна супруга. Он живет где-то в недоступных для человеческого взора глубинах вселенной. Тем не менее именно через этого столь удаленного от человека творца и нисходит на перуанских индейцев благословение, здоровье и мир.

В этот период в Тауантинсуу в честь Виракочи воздвигается один, а позднее и второй храм. Первый храм находился в Куско, второй – в городе Каче. Кстати говоря, Храм Виракочи в Каче являлся одним из самых больших святилищ во всей империи. Его развалины сохранились до сих пор. Так, например, осталась стена главного здания святилища длиной в 90 метров. Во времена Пачакути овальное изображение Виракочи находилось и в центре основного «солнечного святилища» – в Храме Солнца в Куско.

Полагают, что в честь бога-творца великий Пачакути – правитель, возродивший культ Виракочи в религиозном мировоззрении индейцев империи инков, – сочинил множество гимнов. В отличие от большинства других произведений инкской словесности некоторые из этих великолепных гимнов, прославляющих Виракочу, сохранились до наших дней. Сейчас нам, конечно, трудно установить, действительно ли автором гимнов в честь Виракочи являлся сам Преобразователь Мира – Инка Пачакути. Это, собственно говоря, не так важно. Важнее другое: из глубины веков, с доинкских времен, до нас дошел голос доколумбовых индейцев Перу, и благодаря этому голосу мы можем оценить не только их литературное мастерство, но и их религиозные и философские воззрения, их понимание сущности мира.

В приводимых ниже полных своеобразия стихах мы ощущаем руку Пачакути,

инки-правителя, который преобразовал образ конкретного бога-творца в нечто абстрактное, лишенное реальности, всемогущее и вместе с тем космически далекое для человека. Человек живет в поисках этого наивысшего, абсолютного существа и никак не может его найти.

Пачакути – единственный поэт среди того бесчисленного множества анонимных литераторов Перу периода инков, имя которого нам известно. Весьма возможно, что именно он был автором следующего гимна:

О Виракоча, владыка мира,
Кто бы ты ни был: мужчина
Иль женщина.

О ты, благодаря которому множится род
людской.

Кто бы ты ни был.

Владыка,

Где же место твое?

Надо мной ли?

Подо мной ли?

А может быть, трон твой везде вокруг

меня,

А палица твоя – жезл твой – тоже везде вокруг
меня?

Услышь меня!

Творец мира.

Внемли мне там, на небесах.

Внемли мне, где бы ты ни был.

Внемли мне и из глубокой бездны океана.

Ведь и там могло бы быть место твое.

О король королей!

Как бы я желал увидеть тебя.

Но глаза мои не видят тебя.

Ах, если бы ты явился мне,

Если бы я только посмел взглянуть

на тебя.

О, если бы я понял тебя.

О, взгляни на меня с небес своих.

Ведь это ты обо мне печешься.

Ведь не напрасно же сотворил ты,

Виракоча,

Солнце и Луну,

Ночь и день,

Осень и весну.

Все, все

Следует туда, куда ты назначил,
На тобой определенное место.
Да, все приближается
К цели своей,
И все это по воле твоей, по приказу
Твоему.

Так внемли же мне.
Позволь и мне примкнуть к [избранникам]
твоим.

Не допусти
Падения моего,
Смерти моей!

Этот гимн в честь бога-творца, возможно, сочинил сам Пачакути, а может быть, кто-то другой, сделав это, однако, в духе инки-правителя. Теперь же послушаем по крайней мере первые строки одной поэтической молитвы, с которой индейцы Тауантинсуйу обращались к Виракоче, прося об умножении рода человеческого:

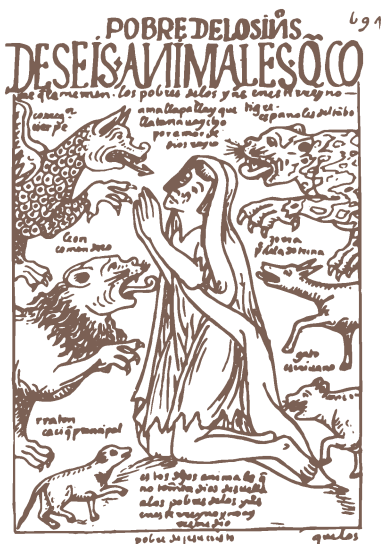
О Виракоча, ты, который творишь чудеса,
И который [даешь нам] нигде не виданные
дива.

Желанный Виракоча, великий, несравненный.
Благослови, чтобы люди множились
И чтобы дети рождались!
И пусть полям нашим, селениям нашим
Не угрожает никакая беда.
О ты, который даешь жизнь, не забудь и
о них.

Простирай над ними свою десницу
милосердную.

Во веки веков [о Виракоча!]....

XV. Руна сими, или «Язык народа»

Виракочан
 Апокочан
 Тикси сиракочан
 Уальпай уана
 Виракочан
 Токапо акнупо
 Сиракочан.

Руна айчача-чум
 Уармай ача чучун
 Ми-ра-чун
 Илакта.
 Пача.
 Касилья киспилья
 Качун.
 Камаскайки
 Пачакамак ай-кай
 Пачакамак.

Так звучит в «оригинале» приведенная выше рифмованная «молитва» об умножении рода человеческого, которая была обращена к Виравоче. В «оригинале» — это значит на «языке инков», а точнее,

на государственном языке Тауантин-суйу, языке, который сам себя называл «руна сими», что буквально означает «человеческий язык» (или также «язык народа»).

Язык кечуа – звучный и мелодичный. Ударение в нем всегда приходится на предпоследний слог слова. Этот индейский язык имеет очень богатый словарный запас. Достаточно сказать, например, что кечуанско-испанский словарь, находящийся в распоряжении автора этой книги, насчитывает 1200 страниц.

Мало того, в кечуанском языке очень развито суффиксальное словообразование, позволяющее образовывать бесчисленное множество новых слов. О языке кечуа очень высоко отзывался гениальный чешский ученый Ян Амос Коменский в своем труде «*Linguarum methodus novissima*», ссылаясь при этом на данные Акосты.

Один из лучших знатоков языка кечуа, писатель-романист боливиец Хесус Лара, который сам пишет на языке кечуа, на примере одного из самых распространенных в общении восклицаний, «любименя!», иллюстрирует исключительно богатые выразительные возможности этого языка, бывшего некогда государственным языком инков. Как пишет Хесус Лара, в его втором родном языке – испанском – этот призыв может быть выражен всего лишь одним способом – «амаме». На языке кечуа в этом случае можно сказать «мунаусай», что в точности соответствует нашему строгому «любименя!». Индеец же, говорящий по-кечуански, может выразить эту просьбу и с помощью настойчивого «мамакууай». Если же ему хочется, чтобы его любили особенно нежно, он скажет «мунариуай». Желая оттенить в этой просьбе глубину своего чувства, он воскликнет «мунурикууай». Если же для него важнее акцентировать свою просьбу, тогда он скажет

«мунальяуай». Если же любовь придается вымаливать, тогда следует говорить не просто «любименя», а «мунуакульяуай». Наконец, можно сказать также «мунарикальяуай» или же «мунаририкульяуай». Впрочем, приводимые выше высказывания отнюдь не могут исчерпать всех имеющихся у инков-кечуа возможностей передачи этой одной-единственной ситуации на языке кечуа.

В кечуа имеются следующие гласные, представляемые нами в соответствующей фонетической транскрипции: *a, e, i, o, u*. Кроме того, имеется множество согласных. Назовем прежде всего те из них, произношение которых совпадает с европейскими языками: *h, ch, k, m, n, ñ, p, r, s, t, v*. Помимо этого, в кечуанском языке есть согласные с придыханием. К ним относятся следующие: $\check{c} = tsch$, $\check{k} = kh$, $\check{p} = ph$, $\check{t} = th$. Более того, помимо только что приведенных согласных, в языке кечуа имеются и такие согласные, которые совершенно непривычны для европейца:

k' – взрывная, смычная, глухая, небная;
'k – взрывная, смычная, щелевая;
p' – смычная, взрывная, губная;
t' – взрывная, образуется в полости рта, смычная;

l – это мягкое *l*, примерно, как в словацком;

kk – глухая, щелевая, смычная, очень выразительная, взрывная;

q – фрикативная, глухая, смычная (приглушенное *k*) и, наконец, *hu* – в настоящее время ее очень часто транскрибируют как *w* или же *v*. Этот гласный произносится примерно как английское *w*.

В языке инков, так же как и в большинстве других языков, можно выделить десять частей речи: прилагательные, местоимения, наречия, числительные, глаголы, предлоги, союзы, междометия, частицы и, наконец, имена существи-

тельные. В свою очередь имена существительные в кечуанском языке делятся на одушевленные и неодушевленные. Имеется два рода – мужской и женский. В кечуа у существительных девять падежей.

Само собой разумеется, что в государстве инков, где такое большое значение придавалось статистике, организованности, где все подлежало учету, язык также должен был иметь развитую систему счета. Здесь представлено пять видов числительных: количественные, порядковые, раздельительные, кратные и многократные. В кечуанском языке имеются глаголы двух видов: простые и сложные. Сложных глаголов несравнимо больше; они образуются путем присоединения дополнительных слогов, а также удвоения глагольной основы; они могут быть образованы и по типу звукоподражательных слов из междометий. В руна сими три основных времени: настоящее, прошедшее и будущее. Под влиянием испанского языка в современном кечуанском языке появились так называемые исторические времена: давно прошедшее время (плюсквамперфект), плюсплюсквамперфект и второе будущее. Впрочем, эти времена современными индейцами используются лишь в исключительных случаях.

Такова весьма общая характеристика, включающая только самые основные сведения о государственном языке инков. Первоначально, в доколумбов период, язык кечуа, судя по всему, был родным языком лишь немногочисленных истинных кечуанцев, то есть «людей из теплой долины» – индейцев, населявших одну из долин в области Куско. Впрочем, очень скоро «сыновья Солнца» сделали кечуа государственным языком своей быстро растущей империи. Это могущественное индейское государство, все его институты принялись с большим усердием насаждать руна сими повсюду, во всех завоеванных областях нынешнего

Перу, а также в Боливии, Эквадоре, Чили, Аргентине и даже на юге Колумбии.

Распространению руна сими на всех безграничных просторах Южной Америки весьма способствовали также колонисты, митимае, которые поселялись в тех областях империи, где не говорили по-кечуански. Факт подобного головокружительно быстрого распространения руна сими, так же как и многое другое, красноречиво свидетельствует об исключительном организаторском таланте инков.

Когда Манко Капак только еще создавал Тауантинсуйу – а это случилось за каких-то четыре, да и то неполных, века до прибытия первых европейцев, – то у индейского населения, жившего на территории будущего огромного государства преемников Манко, были в ходу, как пишет хронист Бернабе Кобо, две тысячи различных языков. Другой хронист, также высказывавшийся по этому поводу, – Акоста – утверждает, что ко времени возникновения страны четырех сторон света перуанские индейцы говорили «всего лишь» на 700 различных языках. Таким образом, в ту пору от долины к долине можно было слышать самую разноязычную речь. В некоторых долинах, взять, к примеру, одну лишь долину Хауха, жители разговаривали на нескольких различных языках!

Инки, стремившиеся к объединению империи, к интеграции всех населявших ее в ранний период истории бесчисленных народов в один единый народ, вполне естественно, должны были дать стране не только единую, объединяющую всех религию, не только единое сильное руководство, но и прежде всего единый, общий язык. С этой целью они и избрали кечуанский язык. Выбор этот оказался удачным.

Благодаря политике языкового объединения большинства жителей Тауантин-

суйу, которую настойчиво проводили «сыновья Солнца», и по сей день язык кечуа является самым распространенным языком из всех индейских языков трех Америк, вместе взятых!

На территории, контролируемой инками, от кечуанизации в ту пору уцелели лишь три крупных языка: язык аймара в Боливии, древний язык уру на плавучих островах озера Титикака и в известной мере язык мучик – родной язык жителей северного побережья Перу. В настоящее время в Перу, помимо испанского и, по сути дела, больше, чем на испанском, говорят лишь на языке кечуа, причем роль его непрерывно возрастает. Таким образом, руна сими – «язык народа» – представляет собой часть большого наследия великой империи; в устах миллионов индейцев Анд он сохранился вплоть до наших дней.

XVI. Тайна письменности

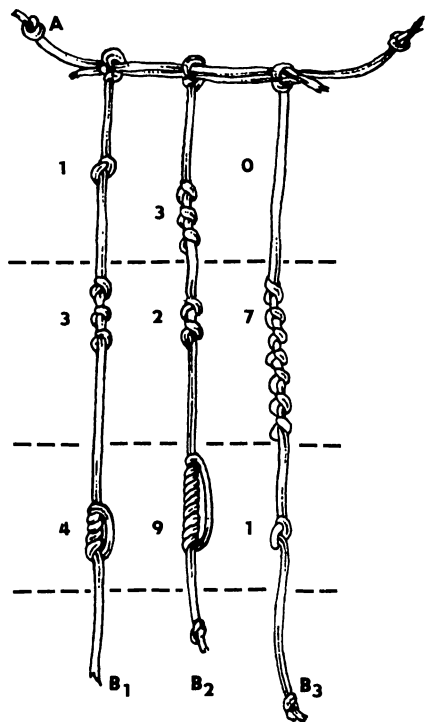

Итак, руна сими – «язык народа» – спустя пять столетий после падения империи инков продолжает оставаться языком, имеющим массовое распространение. Возникает вопрос, насколько широко в Тауантинсуйу, государстве «сыновей Солнца», была распространена письменность.

Как известно, все значительные культуры древности знали письменность. О письменности «сыновей Солнца» говорят часто, однако почти всегда когда заходит речь о существовании письменности в древнем Перу или же о ее характере, то возникают всякого рода сомнения. Распространено мнение, особенно среди неспециалистов, о том, что инки употребляли узелковое письмо. Это не совсем точно. Дело в том, что то, что мы привыкли называть узелковым письмом, и то, что сами «сыновья Солнца» называли кипу, выполняло совсем иные функ-

ции, чем те, которые выполняет письменность.

Но если кипу не использовали для письма, то для чего же оно служило? Кипу было великолепным средством фиксации прежде всего статистических данных. С помощью кипу специальные люди, прошедшие особую подготовку (они назывались «кипукамайок» и принадлежали к весьма уважаемым чиновникам империи), фиксировали все сведения, которые должны были быть на учете или же о которых надлежало информировать центр, то есть Куско.

Способ записи на кипу. Узлы в верхней трети означают сотни, в средней – десятки, в нижней – единицы. А – шнур-основа, B₁, B₂, B₃ – отдельные подвески, используемые для записи

С помощью кипу, например, регистрировалось поголовье лам, результаты уборки урожая в отдельных административных районах государства, урожай картофеля, кукурузы, лебеды киноа, количество изготовленных тканей, одежды, добытых цветных металлов, в первую очередь золота. С помощью узелкового письма кипукамайок мог вести статистику населения, сообщать сведения о ходе выполнения населением своих налоговых обязательств и прежде всего информировать о численности войск. А ведь в армии империи «сыновей Солнца» было очень много воинов!

На первый взгляд система узелкового письма была несложной: кипу состояли из нескольких шнурков. Один из них, основной, был потолще других, к нему наискосок прикреплялось множество более тонких разноцветных шнурков. Вот эти отдельные шнурки и использовали для «записи», прежде всего цифровых данных. В основе этой записи находилась десятичная (десятичная) система инков. Положение узелка на шнурке соответствовало величине цифровых показателей. Это могли быть единица, десять, сотня, тысяча или даже десять тысяч. При этом простой узел обозначал цифру «1», двойной – «2», тройной – «3».

Для того чтобы прочесть узелковую запись, нужно было знать не только место, занимаемое узелком на шнурке, но и цвет соответствующего шнурка. Так, например, красный цвет обозначал армию, войско, белый – серебро, желтый, разумеется, золото. Писари, владевшие искусством узелкового письма, по цвету этих записей могли расшифровать и более абстрактные, «не поддающиеся статистике» понятия. Так, например, белый цвет означал не только серебро, но и мир, черный – болезнь (а также время) и т. п.

Весьма возможно, что первоначально узелковое письмо «сыновей Солнца» слу-

жило и своего рода календарем инков. Об этом, в частности, свидетельствует и другое название «писарей» узелкового письма – «кильякипок». Слово «килья» мы уже приводили ранее, когда речь шла о религии инков. Именно так жители Тауантинсуйу называли свою богиню Луны. Наряду с этим «килья» означало также «месячный год» календаря инков.

Существует точка зрения, что узелковое письмо «сыновей Солнца» было изобретено в период правления Майта Капака амаутой, то есть ученым, по имени Илья. Позднее этот вид письменности получил в Тауантинсуйу очень большое распространение. Один из испанских хронистов по этому поводу даже писал, что «вся империя инков управлялась посредством кипу».

До нас дошло большое количество экземпляров кипу инков. Они отличаются друг от друга по величине. Самое большое из известных нам видов кипу имеет 165 сантиметров в длину и 60 сантиметров в ширину. Очень часто узлы опускали в могилу, для того чтобы они сопровождали умершего читателя узелкового письма на его последнем пути.

Древнеперуанское кипу было великолепным средством учета и статистики. Оно оправдало себя в народном хозяйстве, административной и хозяйственной жизни империи. Оно также было и прекрасным, оригинальным мнемотехническим пособием. И все же его никак нельзя считать подлинным видом письменности. Вот почему вряд ли правомерно переводить кечуанское слово «кипу» с помощью весьма распространенного эквивалента «узелковое письмо».

Было бы уместно и логично задать вопрос: был ли известен инкам какой-либо другой вид письменности? На этот вопрос, пожалуй, можно было бы дать три ответа. Во-первых, можно коротко ска-

зать: «Да, они знали письменность». Или же столь же логично: «Нет, они не знали письменности». Однако возможен и третий, менее привычный ответ: «Инкам была известна письменность, однако она очень сильно отличалась от того, что привыкли считать письменностью первые европейцы, прибывшие в Америку. Просто-напросто европейцы не сумели распознать, понять письменность перуанских индейцев».

На поставленный выше вопрос о наличии письменности в древнем Перу большинство специалистов в течение длительного времени, практически до наших дней, однозначно отвечали, что ни инки, ни другие предшествующие древнеперуанские культуры не знали письменности. При этом во внимание не принимался факт, что уже у первых хронистов встречаются упоминания о существовании того, что в известной мере может рассматриваться как некое подобие письменности инков. Так, например, хронист Сармьенто де Гамбоа, бесспорно заслуживающий доверия, рассказывает о том, что в Кориканче, национальном храме империи, Инка Пачакути распорядился поместить большие полотна, обрамленные золотыми рамами, на которых было нарисовано все то, что нужно было знать о прошлом инков. Тот же самый Сармьенто отмечает, что посланцы владыки будто бы направляли своему повелителю рисованные на тканях сообщения о чужеземных странах, в которых они находились или же которые собирались посетить.

По приказу Пачакути «рисованную историю» инков поместили в некое подобии «государственного архива империи», называвшемся Пукинканча. Этот государственный архив примыкал непосредственно к Храму Солнца и доступ в него – историческую библиотеку – имел только Инка, а также ученые (Сармьенто называет их «докторами»), которые мог-

ли истолковать хранящиеся в нем записи на тканях.

Во время завоевания Перу загадочный государственный исторический архив со всеми хранящимися в нем «исписанными полотнами» был полностью уничтожен. Примечательно, что в кечуанском языке, который будто бы не имел письменной формы, тем не менее существовало специальное слово, обозначавшее этот вид письменности. Это было слово «килька» («келька»), отмеченное уже в древнейших словарях кечуанского языка, появившихся сразу же после завоевания Перу испанцами. Так, например, мы встречаем это слово в словаре монаха Доминго де Санто-Томаса, в котором, помимо слова «килька», приводится также целый ряд других, производных от него слов. В их числе можно назвать «кильканги» — «писать», «кильяскуни» — «читать»; на руна сими понятие «писарь» обозначалось как «килькамайок» и т. д. В словаре иезуита Диего Гонсалеса Ольгина 1608 года кечуанское слово «келька» переводится испанским словом «письмо». И даже сам член королевской династии — Инка Тито Куси Юпанки (о котором речь пойдет ниже), вспоминая о событиях в Кахамарке, писал спустя несколько лет после завоевания Перу, что монах Вальверде, который показывал Атауальпе молитвенник, держал в руках «кильку белых людей».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что инки, вернее говоря, узкий круг амауту и элиты империи, были посвящены в тайны письменности. Лишь им одним было известно нечто вроде пиктографической письменности. Очевидно, и в древнем Перу пиктографическое письмо проделало же такую же эволюцию, что и другие известные миру подобные системы, например китайская, то есть от первоначального совершенно конкретного изображения предмета, названию которого соответствовал знак, к

более условному. Весьма возможно, что в конце концов это привело бы к фонетическому письму.

Точка зрения о возможности существования письменности в древнем Перу, хотя и в несколько необычном для первых европейцев виде (второй возможный ответ на поставленный выше вопрос), в последние годы получила весьма конкретное, причем крайне интересное теоретическое обоснование. Примечательно, что эта мысль в сходной интерпретации была одновременно высказана в работах двух видных исследователей. Согласно данной концепции, «сыновьям Солнца» письменность была известна, но она выглядела как множество своеобразных квадратных или прямоугольных изображений, украшающих древнеперуанские ткани, а также сосуды «керы». Подобное пиктографическое письмо, если, разумеется, его можно считать письмен-

Деревянный «керы» инков — кубок, украшенный геометрическим орнаментом

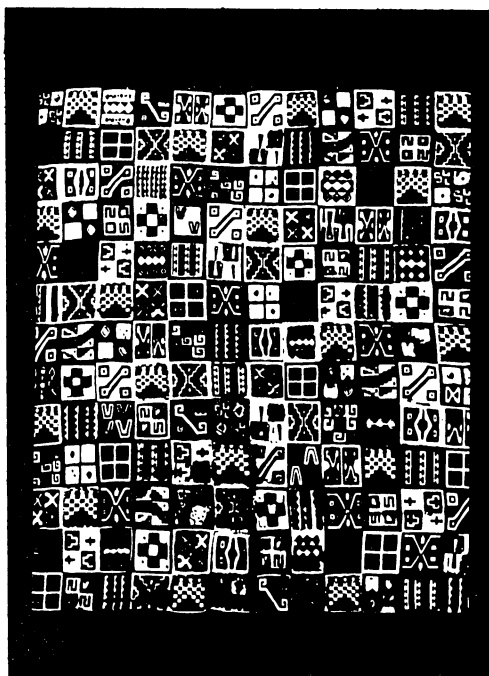
ностью, было известно и доинкским культурам этой страны. Мысль о том, что эти изображения являются знаками письменности, впервые была высказана женщиной, перуанским археологом Викторией де ла Хара. К этому выводу она пришла на основе фундаментального, многомесячного изучения тканей, сохранившихся в могильниках древней прибрежной культуры Паракас. Виктория де ла Хара установила, что на южноамериканских тканях чаще всего повторяются 16 основных знаков.

Вдохновившись интересными наблюдениями перуанской исследовательницы, тайну этих знаков (так называемых «токапу») под тем же углом зрения начал изучать выдающийся немецкий ученый, профессор Тюбингенского университета, доктор Томас Бартель, известный своими успехами в расшифровке до сих пор не разгаданных видов письменности. Так, в частности, ему, видимо, удалось найти ключ к расшифровке загадочной письменности деревянных «говорящих таблиц» с острова Пасхи, которая долгое время оставалась неразгаданной.

На 38-м конгрессе исследователей древней Америки, который состоялся в 1968 году в западногерманском городе Штутгарте, профессор Бартель впервые познакомил с результатами своих исследований собравшихся там специалистов по индейской проблематике. Доклад Бартеля вызвал огромную сенсацию: профессору из Тюбингена удалось обнаружить на тканях и сосудах древнего Перу до 400 различных знаков, имеющих во всех случаях абсолютно одинаковое написание. Судя по всему, эти знаки не были лишь декоративным орнаментом.

Профессор Бартель предпринял попытку расшифровать некоторые из этих древнеперуанских токапу, основываясь на изучении специфики их внешнего вида. После этого ученому из Тюбингена удалось прочитать надписи из по-

добных знаков. Как полагал ученый, эти надписи состояли из нескольких графем (так называют знаки на профессиональном языке), совокупность которых и составляла смысл всего высказывания. После того как результаты расшифровки Бартелем индейской письменности Перу стали достоянием общественности, автор книги в ряде своих публикаций по культуре древнего Перу в качестве иллюстрации этого гипотетического прочтения и возможного осмысления инкских и доинкских текстов поместил перевод короткого послания, обнаруженного ученым из Тюбингена на одном из кусков древнеперуанской ткани – рубашке («унку»), хранящейся ныне в частной коллек-

«Плащ» Виракочи. Именно на нем немецкий ученый Томас Бартель прочитал имя бога-творца Виракочи

ции в Думбартон-Оксе (США). Профессор Бартель обнаружил на этой рубашке последовательность графем, которую он соотнес с соответствующими словами – например, «огонь» («кон»), далее графема, обозначающая ступенчатую пирамиду («тики», «тикси»), «жир» («вира», «уира»), «волны», «море» или же «озеро» (на языке кечуа «коча»). Если прочитать последовательно, друг за другом все токапу, украшающие унку из Думбартон-Окса, то получится надпись «Кон-Тики Вира-Коча», то есть имя великого творца земли и вселенной Виракочи, почитаемого во всем Перу*.

Рубашка, на которой профессор Бартель, пользуясь своим методом, сумел прочитать имя бога-творца, украшена 24 графемами, повторяющимися в строгой и четкой последовательности. Порядок их расположения нес вполне определенную, но пока еще не очень понятную для нас смысловую нагрузку. Токапу в определенной, также непонятной последовательности повторяются и на других тканях древнего Перу. В подобном написании мы встречаем их и на одежде знати Тауантинсуйу, изображения которой имеются в иллюстрированной хронике упоминавшегося выше Гуамана Помы де Аяла.

Способ расположения знаков гипотетического древнеперуанского пиктографического письма на тканях, а также на керамике, несомненно, имеет прямое отношение к календарю инков. Весьма возможно, что он передает различные астрономические сведения: сообщения о лунных месяцах и т. п.

Профессор Томас Бартель, следовавший в поисках письменности инков по пути, намеченному перуанской исследовательницей Викторией де ла Хара, лишь

недавно опубликовал первые результаты своих исследований. Если ему удастся однозначно доказать, что знаки токапу действительно являются письменностью инков (а возможно, и письменностью их предшественников в Перу), прочитать надписи на других тканях и сосудах «сыновей Солнца» и, наконец, расшифровать крайне сложную, несомненно, связанную с астрономией систему расположения токапу, тогда для всех, кто интересуется инками, откроется совершенно новый, сказочно богатый и до сегодняшнего дня полностью игнорируемый чистый источник познания древнего Перу, его великой и необычной цивилизации.

* Это прочтение, как и некоторые другие выводы Бартеля, весьма сомнительно. – *Прим. ред.*

XVII. Да воплотится слово в стихе

Инки говорили на богатом и красивом языке. Однако писали ли они на своем языке? Достоверный ответ на этот вопрос исследователи древней письменности начали искать только теперь, в наши дни. Безотносительно к тому, умели ли инки писать или не умели, существовала ли в их империи письменность или же ее не было, бесспорным является тот факт, что литература, словесность у них была.

Литература инков была богатой, хотя это и была литература, предназначенная для устного воспроизведения, то есть, говоря специальным языком, это были произведения словесности, которые сохранялись по традиции благодаря постоянному повторению текстов, сохраняемых памятью их творцов и декламаторов. Сразу же после завоевания Перу эти тексты (правда, незначительная их часть) были записаны в латинской транскрипции испанскими хронистами.

В отличие от двух других наиболее раз-

витых культур индейской Америки, то есть культур ацтеков и майя, культура инков, пожалуй, лучше сказать – кечуанская письменность, не угасла вместе с империей «сыновей Солнца». Скорее наоборот. Учитывая бесспорные преимущества языка кечуа, его с самого начала стали использовать в своей миссионерской деятельности священники и монахи, прибывшие в Южную Америку из Европы.

В доколумбов период кечуанский язык очень скоро стал приобретать статус литературного языка. С конца XVIII века на языке кечуа начинают создавать свои произведения и профессиональные поэты, а позже прозаики и драматурги.

Основоположителем современной кечуанской литературы по праву можно считать Вальпарримачи Майту, уроженца боливийского Потоси. Ему был всего лишь 21 год, когда пуля испанских солдат, против которых бок о бок с южноамериканскими креолами воевал этот индеец Анд, оборвала его огромный талант. Еще раньше был убит испанцами другой основоположник современной кечуанской литературы, поэт Мариано Мельгар. Он был расстрелян за то, что принимал участие в национально-освободительном движении индейцев, возглавляемом вождем Пумакауо.

В современном Перу кечуа является не только языком литературы, но наряду с испанским – официальным языком страны. Государственная премия Республики Перу была присуждена поэту Килько Ваиака (Аленкастре Гутьеррес) за поэму «Ильимани», написанную на языке кечуа. Сейчас на кечуа выходят романы, новеллы, рассказы, статьи в газетах и даже комиксы, повествующие о мужественных людях.

Кечуа – самый распространенный язык из индейских языков во всех трех Америках. Он сохраняет и даже расширяет свои позиции в области современного литера-

турного творчества. Следует отметить, что современные литературные произведения, написанные на языке кечуа, опираются на традиции словесности инков. Эта преемственность кечуанской письменности, ее непосредственная взаимосвязь с письменностью «сыновей Солнца» являются характерной особенностью письменности инков и их потомков, отличающей ее от литературы других, наиболее известных культур древней Америки – культур майя и ацтеков.

Литературное творчество на языке кечуа в Тауантинсуйу времен инков было очень богатым. Однако, поскольку эти произведения не фиксировались на письме и сохранялись в памяти декламаторов, от доколумбовой литературы до нас дошли лишь отрывки (главным образом поэтические), сохраненные для потомства первыми испанскими хронистами Перу.

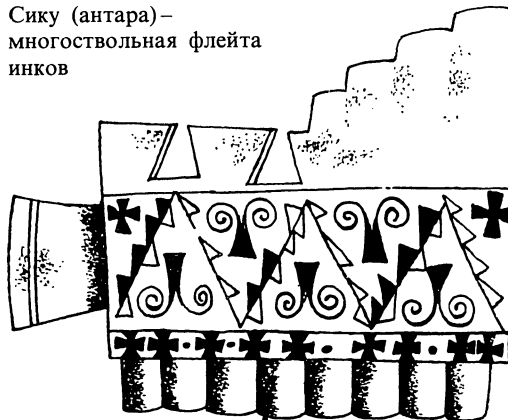
В Тауантинсуйу поэтические произведения создавали профессиональные поэты, называвшиеся «арауики» (образовано от глагола «арауйи», что буквально означает «рифмовать», «слагать стихи»). Инкские поэты жили главным образом при дворе владык и знатных вельмож империи. Декламаторы знали стихи наизусть и произносили их во время различных церемоний, и прежде всего на главных религиозных и светских торжествах и праздниках.

Тексты песен и поэм нередко распределялись между несколькими декламаторами, причем каждый из них «получал какую-то одну роль». Таким образом, в Тауантинсуйу от поэзии вел прямой путь к постепенно зарождающемуся искусству драматическому.

Помимо поэзии, которую при дворе Инки и знати создавали профессиональные поэты, была еще и поэзия народная, авторы которой в своих произведениях не только прославляли героические деяния правителей, но и рассказыва-

ли о труде земледельцев, об искусстве ремесленников, о чувствах и настроениях человека. Они воспевали в стихах землю, на которой жили, – ее красоту, ее флору и фауну.

Сику (антара) –
многоствольная флейта
инков

В империи инков декламация, публичное чтение стихов, нередко сопровождалась игрой на музыкальных инструментах, например на флейте Пана (антара), барабане или же на типичной для Анд маленькой поперечной флейте, изготавливаемой ранее из костей, а позднее из тростника.

Таким образом, изучая поэзию инков, мы одновременно можем познакомиться и с музыкальным искусством «сыновей Солнца». Их музыка была пентатонической, то есть в гамме было всего лишь пять звуков ре, фа, соль, ля и до.

В Тауантинсуйу музыка исполнялась при дворе правителя и знати, где, помимо профессиональных поэтов, находились также и профессиональные музыканты. Были здесь, конечно, и танцоры. Танцы инки называли «таки». В империи знали несколько видов танцев: танцы военные, крестьянские, танцы пастухов. Был и еще один вид танцев, который, пожалуй, можно было бы назвать светским, то есть танец для удовольствия, радости,

который исполняли преимущественно во время праздников.

Военные танцы исполняли исключительно мужчины. Самым известным среди них был танец «уари». Танцуя этот танец, мужчины сжимали в руках оружие. Точно так же во время крестьянских танцев, которые исполнялись совместно мужчинами и женщинами, участники держали в руках сельскохозяйственные орудия. Пастушеские танцы предназначались главным образом в честь лам и викуний. Не случайно эти танцы носили названия животных, например известный «танец ламы» («льямалья») и другие.

Известен также и целый ряд народных танцев, в которых участвовали как мужчины, так и женщины. Эти танцы, однако, не были парными, чаще всего танцоры все вместе образовывали большой круг («коло»), как это делают, например, балканские славяне. Перуанцы исполняли и танец с масками. Назовем, к примеру, «танец демонов» («ваконов»), который танцевали только мужчины; они изображали различных животных. Многие танцы индейцев империи инков исполнялись в специально предназначенных для этой цели костюмах, например крестьянский танец вызывания дождя, который назывался «чапайгуанло». Автором этого танца был Инка Пачакути (что только не придумал этот человек!). На голове у исполнителей танца красовались богато украшенные наlobные повязки из птичьих перьев.

Во время танцевальных празднеств инков, а также на публичных торжествах присутствовали и поэты, декламировавшие свои стихи. В поэтическом творчестве инкских поэтов можно выделить целый ряд жанров. Прежде всего следует назвать великолепные религиозные гимны, которые после завоевания Перу жестоко искоренялись христианами священниками как дьявольское искушение.

Тем не менее некоторые хронисты – чаще всего это были католические миссионеры – записали образцы этих гимнов. Особенно велики заслуги Кристобала де Молины, записавшего в Куско несколько гимнов в честь творца Виракочи. Некоторые гимны были записаны и индейским хронистом Хуаном де Сантакрус Пачакути Ямки, а также Гуаманом Помой де Аяла, автором ценнейшей иллюстрированной хроники инкского Перу. Им был записан, например, короткий гимн, с которым перуанский индеец обращается к супруге божественного Солнца матери-Луне, Мама Килья:

Королева и мать-Луна,
Дай нам в дар твои воды,
И любовь твоих дождей дай нам.
Услышь же, как мы взываем к тебе,
Услышь же наши мольбы!

На гимны были похожи и «айльи» – стихи и песни, декламировавшиеся хором (их можно было также петь) во время обработки полей, особенно при пахоте, поскольку вся эта церемония инками воспринималась как некая священная, мистическая борьба с землей, как борьба, в которой человек, естественно, должен победить, одержать верх, чтобы жить и пользоваться плодами нелегкого крестьянского труда. Вот так звучит одна из этих победных крестьянских песен – айльи (текст делится, как это принято в данном жанре инкской поэзии, на мужские и женские голоса):

М у ж ч и н ы:

В слезах Солнца – золото,
В слезах месяца – серебро.

Ж е н щ и н ы:

Хей, мы уже победили!

М у ж ч и н ы:

Во имя чела господина нашего Инки,
Во имя возвышенного сердца Инки.

Женщины:

Хей, мы уже победили!

Короткие стихи типа басен, в которых, как правило, фигурировали в комическом виде животные, например обезьяны или же пумы, перуанские индейцы называли «арануай».

Очень популярной была любовная поэзия – «арауи», – нередко носившая элегический характер.

Чем пространно говорить о литературе инков, лучше всего продемонстрировать некоторые образцы их литературного творчества. Для начала приведем по крайней мере две строфы из поэмы, записанной страстным приверженцем империи своих предков Гарсиласо де ла Вегой. Поэма называется «Прекрасная принцесса»:

Брат принцессы,
Забавляясь,
Разбивает дно кувшина,
И отсюда
Грохот грома,
Вспышки молний...

Еще один пример чрезвычайно красивого элегического «арауи» – «Песня узника». Не исключено, что в период конкисты кечуанские декламаторы актуализировали текст песни. Это произведение достаточно красноречиво свидетельствует о том, что в империи, стремившейся к внутреннему социальному миру, далеко не все и не всегда предстало в розовом свете, так оптимистично, как хотелось бы.

Отец, кондор, возьми меня!
Брат, лунь, вызволи меня!
Матери моей дорогой
Скажи, что уже пять дней
Мне есть и пить не дают.
О отец послов,
Владыка облаков,
Сделай так, чтобы к матери моей
И к отцу моему
Весть донеслась о судьбе моей горестной,
И пусть донесется к ним
Глас печали сердца моего...

XVIII. Судьба героя Ольянта

Наряду с поэзией и связанными с нею музыкой и танцами у инков было также искусство драматургии. Особенно тесно к поэзии инков примыкали произведения драматургии. Текст поэтических произведений, в которых было много действующих лиц, поручался различным певцам или же декламаторам. Так постепенно появлялись целые большие рифмованные драматургические произведения. Позднее они стали пьесами, которые уже предназначались не только для простого воспроизведения в виде пения или декламации, – это были уже настоящие театрализованные представления. Впрочем, вышесказанное всего лишь предположение, хотя в пользу этого предположения говорят факты, которые нам известны о древнеперуанской Талии*.

* Талия – в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница комедии. – Прим. ред.

В текстах первых хронистов отсутствуют письменные подтверждения того, что в Тауантинсуйу существовало драматическое искусство. Пожалуй, за одним исключением. Автором этой единственной информации является тот самый глубокий приверженец всего инкского – Гарсиласо де ла Вега. Так, он пишет, что амауту (ученые и философы) сочиняли комедии и трагедии, исполнявшиеся по праздничным дням при дворе Инков. По словам этого хрониста, сюжетом для театральных пьес были подвиги самих владык или других выдающихся деятелей империи, военные походы и судьбы доблестных воинов, особенно отличившихся на поле боя. Гарсиласо также отмечает, что в качестве актеров в героических пьесах опять-таки выступали представители элиты. Он утверждает также, что драматические актеры, снискавшие особое расположение публики, в качестве вознаграждения за исполнение получали драгоценности и другие подарки.

Много позднее это единственное сообщение об инкском театральном искусстве совершенно неожиданно было дополнено благодаря открытию, сделанному более 200 лет тому назад в архиве доминиканского монастыря в Куско. Тогда священник Антонио Вальдес среди хранящихся в архиве письменных источников обнаружил рукопись кечуанской драмы, написанной на латыни, которую ее анонимный автор назвал «Апу-Ольянтай».

Действие драмы относится к времени Инки Пачакути, в ней повествуется как о самом этом владыке и его преемнике Тупаке Юпанки, так и о других знатных представителях империи «сыновей Солнца». В кругах специалистов по древней Америке эта находка вызвала в полном смысле слова сенсацию. Огромную сенсацию! По мнению ученых, эта была первая, впрочем, и по сей день единственная театральная пьеса, созданная в период доколумбовой Америки. В руках ученых

оказался рукописный оригинал сценического повествования о жизни империи инков. Все это и побудило автора настоящей книги о «сыновьях Солнца» 20 лет тому назад попытаться после тщательного анализа перевести текст кечуанской пьесы «Апу-Ольянтай» на чешский язык. Впоследствии этот перевод индейской драмы несколько раз передавался по радио (разумеется, в несколько адаптированном – с учетом запросов современного зрителя, вернее, слушателя – виде).

Определить намеренное время возникновения народной драмы «Апу-Ольянтай», написанной на языке кечуа, конечно, весьма затруднительно. Не следует исключать и того факта, что ее текст в доколумбов период, в годы жесточайшего колониального угнетения индейцев, вероятно, подправлялся и актуализировался неизвестными кечуанцами. В пользу этого предположения говорит, в частности, то, как в этой пьесе изображается «король» – он является здесь главным источником «зла». Примечательно, что в пьесе в образе «злого» короля выведен Инка Пачакути, хотя, как известно, индейцы широко почитали этого владыку, бесспорно являвшегося самым крупным правителем империи (именно ему обязано Тауантинсуйу самыми значительными преобразованиями).

Итак, действие пьесы происходит во времена правления Инки Пачакути и его преемника Тупака Юпанки. Главным героем кечуанской драмы является человек, именем которого и названа пьеса, – Апу-Ольянтай – видный полководец, которому Инка доверил управление одной из четырех частей света, входивших в состав Тауантинсуйу (именно поэтому к его имени присоединено слово «апу»). Ольянтай происходил из простой семьи. Таким образом, он был одним из немногих пурехов – выходцев из простого народа, которые благодаря своим выдающимся военным заслугам сумели подняться на

высшую ступень социальной лестницы. И в самом деле, став апу, то есть «начальником» одной из четырех частей света (Антисуйу), входивших в состав государства «сыновей Солнца», Ольянтай попал в круг высокопоставленной знати империи.

В один прекрасный день, будучи в Куско, правитель Антисуйу познакомился при дворе Инки с его дочерью по имени Куси Койлпур (что значит «смеющаяся звезда»). В сердце Ольянтая тотчас же вспыхнула глубокая любовь к принцессе. Как ни странно, она ответила любовью на чувство вышедшего из народа правителя Антисуйу. Их сохраняемые в тайне отношения, конечно же, не оставались без последствий.

Еще до рождения у возлюбленных дочери доблестный полководец просил, вернее было бы сказать, отважился просить у Инки руки Куси Койлпур. Однако властелин, невзирая на награды и титулы, полученные Ольянтаем из его рук, отказал простолюдину. Не просто отказал, а прогнал его со двора, лишив своей благосклонности.

Свою дочь Смеющуюся Звезду Пачакути в наказание приказал запереть в доме «невест Солнца» в Куско. Здесь же, правда в другом помещении, по его приказу была заточена и девочка, родившаяся от этой недозволенной, осужденной Инкой любви между генералом и принцессой. Девочку звали Има Сумак. Кстати говоря, именно это имя в наши дни взяла себе в качестве сценического псевдонима знаменитая перуанская исполнительница кечуанских песен.

Обе – и мать и дочь – провели в стенах дома «невест Солнца» в Куско целых десять лет. Тому же, кто оказался «виновником случившегося», – отважному Ольянтаю – удалось избежать расправы. Он нашел себе прибежище в крепости Ольянтайтамбо, расположенной в горах у реки Урубамбы. Эта крепость была назва-

на в честь отважного полководца! Отсюда, от Урубамбы, Ольянтай начинает восстание против Инки. Именно здесь – в Ольянтайтамбо – местные индейцы провозгласили Ольянтая избранником народа и новым правителем Тауантинсуйу.

В возникшей ситуации, когда верховному Инке угрожал мятеж в горах, Пачакути предложил свою помощь другой полководец – вероломный Руминьяуи (буквально: «каменный глаз»). Он попросил Инку, чтобы его высекли, а затем якобы униженный, он отправился к Ольянтаю в его горную крепость. Там ему был оказан радушный прием, Ольянтай поверил Руминьяуи. Вкравшись в доверие к предводителю восставших, Руминьяуи принялся ждать удобного момента, чтобы захватить «опасного смутьяна» и соблазнителя дочери Инки.

Тем временем Инка Пачакути умирает в Куско. На его трон садится Тупак Юпанки, который приказывает коварному Руминьяуи захватить мятежника и доставить его в столицу империи, где он должен понести заслуженную кару. Так и происходит на самом деле. Когда новый Инка узнает, что его родная сестра из-за любви к Ольянтаю более десяти лет томится в доме «невест Солнца», и видит перед собой маленькую Иму Сумак – дитя большой любви, – Тупак Юпанки совершенно неожиданно меняет свое отношение к мятежнику. Он снимает с него обвинение, из-за которого его предшественник Инка Пачакути столь долго преследовал Ольянтая. Тупак Юпанки возвращает полководцу былые титулы и даже повышает его в «должности»: назначает Ольянтая своим личным заместителем. Так счастливо заканчивается эта индейская пьеса.

Весьма возможно, что нынешнему зрителю подобная метаморфоза, при которой одного и того же человека один Инка считает виновным, а другой не только прощает, но даже повышает в должно-

сти, покажется неубедительной. Однако перуанский индеец, живший пять столетий назад, не всегда рассуждал так, как современный зритель европейского театра.

Что поражает в этой пьесе—это негативная роль, которую в драме играет бесспорно самый выдающийся владыка империи—Инка Пачакути. Впрочем, может быть, именно в этом, как мы уже говорили, и проявилась более поздняя правка оригинального текста индейской народной драмы. Так или иначе, смысл пьесы ясен: на примере полководца Ольянта она призывает к защите своих прав. Если ты прав, защищайся! Даже если ты и простого происхождения, все равно защищайся! Если затронуты твои неотъемлемые права, сумей отстоять их, даже тогда, когда тот, кто посягает на них, является владыкой государства. В этой пьесе о Ромео и Джульетте из Анд таким неотъемлемым правом является в первую очередь любовь, прекрасное человеческое чувство.

XIX. Ромео и Джульетта из Анд

Как было принято в индейской словесности, драма «Апу-Ольянтай» написана в стихах. Основная часть текста драмы написана в четырехстопном трохее, в песнях, включенных в текст пьесы, применен анапест, то есть трехсложные восходящие стопы (совершенно непривычные и даже невозможные для чешского языка). И наконец, в «арауи» неизвестного певца автор драмы использует дактиль.

Кроме главных героев—индейского Ромео, Ольянта, и его Джульетты, принцессы Куси Койлнор, в пьесе также выведены их дочь Има Сумак, далее ее подруга Питу Салья, затем, конечно, оба Инка—Пачакути и Тупак Юпанки, коия Пачакути, Анауарки, вероломный генерал Руминьяуи, Верховный жрец империи (Вильяк Уму), неприятная наставница дома «невест Солнца» с красноречивым именем мать-Скала, верный друг

Ольянта и соратник по имени Орко Уаранка и, наконец, слуга мятежника Пики Чаки (то есть «легконогий»).

Исследователи, которые сомневаются в том, что кечуанская драма может быть отнесена к периоду инков, то есть к доколумбову периоду, обычно в качестве аргумента приводят именно образ комичного слуги Ольянта. Они считают, что изображение Пики Чаки очень напоминает некоторые образы, встречающиеся в итальянских комедиях. Однако не следует забывать, что и в древней Америке при дворах владык подвизались веселые шуты. Подобные случаи нам известны как в Перу инков, так и у ацтеков.

А теперь, пожалуй, настало время привести несколько отрывков из текста этого крайне интересного произведения, не имеющего себе равных во всей индейской Америке. Подлинно революционное звучание характерно, например, для третьего акта второго действия пьесы. Местом действия является крепость повстанцев, расположенная в горах. К Ольянта обращается вождь племени горцев и одновременно его ближайший помощник Орко Уаранка. Описывая, каким страданиям подвергаются индейцы страны Антисуйу во время службы в армии империи инков и насколько «сыновьям Солнца» безразличны страдания его народа (Ольянта), Орко Уаранка говорит:

Лишь бы у него самого [у Инки] были
Тонкие яства и листья кожи.
Наши же ламы гибнут
При переходе через песчаные нагорья.
И ноги наши терзают колючки,
И, если мы не хотим [на военной службе]
погибнуть от жажды,
Мы должны на огромные расстояния
На собственной спине тащить воду.

А вот как звучит пятый акт первого действия драмы – великолепная любовная песня, которую исполняет в честь Ку-си Койлор, Смеющейся Звезды, хор из

восьми юношей, сопровождая свою песню игрой на бубнах:

Птичка, не лакопись, о, туйялай, туйялай,
В саду моей принцессы, о, туйялай,
туйялай,
Да, не лакопись так много, о, туйялай,
туйялай,
Кукурузой сладкой, о, туйялай, туйялай,
У нее белоснежные зерна, о, туйялай,
туйялай,
Нежные початки, о, туйялай, туйялай,
Внутри она такая нежная, о, туйялай,
туйялай,
И листья ее сочны, о, туйялай, туйялай.
Ах, не лакопись, о, туйялай, туйялай,
Попадешь в ловушку, о, туйялай, туйялай,
Остригу я тебе коготки, о, туйялай,
туйялай,
И будешь сидеть в неволе, о, туйялай,
туйялай,
Спроси про птичку писката*,
Видишь, она задушена, о, туйялай,
туйялай,
Поищи-ка ее перышки, о, туйялай, туйялай,
Вот они, все разодранные, о, туйялай,
туйялай,
Вот такой бывает конец, о, туйялай,
туйялай,
Когда главное потеряешь, о, туйялай,
туйялай.

Интересный текст произносит слепец в том же акте:

Два влюбленных голубка
Страдают, страдают, жалуются и воркуют
На старом высохшем пне.
Злая судьба их разделила.
Один из них потерял свою любимую подругу
На поле, усеянном камнями,
Раньше он ее никогда не покидал.
Голубок жалуется, голубок рыдает.
И когда он наконец увидел свою
подругу,
Она была уже мертва.

* Речь идет о птице с ярко-синими перьями, обитающей в Перу. – *Прим. ред.*

Поэтому он и поет ей:

«Где ты, моя голубка, где твои
глазки,
Где твоя великолепная грудка,
Где сердце твое, прильнув к которому
я бывал так счастлив.
Где же теперь твои уста?»

И голубь одиноко
Летает со скалы на скалу,
Плачет и зовет, мечется по свету,
И повсюду он спрашивает, повсюду
запрошает:
«Мое сердце [потерянное], где же ты,
где?»
Так зовет он, помахивая крыльями.
И вдруг однажды
Мертвым падает на землю.

А вот заключительная сцена – последний акт последнего действия «Ольянтай». В этом акте по воле нового Инки – Тупака Юпанки – возлюбленные наконец встречаются, и пьеса завершается счастливым и оптимистичным концом. Помимо прислуги, на сцене находятся: новый владыка, помилованный Ольянтай, принцесса Куси Койлюр, Верховный жрец империи, а также девушка Има Сумак:

Куси Койлюр:

Ах, Ольянтай, на долгие десять лет
Судьба нас разлучила.
Но вот мы снова находим друг друга.
Мы соединяемся для того, чтобы жить
вместе.

Юпанки дал нам радость вместо
скорби.
Пусть здравствует могущественный
Инка,
Пусть расцветает новая жизнь,
Многая, многая ему лета.

Верховный жрец:

Принесите новые одежды,
Оденем в них принцессу.

(Служители одевают на Куси Койлюр торжественное одеяние.)

Тупак Юпанки:

Ольянтай, вот тебе твоя жена,
Женой твоей она будет теперь,
А ты, Има Сумак, приди в мои объятия,
Пусть узы нежности охватят тебя,
Ведь ты – родное дитя Смеющейся Звезды.

Ольянтай:

Великий Инка, ты наша защита,
Рукой своей ты преграждаешь путь печали.
Счастье ты даешь каждому из нас.

Тупак Юпанки:

Так не грустите же,
Пусть вас озаряет любовь в вашей
совместной жизни,
Теперь *(Ольянтаю.)* твоя жена в твоих
объятиях.
Отныне живите в радости!

На этом народная драма «Апу-Ольянтай» заканчивается.

XX. Девушка по имени Яичко

«Апу-Ольянтай», или же «Ольянтай», — самое значительное драматургическое произведение, которое когда-либо создавалось американскими индейцами. Точнее говоря, самое значительное из известных нам произведений. Правда, в последнее время в индейских селениях, особенно в Боливии, появляются и другие пьесы, а также небольшие драматургические произведения, написанные на языке кечуа. Они представляют собой современную адаптацию текстов более ранних индейских драм, написанных на кечуа и сохранившихся в устной фиксации, например «Трагедия о смерти Инки Атауальпы». На протяжении десятиков лет эту пьесу регулярно ставят в кечуанском селении Ама-Ранчо близ боливийской Кочабамбы. Можно назвать и другую ныне известную драму на языке

кечуа — «Утка Паукар», текст которой в Боливии записал бельгийский этнолог Эдгар Эрналстеенсен. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Тем не менее «Ольянтай» по-прежнему занимает исключительное место среди драм и фразек, написанных на кечуанском языке, а также тех отдельных отрывков, которые собиратели постепенно обнаруживают в индейских селениях. Это не только самое выдающееся произведение индейской драматургии, но и самое значительное, самое большое литературное произведение, написанное на языке кечуа.

Примечательно, что имена героев этого произведения в большинстве случаев имеют точные эквиваленты в кечуа. Правда, нам неизвестно, как можно перевести на кечуанский язык имя главного героя Ольянтай, неясно нам и его происхождение. Имена же остальных действующих лиц легко поддаются переводу, достаточно лишь взять в руки словарь языка кечуа. Так, имя принцессы Куси Койльюр значит «смеющаяся звезда», имя слуги Ольянтай Пики Чаки значит «легконогий», имя упомянутого вероломного полководца Руминьяуи примерно означает «каменный глаз» и т. п.

В качестве личных имен индейцы Тауантинсу́йу обычно выбирали названия окружавших их вещей и предметов. Например, мужчины, считавшиеся от природы тщеславными (в особенности представители элиты), получали имена, которые в языке кечуа обозначали особые качества характера. Так, слово «капак», представленное уже в имени первого Инки, значит «богатый», «знатный», «синчи» — «сильный», «тигу» — «вольный», «свободный», «юпанки» — «уважаемый». Иногда в качестве имени человека выбиралось название животного, внешность которого, по мнению древних перуанцев, совпадала с чер-

тами лица или характера человека. К примеру, имя Гуаман (в частности, уже упоминавшийся выше хронист Гуаман Пома) означает «ястреб». В некоторых случаях использовалось в переносном значении и название какой-нибудь хищной птицы: Контор соотносится, конечно, с «кондор». Весьма распространенное имя Амару можно перевести как «змея» (или как «дракон») и так далее.

Знатные вельможи империи нередко имели сложные имена, состоящие из двух слов. Так, например, мужчина-аристократ мог называться Синчи Амару, что буквально означает «сильная змея». Простой народ, как правило, довольствовался одним-единственным именем. Выше речь все время шла о мужских именах. Что же касается женщин, то они могли носить такие имена, как «лист коки», («кока») или же, как принцесса из драмы, Кэйлюр, то есть «смеющаяся звезда», «звездочка» или же, наконец, Ронто, что буквально означает «яичко».

Остановимся на девушке по имени Яичко и попробуем установить, когда и при каких обстоятельствах она получила свое имя. Взятая нами для примера Ронто, как и все остальные жители Тауантинсуйу, в своей жизни проходила через три периода: период вообще без всякого имени, период первого имени и период имени окончательного.

Безымянный период продолжался примерно два года: с момента рождения ребенка вплоть до инкских «крестин», называвшихся «рутучикой», что буквально означает «пострижение волос». На важный обряд пострижения собирались все близкие и дальние родственники семьи, в которой жил ребенок, остававшийся до сих пор безымянным. Во время «рутучикой» члены семьи выпивали много чичи и танцевали до упаду. Потом старейший среди дядьев безымянного ребенка остригал ему ногти и отрезал локон волос. Вот почему и весь обряд назы-

вался «пострижение волос». Ногти и локон, состриженные во время большого торжества, прятали и тщательно сохраняли как ценную семейную реликвию, как, например, фотографию или же свечу в период крестин в Европе.

Кум, то есть тот, кто подстригал ребенку волосы и ногти, давал ему взамен различные ценные подарки: украшения, шерсть. Он же давал младенцу и то, чего ему очень не доставало: первое имя. Нашей девушке, которая в будущем станет называться Ронто, теперь могли дать имя Окльо – «чистая», «девственно невинная».

Впрочем, первое имя не было постоянным. Свое второе имя она получала ко времени начала первых месячных. По этому поводу устраивался очередной семейный обряд, обряд созревания (на языке кечуа «кикучикой»). В самом его начале – в течение первых двух дней месячных – Окльо вообще не должна была ничего есть и пить. На третий день ей разрешили поесть лишь немного кукурузы. На четвертый день и для нее наступал праздник. Мать умывала, причесывала девочку, одевала на нее новую одежду, обувала новые сандалии и выводила к остальным членам семьи. И опять все начинали пить чичу, и опять продолжались веселые танцы. И вновь в заключение праздника самый главный из дядьев дарил девушке серебро, шерсть и... новое – на этот раз уже окончательное – имя. Со вторым именем девушка вступала в жизнь. Старое же имя «отодвигалось» на второй план и вскоре забывалось.

Так же как и девочки, через три периода проходили и мальчики. И они первые два года жили без имени. До церемонии зрелости они пользовались первым именем, а уже после ее завершения они получали другое, окончательное. Правда, мужчины зачастую имели и прозвища. Так, например, имя самого последнего

легального Инки до начала конкисты – Уаскара, – по сути дела, было его прозвищем. На самом деле Уаскар во время обряда зрелости, то есть в ходе «окончательного крещения», получил иное имя.

Обряд зрелости юношей отмечался с большей помпой и более публично, чем праздник девушек. Особенно торжественно отмечалась зрелость сыновей в знатных семьях. Обряд присвоения второго имени мужчине у жителей империи назывался «уарачикой». Если девичья зрелость, то есть первые месячные, отмечалась главным образом в семейном кругу, в родном доме, то «уарачикой» праздновался публично. Кроме того, праздник зрелости мальчиков связывали с религиозными верованиями «сыновей Солнца», с легендами об их происхождении. Патроном обряда «уарачикой» являлся младший брат легендарного основателя империи, первого Инки Манко Капака, – Айяр Учу.

Согласно легенде, Манко Капак, беседуя со своим братом на горе Уанакуари, что возвышается вблизи Куско, поручил ему надзор за подрастающим поколением. Именно поэтому жители Тауантинсуйу с глубоким пиететом относились к этому месту, равно как и к другим местам, связанным с легендами об основателе империи инков.

Вот почему второй цикл церемоний, входящих в обряд «уарачикой», для знатных кусканских юношей начинался с паломничества на гору Уанакуари. Там «кандидаты на зрелость» обращались к местной уаке – священному камню, в который будто бы превратился Айяр Учу, – с просьбой, чтобы он разрешил им принять участие в обряде. Наряду с этой просьбой юноши передавали жрецам, опекавшим уаку, молодую ламу. Жрецы забивали животное, а потом его кровью проводили на лице мальчика красную линию, которая должна была символизиро-

вать собой разрешение уаки на участие кандидата в готовящейся церемонии «уарачикой».

После первого паломничества на гору Уанакуари кусканские мальчики на какое-то время возвращались домой. Здесь они помогали матерям готовить угощение, и прежде всего напиток чичу для предстоящего торжества. Некоторое время спустя юноши, которые в этом году должны были получить свое постоянное имя, вновь отправлялись на гору Уанакуари. Там они снова приносили в дар жрецам лам, и опять на их лицах проводили кровью ламы черту. Для «кандидатов на зрелость» самым неприятным было возвращение после второго паломничества на Уанакуари: их ожидало избиение. В буквальном смысле слова порка. Родственники должны были без устали сечь прутьями проходивших мимо них мальчиков. Юноши же должны были доказать, что они достойны называться мужчинами. Они не смели даже показать виду, что им больно.

После нескольких дней отдыха, включая выздоровление после ритуальной порки, мальчики шли на священную гору в третий раз. Впрочем, на этот раз целью их паломничества была уже не гора, а находящийся по соседству с ней холм Анауарке. Здесь повторялись все те же обряды: юноши вновь приносили в жертву ламу и снова их жестоко избивали собственные родственники. Третье паломничество здесь завершалось бегом наперегонки, в котором участвовали все юноши, проходившие обряд «крещения». Трасса гонок на зрелость, – гонок, которые должны были завершиться вступлением в категорию мужчин, начиналась на вершине горы и заканчивалась у ее подножия, причем перепад к высоте составлял 700 метров.

Для «бега на зрелость» намеренно выбиралась тяжелая трасса, являвшаяся большим испытанием физической зрело-

сти будущих мужчин. Бегуны должны были бежать по пересеченной местности, дорога проходила через глубокие впадины, многие без преувеличения опасные места. В силу этого каждый год необычные состязания в беге заканчивались множеством нередко очень тяжелых травм. Однако в конце гонки, у финиша, участников ожидали уже только радости. Прежде всего они получали из рук собравшихся здесь знатных девушек по сосуду чичи. После четвертого паломничества, уже на холм Сауарауара мальчики получали новую одежду, после пятого – на холм Яира – новые сандалии и, наконец, после последнего, шестого паломничества за зрелостью, целью которого был священный источник в Кальиспукике, им вручали оружие. А уже в самом конце юноши получали и новое, окончательное имя, выбранное из сокровищницы кечуанского языка, поскольку здесь, в империи инков, считали, что человека делает его имя.

XXI. Взгляд, обращенный к звездам

В империи инков девушка по имени Яичко не имела особых перспектив на получение образования. Росла она в семье. Свои познания по домашнему хозяйству, кустарным ремеслам и искусству она заимствовала у матери. Некоторым девушкам, правда, все же удавалось получить некоторое образование в акльяуаси – домах «невест Солнца». Там обучение проводилось более методично, интенсивно и, разумеется, продолжалось более длительное время.

Итак, если в идеальном случае девушка по имени Яичко могла получить образование в доме «избранниц Солнца», то юноша, молодой человек, назовем его, скажем, Гуаман, имел возможность получить полное образование и изучить все дисциплины, имевшиеся у инков. (Он получал образование на том уровне, которого достигла наука инков.) Государ-

ственным учебным заведением, собственно говоря, университетом Тауантинсуйу был ячауаси, что в переводе с кечуа означает «дом знаний».

Ячауаси был доступен далеко не всем молодым людям, он предназначался исключительно для сыновей из знатных семей. Таким образом, задачей этого учебного заведения было готовить очередное поколение элиты империи. Как утверждает хронист Гарсиласо де ла Вега, основателем ячауаси в Куско был Инка Рока. По его распоряжению к преподаванию в этой школе должны были привлекаться амауту – ученые и мудрецы государства «сыновей Солнца». Инка Рока как-то сказал: «Если бы я должен был вызывать и поклоняться кому-нибудь, кроме богов, то я бы вызывал и поклонялся образованному человеку». В пояснение своей мысли он будто бы добавил: «Потому что образование и наука приносят пользу всем и всему». (Его изречение, принадлежащее к числу вышеупомянутых «золотых мыслей», как и максимы Инки Пачакути, в Перу хорошо помнят по сей день.)

Обучение в университете инков продолжалось четыре года. Основных предметов, по которым велось обучение, также было четыре. Первым предметом в ячауаси был язык кечуа. Вторым – «солнечная религия» государства. Третьим предметом было обучение узелковому письму кипу и, наконец, четвертым – военная подготовка, куда включалась также и история. Судя по всему, назначением истории было документально подтверждать военные достижения предшествующих Инков. Кроме того, вместе с религией история должна была «научно обосновывать» будущие завоевательные акции «сыновей Солнца».

Четыре главных предмета, по которым в ячауаси велось обучение, включали в себя и остальные научные дисциплины. Так, к примеру, к военному делу, помимо

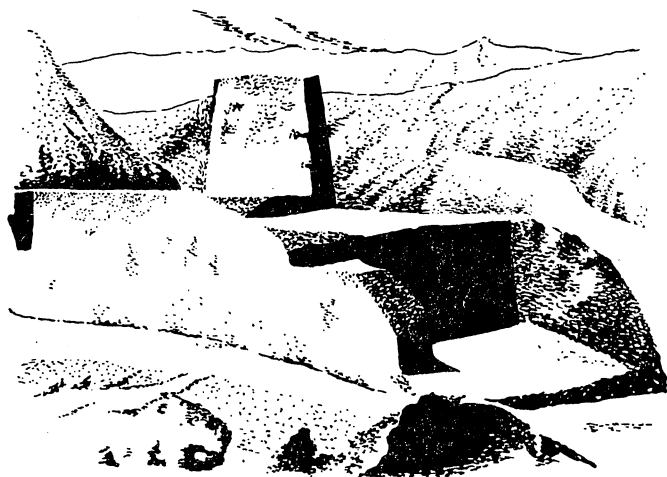
истории, относилась и география: ведь учащимся этой аристократической школы в будущем предстояло властвовать над окружающим Тауантинсуйу миром, а для этого им необходимо было знать географические особенности будущих владений. Обучению кипу логически сопутствовало изучение математики и основ статистики. С религией непосредственно связано было и изучение принципов инкской философии, которая, впрочем, не получила особого развития. К религии относилась также и астрономия (как же могло быть иначе в этом мире, управляемом богами небесных тел!) и связанная с ней календарная система инков.

В помощь преподавателям ячауаси привлекались, как ни странно и необычно, поэты и певцы. Их обязанностью было сделать излагаемый материал более доступным для учащихся («ячакуорун»). С этой целью они «перелагали» в стихи труднодоступные для восприятия «лекции» амауту, а потом сами же и исполняли слушателям ячауаси научную информацию, переложенную на язык стихов и песен. Не все научные отрасли были развиты в империи инков в одинаковой степени. Так, помимо изучения религии и связанной с ней философии, о чем мы говорили выше, и упомянутого культивирования языка, создания произведений словесности (прежде всего поэтических и драматургических произведений), в Тауантинсуйу развивались медицина и в особенности астрономия (а также связанный с астрономией календарь). В развитии остальных научных дисциплин особых успехов достигнуто не было.

Большое значение в империи придавалось астрономии, во многом это было обусловлено тем обстоятельством, что главным богом империи и другими богами были небесные тела – Солнце, Луна, Венера и т. д. Кроме того, в своей тяге к астрономии, в своем пристрастии к

звездному небу инки, вне всякого сомнения, продолжали традиции предшествующих культур древнего Перу, тех их представителей, о которых мы по праву можем сказать, что они поклонялись звездам. Так, например, совершенно очевидно, что огромные рисунки индейцев Южного Перу в пустыне Наска были непосредственно связаны с их астрономическими наблюдениями. Как известно, и на северном побережье практически все определялось культом Луны, которому, собственно говоря, и была посвящена последняя прибрежная империя Чиму.

да, астрономы империи инков во многих местах Перу соорудили специальные «обсерватории». Хотя, впрочем, называть обсерваториями эти, в общем-то, примитивные сооружения было бы, пожалуй, слишком громко. Наиболее крупный пункт наблюдения за Солнцем находился, естественно, в столице государства – в Куско. Как утверждают, он состоял из восьми, а, возможно, первоначально из 12 или даже 16 столбов, половина которых находилась на западной, половина – на восточной окраине города.

Солнечная
обсерватория инков

Инки же в отличие от жителей Чиму почитали не Луну, а Солнце. Именно поэтому их астрономическая наука в первую очередь уделяла внимание этому небесному телу. Для астрономов Тауантинсуйу, так же как и для астрономов других древнейших перуанских культур, особый интерес представляли солнцестояния и равноденствия.

Для наблюдения за Солнцем, а также для точного определения времени равноденствия и солнцестояния, то есть четырех важнейших периодов солнечного го-

У инков был еще один вид примитивных обсерваторий, которые назывались «интиуатаны», что означает буквально «место, где прикреплено, привязано Солнце». Эти обсерватории высекались в скалах. Посередине каждой интиуатаны находился каменный столбик – «гномон», – по тени которого, помимо всего прочего, можно было установить, «который час». В полдень этот столбик не отбрасывал тени, в первой половине дня тень убывала, во второй, наоборот, прибывала. Примитивность конструкций

этих разбросанных по всему Перу обсерваторий интиуатан с очевидностью свидетельствует о том, что астрономы этой культуры, столь тесно связанной с небесными светилами, и в особенности с Солнцем, отнюдь не достигли того уровня, которым по праву могли гордиться их центральноамериканские современники, в первую очередь майя, бывшие удивительно точными астрономами.

Объектом внимания инкских астрономов прежде всего было священное Солнце, то, как оно передвигалось по небосклону. Вели они наблюдения и за другими небесными светилами, например Лунной. Очевидно, для этой цели использовалась обсерватория Кильярми (буквально: «лунный камень»), находившаяся на холмах над Куско. Уделялось внимание и Венере, известны им были и некоторые другие планеты – Марс, Меркурий и Сатурн. Интерес инкских астрономов вызывал и ряд созвездий, в особенности Плеяды, а также Водолей, Близнецы, Дева, Весы и, конечно же, Южный Крест.

Календарь инков был прежде всего ориентирован на Солнце. У жителей Тауантинсуйу год продолжался 365 дней (назывался он «уата»). Год делился на двенадцать 30-дневных месяцев, после которых в календаре еще следовало пять (а в високосный год – шесть) заключительных дней, которые по-кечуански назывались «алька конкис», то есть «дни без работы».

Разделение года на месяцы в жизни империи играло большую роль. Инки, любившие во всем порядок, скрупулезно устанавливали, какие сельскохозяйственные работы и в каком месяце должны были выполняться. Пожалуй, можно даже сказать, что их календарь был полностью подчинен крестьянскому труду, выращиванию важнейших сельскохозяйственных культур. Сказанное отражается и в названиях многих месяцев. Для того чтобы внести разнообразие в монотон-

ную жизнь населения империи, «сыновья Солнца» предусмотрительно ввели, буквально узаконили, в каждом из 12 месяцев года какой-нибудь праздник, или же торжество. Именно поэтому в названиях многих месяцев имеется кечуанское слово «райми», обозначающее «торжество». Так, к примеру, если брать по порядку, первый месяц инкского календаря назывался «капак райми», что означает «большой праздник». В период «большого праздника» (обычно это время посадки картофеля и лебеды киноа) происходило торжество посвящения юношей в мужчины, обряд, при котором юноши получали свое окончательное имя.

Во втором месяце года, называвшемся «месяц малого созревания», происходили торжества, во время которых по ритуалу убивали лам, а затем приносили их в жертву Солнцу – Инти. Кости животных, принесенных в жертву Инти, смешивали с различными священными снадобьями, а потом бросали в реки империи. Третий месяц (наш февраль) в империи, как правило, обозначали как «месяц большого созревания». В этом месяце в честь Солнца торжественно приносили в жертву морских свинок. Четвертый месяц (наш март) в инкском календаре назывался «месяц созревания цветов». Самим своим названием он напоминал о том, что именно в это время горные луга начинают покрываться бесчисленным множеством цветов. Этому событию опять сопутствовало торжество.

Проходили своим чередом месяцы инкского года. Пятый месяц (наш апрель) назывался «праздник молодой кукурузы», шестой (наш май) – «главная уборка урожая». Седьмой назывался «торжество Солнца». На этот месяц приходилось солнцестояние, которое отмечалось как один из самых больших праздников империи – праздник, посвященный Инти. Июль – восьмой месяц года – индейцы называли «время отдыха».

Девятый (наш август) назывался «время великого очищения». Десятый месяц – сентябрь – на языке кечуа назывался «койя райми» – «торжество королев». Одиннадцатый – октябрь – имел название «время воды» или чаще «праздник дождливого неба». Название последнего месяца (он соответствовал нашему ноябрю) было «айя марка райми», что в вольном переводе означает «торжество мертвых».

Так и шли друг за другом двенадцать месяцев инкского года. А когда по положению лучей солнца на столбах необычной обсерватории около Куско инкские астрономы могли установить, что год завершился, все опять начиналось сызнава, с самого начала. Тогда опять из клубочка времени начинали разматываться один за другим месяцы, и в каждом месяце гражданина империи ожидали один или два дня праздников и много, очень много дней тяжелого, изнурительного труда.

XXII. Клистир и трепанация черепа

Астрономия являлась одним из двух важнейших научных направлений в империи инков. В Тауантинсуйу наука должна была служить интересам государства и высшего общества. Деятельность ученых-астрономов, которые благодаря своим наблюдениям могли установить наиболее подходящие сроки начала или просто выполнения тех или иных сельскохозяйственных работ, приносила немалую пользу как государству, так и всем его гражданам.

Вторым из двух наиболее развитых направлений науки в империи инков была медицина. Каждый человек, даже если он жил в первобытном обществе, заботился о своем здоровье. Человек всегда старается устранить последствия полученных травм, пытается превозмочь болезни, которые ему угрожают.

В Тауантинсуйу состояние здоровья

жителей отнюдь не было частным делом граждан. Совсем наоборот, империя была кровно заинтересована в том, чтобы ее пурехи, которые сегодня были крестьянами, а завтра могли стать воинами, как можно лучше служили государству. А хороший крестьянин, хороший ремесленник, а тем более хороший воин должны были иметь великолепное здоровье.

Таким образом, медицине в Тауантинсуйу была предоставлена «зеленая улица». Впрочем, это была медицина особого рода. Медики инков могли делать поистине фантастические операции, приносившие человеку большую пользу, в том числе и очень сложные операции на черепе. И вместе с тем нередко эта же медицина прибегала к приемам, унаследованным от далекого прошлого, приемам, которые не имели абсолютно ничего общего с наукой и, скорее всего, относились к области магии. Несмотря на наличие пережитков прошлого, знахарских лечебных приемов, медицина инков, их фармакология располагали таким разнообразием методов и средств, что их изучение заслуживает всяческого внимания.

Для начала остановимся на методах лечения. Существует один совершенно уникальный труд, несколько необычный для работ по истории американских индейцев. Он называется «Клистор в древнем Перу» (*El clistir en el antiguo Peru*), автором которого был профессор Велес Лопес.

И действительно, инки, как ни странно, применяли клистор – трубку, наполненную жидкостью, в один из концов которой лекарь дул примерно таким же образом, каким индейцы джунглей Перу дуют в свое духовое ружье.

Трубка для клизмы является одним из немногих сохранившихся инструментов инкских «терапевтов». Гораздо больше инструментов оставили после себя древ-

неперуанские хирурги. Помимо всего прочего, к числу этих хирургических инструментов относились бронзовые скальпели различной величины, пинцеты, иглы, скобки, бронзовые ножи «туми», напоминающие по своей форме кухонный нож-сечку, а также зажимы, посредством которых местные инкские лекари перетягивали вены, чтобы остановить кровотечение. Большой интерес представляют особые острия из обсидиана, с помощью которых южноамериканские эскулапы делали свою самую сложную операцию – трепанацию черепа.

Череп, трепанированный древнеперуанскими лекарями

Важно подчеркнуть, что это отнюдь не были какие-то уникальные операции, выполняемые лишь чрезвычайно талантливыми хирургами. Напротив, в Перу было обнаружено более десяти тысяч черепов, вскрытых инкскими врачами. Даже первое обследование найденных ар-

хеологами древнеперуанских трепанированных черепов, предпринятое в прошлом веке французским антропологом Пьером Полем Брока, показало, что индейские пациенты после этой крайне тяжелой операции оставались в живых. Брок обнаружил на месте отверстия в черепе следы регенерационных костных изменений. Нередко после операции трепанации отверстия в черепе древних перуанцев заделывались серебряными дисками или же кожицей тыквы-горлянки.

Инкские врачи вскрывали череп по-разному. Так, например, они либо с помощью обсидиановых игл делали в черепе несколько миллиметровых проколов, либо, наоборот, вскрывали поврежденную часть черепной кости, сделав четыре длинных надреза. В результате в определенном месте черепа получался квадрат или же прямоугольник. Еще более фантастичным представляется вывод, к которому пришли археологи на основе изучения скелетных останков оперированных перуанских индейцев. Как было установлено, у некоторых пациентов череп при жизни трепанировали не один раз!

Чем же объяснить, что инкские врачи делали такое количество операций на черепе, хотя, как известно, и сегодня – в XX столетии – эти операции принадлежат к числу наиболее сложных? По всей видимости, здесь играл роль тот факт, что решающей фазой во всех боевых столкновениях армии империи с врагами «сыновей Солнца» всегда был рукопашный бой. Главным оружием в этом бою была макана – каменная палица со звездобразным наконечником, несколько напоминающая булаву гуситских воинов. Удар, нанесенный маканой, вне всякого сомнения, тяжело повреждал голову воина.

Судя по всему, инкские врачи знали, что паралич, наступавший в результате

повреждения черепа маканой, был вызван тем, что раздробленные черепные кости давили на мозговую ткань. Поэтому они и старались устранить у своих пациентов остатки поврежденной черепной коробки.

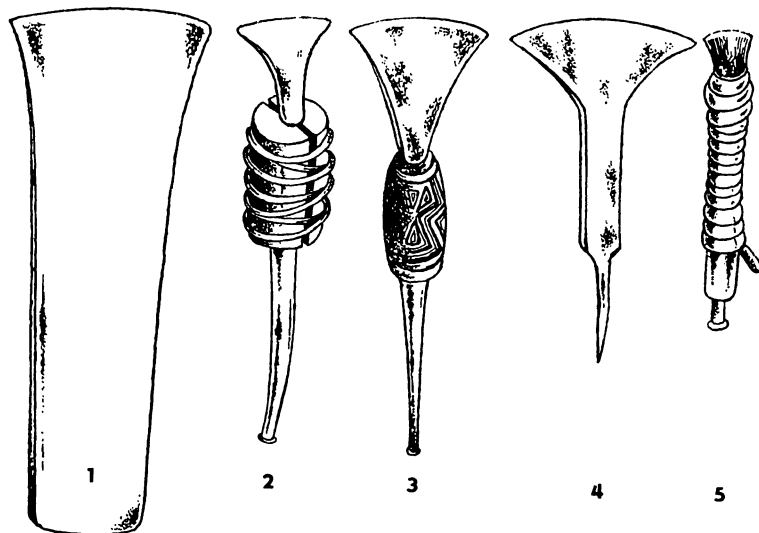
Древнеперуанские лекари, как инкские, так и доинкские, помимо операций на черепе, осуществляли и многие другие хирургические вмешательства. Так, на керамических сосудах, обнаруженных главным образом на северном побережье Перу, очень часто можно видеть изображения людей с ампутированными нижними конечностями. Подобную операцию очень часто делали здешним индейцам, в особенности жителям прибрежных (впрочем, не только этих), низинных районов страны, где водился червь *Eremia analoga*, очень часто внедрявшийся в стопы или же под ногти и откладывавший там яички. Эти гнусные червячки иногда причиняли перуанским индейцам такие невыносимо страшные боли в нижних конечностях, что врачам просто не оставалось ничего другого, как ампутировать пациенту больную ногу.

Инкские хирурги, конечно, делали и другие, менее серьезные операции. Кстати говоря, древнеперуанские лекари весьма своеобразным способом обрабатывали ранки, оставшиеся после некоторых операций: они прикладывали к ранке двух необычайно крупных местных муравьев, прижимали их, после чего эти муравьи вгрызались друг в друга своими огромными челюстями. Врачи отрывали головки муравьев и в буквальном смысле слова залепляли этими головками рану. Инкские врачи «ампикамайок» занимались также кровопусканием, вправлением вывихнутых суставов, вскрывали гнойники и тому подобное.

Для того чтобы ампикамайок мог делать свои операции, многие из которых нам сейчас представляются попросту фантастическими, ему, естественно, при-

ходилось применять средства для одурманивания больного или же по крайней мере средства местного обезболивания (локальная анестезия). Мы не знаем, ка-

рой содержат знаменитый алкалоид кокаин. Кстати говоря, автором первой научной публикации, познакомившей европейских врачей с кокой инков, был уро-

Некоторые из медицинских инструментов, найденные в могильниках древних индейцев Перу: 1—большой операционный нож, 2—скальпель с деревянной ручкой, 3—скальпель с костяной ручкой, 4—бронзовый «туми» для раздробления костей, 5—бронзовый скальпель

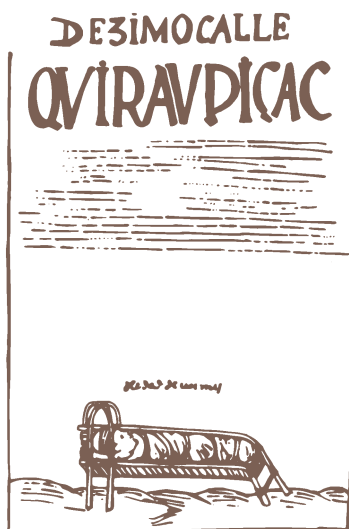
кими анестетиками пользовались инкские хирурги. Однако нам известно, какие они знали наркотики. Очевидно, именно их они и давали своим пациентам.

К числу наркотиков, известных инкским врачам, относился, к примеру, дурман (из рода *Datura stramonium*), из которого и современная медицина получает широко распространенный атропин, далее «айя уакак» (*Banisteria caapi*) из района перуанской Амазонки; из него получали три различных алкалоида, в том числе «уильку» («вильку») — в ботанической терминологии это *Piptadenia colubrina*. Семена уильки измельчали в порошок и нюхали.

В числе одурманивающих растений свое место занимала и кока, листья кото-

женец Моравии Зигмунд Фрейд, всемирно известный основоположник психоанализа, который в молодости сам пил коковое вино, тогда еще не подлежавшее запрету.

XXIII. Болезни гор, болезни низменности

Инкам были известны не только листья коки, содержащие проклятый алкалоид кокаин, они также знали и употребляли огромное количество других лечебных растений. Из всех многочисленных даров индейского Перу в мировой медицине особое распространение получил знаменитый перуанский бальзам, получаемый из местного бальзамового дерева (на языке кечуа «кина-кина»).

Перуанское бальзамовое дерево относится к семейству мореновых, к которому также принадлежит ценнейший из всех даров инкской медицины – хинное дерево, из которого получают до 30 алкалоидов. К их числу принадлежит и бесценное лекарство против страшной малярии – хинин (еще один из алкалоидов перуанского хинного дерева – хинидин – является известным средством для лечения сердечной аритмии).

Название «хинин», используемое и по сей день, образовано от фамилии графини де Чиньон – жены перуанского вице-короля, которая, как полагают, впервые привезла это индейское лекарство в Европу. Известно, что и сами инки, страдавшие от малярии, употребляли хинин для лечения этой болезни.

Помимо малярии, жители империи «сыновей Солнца» болели и некоторыми другими болезнями. Их перечень мы можем найти в иллюстрированной хронике Гуамана Помы. В том месте хроники, где ее автор пишет об инкском годе, он называет также и болезни, появляющиеся в те или иные месяцы.

Многие из болезней, упоминаемых перуанским хронистом, известны и в Евро-

Самый ценный дар древнего Перу медицине всего мира – хинное дерево

пе – например, подагра, различные заболевания, сопровождающиеся расстройством желудка, глазные болезни и т. д. Для некоторых из этих болезней Гуаман Пома приводит и их первоначальные кечуанские названия. В большинстве своем они очень красноречивы. Так, скажем, кечуанское название эпилепсии в переводе означает «он бьется». Болезни почек, мочеточников отнюдь не двусмысленно называются «источник перестал течь». Заболевание, которое, судя по всему, является малярией, называется «чередующаяся болезнь» и т. п.

Некоторые болезни инков в Старом Свете, к счастью, неизвестны. К их числу относится жесточайший южноамериканский лейшманиоз – в Перу он и сейчас еще называется «ута». Сами же инки называли эту болезнь весьма поэтично – «красное облачко». Болезнь ута, напоминающая по своим внешним проявлениям лепру, проказу, сопровождается появлением на носу и на губах большого безобразных язв, края которых окрашены в красный цвет (отсюда и название «красное облачко»). Язвы эти оставляют на лице страшные шрамы.

Если ута была болезнью, распространенной в низменных районах Перу, то другая болезнь инков – «верруга» (иногда ее также называют болезнью Кариона) – встречается у жителей гор. На коже индейцев, больных верругой, также образуются язвы, которые кровоточат до тех пор, пока больной в конце концов не умирает от большой потери крови и общего истощения.

Основной причиной ряда заболеваний, по мнению инков, был грех, совершенный больным. Вот почему в империи инков лечением в первую очередь занимались те, кому были подвластны сверхъестественные силы, кто боролся с грехом, то есть жрецы. Здоровье знати и самого владыки оберегали жрецы-врачи из числа амауту, о здоровье же народа

пеклись служители культа нижнего звена – травники и просто знахари.

Народные целители у инков пользовались приемами, известными и в ряде других областей индейской Америки. Так, например, они долго высасывали что-то из тела пациента, пока им не удавалось высосать источник болезни: змею, различных червей, пауков, маленьких ящериц или же камень какого-либо особенно яркого цвета и т. д.

Наряду с врачами-целителями, травниками и знахарями в империи инков были и акушерки, в ведении которых находилась гинекология. Этой специфически «женской отраслью» медицины в Тауантинсуйу занимались исключительно женщины. Акушерками (на языке кечуа «уачачикок») эти женщины становились совсем не потому, что они получали специальное образование, – просто им являлись различные видения, сны. Иными словами, они получали, как бы мы сейчас сказали, потусторонние импульсы. Кроме того, в Тауантинсуйу гинекологами становились женщины, которые отличались «женской силой в этой области», то есть тем, что родили двойню или же – что еще лучше – тройню, а может, и четырех детей. При дворе Инков в число основных обязанностей этих уачачикок входил регулярный массаж наружных гениталий жен и наложниц владыки.

В Тауантинсуйу, где Инка в еще большей степени, чем Людовик XIV во Франции, имел право гордо провозгласить: «Государство – это я», здоровье владыки, а также здоровье его жен – и в первую очередь здоровье официальной жены, койи, – буквально было делом всего народа. Но если все же случалось, что Инка заболел, это означало, что постигшая его болезнь вызвана отнюдь не собственными прегрешениями «сына Солнца». Куда там! Ведь он – посланник Солнца на земле – вообще был безгрешен. Во всем были виноваты граждане

его империи, их прегрешения. Как полагали инки, болезнь кусканского «сына Солнца» представляла угрозу здоровью и счастьем всех подданных государства. Именно поэтому за быстрое выздоровление властелина молилась вся страна. Если же и молитвы всего народа не могли вернуть Инке здоровье, тогда шли в ход жертвоприношения. Во имя здоровья властителя государства приносили в жертву жизни других людей, прежде всего детей.

Итак, вся империя преклась о здоровье правителя. Один из самых главных праздников и вместе с тем основных обрядов инкского года, знаменитая «ситуа», всегда отмечался в период весеннего (то есть здесь, в южном полушарии, сентябрьского) равноденствия и был посвящен сохранению здоровья граждан империи, отвращению всяческих эпидемий от врат государства «сыновей Солнца».

Праздник ситуа праздновали в столице государства – в Куско, – однако обряд очищения как таковой должен был принести благо и дать здоровье всем жителям империи инков, в том числе населению самых заброшенных и отдаленных селений. Перед началом ситуа из Куско изгонялись собаки, а также все «нечистые люди», то есть лица, страдающие неизлечимыми болезнями, а наряду с ними слепцы и калеки, проживавшие в столице.

Праздник начинался в новолуние, перед храмом бога Солнца, в стенах которого правитель империи долгое время постился. Когда на небо восходил серебряный месяц, из золотой Кориканчи выходил и сам Инка. На площади перед храмом появления владыки ожидали 400 воинов, обращенных лицом ко всем четырем сторонам света.

Когда Инка предстал перед своим народом (месяц в это время полностью восходил на небе), солдаты, а вместе с ни-

ми собравшаяся на площади толпа начинала кричать: «О болезни, подите прочь из нашей страны! Вон, вон, вон!»

После этого четыре представителя царствующей семьи вручали воинам, ожидавшим Инку перед храмом, четыре украшенных золотыми подвесками и перьями попугаев копья. Вслед за этим солдаты с этими копьями устремлялись от ворот Храма Солнца на четыре стороны света – как бы в те четыре страны, совокупность которых и составляла Тауантинсуйу. Первый бегун, пробежав определенное расстояние, передавал копье другому воину. Так эта необычная «здравоохранительная эстафета» и продолжала свой бег во всех четырех направлениях до ближайшей большой реки.

Последние участники этой эстафеты умывались в водах четырех рек и чистили свое оружие. В праздник ситуа народ империи должен был купаться, чтобы очистить себя от грехов. В знак очищения следовало также намазать особым способом приготовленной кукурузной кашей и все амбары, колодцы и даже тела мумий.

Так, согласно ритуалу обряда ситуа, очищалась вся страна инков. По твердому убеждению жителей империи, на целый год до следующего праздника очищения из их государства были изгнаны эпидемии и прочие недуги, угрожавшие здоровью. Теперь Тауантинсуйу могло спокойно жить дальше.

XXIV. Острова священного озера

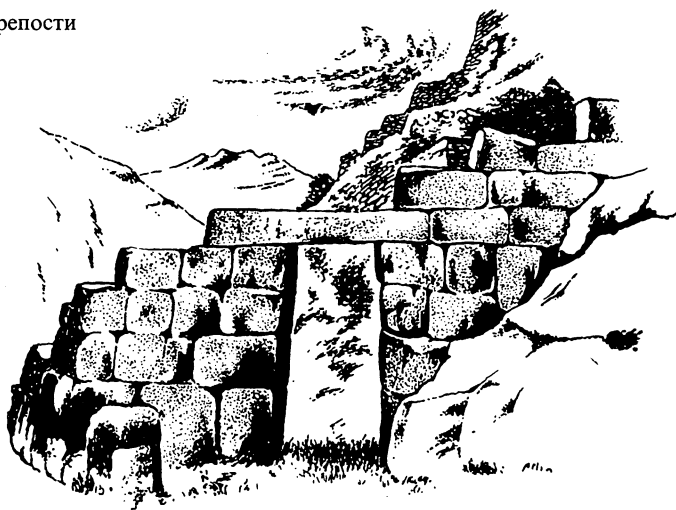
Империю инков уничтожили отнюдь не болезни. Ее уничтожили испанские завоеватели, явившиеся незваными гостями. Гордые своей более развитой цивилизацией, они рвались захватить империю, чтобы лишить ее накопленных сокровищ.

Как Кортес в Мексике, так Писарро и его последователи в Перу очень многим поживились у инков. Однако им не удалось украсть одного – постройки «сыновей Солнца», их города. Куско после завоевания его европейцами подвергся большой перестройке. На фундаменте дворцов и храмов, а иногда и прямо на опорных стенах испанцы принялись возводить в Куско собственные святилища и дома. Однако, к счастью, многие из первых посетителей Куско инков сохранили для нас описание его исконного, до-

колониального облика. Другие города инков, по крайней мере наиболее значительные сооружения, сохранились в Перу в своем первозданном – как при инках – виде. Вот почему, глядя на разрушенные дворцы, храмы и крепости некогда великолепных городов, мы и сейчас можем достаточно наглядно представить себе, какова была архитектура «сыновей Солнца».

В отличие от построек, возводимых, к примеру, майя, которые оставили после себя в Центральной Америке десятки пирамид и дворцов, богато украшенных великолепными фасадами, фризами, а иногда даже и росписями, произведения инкской архитектуры кажутся хотя и более монументальными, однако вместе с тем и более будничными. Первое, что бросается в глаза при виде сооружений инков, – это то, что на них совсем нет никаких украшений и что многие из них, например крепость Саксауаман, построены из огромных каменных блоков. Эти блоки, хотя и ничем не скреплены, тем не менее пригнаны настолько плотно и точно друг к другу, что даже сейчас – более 500 лет спустя после их возведения – невозможно просунуть между этими многотонными глыбами ни лезвие ножа, ни даже еще более тонкое лезвие бритвы. Все эти некогда столь монументальные постройки, вся архитектура инков в своей основе изначально восходит к весьма примитивным строениям индейцев Анд, которые состояли из одного помещения. Комплекс зданий, расположенных вокруг квадратного внутреннего двора (на языке кечуа он называется «канча»; это слово встречается в целом ряде названий сооружений, воздвигнутых, к примеру, в Куско), очевидно, и лег в основу застройки всех инкских городов, как правило состоящих из нескольких квадратных или прямоугольных канча.

За период своего правления, продолжавшегося более трех-четырёх столетий,

«сыновья Солнца» значительно продвинулись в архитектуре: от примитивных крестьянских жилищ до ошеломляющих сооружений типа, например, знаменитых «циклопических стен», возводимых обязательно из отшлифованного камня. Неброская монументальность, огромные массы великолепно обработанного строительного материала – все это и сегодня при посещении городов инков производит огромное впечатление и вызывает чувство большого уважения к их создателям.

Постройки инков являются еще одним убедительным доказательством великолепных организационных способностей правителей этого государства. Гигантские сооружения «сыновей Солнца» строились довольно быстро; владыки Тауантинсуйу имели возможность направить, к примеру, на перестройку Куско или на сооружение заградительного щита – крепости Саксауаман – сразу несколько десятков тысяч человек.

Хотелось бы привести еще несколько данных об архитектуре «сыновей Солнца». Но прежде позволим себе сделать одно существенное уточнение: все обще-

ственные постройки – дворцы, святилища, курортные резиденции, склады, крепости, а также упоминавшиеся выше шоссе, мосты, тамбо, громадные террасы по склонам гор – возводились по инициативе правителей империи.

Возводимые в различных частях государства постройки, имевшие одно и то же функциональное назначение, были очень похожи друг на друга. На всей территории империи «сыновей Солнца» строительство осуществлялось по одобренному Инкой и тем самым узаконенному типовому образцу. Инкские урбанисты руководствовались едиными принципами и при застройке городов. Все дороги и улицы в них всегда сходились к центральной площади, окаймленной главными зданиями города, то есть резиденцией владыки, домами высшей знати (например, правителя соответствующей провинции), Храмом Солнца, домом «невест Солнца» и т. д. Говоря о городах, следует сказать, что все они застраивались по образцу урбанистского плана Куско, то есть, по сути дела, были его копией. Так примерно и римляне на всей территории империи строили города по

плану своей столицы над Тибром.

В Тауантинсуйу руководство строительством было возложено на профессиональных архитекторов, назначенных государством. Инкские строители возводили сооружения в соответствии с макетами, заранее изготовленными из глины. При этом строителями использовался какой-то особый передвижной измерительный прибор. Интересно, что именно инками был изобретен отвес («уапаиси»).

Инкские архитекторы умели строить только одноэтажные или же двухэтажные здания, в исключительных случаях возводились здания трехэтажные. Окна и входы в этих зданиях имели трапиевидную форму. В стенах находились также трапиевидные ниши. Ниши эти, по сути дела, заменяли инкам шкафы. Крыши домов покрывались соломой, реже – деревом. Крыши дворцов Инки, а также крыши святилищ Солнца зачастую покрывали золотой проволокой или же золотыми и серебряными пластинами.

У инков строительным материалом был камень или же необожженный кир-

пич-сырец. Камень – основной строительный материал, использовавшийся при сооружении всех гражданских построек «сыновей Солнца», – также обрабатывался исключительно камнем, точнее, каменным долотом. Последнее обстоятельство, пожалуй, покажется совершенно невероятным для тех, кто побывал в сохранившихся городах перуанских индейцев и видел там превосходно обработанные многотонные каменные блоки. Впрочем, восхищения заслуживает и транспортировка строительного материала: гиганты из андезита или же порфира – притом не один, а целые тысячи и даже сотни тысяч блоков – инки доставляли на свои стройки издалека.

Каменоломни инков были разбросаны по всему Перу. Так, для строительства столицы империи камень доставляли или из Уакота (примерно в 15 километрах от Куско; там же добывали и черный андезит), или еще дальше, из района, где находился мелкозернистый камень, шедший на строительство зданий особого назначения, например дворца владыки в Куско. Выше мы не раз говорили о Куско, о прилегающем к нему Саксауамане, о Кенко, так называемом «курорте Инков», а также о некоторых иных сохранившихся постройках, которые располагались на более или менее отдаленном расстоянии от столицы империи. Сейчас речь пойдет о других, не менее убедительных доказательствах мощи империи, об аргументах, «вытесанных из камня», – сокровищах инкских городов, дворцов и храмов, которые не удалось полностью стереть с лица земли ни Писарро, ни ему подобным авантюристам.

С первыми сокровищами Тауантинсуйу, изваянными из камня, мы встречаемся в том месте, откуда, если верить легенде, началось странствование первых Инков – Манко Капака и его жены Мама Окльо – в поисках Куско, в поисках вздымающейся до небес славы и мощи «сыно-

Трапиевидные входы и ниши являются одной из самых характерных особенностей построек всех инкских городов

вей Солнца», то есть у берегов священного озера Титикака. Именно здесь, как повествует другая легенда, великий Кон-Тики Виракоча и сотворил Солнце.

Древнеперуанские легенды о сотворении Солнца и других небесных светил, а также мифы о сотворении людей обычно связаны с городом Тиауанако, что находился неподалеку от озера Титикака. Следует, однако, отметить, что приозерный Тиауанако возник задолго до появления инков. Буквально в самом центре этой прекрасной высокогорной чаши плавают два острова, на которых находится несколько великолепных архитектурных памятников, созданных «сыновьями Солнца». К счастью, эти творения сохранились в довольно хорошем состоянии, поскольку их оберегали не только сами инки, но и здешний высокогорный климат, а также километры и километры водных просторов, окружающих со всех сторон острова.

Первый из двух островов священного озера, привлекающих наше внимание своей архитектурой, называется остров Солнца. Впрочем, так он стал называться лишь в наши дни. В доколумбов период именно этот остров местные индейцы называли Титикака. На языке аймара, на котором говорит большинство местных жителей, слово «тити» означает «пума», а «кака» — «скала». Таким образом, название острова (а сейчас и название всего озера) означает «скала Пумы» или «утес Пумы». Название этого священного для индейцев острова по воле инков стало и названием всего большого озера в Андах, — озера, длина которого составляет 200 километров, а ширина — 65 километров. В водах этого озера и плавает Утес Пумы.

Во времена инков Утесом Пумы на острове Солнца была, судя по всему, скала, величественно возвышающаяся на его северо-западной оконечности. Во времена правления «сыновей Солнца» до-

ступ в это священное место имели исключительно представители королевского айллю. И никто другой! Чтобы скала не разрушалась, инки буквально всю ее одели в огромный чехол из тончайшей викуньей шерсти, которая исконно предназначалась только для изготовления одежды Инки и знатных вельмож государства.

Внутри этой священной скалы, одетой в чехол из шерсти викуньи, находилась пещера, да не одна, а целая система связанных друг с другом пещер. Именно тут Инка совершал самые важные обряды и приносил жертвы своему небесному отцу — Инти. В пещерах Скалы Пумы стены всех ее залов сверху донизу были облицованы золотыми пластинами.

Кроме Утеса Пумы — самого священного на острове места, предназначавшегося исключительно для владыки и его семьи, — здесь находится ряд творений архитектурного искусства инков. Прежде всего это Храм Солнца, дом «невест Солнца» и, наконец, дворец, построенный при Тупаке Юпанки. Инка Тупак Юпанки приказал построить на острове святилище, посвященное жене и сестре божественного Солнца — небесной койе. Вот почему этот храм и называется Интикойя, то есть «койя бога Солнца».

Здание Интикойи имеет три этажа. На первом этаже располагаются 12 различного размера помещений. Между вторым и третьим этажами нет лестницы, сюда можно попасть лишь через террасу, которая находится на внешней стороне Интикойи.

Как рассказывает легенда, именно на этом священном острове столь же священного озера, острове Солнца, как его ныне называют местные индейцы, Виракоча и сотворил Солнце и Луну. Луне посвящен второй священный остров на озере Титикака — Коати (на языке аймара «койята» — «место койи», то есть жены Инки).

Коати – остров Королевы – гораздо меньше острова Солнца. Тем не менее и на нем вплоть до наших дней сохранились развалины сооружений инков, заслуживающих внимания. У небольшой пристани, в том самом месте, где во времена инков высаживались паломники, стоит ряд небольших построек. Видимо, в них совершали ритуальное очищение верующие, направлявшиеся на священные острова озера. Именно поэтому эти постройки не без основания называются ныне «Врата очищения».

На противоположной стороне Коати – на его северном берегу – возвышается его самое великолепное сооружение – полукруглый дом «избранниц Солнца». Настоятельница акльяуаси на Коати – чтобы подчеркнуть святость этого легендарного места – всегда была сестра Инки. Владыка империи, помимо всего прочего, поручал «невестам Солнца» на Коати заниматься одним весьма прозаичным делом: готовить для него из местной кукурузы и лебеды киноа высококачественную чичу.

Великолепный дом «избранниц Солнца» на острове Коати, так же как и «лунный храм» Интикойя, имеет три этажа. На первом этаже прибежища девственниц находится 35 помещений. Судя по всему, здешний дом акльяуаси вопреки традициям инкской архитектуры был украшен лепной скульптурой, а возможно, даже росписями.

Размеры озера, а также изолированность – во всяком случае, в былые времена – этих высокогорных мест спасли от уничтожения как постройки, находившиеся на острове Луны, так и остатки дворца Титикака. Здесь, если верить легенде, появилось на свет золотое Солнце инков, на его островах сохранились – на радость очарованным современникам – великолепные сокровища – сокровища замечательной архитектуры инков.

XXV. Жемчужная цепь Вильканоты

Священные острова, украшенные дворцами и храмами инков, плавают в столь же священном озере, расположенном далеко к югу от Куско, столицы государства, города, который, по убеждению инкских географов, был не только «пупом мира», но и настоящим его центром. К югу от столицы «сыновей Солнца» находятся и другие творения архитектуры инков, например город Кача, а в нем уже упоминавшийся нами ранее большой храм бога-творца Виракочи.

Однако подлинные сокровища инкской архитектуры – целая цепочка городов «сыновей Солнца» – сохранились к северу от Куско, в бассейне перуанской реки, имевшей очень важное значение в жизни индейцев. В зависимости от того, где протекала эта река, местные жители именовали ее по-разному, поэтому она имеет несколько названий: Юкай, Урубамба и,

наконец, верховье этой реки, что вблизи Куско, Вильканота.

Название Вильканота, в особенности первая его часть – «вилька» («уилька»), представляется нам небезынтересным. «Вилька», или, как иногда пишут, «уилька», на языке кечуа означает дерево, из семян которого «сыновья Солнца» получали ценный наркотик с тем же самым названием. Этот наркотик размельчали в порошок и нюхали.

Субтропические заросли дерева уилька, имевшие большую ценность для инков, в Перу располагались как раз в бассейне реки, называвшейся точно так же, как и дерево, дающее столь излюбленный наркотик. В бассейне этой реки, правда, возможно, несколько ниже по ее течению находился отнюдь не выдуманный, а реально существовавший город, ставший в период испанского завоевания страны столицей инков. Этот никем не обнаруженный, укрытый в джунглях, не покорившийся завоевателям город назывался Вилькабамба, то есть опять-таки включал в себя название наркотика инков. Именно отсюда уцелевшие «сыновья Солнца» долгое время оказывали ожесточенное сопротивление новым хозяевам своей страны.

О поисках Вилькабамбы, этой исчезнувшей в джунглях столицы инков, – инков, которые пережили ужас Кахамарки, пленение владыки Атауальпы, вскоре пойдет речь. Поиски исчезнувших городов «сыновей Солнца» относятся к числу самых волнующих страниц в изучении всей древнеперуанской культуры, ее великолепных сокровищ.

Как полагают некоторые, Вилькабамба поздних инков расположена где-то далеко на севере, в бассейне упомянутой реки, вдоль русла которой, подобно жемчужному ожерелью, один за другим, нанизаны города «сыновей Солнца», с их бесчисленными замечательными памятниками архитектуры.

Цепочка городов инков, находящихся в течении рек Вильканота и Урубамба, со всей полнотой демонстрирует нам достижения архитектурного искусства индейской Америки. Примечательно, что все эти города расположены на относительно небольшом участке по течению реки.

Некоторые из городов еще недостаточно изучены археологами. Сказанное относится, например, к городу Инти-Пата, представляющему собой ряд террас, поднимающихся вверх по склону речной долины на несколько сотен метров. В застройке этих городов иногда можно видеть такие новшества в архитектурном искусстве инков, которые до сих пор нигде не встречались. В качестве примера можно привести город Рунку-Раккай, в котором находится небольшой, крестообразный в плане дворец с круглым двором перед ним.

Подлинной жемчужиной среди городов инков, расположенных в течении реки Вильканоты, является самый первый из них, стоящий ближе всего к Куско. Это город Писак, парящий в вышине над бурлящим течением реки. И хотя город находится недалеко от Куско, тем не менее туристам, посещающим эту часть Перу, почти никогда не удастся увидеть Писак инков – эту обширную зону археологических раскопок. Дело в том, что город «сыновей Солнца», о котором мы ведем речь, находится высоко в горах, возвышаясь над одноименным селением нынешних кечуанцев.

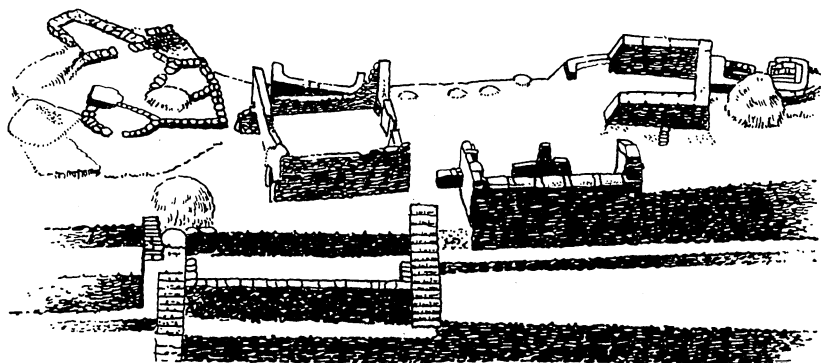
Город Писак, в который можно добраться только пешком, расположен на высоте около трех тысяч метров (а самое священное место в Писаке – пункт наблюдения за Солнцем – «интиуатана» находится на высоте 3018 метров над уровнем моря), на его большой территории видны развалины многих строений. По своей площади Писак почти так же велик, как и Куско. (Название его, как и название Саксауamana, происходит от на-

именования перуанской птицы, в данном случае писакку.) Достопримечательностью города являются мощные циклопические стены, построенные из огромных каменных блоков, а также самые большие трапециевидные, столь характерные для инков ворота. Здесь же можно видеть прорубленный в скале тоннель, назначение которого для нас до сих пор не вполне ясно.

Центром Писака был его «священный участок», в середине которого находился пункт наблюдения за Солнцем – типичная для инков интиуатана, которую строители города вытесали прямо в скале. По соседству с ней расположены дворцы и храмы города. Это прежде всего Храм Инти – божественного Солнца, затем святилище Луны, храм Радуги. На этом же священном участке и прямоугольная платформа, назначение которой нам не совсем понятно. Рядом с ней расположена писакская резиденция Верховного жреца империи.

В числе достопримечательностей Писака исключительное место занимают его могильники – Тантамарка (дословно: «место плача») и в особенности Анатачака («медный мост»). Упомянутая Анатачака является самым большим из известных нам могильников времен инков. Он насчитывает 40 метров в длину и 1000 метров в ширину. В его состав входят десятки мавзолеев, каверн и других могил. Уже одно это говорит о том, насколько большим городом должен был быть Писак.

Можно лишь сожалеть (хотя, возможно, в этом и заключается его счастье), что большой город инков Писак так труднодоступен. Кроме горстки археологов (в последнее время и они здесь не работают систематически) да случайного пастуха лам, путник, предпринявший столь тяжелое пешее восхождение, вряд ли встретит в Писаке живую душу. Ничто не нарушает одиночества этого затерянного в горах мира.

Так называемая
Амару-Пульку
в Писаке

XXVI. Города и легенды

На автора этих строк Писак, как и священные острова озера Титикака, произвели такое впечатление, будто они — творение какого-то другого мира, мира легенд. Не случайно о рождении этого города нам повествует одна из самых поэтичных легенд индейского Перу. В ней рассказывается о том, что строительство Писака связано с двумя влюбленными — юношей Асто Римаком и принцессой Инсиль Чумби. Принцесса была дочерью «короля» Уальяпумы, который правил в Писаке и на прилегающей к нему территории в тот период, когда «сыновья Солнца» еще не присоединили к себе эту часть течения реки Вильканота.

Тогда через реку не было моста, и король Уальяпума, находясь в Писаке, не мог перебираться на другой берег реки, когда ему вздумается. Однажды, когда у короля Писака родилась дочь Инсиль

Чумби, местная уака «поведала»: принцесса вырастет, и ее мужем станет тот, кто сумеет укротить реку Вильканоту и связать ее каменным мостом, построенным всего за день.

Инсиль Чумби выросла красивой молодой девушкой. Руки ее добивались знатные молодые люди из самых разных уголков света. Но сердцу принцессы был мил только один — юноша Асто Римака. Влюбленные поклялись в верности друг другу, и молодой человек попросил у Уальяпумы руки его дочери. Владыка согласился, поставив, однако, условие: Асто Римака должен был выполнить то, о чем говорилось в давнем пророчестве.

Претенденту на руку принцессы надо было за один-единственный день построить через Вильканоту каменный мост. Инсиль Чумби в это время должна была подняться на самую вершину горы в Писаке, туда, где сейчас находятся развалины дворцов и храмов этого большого инкского города. Поднимаясь на гору, принцесса не смела оглядываться назад, чтобы видеть, успешно ли продвигается работа любимого.

Вот каким испытаниям подверглись влюбленные из Писака. Асто Римака приносил и бросал в реку одну за одной огромные каменные глыбы. Принцесса же тем временем поднималась все выше и выше по крутым склонам, устремляясь к отдаленной вершине писакской горы. Ее страх за милого, за исход его дела возрастал с каждым мгновением. И когда принцесса уже почти достигла вершины горы, она не устояла и обернулась. В это мгновение исполнилось давнее пророчество: на девушку обрушились камни с соседних вершин и она сама превратилась в камень. Окаменел и Асто Римака в наказание за провинность своей возлюбленной.

Бурные воды реки разметали во все стороны недостроенный юношей мост через Вильканоту. Однако, как говорит

далее легенда, из камней, обрушившихся на принцессу, через некоторое время возник большой город, прекрасный Писак, который плывет высоко в облаках над роковой рекой, над унесенным ее водами недостроенным каменным мостом Асто Римака.

Другие города «сыновей Солнца», развалины которых сохранились в этой части Перу, тоже как будто овеяны легендами. К ним относится, например, и город Морай, находящийся на высоте 3,5 тысячи метров и до сих пор детально не изученный археологами. Этот город был обнаружен с самолета в 1930 году первой авиационной археологической экспедицией, работавшей в Южной Америке. В состав экспедиции входили восторженные любители, возглавляемые американцами Шиппи и Джонсоном. Морай представляет собой четыре концентрические окружности и напоминает огромный, самой природой Перу сотворенный римский Колизей, имеющий в высоту 150 метров.

Очень много памятников инкской архитектуры сохранилось и в другом индейском городе, расположенном в этом регионе. Это город Чинчеро, излюбленное место отдыха Инки Туака Юпанки. Впрочем, тщательное археологическое обследование этого города весьма затруднено тем обстоятельством, что многие нынешние его жители – индейцы-кечуа – живут непосредственно в строениях своих предков. Наряду с жилыми домами в Чинчеро находится ряд святилищ и жертвенников, вытесанных прямо в скале. Самый интересный из них – Тетикака, состоящий из вырубленных в скале лестниц, лавок и кресел. Заслуживают внимания и изображения змей и ягуаров на скалах.

Выше мы уже говорили об Ольянтайтамбо, который на протяжении длительного времени являлся самым известным из всех больших и малых инкских горо-

дов в районе Вильканота-Урубамба. С этим городом также связана одна из легенд, трогательно повествующая о верной любви полководца Ольянта и принцессы Куси Койлюр. Говорят, что как раз тут после ухода из Куско обосновался герой знаменитой древнекечуанской драмы. Как полагают, именно из этой крепости, возвышающейся над городом, который теперь носит его имя, Ольянтай и начал свою борьбу против Инки и будто бы именно здесь побунтовавшие подданные «сыновей Солнца» и избрали (!) Ольянта новым владыкой империи.

Впрочем, многие исследователи сомневаются в реальности героя народного эпоса, этого мужественного полководца. Существование же Ольянтайтамбо ни у кого сомнений вызвать не может. Он и сейчас возвышается, как возвышался пять столетий тому назад, над бурной рекой Вильканота (в этом месте ее чаще всего называют Урубамба), смотрится в ее воды и вспоминает былые времена своей великой славы.

По-видимому, Ольянтайтамбо, со всеми его селениями и крепостями, был столицей одной из провинций, расположенной на этом участке течения реки. Именно здесь начиналась дорога в тропические джунгли, где во времена инков жили подданные империи – кечуанские племена, которые поставляли в Куско в качестве подати многочисленные дары своей теплолюбивой родины. Именно здесь, в этом месте, имевшем ключевое значение для империи с ее военными замыслами, и вырос примерно в 1450 году большой город, ядром которого были 18 жилых блоков, состоящих из двух жилых помещений. В этих домах, так же как в Чинчеро, индейцы Ольянтайтамбо живут и поныне.

Высоко над городом, расположенным на берегу реки Урубамбы, возвышается отграниченная от жилых кварталов Ольянтайтамбо рядами прекрасно распо-

женных террас, анденес, большая военная крепость Ольянтайтамбо – цитадель, основная часть которой вытесана прямо в скале.

Разбросанные тут и там блоки из порфира говорят о том, что строительство этой военной крепости ко времени прихода первых испанцев (они добрались сюда лишь спустя четыре года после битвы у Кахамарки и последующего за ней пленения Инки Атауальпы) далеко еще не было завершено.

На вершине, на самых верхних ступенях огромной лестницы, состоящей из прекрасно построенных террас, с виду слегка напоминающих мексиканские ступенчатые пирамиды, находятся храмы Ольянтайтамбо и среди них развалины так и незаконченного главного святилища этого большого города. Тут – на самом верху Ольянтайтамбо – и находится самое загадочное, что есть в этом городе. Здесь поднимаются вверх шесть колонн, сделанных из прекрасного розового порфира. Каждый из этих монолитов весит около 50 тысяч килограммов. Остается неясным, как индейцы доколумбовой эпохи сумели доставить сюда, на большую высоту, эти громадные каменные блоки, добытые в каменоломнях, находящихся на противоположном берегу реки. Возникает и другой, еще более важный вопрос: какое назначение имели эти розовые, крайне тяжелые каменные монументы? Вне всякого сомнения, это было нечто иное, чем те примитивные обсерватории инков, использовавшиеся для определения точного времени равноденствия или же солнцестояния, то есть по типу тех, что, к примеру, находились в Куско.

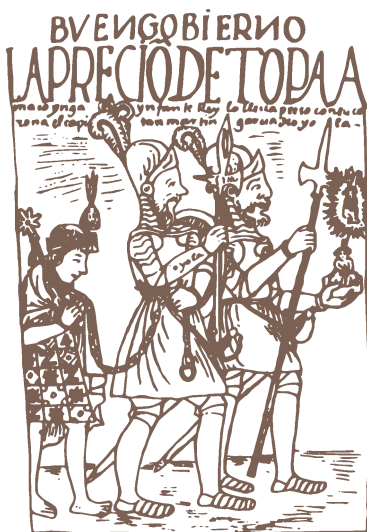
Весьма возможно, что порфиновые гиганты Ольянтайтамбо служили опорными блоками неоконченного храма. Не исключено также, что они относятся еще к доинкскому периоду и что Ольянтайтамбо уже тогда был чем-то вроде мегалити-

ческого святилища, в котором находились древнеперуанские «долмены» или же «менгиры». Впрочем, как полагает современный перуанский исследователь Луис Пардо, эти огромные камни могли использоваться как гигантские розовые зеркала высотой в 4 метра и шириной в 1,5 метра. Эти зеркала, видимо, производили на собиравшихся здесь верующих магическое впечатление, особенно тогда, когда в них отражались лучи Солнца, еще более ослепительные от белизны окружающих андских ледников.

Помимо шести розовых зеркал, в этом городе некогда находились и 100 золотых статуй. Они были поставлены тогда, когда империю постигла страшная засуха. Тогда-то Инка Пачакути решил вызвать дождь именно с помощью этих золотых фигур, будто бы наделенных сверхъестественной силой. Владыка распорядился поставить эти статуи на центральной площади Ольянтайтамбо. Инка «приказал» золотым статуям вызвать не позднее чем через три дня дождь, однако, невзирая на приказ властелина, дождь не пошел. Через три дня статуи в наказание были обезглавлены на площади Ольянтайтамбо.

В городе Ольянтайтамбо есть и еще одна достопримечательность, подтверждающая назначение этого города быть священным местом: в нем захоранивались королевские сердца. В то время как тела Инков и их супруг бальзамировали и тем самым превращали в мумии, местом пребывания которых и после их смерти была столица империи, то сердца королей и королев Тауантинсуйу захоранивали на вечные времена в землю в совсем другом месте. Это происходило именно в этом краю легенд, в городе Ольянтайтамбо. Здесь, в земле священного Ольянтайтамбо, покоятся не только каменные гиганты недостроенных храмов, но и нежные, маленькие сердца королей и королев инкского Перу.

XXVII. Спрятанные сокровища

Дальше селения Ольянтайтамбо – места погребения королевских сердец – Вильканота-Урубамба образует все более углубляющуюся долину, склоны которой, покрытые густыми, почти непроходимыми джунглями, поднимаются высоко к небу. Некоторые исследователи полагали, что именно тут ожидает будущего первооткрывателя упоминавшаяся выше столица не покорившихся испанцам инков, над которой джунгли сомкнули свой непроницаемый зеленый свод. (Впрочем, ныне эта точка зрения уже не является преобладающей.) В этом месте, как они утверждали, скрыты неисчислимые золотые сокровища «золотой страны», – сокровища, которые, к счастью, не все попали в руки конкистадоров.

Согласно одной версии (которая, естественно, очень будоражит искателей утраченных индейских сокровищ), когда

испанцы столь коварно захватили в плен Инку Атауальпу, на пути в Кахамарку находился караван из семи тысяч лам, навьюченных золотыми предметами и украшениями. Когда индейцы, ведшие караван, узнали о пленении владыки, они, как утверждают, отвели караван лам в другое место, в инкский город, который будто бы – подчеркиваем слово «будто бы» – находился где-то по течению реки Урубамбы. Там и был тщательно укрыт весь золотой груз.

Согласно другой из бесчисленных «золотых версий Перу» – на наш взгляд, она наиболее правдоподобна, – золотые сокровища были привезены из Куско в загадочный, исчезнувший, однако некогда действительно существовавший город Вилькабамбу братом Атауальпы, Манко II, который вначале для виду сотрудничал с испанцами, однако потом с большим количеством своих приверженцев неожиданно покинул город и возглавил великую освободительную войну.

Именно слух о золотых сокровищах инков и привел в поросшие джунглями горы у реки Урубамбы молодого американского историка Хайрема Бингема, сотрудника знаменитого Йельского университета, который, работая в высшем учебном заведении, занимался совсем другими периодами истории Южной Америки, прежде всего колониальной историей креолов и антииспанской борьбой их славного вождя Симона Боливара.

Примечательно, что дед ученого, Хайрем Бингем-старший, в начале XIX столетия был первым христианским миссионером на Гавайских островах. У коренного населения Гавайев он пользовался очень плохой репутацией из-за своего религиозного фанатизма и стремления любой ценой искоренить дьявольские поверья полинезийских язычников.

Фанатик Бингем прибыл тогда на Гавайи из своей родной Новой Англии. Спустя несколько десятилетий Хайрем

Бингем-младший, родившийся на Гавайях, вернулся в Новую Англию, на родину своего деда. Внук миссионера, носивший имя своего деда, который насаждал евангелизм на самых прекрасных островах мира, начал работать в Новой Англии в знаменитом Йельском университете, где и занялся изучением колониальной истории Нового Света. Позднее, уже после того, как он внесет свой вклад в историю изучения прошлого доколумбовой Америки, он не раз сменит область интересов и в каждой из этих областей достигнет больших успехов. Вскоре после вступления Соединенных Штатов в первую мировую войну Хайрем Бингем становится выдающимся военным летчиком. Он даже был назначен командиром крупнейшей авиационной школы союзников во Франции. После окончания войны Бингем ринулся – и вначале даже успешно – в политику. В конце концов этот «пришелец» с Гавайских островов в Новой Англии становится губернатором штата Коннектикут, а впоследствии его даже избирают в американский сенат.

Великан, почти двухметрового роста, летчик, губернатор, сенатор, хороший солдат и отличный альпинист, он прожил почти сто лет. Пока Хайрем Бингем был молод и не занимался ни полетами, ни альпинизмом, ни политикой, он полностью отдавал себя своей первоначальной профессии – изучению истории колониальной Южной Америки. В 1909 году ему впервые представляется возможность посетить этот район мира: он принимает участие в одном из конгрессов историков в Сантьяго-де-Чили. Свое пребывание в Чили он использовал для того, чтобы посетить граничащие с Чили южноамериканские республики.

Фортуна привела молодого историка в горы в бассейне рек Урубамбы и Апуримака. Тогдашний префект этой перуанской области убедил Бингема, что раз уж он попал в их края, то как историк дол-

жен отправиться и в здешний труднодоступный, но уже известный город Чокекира, который мог быть, по мнению этого образованного перуанского чиновника, исчезнувшей столицей свободных инков – Вилькабамбой.

Однако Бингема кто-то уже обошел. Другие, анонимные искатели индейских сокровищ умудрились даже взорвать динамитом стены инкских построек в Чокекире. Кроме того, хорошо разбираясь в истории Америки, Бингем был уверен, что этот город даже в силу своих небольших размеров не мог быть исчезнувшей Вилькабамбой восставших против испанцев подданных «сыновей Солнца».

Тайна Вилькабамбы, разгадку которой нащупал Бингем во время своего короткого посещения Чокекиры, запала в сердце молодого исследователя. Он буквально загорелся страстью найти утраченные сокровища инков, сделанные как из камня, так и из золота. Эта страсть была столь велика, что он собрал большую экспедицию, состоявшую из специалистов, и раздобыл для нее необходимые деньги. В 1911 году Бингем во главе этой экспедиции отправился в долину дикой реки Урубамбы, в бесконечную глубокую долину, покрытую со всех сторон густыми джунглями.

Исследователю повезло: за несколько лет до прихода экспедиции дно каньона Урубамбы было расчищено и в нем была даже проложена тропинка для мулов. До этого времени чужестранец практически не мог проникнуть в эту часть долины. В некоторых местах в долине жили отдельные индейские семьи. Встречаясь с ними, Бингем повсюду расспрашивал, неизвестно ли им что-нибудь о каких-либо остатках каменных городов их инкских предков, – городов, спрятавшихся в высокогорье, покрытом джунглями.

Бингем получил несколько ответов и услышал несколько предположений, однако все они были ошибочными. Впро-

чем, пожалуй, не все. Однажды он повстречался с одиннадцатилетним мальчиком-индейцем, который, разумеется за соответствующее вознаграждение, взялся отвести белых людей в такой город! Караван мулов покинул безопасное дно каньона Урубамбы и, возглавляемый этим мальчиком, которому, учитывая его юный возраст, члены экспедиции не слишком-то доверяли, начал подниматься все выше и выше по покрытым тропическими растениями склонам. Находясь на высоте более 500 метров над руслом реки Урубамбы, которая отсюда выглядела как тоненькая серебряная змейка в седловине между двумя тамошними горными вершинами, одну из которых молоденький проводник экспедиции называл по-кечуански «мачу» – «старая», другую – «уайна» – «молодая», Бингем и его спутники увидели на фоне могучего горного массива высотой в шесть тысяч метров, а также длинной цепи других здешних вершин нечто невероятное. Из нетронутой, девственной зелени выступали, как дворец спящей красавицы – впрочем, куда там, ведь это был не один дворец, – десятки, да, десятки каменных зданий, а среди них вырубленная в скале лестница обсерватории, храмы, крепостные валы и жилые дома.

Бесспорно, это был самый фантастический индейский город Южной Америки, – город, в который со времени открытия Нового Света наверняка не ступала нога ни одного белого человека, город, который не был завоеван и которого коснулся лишь один пресловутый зуб времени, впрочем, даже он не смог причинить особого ущерба камню. Однако Хайрем Бингем очень скоро убедился в том, что этот город не был искомой Вилькабамбой. Поэтому, исходя из названий, которые тем или иным местам, в особенности окрестным вершинам, давал его одиннадцатилетний проводник, он назвал город Мачу-Пикчу.

XXVIII. Мачу-Пикчу – чудо, сотворенное из камня

Хайрему Бингему не удалось найти золотых сокровищ инков. Однако им были найдены сокровища не менее великолепные, которые рассказывают нам языком ясным и понятным о великом архитектурном и урбанистическом искусстве инков. Существование этого города является несомненным свидетельством организационного таланта «сыновей Солнца», которые сумели воздвигнуть этот большой город именно здесь, в изолированном даже для своего времени месте.

Фантастическое открытие первого полностью сохранившегося города доколумбовых индейцев Америки сразу же вызвало огромный интерес. Это позволило Бингему получить финансовую помощь от университета и значительную дотацию от американского Национального географического общества и спустя уже два года после открытия Мачу-Пикчу за-

няться методической расчисткой города.

Как же выглядит этот город после снятия густого покрова растительности? Первое, что бросается в глаза путешественнику, прибывшему в Мачу-Пикчу (помимо его великолепного местоположения),—это крайне неподходящая местность, которую «сыновья Солнца» выбрали для строительства города. «Неподходящий» в данном случае прежде всего означает сложный, пересеченный рельеф местности. Все здания города расположены на разной высоте. Именно поэтому, для того чтобы соединить их друг с другом, понадобилось сделать лестницу. В Мачу-Пикчу до наших дней сохранилось более сотни таких лестниц. Тому, кто захочет прогуляться по городу, придется преодолеть вверх и вниз в целом более трех тысяч ступеней!

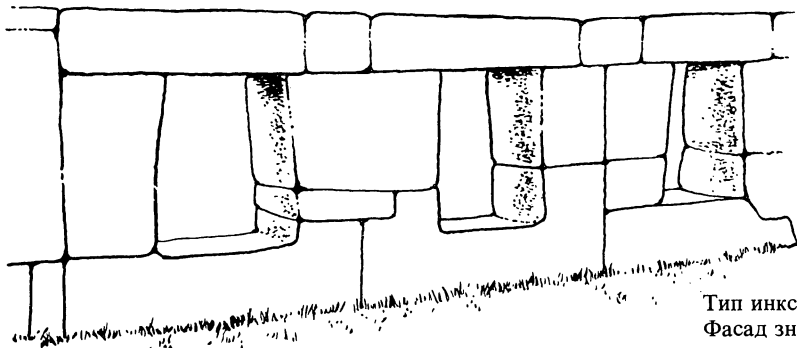
И в этом городе инков его центром, сердцем опять-таки был «священный участок» (нередко его называют «акрополь Мачу-Пикчу»). Так же как и в Писаке, здесь главенствовала интиуатана, то есть «место, где привязано Солнце»,—вырубленная прямо в скале солнечная обсерватория Мачу-Пикчу.

По соседству с интиуатаной, конечно, находился Храм Солнца. Храм Солнца в Мачу-Пикчу является единственным известным нам святилищем национального

бога инков, которое не было полностью уничтожено европейцами в ходе завоевания ими Перу. На восточной части священного участка в Мачу-Пикчу, в его «акрополе», возвышается знаменитый Храм трех окон, построенный из огромнейших каменных блоков. Свое нынешнее название святилище получило потому, что в нем было три окна, имеющих форму трапеции (самые большие в Перу). По соседству с Храмом трех окон (мы не знаем, кому в действительности он был посвящен) стоит дворец Верховного жреца—Вильяка Уму.

Все три строения в Мачу-Пикчу, то есть Храм Солнца, Храм трех окон и дворец Верховного жреца, непосредственно связанные с религией инков, окаймляют центральную площадь священного участка города. Как говорит знаток древнеперуанских культур Эрманн Бусе, архитекторы, создав их, дали нам повод для размышления и восхищения. Перуанский же ученый Ангелес Варгас по этому поводу добавляет, что на площади проходили большие празднества, главным образом в честь Кон-Тики и Виракочи.

«Священный участок»—«акрополь Мачу-Пикчу»—является первым из трех основных частей этого великолепного «Орлиного гнезда» инков. Вторым является

Тип инкских построек.
Фасад знаменитого Храма
трех окон в инкском городе
Мачу-Пикчу

так называемый Королевский квартал – на языке кечуа «Инкауаси», – построенный в архитектурном стиле кульминационного периода в развитии инкской культуры, начало которого было положено правлением Инки Пачакути. Сюда относится ряд важных сооружений, в первую очередь так называемый «Торреон» – нечто вроде крепостной башни полукруглой формы, очень отличающейся от других крепостных сооружений инков. Торреон в Мачу-Пикчу вырастает прямо из скалы, на которой он построен и которая, так же как и скала на острове Солнца на озере Титикака, несомненно, весьма почиталась жителями империи. Прямо в скале, на которой находится Торреон, высечено множество маленьких жертвенников.

Южнее Торреона, одновременно служившего и небольшой крепостью, и святилищем, находится так называемый Дворец принцессы. По крайней мере так его сейчас обычно называют. Во времена инков этот Дворец принцессы, по-видимому, действительно был резиденцией койи – «королевы Тауантинсуйу». Возможно, как раз в нем жила одна из особенно любимых дочерей царствующего Инки. Сам же Инка, по мнению исследователей, жил в собственном, Королевском дворце, состоящем из двух зданий. Этот Королевский дворец был расположен по правую сторону от основной лестницы, находящейся в этой части Мачу-Пикчу.

Помимо первого, так называемого Королевского, и второго, Священного, кварталов, к городу Мачу-Пикчу относился довольно большой квартал, состоящий из непритязательных жилых зданий, которые населяли, очевидно, рядовые жители Мачу-Пикчу: слуги правителей, а также прочий люд, обслуживавший этот сотворенный из камня город.

Во многих местах Мачу-Пикчу окру-

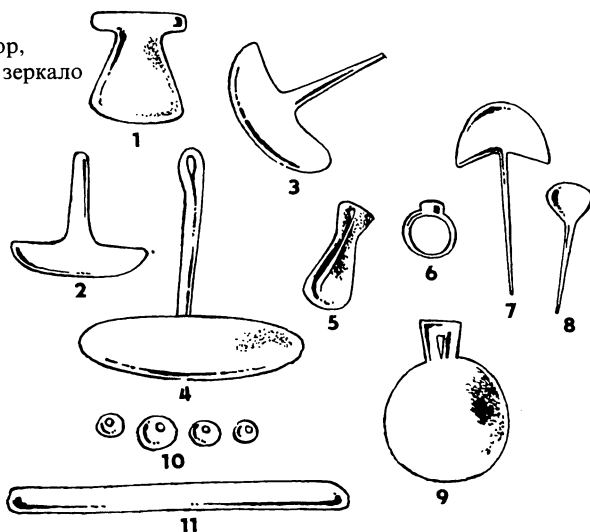
жают мощные валы. За ними начинался специальный квартал ремесленников. Этот Квартал-за-валами опять-таки был построен по традиционному принципу инкской архитектуры, то есть вокруг большого двора.

Еще дальше за городом как таковым, южнее квартала ремесленников, располагалось невеселое «место позора», как его назвал археолог Эрмани Бусе. Здесь – на высокой скале, – помимо всего прочего, находится большое здание, в котором, судя по всему, размещались судьи, тюремные надзиратели и палачи Мачу-Пикчу. Ниже зданий «инкской юстиции» можно видеть нечто вроде камер городской тюрьмы. Здесь в скале вырублено множество крюков, к которым, вне всякого сомнения, приковывали цепями узников.

От тюрьмы, с самого края скалы, начинается путь в пещеры Мачу-Пикчу, входы в которые пока что еще не изучены. Совершенно несомненно, что город, помимо своей великолепной наружной, то есть находящейся на поверхности земли, части, имеет и свое подземелье. Уже первооткрыватель Мачу-Пикчу Хайрем Бингем и его друг доктор Итон обнаружили и изучили в Мачу-Пикчу целый ряд пещер, где производились захоронения. Стены подземных помещений были тщательно отделаны каменщиками. Возможно, что здесь – по крайней мере какое-то время – покоились мумии умерших владык империи Солнца в их великолепных облачениях, украшенных золотом и колумбийскими изумрудами.

С того времени, когда в Мачу-Пикчу работал Хайрем Бингем, там было обнаружено несколько подземных мавзолеев. Многие исследователи полагают, что здесь, в бассейне реки Урубамбы, ждут своих первооткрывателей другие подобные подземные чудеса инков. Самые же смелые даже надеются, прямо-таки

Серебряные и бронзовые предметы, обнаруженные в Мачу-Пикчу: 1 – топор, 2–4 – ножи-«туми», 7–8 – заклочки, 9 – зеркало и т. д.

уверены в том, что где-то тут, под землей, дожидается своего удачливого первооткрывателя некий индейский Тутанхамон. Ученый из Лимы Чавес Бальон заявил в 1970 году, что он убежден в том, что «целая треть Мачу-Пикчу еще скрыта под землей».

Предполагаемая треть Мачу-Пикчу, затерянная в подземелье, пока относится к области мечтаний и будоражит тайные помыслы искателей инкских сокровищ. Однако уже то, что было обнаружено в Мачу-Пикчу, бесспорно, является самым фантастическим творением из всех известных нам творений инкской и вообще южноамериканской индейской архитектуры. Это творение дошло до нас в своем первозданном виде – и в этом его уникальность, – неразрушенным, нетронутым, точно таким, каким его когда-то построили «сыновья Солнца». Это уникальное по красоте своего местоположения творение превосходит не только все другие ранее обнаруженные индейские

города древней Америки, но и вообще все подобные археологические находки на других континентах нашей планеты.

Мачу-Пикчу обычно называют «восьмым чудом света» или «главным чудом древней Америки». Наверное, по поводу этого города можно было бы сказать много красивых слов. Правдой же остается то, что с Мачу-Пикчу действительно ничто не может сравниться. Это каменный остров, плывущий в зелени тропических джунглей, великолепный остров в сказочном, волнующем обрамлении горных вершин, остров, увенчанный пиком Уайна-Пикчу.

Здесь, в Мачу-Пикчу (по крайней мере именно такое ощущение возникло у автора этой книги), душа чувствует себя счастливой, она поет. Как когда-то сказал, глядя на этот город, перуанский президент Фернандо Белаунде Терри: «Древние перуанцы понимали, что душе человека нужно больше простора, нежели его телу».

XXIX. Тайна затерянных городов

Инки оставили после себя свое великолепное, сказочное Мачу-Пикчу — поэму из камня, изваянное из камня чудо, обрамленное зеленой рамкой близлежащих гор и гордо возвышающееся на фоне белоснежных ледников Анд. Однако древние жители Перу не дали ответа на один вопрос: с какой целью ими был построен этот сказочный город? Почему они построили его там, куда и во времена правления Инков, когда еще их родина не стояла от гнета иностранных захватчиков, доступ был крайне затруднительным?

Можно предложить сразу несколько ответов на этот «основной вопрос Мачу-Пикчу». Например, следующий: здесь, в этом затерянном высокогорном крае, правители и жрецы «солнечной империи» более, чем где бы то ни было, ощущали свою непосредственную близость к живущим на небесах богам. Или же другой ответ: этот город был построен главным

образом для того, чтобы служить надежным укрытием для мумий предшествующих владык, которые тут действительно часто «пребывали».

Логически напрашивается и еще один ответ: Мачу-Пикчу был построен после прихода испанцев, поскольку в этом неприступном, укромном месте инки могли продолжать жить, как и жили прежде. Здесь, в храме, они могли по-прежнему поклоняться золотому Солнцу, как и прежде — на главной площади города, — могли совершать обряды в честь творца Кон-Тики Виракочи. Именно здесь, как и ранее, в чистоте и покорности, прислуживали солнечному богу и его земному сыну никем не опороченные «невесты Солнца», дом которых, несомненно, находился в Мачу-Пикчу (видимо, его Бингем и назвал *Private Gardens Ground*).

Глядя на это неприступное, почти со всех сторон укрытое от глаз «Орлиное гнездо», сама собой напрашивается мысль о том, что инки, их воины именно отсюда в период конкисты шли на борьбу с испанскими захватчиками. Сюда же и возвращались они после партизанских вылазок, возвращались под защиту каменных укреплений города. В пользу этой версии, возможно, говорит тот факт, что Бингем обнаружил вместе со своими коллегами на территории Мачу-Пикчу до 150 хорошо сохранившихся человеческих скелетов. Впрочем, ⁹/₁₀ из них принадлежало женщинам. Если в самом деле принять во внимание эту версию истории города, то можно предположить, что воины умирали вдали от Мачу-Пикчу в партизанских схватках, а «невесты Солнца» не рожали детей, поэтому в какой-то момент город умер сам по себе, без какого-либо вмешательства извне.

Впрочем, назначение города, факт его ненасильственной гибели можно объяснить по-разному. Объяснения остаются

объяснениями, но совершенно бесспорно одно: после прихода испанцев, когда была захвачена большая часть территории империи инков, они укрылись в неприступных горах Перу. При этом часть из них спрятались именно в районе реки Урубамбы.

Неопровержимым фактом является также то, что именно в неприступных местах у реки Урубамбы, а возможно, и еще где-то новые «сыновья Солнца» возвели несколько городов и крепостей. История сохранила для будущих поколений по крайней мере названия этих затерянных городов. Один из таких городов – Пайтити. Нередко под названием Пайтити подразумевается вся область свободного в период конкисты индейского Перу, хотя ее точные границы нам со всей достоверностью неизвестны. Другим таким городом был Виткос – город, где жил и умер Манко II. Третьим городом является знаменитая Вилькабамба, поиски которой ведутся особенно интенсивно. Примечательно, что некоторые из испанцев, например монах августинского ордена Маркос Гарсиа, посетили этот город в 1566 году. На какое-то время сюда проникла и карательная экспедиция испанцев. Тем не менее исследователи каменных сокровищ инков до сих пор не могут найти город Вилькабамбу, он продолжает оставаться мечтой археологов.

Ошеломленный неожиданной находкой Бингем, вполне естественно, задался вопросом, какой же, собственно, город ему посчастливилось найти. Вновь и вновь ему приходила на ум мысль, не есть ли это таинственная Вилькабамба. В настоящее время возобладала точка зрения, согласно которой Мачу-Пикчу не является Вилькабамбой, таким образом, Вилькабамба свободных инков периода конкисты находится где-то в другом месте и развалины все еще ждут своего первооткрывателя.

Вилькабамба (перуанцы ее часто назы-

вают Вилькабамба-ла-Вьеха, то есть «старая Вилькабамба»), по свидетельству испанцев, которым удалось ее увидеть, а затем живыми вернуться «к своим», очевидно, была красивым городом. В послеписарровский период «сыновья Солнца» превратили Вилькабамбу в настоящий «новый Куско». Здесь сохранилось все то, что завоеватели уничтожили и расхитили в Куско. Поэтому можно лишь позавидовать представителю бесчисленной армии профессионалов и любителей, разыскивающих сокровища инков, которому однажды выпадет счастье действительно обнаружить в безлюдных просторах горного Перу остатки этой исчезнувшей столицы владений новых «сыновей Солнца».

Время от времени в самих Андах и на их поросших джунглями склонах удастся обнаружить то одно, то другое затерянное селение инков, оставшееся в неизвестности на протяжении четырех столетий. Некоторые из них были обнаружены на большем или же меньшем удалении от каменной метрополии Мачу-Пикчу. Не исключено, что это были своего рода древнеперуанские города-спутники.

Некоторые из городов и крепостей, оставшихся в безвестности вплоть до XX столетия, в этой части Перу обнаружил во время своей очередной экспедиции все тот же неутомимый Хайрем Бингем. Остальные нашел и детально изучил исследователь Пауль Фейеш, очень похожий на Бингема как своей судьбой, так и упорством. Вместе с тем жизнь этого человека напоминает жизнь многих других выдающихся искателей затерянных городов древней Америки, а также исследователей доколумбова прошлого Нового Света и его тогдашних культур.

Не все известные первооткрыватели индейских цивилизаций Нового Света были профессионалами, прошедшими специальную подготовку. Зачастую они получили образование совсем в другой

области или же – что также часто бывает – на протяжении своей жизни постепенно сменили целый ряд различных специальностей. Таким образом, сфера их интересов была разнообразной и обширной, к тому же порой они были очень далеки от археологии, этнографии и родственных научных дисциплин.

Так, например, первооткрыватель и первый ученый-исследователь нашумевших гигантских наскальных рисунков в южноперуанской пустыне Наска – доктор Косок – по своей первоначальной профессии был композитором, известным историком музыки. Многие древнеперуанские города были открыты юристами, дипломатами. Первая коллекция перуанской керамики, имеющая подлинно научное значение, была собрана немецким врачом-окулистом и т. д.

Мы привели лишь несколько примеров из истории изучения страны «сыновей Солнца». Если мы на время покинем древнее Перу и искателей сокровищ его культуры и перенесемся в иной хорошо известный всем район земного шара, древнюю Троию, то мы узнаем, что она была открыта человеком, который вообще не имел никакой специальной подготовки в области археологии. Это был торговец из Германии.

Однако вернемся все же к древнему Перу и поинтересуемся, кто из исследователей занимался поисками утраченных сокровищ инков. Прежде всего обратим наше внимание на человека, который стал продолжателем дела Хайрема Бингема и открыл или по крайней мере впервые специально обследовал несколько других, ранее неизвестных древнеперуанских городов, сосредоточенных главным образом вдоль этой «золотой жилы» южноамериканской археологии, то есть городов, расположенных на территории, прилегающей к Мачу-Пикчу или же находящейся непосредственно позади нее.

XXX. Портрет искателя – портреты искомых

Спустя четверть столетия после замечательных экспедиций Хайрема Бингема другой представитель плеяды одаренных энтузиастов, обладавших множеством профессий и множеством интересов, венгр Пауль Фейеш, в окрестностях Мачу-Пикчу открыл или, во всяком случае, впервые детально обследовал развалины нескольких других, ранее неизвестных городов «сыновей Солнца». Он родился в старинной венгерской семье в конце прошлого столетия.

От своих родителей молодой Фейеш (тогда его еще звали Пал) не унаследовал ни дворянского титула, ни состояния. Отец его умер, когда мальчику исполнилось всего лишь два года. Тем не менее, когда Пауль подрос, он решил учиться медицине. Впрочем, вскоре началась первая мировая война, и, поскольку габс-

бургской монархии нужны были солдаты, из студента-медика Фейеша сделали гусара. После того как Австро-Венгерская империя позорно проиграла свою последнюю войну, Пауль Фейеш снова возвратился в аудиторию медицинского факультета в Пеште. Теперь он уже связывал свое будущее не только с медициной: его страстно манил к себе театр и, пожалуй, еще больше – только что зародившееся кино.

Недоучившийся медик, возвратившийся с войны королевский гусар, он становится режиссером своего первого творения (в ту пору ему было около 20 лет) – фильма «Пан». Вскоре Фейеш ставит еще несколько не слишком длинных художественных фильмов, например «Звезды Эгера» по мотивам одной новеллы, повествующей об оккупации Венгрии турками.

Кинематографическая карьера Пауля Фейеша была головокружительно быстрой. За прошедшие три года его жизни в Будапеште он успевает закончить медицинский факультет, жениться, развестись. Кроме того, он успевает поставить несколько опер, съездить в Париж, с тем чтобы там, в этом очаге европейского искусства, заняться театральной режиссурой. Некоторое время он даже работает вместе с одним из крупнейших деятелей театра нашего столетия, Максом Рейнгардом. В то же самое время у себя на родине, в Венгрии, он репетирует традиционные мистерии. Наконец ему приходит в голову идея попытать счастья и за океаном.

Двадцатипятилетний врач, отставной гусар, кино- и театральный режиссер, постановщик венгерских мистерий, Пауль Фейеш долгое время перебивается в Нью-Йорке без работы. Потом совершенно случайно он встречается с доктором Симоном Флекснером – выдающимся ученым, открывшим бациллу Флекснера, автором ряда научных работ о дизен-

терии и других болезнях. Флекснер предлагает безработному венгру заняться делом в Америке. Так Фейеш на долгое время возвращается к той профессии, которую он получил в высшем учебном заведении. Помимо медицины в собственном смысле слова, он теперь начинает активно заниматься и бактериологией.

Однако сердце Фейеша по-прежнему принадлежит главным образом кино и театру. А поскольку в Америке есть не только Нью-Йорк, а где-то в противоположной стороне находится и Голливуд, он отказывается от блистательной научной карьеры и направляется в Калиifornию. Вначале поиски работы и здесь оказались безуспешными. Впрочем, со временем ему удастся познакомиться с несколькими влиятельными людьми. В частности, у него завязывается большая дружба с Чарли Чаплином. С помощью калифорнийских знакомых ему удастся поставить свой первый фильм под названием «Последнее мгновение».

Фильм Фейеша был восторженно принят критикой. Теперь уже все пошло как по маслу. Венгерский эмигрант снимает ряд фильмов для компании «Универсал», такие, например, как «Бродвей», «Эрик Великий» и другие. Потом он снова работает в Европе – в Австрии, затем в Дании. Здесь, в Скандинавии, он и получает предложение снять фильм об «экзотических странах».

Первый из своих, как их тогда называли, «экзотических фильмов» Пауль Фейеш снимает на Мадагаскаре. Венгерский скиталец проводит на этом африканском острове целых 200 дней. За это время он успевает сделать для себя одно очень важное открытие: Фейеш увидел, что мир состоит не только из европейцев и американцев, что существуют и культуры других народов и континентов, они вполне заслуживают того, чтобы их изучали.

И действительно, с присущей ему

огромной энергией Фейеш набрасывается на изучение культур – культур прошлого и культур современности. Он изучает Африку, Дальний Восток и даже отправляется в тропики Южной Америки. Долгое время он живет среди индейцев первобытного племени, обитающих в джунглях у истоков перуанской реки Мадре-де-Дьос.

Перу – страна индейских легенд, где Пауль Фейеш увидел и Мачу-Пикчу, открытый Бингемом, производит настолько сильное впечатление на бывшего врача и кинематографиста, ставшего теперь археологом и этнографом, что он принимает решение продолжить дело Бингема. Поводом к принятию этого решения послужило известие о существовании других, подобных Мачу-Пикчу, исчезнувших индейских городов.

В монастыре Сан-Франсиско, в столице Перу, Фейеш обнаружил сохранившийся экземпляр книги, изданной в 1848 году, в которой описываются перипетии одного перуанского монаха. Этот монах был единственным, кому удалось возвратиться, хотя и смертельно больным, из миссионерской поездки в джунгли Перу, где он будто бы видел несколько инкских городов, которые были неизвестны современным жителям этой южноамериканской республики.

Рассказ монаха, а также конкретные результаты исследований Бингема давали основание верить в реальность существования индейских городов. Все это помогло Фейешу, бывшему врачу, бактериологу, гусару, оперному и кинематографическому режиссеру, определить тематику своих будущих исследований. Он направляется в длительную поездку по территории, расположенной за Мачу-Пикчу, в гористую область между Урубамбой и ее притоком рекой Аобамбой. Первая поездка состоялась в 1913 году, за ней последовала вторая. В этом районе Пауль Фейеш постепенно изучил не

один, а пять здешних городов, ему удалось обнаружить и дороги, соединяющие между собой эти города, исследовал он также и систему упомянутых анденес – громадных террас, которые сооружали инки-земледельцы, и т. д.

Первым городом «сыновей Солнца», который изучил Фейеш, был Пуйюпатамарка, что буквально означает «город над облаками». Действительно, этот город инков расположен на высоте 3700 метров над уровнем моря. Гордостью его является несколько великолепных больших и маленьких площадей.

После Пуйюпатамарки Пауль Фейеш работал в Сайямарке, обнесенном мощными оборонительными укреплениями. Неподалеку от этого индейского города на высоте 4200 метров у подножия горы Салькантай (ее высота составляет 6000 метров) на перекрестке двух дорог инков находятся развалины другого, также известного ранее центра «сыновей Солнца» – Уильямбаба.

Самым большим городом инков, обнаруженным в XX столетии на территории, «находящейся позади Мачу-Пикчу», бесспорно, является Патальякта. Во времена правления «сыновей Солнца» город Патальякта, по-видимому, был чем-то вроде областного центра. Достопримечательностью этого города являются остатки большого, вырубленного в скале святилища Пульпитуок, а также целый комплекс зданий, в которых, судя по всему, жила знать Патальякты.

Из всех городов инков, которые были обнаружены в XX веке, ближе всего к Мачу-Пикчу находится очаровательный Уайньяй-Уайна. Название этого городка восходит к названию любимого инками цветка, растущего в этой местности. Из памятников древнеперуанской архитектуры в Уайньяй-Уайна снова заслуживает внимания так называемый Торреон. Это полукруглая крепостная башня с рядом амбразур и окон, находящаяся по со-

седству с большой площадью. Однако в первую очередь Уайньяй-Уайна является «городом воды». В нем находится не менее десяти источников и бассейнов, которые были специально оформлены архитекторами и служили целям религиозного культа.

Об Уайньяй-Уайна археологи нередко говорят, что это «младший брат Мачу-Пикчу». Этот город не только меньше, но и моложе Мачу-Пикчу по времени своего возникновения. Он был детально изучен Паулем Фейшем. После него здесь работал и основоположник перуанской национальной археологии Хулио Сесар Тельо. Он-то и дал этим до сих пор безымянным развалинам затерянного города инков нынешнее звучное имя.

Таким образом, в XX веке благодаря усилиям Хайрема Бингема, Пауля Фейша, Хулио Сесара Тельо, а также упоминавшихся выше непрофессионалов – первых «авиаархеологов» Шиппи и Джонсона – постепенно было обнаружено несколько до той поры неизвестных городов «сыновей Солнца». Можно лишь надеяться и верить, что так же, как был обнаружен фантастический Мачу-Пикчу, как были найдены Уайньяй-Уайна, Патальякта, Пуйюпатамарка, Сайямарка, горный Уильябамба, когда-нибудь будут обнаружены развалины и других подобных, столь же интересных городов. Возможно, со временем будут найдены и те каменные сокровища инков – Вилькабамба, Виткос, Пайтити, – которые уже давно являются предметом самых кропотливых поисков. Вот тогда-то сокрытые в них произведения архитектуры явятся новым свидетельством величия своих давно умерших создателей – перуанских инков.

XXXI. Открытие «золотой страны»

Мачу-Пикчу, а также все остальные великолепные города инков Перу по праву можно назвать каменными сокровищами «сыновей Солнца». Впрочем, Писарро и его приспешники – первые завоеватели этой страны – искали в Перу нечто другое. Им нужно было лишь то, что имело в их глазах ценность. Для жадных на поживу «рыцарей удачи» единственным мерилom подлинной ценности, подлинного богатства, конечно же, было золото.

Находившийся на Кубе индейский вождь Атуей в свое время сказал (причем он действительно был в этом убежден), что золото является «единственным истинным богом испанцев». Да, за этим единственным богом, за «золотым тельцом» и гонялись в Новом Свете белые люди, причем делали они это с невероятным упорством.

Еще задолго до того, как Южная Америка индейцев стала объектом глубокого изучения, эти люди, одержимые маниакальным желанием, основываясь на различных слухах, заимствованных бог знает из каких рук, создали для себя миф «Страны золотого человека», по-испански «Эльдорадо». По наиболее популярной сказке об Эльдорадо, во главе этой страны находился король, облаченный в золотые одежды. Испанец Мартинес даже опубликовал карту страны под названием Эльдорадо, в которой он сам будто бы жил более двухсот дней. Он утверждал, что границами этой страны служат три горы: из меди, из серебра и из золота.

Именно Эльдорадо – «страну золота» – и искали в индейской Южной Америке завоеватели. И надо сказать, что делали они это с исключительной настойчивостью. Одному из них – Франсиско Писарро, – как ни странно, посчастливилось найти такую золотую страну. Да, действительно, Тауантинсуйу – Перу инков – на самом деле была «золотой страной». И даже сейчас империю инков очень часто называют не только «империей Солнца», но и «империей золота». Оба эти определения тесно связаны друг с другом. Золото есть «цвет» божественного Солнца. И как таковое оно было символом его земных «сыновей», правителей этого государства.

В воображении перуанских индейцев между золотом и «сыновьями золотого Солнца» существовала особая, буквально мистическая связь. Причем связь эта существовала с давних пор. Уже тогда, когда Манко Капак, стоявший во главе четырех братьев-айяров, странствовал по горам Перу в поисках земли обетованной, инки, для того чтобы отличаться от местных, «обычных» индейцев, в знак своей исключительности несли с собой множество золотых предметов. Они были вооружены оружием, сделанным из

чистого золота. Их женщины были одеты в одежды, на которых были нашиты золотые украшения. Жены четырех айяров несли в руках золотые сосуды – аукильи, из которых знатная дружина попивала чичу.

Золото было «гербом» владык Тауантинсуйу. Именно поэтому Инки объявили золото своей собственностью. Все золото, независимо от того, находилось ли оно еще в земле или же было из нее извлечено (в равной мере это относилось к серебру), принадлежало только одному человеку – властелину империи.

Золото украшало храмы Солнца, возведенные в честь небесного отца инков – Инти. Украшало оно и дворцы владык империи. Со временем инки так же стали рваться к золоту, как рвались к нему те, кто лишился их права властвовать в этой золотородной стране после битвы у Кахамарки. Именно поэтому «сыновья Солнца» на захваченных ими территориях, например в аргентинском Тукумане или же в Кольясуйу, «контрибуцию» взимали золотом.

Самый большой золотой урожай «сыновья Солнца» получили после захвата прибрежной перуанской империи Чиму. Золотые трофеи, захваченные в городах и храмах Чиму (а эта империя дольше всего сопротивлялась инкам), по стечению обстоятельств были сосредоточены победителями там, где несколькими десятилетиями позднее складывал сокровища инков Писарро, – в городе Кахамарке.

Одержав триумф над империей Чиму и доставив их сокровища в столицу Тауантинсуйу, инки под страхом смертной казни запрещали выносить из города желтый металл, хоть раз побывавший в Куско. В столице сосредоточивалось в прямом смысле слова все золото Южной Америки, примерно так же, как в другой части Америки в наши дни золото хранится в нескораемых сейфах Форт-Нокса.

В столицу «сыновей Солнца» желтый и

белый металл стекался буквально с железной регулярностью. Ежегодно в Куско поступало 15 тысяч арроб золота (1 арроба равняется примерно 11,4 килограмма); серебра в столицу ежегодно поступало 50 тысяч арроб. Таким образом, можно установить, что во время правления инков в столицу их империи было доставлено от 50 до 100 тысяч тонн золота и почти 25 миллионов тонн серебра! Как мы видим, совершенно невообразимое количество.

В Перу инков золото добывали из россыпей на склонах Анд или – чаще – путем промывания речного песка. Серебро же добывалось в настоящих рудниках, которые – все без исключения – являлись собственностью государства, точно так же как государству принадлежал и весь добытый в них металл. Многие из шахт, исконно принадлежавших инкам, продолжали эксплуатироваться и в период колонизации. К их числу относятся, например, сказочно богатые рудники в боливийском Потоси, перуанском Чоклокочи, Кайльоме и других местах.

В государственных рудниках империи работали пурехи, находившиеся здесь в рамках миты самое большее три месяца в году. Добытая шахтерами руда переплавлялась в маленьких плавильных печах, к которым подводились медные трубы. Чтобы изделия, предназначенные для использования в быту, были достаточно прочными, их закаливали. Предметы культа, а также декоративные изделия, сделанные из золота и серебра, зачастую изготавливались из тонких листов этих металлов, на которых затем чеканился соответствующий орнамент. Другие изделия украшали инкрустацией, гравировкой и тому подобное.

Так же как и их предшественники, инки достигли высокого мастерства в обработке металлов. Помимо золота, предназначавшегося исключительно для владыки государства и наиболее видных

представителей элиты империи, а также серебра, жители Тауантинсуу в основном использовали медь (на языке кечуа «анта»). Из меди делали инструменты, утварь, оружие. Добывали инки и олово. Они умели также изготавливать и бронзу, в состав которой в древнем Перу, как правило, входило около 10% олова.

Кроме золота, серебра и меди, инкам была также известна платина, которую называли «белым золотом». Платину «сыновья Солнца» добывали в одном-единственном месте империи – в бассейне реки Эсмеральдас на северо-западе нынешнего Эквадора. Кстати, американский профессор Джон Олдон Мейсон нашел в Перу и украшения из платины. Примечательно, что они были изготовлены не методом чеканки, а методом отливки. В Кориكانче – национальном храме инков – находилось изображение Луны, сделанное из платины, в диаметре

Древнеперуанский золотой кубок. Тысячи подобных уникальных изделий древнего Перу были захвачены завоевателями в период пленения Инки Атауальпы

оно составляло 10 метров, а весило 80 испанских арроб, то есть более 900 килограммов.

В месторождениях, находившихся в области Уанкавелика, инки добывали также олово («тити») и ртуть. Ртуть использовалась ювелирами империи при нанесении позолоты на предметы и украшения из бронзы. «Сыновьям Солнца», конечно, было известно железо (для обозначения железа у них даже было специальное слово), однако они им не пользовались. Судя по всему, это железо было метеоритного происхождения. Доколумбовы индейцы Перу владели основной технологией обработки золота, серебра, меди и других металлов. Иными словами, они умели лить, ковать, паять и чеканить. Излюбленным способом обработки драгоценных металлов в Тауантинсуйу был «метод потерянного воска». В этом случае инкский мастер прежде всего изготавливал из твердой смолы модель того или иного предмета, который он хотел сделать из серебра или золота. После этого он покрывал модель обычной гончарной глиной. При обжиге смола постепенно вытекала, а в образовавшуюся таким путем глиняную форму ювелир заливал расплавленный металл. После того как металл остывал, глиняная форма разбивалась – изделие из золота или серебра было готово. Описанный способ применялся при изготовлении ювелирных изделий инков, а также золотой утвари и инструментов, предназначенных для «сына Солнца».

Таким образом, золото, которое на заре истории инков служило всего лишь своего рода мифическим доказательством исключительности инков и было вместе с тем символом их сверхъестественной связи со своим небесным отцом, за последние сто лет стало, во всяком случае должно было стать, символом или же доказательством чего-то другого, совсем другого, – символом их

необычной роскоши, их головокружительного богатства.

«Сыновья Солнца», самовластно обьявившие себя владыками всего известного им мира, с помощью накопленного ими золота демонстрировали свету не только свою бесконечную великую мощь, но и столь же безграничное богатство. Теперь золотом сверкали не только их храмы и дворцы, но и сами они носили золото на теле. Они надевали расшитые золотом рубашки, называвшиеся «пурапура», их сандалии были сделаны из чистого золота. Наконец, знаменитый Пачакути даже заменил традиционную корону своих предков, сделанную из красной шерсти и украшенную бахромой, на золотую диадему с великолепными тяжелыми изумрудами.

Из золота, конечно, были сделаны и носилки, в которых путешествовали Инки. Из чистого золота стали делать и «тиану» – трон «сыновей Солнца», на изготовление которого шел металл в 16 каратов. Отныне золото украшало и сопровождало не только живым, но и мертвым Инкам. На всех дворцах Куско, принадлежавших тому или иному ныне покойному владыке, стал красоваться большой бюст, называвшийся «каоки». От своих семей (так называемых перуанских панак) мумии получали множество даров из золота. Золотые подношения достигали таких гигантских размеров, что, к примеру, Педро Писарро, прибывший в эту страну в XVI столетии, заключил, что «в Перу большая часть ценностей принадлежит мертвым», то есть мумиям.

Когда на землю Перу ступили первые испанцы, предметом их воледеленных устремлений сразу же стали сверкающие сокровища, которыми они хотели завладеть во что бы то ни стало.

казал соорудить из благородного металла нечто вроде небесного трона, покрытого накидками из перьев попугая, на котором восседало золотое изображение Солнца. По приказу Инки трон этот был поставлен в центре столицы Тауантинсуйу, на главной площади Куско, перед его дворцом-резиденцией.

Для того чтобы и сама площадь имела достойный вид, Уайна Капак повелевает изготовить самое большое изделие из золота, которое когда-либо существовало в истории всех пяти континентов земного шара: по его приказу ремесленники империи должны были «сплести» из чистого золота цепь длиной в 350 шагов (примерно четверть километра) и весом в несколько тонн. Цепь эта должна была обрамлять всю площадь. Держа эту золотую «цепочку» в руках (а она действительно была изготовлена), граждане империи должны были танцевать на центральной площади Куско во время торжественных церемоний, устраиваемых в честь героических подвигов Инки.

Золотая цепь Уайна Капака – самая большая из всех золотых цепей, когда-либо существовавших в истории человечества, после завоевания Перу исчезла. В самом золотом городе Куско испанцы с необычайным проворством разграбили все предметы, сделанные из этого драгоценного металла и попавшие им в руки. Прежде чем Писарро, взяв в плен Атауальпу, прибыл в столицу империи, он направил в Куско трех своих людей, которые в первый же день своего пребывания там умудрились с одних лишь храмов содрать 600 золотых пластин общим весом около 100 центнеров.

Когда в столицу Тауантинсуйу прибыла вся дружина Писарро, для участников похода в Перу наступила вожденная золотая благодать, о которой они столько лет мечтали. Если судить по записям о дележе добычи, то общая сумма награбленного в этом инкском городе состав-

ляла точно 588 226 песо золота и 164 558 марок серебра. Заметим, что песо и марка являются единицами, которые были введены испанцами для установления точного веса предметов и монет, сделанных из драгоценных металлов. Одно песо соответствовало 46 граммам золота. В период завоевания Перу песо имело в Испании стоимость 450 марок, то есть обычной денежной единицы, находившейся в обращении. Серебряная марка была в несколько раз тяжелее золотого песо.

Инкская золотая статуэтка ламы. Множество подобных изделий украшали золотой сад в Куско – это чудо из чудес «сыновей Солнца»

Добычей, захваченной в Куско, Писарро поделился с королем, а также с 480 своими воинами. По свидетельству тогдашнего хрониста, испанский король, кроме золотых слитков, получил женскую статую весом – в пересчете на наши единицы измерения – в 29 килограммов, а также еще 11 женских фигур, статую ламы в натуральную величину весом в 26 килограммов и несколько статуэток лам и т. д. Рядовые участники похода в Перу отхватили «всего лишь» около 4 тысяч песо золота и 70 марок серебра.

Для того чтобы разделить награбленную в Куско добычу, бесчисленные великолепные произведения искусства инков, за небольшим исключением, были переплавлены. Сделать это было не так просто, ибо один из украденных предметов — изображение месяца — был настолько тяжел, как вспоминает участник этих событий испанец Ларедо, что его невозможно было взвесить ни на одних весах, имевшихся у захватчиков.

Тем не менее все добытое испанцами бесконечно большое золотое и серебряное море представляло собой лишь частицу истинного богатства Куско. Вот почему искатели инкских сокровищ — сразу же после похода Писарро — стали делать все, для того чтобы найти недостающую большую часть золота Куско, к счастью избежавшую плавильных печей испанцев. До сих пор предпринимаются попытки найти не доставшиеся Писарро золотые сокровища «сыновей Солнца» (это уже стало традицией) в самом Куско, прежде всего в крепости Саксауаман, в тамошнем подземном лабиринте, прорубленном в скале.

Версия о том, что кусканское золото инков запрятано именно под Саксауаманом, опирается на многочисленные более или менее правдоподобные слухи и рассказы. В этой связи, например, нередко вспоминают о случае с двумя местными индейскими мальчиками, которые будто бы недавно заблудились в подземелье могучей крепости. Целых три дня о них не было ни слуху ни духу. Потом они все-таки выбрались на свет божий. Причем вышли они уже на территории самого города — в районе монастыря Санто-Доминго. Из этого продолжительного путешествия по подземелью Саксауамана, а затем по каким-то загадочным переходам под самим городом один из мальчиков принес сувенир — золотой початок кукурузы, сделанный инкским ювелиром. Как утверждает мальчик, он именно там

его и нашел.

Помимо случайных мелких находок типа той, которая будто бы выпала на долю этих индейских мальчиков в подземелье Саксауамана — да и то эти находки относятся скорее к области фантазии, чем к реальности, — золотые сокровища Куско до сих пор не были обнаружены. Вероятно, после того как первые три посланца Писарро принялись бесцеремонно, отнюдь не с дипломатической вежливостью сдирать со стен дворцов и храмов Куско золотую облицовку, жители города спрятали в надежные тайники все изделия из драгоценных металлов, вообще все, что только можно было спрятать.

Однако где-то должно находиться не найденное испанцами золото Куско, тот ежегодный золотой урожай империи, который по законам этого государства в целости и сохранности непременно доставлялся в столицу. Это, по всей видимости, были гигантские золотые запасы! В пересчете на действующие в настоящее время единицы измерения количество этого драгоценного металла следовало бы исчислять не граммами или же дециграммами и даже не килограммами или центнерами, а тоннами, десятками, сотнями и даже тысячами тонн.

Испанцам, судя по всему, не досталась основная часть золотых сокровищ Куско (а к ним, например, принадлежала та самая фантастическая золотая цепь, которая опоясывала главную площадь столицы империи, цепь, которую с трудом могли удержать 200 взрослых мужчин). Испанским конкистадорам не удалось завладеть и личными сокровищами, накопленными Инками в период их царствования. Эти сокровища хранились не в Куско, а в других местах империи, куда белые проникли гораздо позже. Так, к примеру, известно, что большой клад могущественного Пачакути хранился в неприступном, возвышающемся на скале городе Писаке, в трех его больших пеще-

рах неподалеку от вершины горы Писак. Сокровища Инки Уайна Капака, который был большим «любителем золота», хранились в перуанском городе Юкай. В свою очередь в уже упоминавшемся городе Чинчеро, несомненно, хранятся сокровища Тупака Юпанки.

Что же случилось с золотом, хранившимся в исчезнувших городах «сыновей Солнца»? Достоверно, например, известно, что красавец Мачу-Пикчу во времена своей славы мог гордиться не только сокровищами, изваянными в камне, но и сокровищами, изготовленными из «металла инков». В Храме Солнца Мачу-Пикчу, в доме «избранниц Солнца», в его Королевском дворце – везде наверняка были в ходу золотые предметы, золотая утварь, золотые украшения и т. д. Белые не могли похитить эти вещи хотя бы потому, что ни в Мачу-Пикчу, ни в другие исчезнувшие города, которые удалось обнаружить на протяжении пяти столетий, вплоть до XX века не ступала нога белого человека. В других подобных городах белые не были и в наше время.

И все же здесь, в Перу, где-то под непроницаемой спасительной завесой зеленых джунглей все же есть города, которые пока еще не удалось обнаружить. Это знаменитая Вилькабамба, большой город Виткос, легендарное Пайтити. И наверняка, помимо этих городов, известных нам хотя бы по названию, имеются многие другие, которые продолжают оставаться для нас анонимными. В этих загадочных городах «сыновей Солнца» также должно было находиться золото, однако их сокровища до сих пор остаются припрятанными где-то в Перу.

Когда после завоевания первый из Инков, Манко II, встретился с испанским послом Руисом Диасом, он высыпал на стол бокал кукурузных зернышек. Одно из этих зернышек Манко взял в руки и сказал: «Это все, что вы смогли украсть

из золота инков». Затем он показал на все оставшиеся зернышки и сказал: «А это то золото, которое у нас осталось».

Поскольку Манко II прекрасно распознал неутолимую алчность к золоту, эту страшную болезнь, которой были заражены все испанские захватчики без исключения, Инка предложил послу следующее: он отдаст ему все золото своей страны вплоть до последнего, самого маленького зернышка, если белые дадут слово, что взамен этого они навсегда покинут Тауантинсуйу.

Испанцы не согласились на это заманчивое предложение, не пошли на самую выгодную во всей истории сделку. Они не приняли невероятное, фантастическое предложение Манко II и поэтому остались в стране инков. А золото инков, исчезнувшие несметные сокровища так и лежат до сих пор в своих тайниках. И, судя по всему, все еще ожидают своего счастливого первооткрывателя. Хочется верить, что этот первооткрыватель окажется уже человеком других идеалов и других моральных принципов, чем Писарро и его жестокие головорезы.

XXXIII. Самая выгодная в истории сделка

Хотя Писарро и его приспешники и не получили большей части перуанского золота, которое, к счастью, ускользнуло от алчных испанцев, тем не менее им все же удалось «пожиться» в стране инков. И хотя испанцы отказались заключить «золотое соглашение» с Манко II, они пошли на примерно столь же выгодную сделку со своим узником Атауальпой.

Томящийся в заключении Инка, конечно же, мечтал о том, чтобы обрести утраченную свободу. А поскольку Атауальпа подметил у своих тюремщиков неутолимую, сжигающую их жажду золота, он предложил Писарро в качестве компенсации за свое освобождение заполнить золотом помещение камеры, в которую его заключили, на высоту 10,5 испанской стопы (то есть на высоту 294 сантиметра). Сверх того он обещал заплатить за свою свободу двойное количество сере-

бра. Одновременно Атауальпа дал слово, что указанное количество драгоценных металлов — для белых оно было совершенно невообразимым — будет доставлено в Кахамарку в течение 60 дней со времени заключения соглашения.

Писарро принял фантастическое предложение своего узника. Он обещал отпустить Атауальпу на свободу сразу же, как только выкуп в виде золота и серебра будет доставлен в Кахамарку. Инка тотчас же разослал быстроногих гонцов по всей своей бывшей империи, отдав им соответствующие распоряжения. И сразу же в Кахамарку устремилась настоящая золотая река: из ближних и дальних мест ежедневно караваны лам доставляли все новое и новое золото. Заметим, кстати, что помещение, которое следовало заполнить золотом за плененного Инку, не было маленьким. По утверждению секретаря Писарро, площадь этой комнаты составляла 17 × 20 стоп, или же 30 квадратных метров.

Стоимость золота, ежедневно доставляемого в Кахамарку, в среднем составляла 50 тысяч песо. В еще большем количестве привозили серебро. Рабочие-индейцы переплавляли для новых господ и то и другое в нескольких небольших печах. Так в перуанской Кахамарке превратились в обыкновенный металл сказочно прекрасные золотые чудеса инков. Упомянувшийся выше личный секретарь Писарро — Херес — описывает некоторые из чудес с педантичностью хорошего бухгалтеря. Так, например, он упоминает о гигантском золотом фонтане из дворца владыки. Регистрирует он и другой такой фонтан, украшенный фигурами людей и птиц. В его перечне приводятся многочисленные статуи лам в натуральную величину, серебряные сосуды в виде кондоров и орлов, золотые барабаны и даже обычные сосуды для кукурузы, сделанные из столь необычного для испанцев металла, то есть из золота.

Массивная фигурка мужчины-инки, сделанная из серебра с добавлением золота и инкрустированная перламутром. Сотни подобных изделий из серебра и золота получили испанцы в качестве выкупа за Атауальпу. Данная фигурка, к счастью, сохранилась. Ныне она украшает Этнографический музей в Берлине

Итог этой столь выгодной для шантажиста Писарро сделки был «совсем пустячный»: более 5 тысяч килограммов золота и – самое малое – 10 тысяч килограммов серебра! Впрочем, и тут педантичный Херес приводит скрупулезно точные цифры: выкуп за Атауальпу составил 1 326 539 песо золота (что примерно равняется 5,5 тонны металла) и 51 610 марок серебра (иными словами, примерно 12 тонн).

Мало того, испанцы разграбили в Кахамарке здешние склады. В этом же городе они разграбили также дворцы и храмы. В Кахамарке они занялись дележом добычи, которую им послали их «дипломатические представители», то

есть те трое белых, которых Писарро отправил в Куско для первоначального ограбления. И наконец, здесь же в Кахамарке они разделили еще одну ценную добычу: трофеи, захваченные братом Писарро, Эрнандо, в национальном храме оракула Перу – в знаменитом Пачакамаке, находившемся на побережье страны.

Огромная добыча, полученная экспедицией Писарро, во всяком случае основная ее часть, то есть выкуп, уплаченный гражданами империи за освобождение Атауальпы, конечно, не делилась поровну среди всех ее участников. Не утруждая себя излишней скромностью, Франсиско Писарро взял себе несравнимо большую часть этой добычи. Напротив, его основной компаньон, Альмагро, а также члены его дружины при дележе барыша, полученного в результате кахамаркского шантажа, практически остались с носом.

Хотя, в общем-то, каждому перепал «лакомый кусочек», и всадники, и простые пехотинцы возвращались из Перу, вернее говоря, могли вернуться в Испанию настоящими богачами. Впрочем, многие из этих авантюристов довольно быстро проиграли в карты свое столь легко добытое состояние. Некоторые из них поставили на карту и свою собственную жизнь, потому что, добравшись после Кахамарки до остальных доступных им областей империи инков, все эти люди – Писарро, Альмагро и их сторонники, а позднее и все прочие – перегрызли друг другу глотки. При этом они убивали друг друга с такой же канибальской жестокостью, с какой еще недавно уничтожали солдат и граждан империи инков.

Собственно говоря, ни один из тех, кто возглавлял когорты могильщиков крупнейшей индейской империи Америки, не умер естественной смертью. Первым погиб в бою с индейцами Хуан Писарро. Затем другой Писарро, Эрнандо – самый вероломный член семейки агрессивных

братцев, – убил Диего де Альмагро, одного из трех основателей сообщества по завоеванию империи инков.

Впрочем, Альмагро был убит дважды. Вначале братья Писарро его задушили, а потом труп торжественно и, главное, публично обезглавили. Зачинщик этого убийства – Эрнандо Писарро, – как это ни странно, вернувшись в Испанию, попал в тюрьму и просидел там 20 лет. Главного же героя всего этого мероприятия – Франсиско Писарро – убил сын умерщвленного Альмагро. Вместе с ним был убит и еще один брат Писарро – Мартин. Убийца убийцы своего отца, молодой Альмагро, впоследствии также был убит по приказу нового губернатора Перуанского вице-королевства.

Последний из оставшихся в живых братьев Писарро – Гонсало – позднее вместе со своим сообщником – 90-летним Карвахалем – был казнен за попытку (правда, почти удавшуюся) отделить Перу от Испании и установить собственную власть над Южной Америкой и индейцами.

Далее был убит и тот самый доминиканский монах Вальверде, сыгравший столь важную роль в событиях, разгравшихся в Кахамарке. Собственно говоря, именно он подал сигнал к вероломному нападению на Инку и его людей. Именно Вальверде сопровождал Атауальпу, когда тот всходил на костер мученика. Насильственная смерть настигла монаха на эквадорском острове Пуна, где он пал жертвой местных людоедов!

Невероятная цепь смертей! Дьявольский жернов, который в конце концов смолот всех, кто некогда с таким рвением приводил его в движение. Таким образом, возмездие постигло действующих лиц той, другой стороны истории завоевания Тауантинсуйу. Впрочем, они нас мало интересуют. В нашем рассказе внимание обращено прежде всего на

культуру и историю инков. В книге речь идет не о тех, кто грабил, а о тех, кто был жертвой беспощадного грабежа. Итак, в центре нашего внимания находятся инки – народ «золотой страны», безотносительно к тому, был ли это простой народ или же его владыки.

Да, в том числе и владыки. Что же все-таки случилось с последним властелином Тауантинсуйу, с Атауальпой, пытавшимся купить себе у Писарро свободу и жизнь за такую головокружительно высокую цену? Что же могло с ним случиться! Вместо свободы он получил от своего тюремщика, от шантажиста лишь одно – смерть!

Писарро, который так «честно», так «клятвенно» заверял Инку, давая ему несколько месяцев тому назад слово, сразу же после получения выкупа учредил трибунал. Этот трибунал осудил владыку Тауантинсуйу «за совершение самых различных преступлений», в том числе за то, что «он неправильно расходовал деньги своей империи» и был «многоженцем».

Трибунал победителей вынес Инке свой приговор. Люди, у которых Атауальпа пытался за золото купить свободу и жизнь, вынесли ему смертный приговор! Приговор подписал и отец Вальверде, который принимал активное участие в пленении Инки. Вместе с этим фанатичным «врагом язычников» приговор подписал и совсем недавно еще полностью неграмотный главарь завоевателей Перу – Франсиско Писарро.

Вскоре после того, как Инка вручил Писарро все обещанное золото и серебро, а это произошло спустя семь месяцев после его пленения, Атауальпа возвратился на ту самую, столь роковую для него площадь Кахамарки. Девятнадцатого августа 1533 года его в цепях вывели на середину площади. Здесь ему вновь прочитали приговор: Атауальпа приговаривался к смертной казни через сожжение за совершенные им преступления, за

идолопоклонство и многоженство.

Посредине треугольной площади в Кахамарке жертву ожидал высокий костер. В это самое мгновение к осужденному приблизился все тот же монах Вальверде, который на этот раз предложил «сыну Солнца» новый торг по-христиански. Условия новой сделки были просты и понятны: если Инка примет крещение, его не сожгут, а «всего-навсего» только задушат.

Атауальпа принимает условие Вальверде. А поскольку по католическому календарю это был день святого Яна, он получает имя Хуан. Так под именем Хуана де Атауальпы он – теперь уже христианин – и подставил свою шею заждавшемуся палачу. Его действительно задушили. После казни Вальверде самым достойным образом совершил над мертвым телом Инки предписанное заупокойное богослужение.

Так 19 августа 1533 года в Кахамарке умирает последний представитель «сы-

новой Солнца» – тринадцатый Инка, Атауальпа. Колокола на высокой башне только что построенного в этом городе католического собора скорбно звонили по покойнику. По ком же звонил колокол? По одному индейцу по имени Хуан де Атауальпа или же по одной великой культуре? Колокол звонил по крупнейшей индейской империи древней Америки. Империи под названием Тауантинсуйу*.

* О последующей судьбе индейских жителей теперь уже разоренной Писарро империи инков, о судьбе послеколумбовых Инков – Манко II, Сайри Тупаке, Тито Куси, Тупаке Амару, а также об их столицах – Вилькабамбе, Виткосе, Пайтити и других, о новоинском государстве, а также обо всем том, что пережили и переживают индейцы Перу начиная с XVI столетия и по настоящее время, автор намерен рассказать в третьей самостоятельной книге трилогии о «сыновьях Солнца», их предках и потомках. – *Прим. авт.*

ЭПИЛОГ: СМЕРТЬ «ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ»

В трагический день 19 августа 1533 года колокол только что построенного католического собора Кахамарки звонил за упокой империи инков и ее последнего владыки. О том, что произошло после этого печального вечера на площади Кахамарки, будет рассказано особо, в нашей следующей книге.

Сейчас же, в заключение повествования об инках и их огромном государстве, уместно коротко упомянуть о том, что после событий в Кахамарке в Перу по-прежнему (притом на очень обширной и труднодоступной его территории) правили другие «сыновья Солнца». Их резиденцией были те самые, до сих пор не обнаруженные города Вилькабамба, Виткос, а возможно, и Пайтити. К числу этих правителей относились Манко II, Сайри Тупак, Тито Куси и, наконец, Тупак Амару I, которых часто называют «последисарровские» или же «новые» Инки. Тупак Амару I был взят в плен и обезглавлен в 1572 году. С его смертью окончательно завершилась династия южноамериканских Инков.

Все «последисарровские Инки» умерли не своей смертью. Первый из них Манко II – был убит его же собственными испанскими гостями – членами дружины Альмагро, убитого потом сторонниками Писарро. Манко II великодушно предоставил убежище гостям в своей высокогорной столице. Второй и третий из «новых Инков» – Сайри Тупак и Тито Куси – были отравлены. Последний из Ин-

ков – Тупак Амару – был казнен испанцами.

Точно так же, как и «послеписарровские Инки», вымер и простой народ уничтоженной империи. Смерть посещала индейцев Перу в самом разном обличье. Зачастую народ этой страны просто-напросто умирал от голода. Уделом же других было до конца дней своих надрываться в серебряных рудниках новых владык Анд. Для этих принудительных работ испанцы использовали учрежденный Инками институт миты. Иные же стали полностью бесправными сельскохозяйственными рабочими в огромных латифундиях осевших в Перу европейцев, получавших эти земельные наделы на основе так называемой «энкомьенды». Все это повлекло за собой резкое снижение численности индейского населения Перу. За какие-то 30 лет колониального господства, то есть всего лишь за период жизни одного поколения, численность коренных жителей страны снизилась на целых 50 процентов. В полные трагизма первые годы колонизации погибал каждый второй индеец. Европейцы «наградили» индейцев и некоторыми своими заразными болезнями. Достаточно напомнить о многочисленных эпидемиях черной оспы.

Колониальные владыки лишали народ Перу не только здоровья и жизни. Планамерно и методично они уничтожали его культуру, а самое главное – его исконную «солнечную религию», которая была заменена христианством. Таким образом, конкисту военную сменила «конкиста духовная».

Итак, итогом всех несчастий, обрушившихся, как неотвратимая, страшная лавина, на индейцев Перу в эпоху колонизации, было в первую очередь резкое снижение их численности. Индейцев в стране становилось все меньше и меньше. Однако обуревавшая их жажда свободы отнюдь не иссякала. В их сердцах и мыслях

свобода чем дальше, тем больше не вполне правомерно отождествлялась с образом разгромленной империи «сыновей Солнца», с личностью самодержавного владыки этого государства – Сапа Инка.

С именем Инки на устах, с образом погибшей перуанской империи в сердце индейцы Анд неоднократно поднимались на восстания, подавлявшиеся колониальными владыками. Впрочем, многие из этих восстаний сыграли очень важную роль в истории Латиноамериканского континента. Одно из таких восстаний, разгоревшееся спустя 250 лет после событий в Кахамарке, явилось крупнейшим боевым выступлением индейцев в истории трех Америк послеколумбова периода. Эту самую большую из всех революционных войн индейцев Перу и индейцев всех Америк возглавил величайший герой, который когда-либо был известен в истории Анд. В жилах этого человека текла кровь владык уничтоженной «империи Солнца». Сознательно опираясь на традиции Инков, он принял и имя последнего из «послеписарровских владык» – Тупака Амару.

После поражения этой великой не только национальной, расовой, но, главное, и социальной революции Тупак Амару, назовем его «вторым», был казнен колонизаторами, однако несколько лет спустя в Южной Америке вспыхнуло новое антииспанское выступление. На этот раз это была освободительная война здешних белых, то есть креолов, против своих европейских владык. И хотя в этой борьбе индейцы Перу и других стран, входивших в состав Тауантинсуйу, принимали лишь незначительное участие, тем не менее вожди освободительного движения вновь выступили с именем Инков на устах. На памятном конгрессе, состоявшемся в Тукамане, представитель восставших генерал Бельграно предложил, чтобы государство инков бы-

ло вновь восстановлено и чтобы на трон Южной Америки, свободной от испанских колонизаторов, вновь взошли Инки.

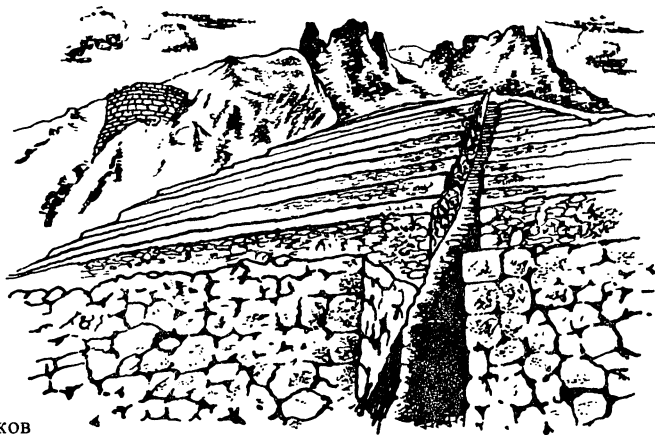
Впрочем, несмотря на победу креольской революции и образование латиноамериканских республик, в положении индейцев Анд в действительности мало что изменилось. Еще и сегодня коренные жители этой части Нового Света надрываются ничуть не меньше, чем в худшие времена испанских колониальных правителей. По-прежнему им нередко приходится гнуть спину, работая у помещиков как полукрепостные «понгос», то есть бесправные сельскохозяйственные рабочие, сгибающиеся под тяжестью множества обязанностей. Еще и сейчас в некоторых областях Перу на полях латифундистов работают в качестве так называемых «кильячакаро» индейские дети, работают вообще без какого бы то ни было вознаграждения. Еще и по сей день в некоторых рудниках Анд за ничтожную плату надрываются индейские рабочие.

Впрочем, кое-что все-таки изменилось и в Андах. Во всех трех южноамериканских республиках, некогда составлявших ядро территории империи инков, были приняты и в известной мере на практике применяются законы в защиту индейцев.

Благодаря этим законам было окончательно покончено со многими наиболее отвратительными пережитками, оставшимися со времен феодализма.

В Перу, Боливии и Эквадоре сократился рост смертности индейского населения, столь характерной для эпохи колониализма. Теперь так называемая демографическая кривая повернула вверх. Во всех трех странах, ранее входивших в состав Тауантинсуйу, за последние сто лет численность индейцев резко возросла.

И на самом деле, в настоящее время эти республики Южной Америки, населенные преимущественно индейцами, имеют один из самых больших приростов населения во всем мире. Не увеличивается, однако, лишь величина земельных наделов, принадлежащих индейским крестьянам. Они по-прежнему живут в традиционных общинах («комунитадес»), являющихся подобием айлью инков. За ростом индейского населения не поспевает и увеличение количества рабочих мест в промышленности этих стран. А поскольку социальные проблемы индейцев Анд все еще полностью не решены, то для многих из них и теперь — спустя более 500 лет после крушения империи — Тауантинсуйу ассоции-

Террасные поля перуанских инков

Потомок инков —
индеец-кечуа,
житель гор

руется с государством социальной справедливости, со страной благоденствия, довольства и мира.

Слово «Инка» для многих жителей Перу, Боливии или Эквадора и по сей день является синонимом блага и справедливости. Вот почему, когда несколько лет тому назад в Перу военные приступили к осуществлению своих крупных социальных реформ, они назвали лежащий в их основе план «Инка». Язык инков —

кечуа — был провозглашен вторым официальным государственным языком этой республики. Когда в соседней республике Эквадор несколько лет тому назад пришел к власти новый президент, то свое первое выступление он произнес уже на языке кечуа. Эти примеры, относящиеся к нашему времени, являются свидетельством того, что и здесь, в Андах, на территории бывшей империи инков, все-таки происходят кое-какие изменения. Они являются предвестниками того, что в грядущих переменах, которые последуют, несомненно, очень важную, перво-степенную роль, будут играть местные индейцы — внуки и правнуки жителей Тауантинсуйу.

Вполне естественно, что здесь по-прежнему будут вспоминать инков. И конечно же, в первую очередь Тупака Амару II, «сына Солнца», в жилах которого текла кровь Инков, но который тем не менее имел иную мораль и иные принципы. Именно он в конце XVIII столетия благодаря своей великой революции впервые предпринял попытку отвоевать для индейцев Анд подлинно человеческие условия жизни.

Да, 19 августа 1533 года в Кахамарке соборный колокол звонил за упокой одной индейской империи, одного индейского владыки. Эхо этого перуанского колокола и сегодня все еще звучит в Андах. Этот колокол будет звучать, и звуки его будут нестись через высокие прекрасные горы, через годы и столетия до тех пор, пока коренной народ этих стран — индейцы бывшего Тауантинсуйу — не добьется справедливой жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Новую книгу хорошо известного советским читателям чешского писателя Милослава Стингла можно было бы назвать вершиной его творчества. В ней четко выразились те идеи и установки автора, благодаря которым он снискал всемирную популярность. Правда, в СССР трудно представить книгу об инках, залежавшуюся на прилавках. Уж слишком интригующа сама тема и слишком мало работ по ней доступно нашему читателю. Однако за рубежом, где об инках написаны сотни монографий и статей — от строго академических до откровенно ненаучных — Стингла тоже переводят. Это значит, что в его книгах есть оригинальность и привлекательность. В чем они состоят?

В последние десятилетия многие историки и этнографы старались показать в своих работах, что жизнь людей в прошлом, тем более на других континентах, существенно отличалась от привычной для нас. При этом главные различия состояли не в том, что люди носили другую одежду (а некоторые не носили ее вовсе), пользовались другими орудиями или строили не похожие на наши жилища. Гораздо существеннее, что у них были иные духовные ценности, идеалы, представления о мире, своеобразные формы общественных отношений. Искать поэтому точных аналогий между явлениями современного мира и прошлого не приходится. Любые параллели окажутся в

лучшем случае приближенными, в худшем – глубоко неверными.

Широкому читателю разобраться в подобных тонкостях бывает часто нелегко. От популярной по жанру книги он ожидает прежде всего простоты и занимательности. Новая информация, как известно, выглядит интересной и усваивается лишь тогда, когда ее не слишком мало, но и не слишком много. В первом случае текст покажется скучным, во втором – непонятным и тяжелым. М. Стингл тонко чувствует потребности своих читателей. Придерживаясь основной исторической канвы, черпая «сырые» факты из обширной научной литературы, он тем не менее умеет так подать материал, что читатель, с одной стороны, не почувствует себя некомпетентным, а с другой – останется в убеждении, что существенно расширил свой исторический кругозор.

Прочитавшие книгу «Государство инков. Слава и смерть «сыновей Солнца» могли в полной мере насладиться южноамериканской экзотикой и в то же время избежали встречи с чем-то чужим, непонятным, о чем сами ученые не имеют устоявшегося мнения. Правда, специалист с трудом заставит себя поверить, что речь здесь действительно идет о существовавшем доподлинно индейском обществе, а не о фантастическом государстве в духе Вольтера, Свифта или Гофмана.

Автор сделал все, чтобы надеть на своих героев знакомую читателю маску, сделанную по европейскому образцу. Очень характерно в этом смысле употребление таких слов, как «академия наук», «университет», «епископы», «теологический собор», «агрессор», и многих других, сравнение Мама Окльо (о которой как о живом человеке практически ничего не известно) с Лукрецией Борджиа и т. п. Такого рода уподобления туземных реалий европейским – результат не плохой

осведомленности, небрежности или своего рода журналистского лихачества М. Стингла, это его сознательная позиция. Взять, к примеру, «звон инкских мечей», который раздавался в разных уголках Анд (см. часть вторую, главу XIII). Разумеется, никаких мечей у инков не было, и автор прекрасно знает, что воины Тупака Юпанки (в отличие от воинов Александра Великого), дрались палицами. Однако этого не знает массовый читатель, для которого «меч» есть чуть ли не символ любого доиндустриального, но уже не первобытного общества. Объяснить же, почему у южноамериканских индейцев не было мечей, в двух словах невозможно – в этом элементарном факте отразилась вся глубина различий между Старым и Новым Светом.

Многие авторы публикуют в своих книгах об инках замечательные иллюстрации, позаимствованные из хроники Гуамана Помы де Аяла, созданной в начале XVII века. Так же поступил и М. Стингл, но у него эти выразительные рисунки приобрели совсем особый смысл. Наверное, впервые в перуанистике использованы не их достоинства, а их недостатки.

В жилах Гуамана Помы текла индейская кровь, его хроника – один из наиболее достоверных источников по культуре инков, но вот рисовать ее автор научился, глядя на европейские образцы. Царственные особы на рисунках Гуамана Помы носят инкскую одежду, но снабжены порой чисто европейскими атрибутами, такими, как гербы или длинные алебарды. Весьма приближенно передан расовый тип индейцев. Кроме того, в облике и позах изображенных людей есть нечто глубоко чуждое традициям искусства народов Анд. Лица переданы не в фас или профиль, а в пол-оборота; пропорции тел близки к естественным, тогда как индейцы рисовали фигуры коренастыми, с большой головой. Наивной с

точки зрения современной науки кажется, конечно, и попытка Гуамана Помы изобразить инкских правителей, внешность которых никто, естественно, не помнил и большинство которых никогда не совершали приписываемых им поступков и не были правителями в том смысле, как это понимали испанцы.

Однако для М. Стингла рисунки Гуамана Помы оказались удачайшей находкой. В глазах неискушенного читателя они словно свидетельствуют об истинности создаваемого на страницах образа инкского государства – вымышленной полувосточной монархии, короли и подданные которой нарядились в экзотические костюмы.

Будет, вероятно, излишней мелочностью отмечать в книге М. Стингла разного рода конкретные погрешности против исторической истины. Тот, кто захочет узнать о культуре индейцев больше, а главное, точнее, обратится к другим источникам (см. список литературы). Лишь об одном на редкость живучем современном мифе, который повторяет и М. Стингл, хотелось бы сказать особо. Речь идет о так называемом путешествии Тупака Юпанки на плотках по Тихому океану.

Автору «Государства инков», по-видимому, и самому кажется излишне смелым предположение о плавании перуанцев к островам Меланезии, но уж на Галапагосах-то Инка бывал: ведь там найдена древняя керамика! Дело, однако, в том, что подобной керамики на Галапагосах никто не находил. В свое время о ее существовании заявил известный норвежский путешественник Тур Хейердал, посетивший архипелаг в 1953 году, но ученые немедленно подвергли сомнению это сообщение. В 1960-х годах были собраны убедительные доказательства того, что соответствующие черепки относятся к периоду, когда острова стали посещать европейцы. С точки зрения

американистов, проблема была закрыта, однако широкая публика не всегда прислушивается к опровержениям сенсаций и фальшивок. Массовый читатель так и пребывает в убеждении, что перуанские индейцы плавали по Тихому океану.

Все это не значит, что история плавания Тупака Юпанки полностью вымышленна. Наиболее вероятно, как писал советский ученый Ю. В. Кнорозов в комментарии к русскому изданию хроники Гарсиласо де ла Веги, что речь идет о каботажном плавании к берегам Колумбии или Панамы. Жителям побережья Эквадора этот путь был знаком с древности. Что же касается плаваний южноамериканских индейцев в открытый океан, то никакими доказательствами этого на сегодняшний день наука не располагает.

Как бы там ни было, путешествие Тупака Юпанки не главный эпизод в инкской истории. Оставя на совести чешского автора Лукрецию Борджиа и Александра Великого, посмотрим, каковы действительно важнейшие ее этапы.

Как теперь уже хорошо знает читатель, столицей инкского государства был город Куско, расположенный на юго-востоке горного Перу, в верховьях реки Урубамбы. До возвышения инков эта долина в андской истории играла скромную роль. Люди, умевшие делать керамику, появились здесь лишь в конце II тысячелетия до н. э. Это были создатели культуры Маркавалье, пришедшие сюда из района к северу от озера Титикака и занимавшиеся скотоводством, охотой и земледелием. Они сеяли фасоль, наверное, кукурузу, но доказательств, что им был известен картофель, пока нет. Аналогии культуре маркавалье встречаются в различных памятниках южного и центрального Перу – в горах, на побережье и даже к востоку от Анд. Возможно, что весь этот огромный район в конце II – начале I тысячелетия до н. э. занимали родственные племена.

Маркавалье просуществовала пятьсот лет, не меняя своего чисто сельского облика. На севере Перу в то время уже были крупные поселения, монументальные храмы и развитые оросительные системы. Около 600 года до н. э. на смену маркавалье приходит культура Чанапата. О ней известно пока очень мало, а памятников, датируемых несколькими веками до и после нашей эры, в долине Куско пока вовсе не найдено. Похоже, что этот район остается в тени двух формирующихся горных центров древнеперуанской цивилизации, один из которых находился в бассейне озера Титикака (Пукара, Тиауканако), а другой близ города Аякучо (Уари).

В середине I тысячелетия н. э. окрестности Куско вошли в состав государства с центром в Уари. Люди Уари возвели здесь один из своих главных провинциальных центров – Пикильякту. В нем насчитывалось более 700 каменных построек. Городское ядро составляли 508 стандартных помещений, которые до недавних пор единодушно признавались складами. Инки в подобных складах («колька») хранили сельскохозяйственную и ремесленную продукцию, собранную с подчиненного населения. Проведенные в 1982 году раскопки показали, однако, что по крайней мере часть колька были жилыми помещениями. Быть может, здесь размещался военный гарнизон или мобилизованные на работы окрестные крестьяне.

Примерно в VIII веке н. э. Пикильякта была оставлена вместе со всеми прочими центрами культуры Уари. Тогда же, или несколькими веками позднее, погибла цивилизация Тиауканако, почти тысячу лет процветавшая на северо-западе Боливии и в сопредельных районах Перу. Драматические события, происходившие в это время в Андах, имели уже прямое отношение к сложению ранней инкской культуры.

Некоторые зарубежные исследователи полагают, что Тауантинсуйу унаследовало формы политико-экономической организации прямо от государства Уари. Это несколько сомнительно, ибо обе цивилизации все же разделены тремя-четырьмя «темными» веками, когда в горных районах южного и центрального Перу всякая городская жизнь временно угасла. Нельзя считать доказанным и часто встречающееся утверждение, будто древние обитатели Уари говорили на том языке кечуа, от которого произошли его современные диалекты, в том числе кусканский. Далеко не ясно, совпадает ли время расселения носителей кечуанских диалектов с периодом экспансии культуры Уари (VI–VII века н. э.) или же, наоборот, следует за ее гибелью (VII–VIII века н. э.). Есть аргументы в пользу того, что язык кечуа вообще проник в Перу с востока, из области тропических лесов.

Существует, пожалуй, лишь одно документально подтвержденное соответствие между культурами Уари и инкской: употребление кипу. Связки разноцветных шнурков были недавно найдены в могилах уари на южном и центральном побережье. Однако и это соответствие не полное. Кипу ведь называют «узелковым письмом», а вот узелков-то на предметах уари как раз и нет. Вся информация на них закодирована только цветом нитей. Кроме того, идея использования шнурков для передачи сообщений могла быть в древности распространена очень широко, у самых разных племен. Ведь и знаменитый вампум североамериканских индейцев очень близок по своему характеру к кипу.

Как бы то ни было, предметом обсуждения могут быть лишь связи уари с коренным населением долины Куско, но те «царские» инки, которые возводили свой род к Манко Капаку, отношения к древней цивилизации, уж во всяком случае, не

имели. Скорее их предки могли быть близки к племенам, ее разрушившим.

Читатель помнит, что Манко Капак, согласно инкским легендам, вместе со своей сестрой-женой явился в долину Куско, где ему подчинилось местное население. Считается вероятным, что тот вариант легенды, по которому происхождение инков связано с древним городом Тиауанако, сравнительно поздний. Его сочинили жрецы уже после того, как инки захватили бассейн озера Титикака и познакомились с величественными руинами. Легенда о выходе восьми братьев и сестер из пещеры Пакари-Тампу более правдоподобна, но не в том смысле, что Манко Капак и его родственники когда-либо существовали как исторические личности. Зато эта легенда может верно указывать примерный район первоначального обитания «царских» инков и маршрут их движения.

До переселения в долину Куско инки, видимо, обладали сравнительно мало-развитой культурой и занимались охотой, собирательством, примитивным земледелием и скотоводством. На каком языке говорили они? Это мог быть своеобразный диалект кечуа, отличный от диалекта коренного населения долины, либо язык, родственный аймара. Верования ранних инков, прежде всего почитание бога грома Ильяпы, близки верованиям скотоводческих племен, которые в конце I – начале II тысячелетия н. э. стали расселяться в южном и центральном Перу и теснить более древних обитателей. Родство по крайней мере некоторых из этих племен с аймара доказано, так как их потомки неподалеку от Лимы до сих пор сохраняют свой древний язык.

Центром первоначального расселения подобных племен, согласно их собственным историческим преданиям, был бассейн озера Титикака. Это, однако, не значит, что в них надо видеть потомков создателей тиауанакской цивилизации –

слишком велики различия в культуре между теми и другими. Расселение остальных племен, включая «царских» инков, по времени, однако, как раз приходится на период после гибели цивилизаций Уари и Тиауанако. То ли горцы-скотоводы позарились на богатства земледельцев долин, то ли само расселение племен было спровоцировано упадком и ослаблением Уари и Тиауанако. Климатологи предполагают, что на протяжении последних полутора тысяч лет температурный режим и выпадение осадков в Андах менялись. Быть может, временное ухудшение климата ослабило земледельцев и одновременно вынудило скотоводов искать в долинах новые источники существования. Впрочем, подобные гипотезы еще нуждаются в проверке.

Когда инки заняли долину Куско, они смешались с покоренным населением, восприняв его более высокую культуру. Правда, память о том, какие общины от кого происходят, сохранялась, так что потомки завоевателей продолжали пользоваться привилегиями. Археологически ранняя культура обитателей Куско выделяется своим довольно высоким уровнем на фоне других памятников XII–XIV веков горной части южного и центрального Перу. Возможно, это связано как раз с периферийным положением районов по течению Урубамбы, оказавшихся в стороне от арены наиболее ожесточенных межплеменных войн.

Было бы очень наивно верить словам испанских хроник, согласно которым уже первые потомки Манко Капака являлись королями, а Куско – крупным государственным центром. К созданию подобной легенды приложили руку как сами инки, так и в еще большей мере испанцы, которым чуждые для европейцев формы социально-политической организации требовалось вогнать в привычные рамки «монархий», «династий» и «королей».

Вплоть до начала XV века Куско, ско-

рее всего, мало выделялся среди нескольких таких же, как он, городков, остатки которых найдены в долине Урубамбы. Каждый из них был, надо думать, независимым от других. Составлявшие Куско общины-айлью делились на «верхние» и «нижние» (ханан и хурин). До недавних пор историки склонны были следовать тем испанским источникам, согласно которым сначала городом Куско правила представители половины хурин, после чего их сменили выходцы из половины ханан, причем каждый правящий Инка основывал один из айлью. Из этой гипотезы логически вытекает, что до начала правления первых царей в обеих половинах было нулевое число айлью, но на эту нелепость было принято закрывать глаза.

Американский исследователь Т. Зойдема (основные положения которого приняты сейчас ведущими специалистами) доказал, однако, что у власти в Куско находились одновременно соправители из обеих городских половин и что список предшествовавших Пачакути правителей, в котором они выстроены в последовательный ряд, — фикция. Какие-то вожди, носившие сохраненные традицией имена вроде Синчи Рока или Льоке Юпанки, вероятно, существовали, но мы не знаем, когда они жили, действительно ли их мумии выносили на площадь в Куско во время праздников, а тем более какие события происходили в городе во времена их правления. Вероятно, вожди поочередно выбирались среди представителей разных айлью. Позднее этот факт был представлен иначе: будто вожди основывали айлью. В каждой из половин было пять айлью, но может быть, три или четыре — уверенности здесь нет. Сколько точно вождей (точнее, выбиравшихся одновременно групп должностных лиц) сменилось между захватом инками долины Куско и правлением Пачакути, установить тоже невозможно. Допусти-

мо лишь судить о времени существования инкской культуры по археологическим источникам. Указываемые в хрониках даты правления Манко Капака, скорее всего, подогнаны под 500-летие (священное число), отсчитываемое назад от того или иного события XV–XVI веков. Более того, даже даты правления последних, то есть исторических, Инков приняты в науке достаточно условно — точности до года здесь искать не приходится.

Все это, разумеется, не умаляет достоинств книги М. Стингла, в которой надо видеть скорее оригинальный по замыслу исторический роман, чем обычную популяризацию известных ученым фактов.

Суть тех событий, которые инкское общество пережило в середине XV века, то есть за время правления Пачакути, заключалась в превращении из маленькой полупервобытной протогородской общины сперва в небольшое государство, а затем в крупное царство, сопоставимое с древним египетским (хотя, конечно, не с империей Александра, не с Римом и Константинополем).

К сожалению, о конкретном облике Пачакути, о том, какие именно реформы и при каких обстоятельствах провел этот государственный деятель, мы снова ничего уверенно сказать не можем. Его образ непроницаемо окутан туманом позднейших преданий. У нас нет оснований сомневаться в недюжинных способностях Пачакути, но в какой мере они выразились в создании подлинно нового, а в какой — в заимствовании чужих образцов — не ясно*.

* Остроумная, хотя и бездоказательная трактовка начала царствования Пачакути была предложена Ю. В. Кнорозовым в комментариях в книге Гарсиласо де ла Веги: Пачакути свергает господство одного из государств аймара, в подчинении которого якобы находился Куско, и приказывает переделать всю историческую традицию.

Переход власти в руки Пачакути, вероятно, действительно прошел не гладко. Притязания на трон он обосновывал своей популярностью как военного вождя, которую приобрел в ходе войны с чанками. Систему «коллективного руководства» (соправитель от половины хурин при верховном Инке) Пачакути не уничтожил, но фактически сосредоточил в своих руках значительную полноту власти.

Победа над чанками должна была разрушить многие первобытные устои инкского общества. Если раньше боевые действия сводились к грабежу или в крайнем случае наложению дани, то теперь встал вопрос об управлении завоеванными территориями и создании не племенной, а территориальной административной системы. Вполне вероятно, что несколько обновился состав инкской элиты: в условиях военных действий к руководству легче могли прийти способные администраторы и воины, потеснившие старую, родовую знать. По мнению многих историков, завоевательные войны являются одним из наиболее эффективных факторов, способствующих образованию государства, особенно в тех районах, где, как на юге Перу, было распространено скотоводство (скот – легко отчуждаемое богатство).

Нам пока трудно представить, как выглядело инкское государство в первые годы после победы над чанками, тем более что в этом состоянии оно пробыло недолго: последовавшие завоевания все больше преобразовали его облик.

Прежде всего инки разгромили раннегосударственные объединения индейцев аймара, существовавшие в бассейне озера Титикака. В этом им немало способствовали разногласия между местными племенами. На Титикаке инки завладели многотысячными стадами лам и альпак, составившими основу царских стад.

Нужно заметить, что мясо этих животных потребляли в основном во время жертвоприношений, а шерсть шла на изготовление тканей, которые тоже имели далеко не одну лишь «потребительную стоимость». Они обладали ритуальной, престижной ценностью, сжигались в честь божеств, накапливались в гигантских количествах на складах. Поэтому захват стад значил для инков не меньше, чем для испанцев овладение сокровищами Атауальпы.

Обеспечив победой над аймара свой тыл, инки вскоре вступили в поединок со своим самым серьезным противником – царством Чимор на севере Перу.

Здесь будет полезно ненадолго отвлечься и обратиться к истории Древнего Востока. Как знает читатель еще со школы, в Старом Свете существовало два первичных очага образования государств: Египет и Двуречье (о третьем, протоэламском очаге на юго-западе Ирана данных пока слишком мало). В III тысячелетии до н. э., когда эти центры выходят на арену письменной истории, между ними прослеживаются важные различия. Шумер и Аккад являют собой сообщество городов-государств, в каждом из которых существовала община свободных граждан. Египет уже на самой заре своей истории оказывается объединенным под властью фараонов, которым, по крайней мере юридически, принадлежит вся земля в государстве. Независимых общинных и частных земель здесь в отличие от Шумера нет. Нет в Египте и городов, если понимать под таковыми не просто скопление домов и мастерских вокруг царской резиденции, а автономную общину граждан.

Чем объяснить эти различия? По мнению крупнейшего советского востоковеда И. М. Дьяконова, одной из важных причин были неодинаковые географические условия в Месопотамии и долине

Нила*. Расположенные на разветвленной сети длинных каналов, отходящих от Евфрата и притока Тигра Диялы, месопотамские города-государства имели возможность вступать в разнообразные коалиции друг с другом. При усилении одного из городов против него объединялись соседи, и равновесие восстанавливалось. Иное дело – Египет, где ранние государства-номы были вытянуты цепочкой вдоль единственной реки и могли вступать в контакт лишь с теми, кто находился непосредственно ниже или выше их по течению. Первый же усилившийся и покоривший соседа ном стал дальше по очереди громить остальных, не опасаясь образования враждебных коалиций. В результате Египет был объединен прежде, чем успели сложиться городские общины. Царская власть стала единственной политической силой в стране и единственным полноправным земельным собственником.

Как и в египетском Древнем царстве, у инков правитель считался собственником всех земель. Его персону обожествляли, а разница между государством и хозяйством царя не осознавалась. Инкское государство ведало производством, перераспределением и хранением продукции, а торговцев, по крайней мере как официально признанного сословия, не существовало. Города являлись административными, военными и ремесленными, но не торговыми центрами, ни о каких автономных от царя городских общинах не было и понятия. Характерно, что после победы испанцев все без исключения основанные инками провинциальные города моментально опустели. Это значит, что они были лишь звеном в

централизованной экономической системе, но не являлись самостоятельными, естественно возникшими центрами сельской округи.

Где истоки «тоталитарной» инкской социально-экономической системы? Наличие в долине Урубамбы группы зарождающихся городов-государств, а в бассейне Титикаки нескольких соперничающих раннегосударственных объединений аймара (каждое со своей столицей) обещало, казалось бы, развитие по «шумерскому» пути. Однако молниеносное возвышение Куско после победы над чанками неожиданно нарушило политическое равновесие. Из этого, однако, еще не следовало, что развитие городской жизни в завоеванных общинах должно было сразу же приостановиться. Очень вероятно, что свои предельно выраженные формы хозяйственно-политическая система инков приобрела не после первых походов Пачакути, а лишь в результате покорения государства Чимор, под впечатлением господствовавших в нем порядков.

С северо-запада на юго-восток через все Перу тянутся три природные зоны: засушливое побережье с оазисами вдоль текущих с гор рек, горы и тропические леса Амазонской низменности. В горном поясе выделяются участки холодной пуны, используемой прежде всего под пастбища, и субтропические долины типа кусканской, пригодные для выращивания фасоли и кукурузы. О существовании этих природных поясов можно прочесть в любой работе по археологии или этнографии Анд.

Гораздо реже историки обращают внимание на различие природных условий южного и северного Перу. На севере в горах пастбища относительно невелики, зато на побережье сосредоточены основные площади орошаемых земель страны. На севере прибрежные воды особенно богаты рыбой, на юге, наоборот, огромные пространства Боливийского

* История древнего мира. Т. I: Ранняя древность. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1982, с. 42.

плоскогогорья пригодны для выпаса скота и выращивания картофеля, в то время как крохотные оазисы на побережье со всех сторон зажаты пустыней и горами.

Индейцы горных районов всегда были заинтересованы в доступе к ресурсам побережья, откуда они могли получать продукты тропического земледелия и «дары моря». Поэтому и создатели тиауанакской цивилизации, и аймара организовывали на берегу океана свои колонии. Местные обитатели из-за своей немногочисленности и слабости помешать этой колонизации не могли, а может быть, и не хотели. В обмен на морские и сельскохозяйственные продукты они получали лам для перевозки грузов и, вероятно, добывавшиеся в горах металлы.

Совсем иная ситуация сложилась на северном побережье. Экономический и людской потенциал был здесь значительнее, чем в соседних горах, так что прибрежные жители не пускали к себе никаких колонистов. Начиная с I тысячелетия до н. э. они владели собственными стадами лам и имели возможность добывать руды в ближайших предгорьях, не обращаясь к посредничеству горцев. Получилось, что горцы на севере Перу не могли принудить обитателей побережья к контактам, а те в свою очередь не испытывали нужды в интенсивных связях. Горы и побережье стали поэтому развиваться в относительной изоляции друг от друга, полоса пустынных предгорий превратилась в разделяющий их барьер.

В результате для жителей северного побережья окружающий мир стал таким же «одномерным», как и для древних египтян. Последних с двух сторон окружала пустыня, а цепочку североперуанских оазисов замыкал с одной стороны океан, а с другой – горы. В таких условиях процесс образования первых государств пошел по «египетскому» пути. Оказавшееся сильнее других государство в долине Моче стало по очереди захватыв-

ать земли соседей, не имевших возможности объединиться, дабы дать отпор.

К моменту, когда армия инков отправилась на север, границы прибрежного царства Чимор приобрели очень странную конфигурацию. С севера на юг это государство протянулось почти на тысячу километров, но его ширина не превышала размеров отдельных оазисов: 50–70 километров и менее.

Анализ многочисленных археологических данных свидетельствует, что государство Чимор задолго до появления инкского государства являлось воплощением свойственного инкам политико-экономического идеала. Независимо от того, насколько уже в ранней инкской культуре были заложены те же тенденции, знакомство с более зрелым и ранним примером не могло не повлиять на развитие Тауантинсуйу. За время жизни одного поколения в руках инков оказались огромные области, которыми требовалось управлять. Собственного опыта управления завоеванными территориями у обитателей Куско не было. Чимор же являлся другим крупным, многоплеменным государством в Перу. Таким образом, у инков не осталось иного выхода, как воспроизвести у себя социальные и политические институты поверженного врага.

Помимо принципиального сходства между обществами Чимор и инков, можно привести примеры вероятных частных заимствований одних у других. М. Стингл посвятил целую главу рассказу об «акля» – «избранных женщинах», содержащихся в инкских «акляуази». Жрицы, призванные заниматься только делами культа и выключенные из повседневной жизни общины, существовали у разных народов мира, в том числе и у некоторых племен Амазонии в XIX – начале XX века. Культовая деятельность древнеперуанских акля, вероятно, с очень ранних пор предусматривала из-

готовление тканей. Как было сказано, ткачество в древнем Перу являлось не только ремеслом, но и священнодействием. Однако в эпоху инков лишь незначительную привилегированную часть акля можно назвать жрицами. Большинство остальных жило на положении «подневольных работников рабского типа», занятых в массовом, организованном государством производстве материи для самых разнообразных нужд.

Один из испанских хронистов сообщает, что на северном побережье также были девственницы типа акля, но посвященные не Солнцу, а местному богу (не богине, как пишет М. Стингл) Луны. Хотя первобытный обычай отбирать женщин для служения божествам мог существовать у инков издавна, приспособлявая его к изменившимся условиям государственной экономики, они, скорее всего, взяли за образец Чимор. На северном побережье крупные мастерские, в которых женщины занимались изготовлением тканей, существовали по крайней мере уже в IV–V веках н. э. Об этом свидетельствует рисунок на сосуде культуры Мочика с изображением такой мастерской.

Сильное впечатление произвели на испанцев инкские дороги. Это были не только утилитарные, но и престижные объекты. По обеим их сторонам нередко выкладывали камни или даже возводили невысокие стены. Практического назначения подобные ограды не имели, но, как и всякие другие монументальные сооружения, они наглядно демонстрировали мощь государства и царящий в нем порядок.

Доинкских дорог в горах Перу пока не найдено. Иное дело – северное побережье, где широкие дороги с обрамлением из камней появляются, по-видимому, еще в I тысячелетии н. э. Весьма вероятно, что инки начали строительство собственных дорог по образцу Чимора.

Можно задать вопрос: почему инки сравнительно быстро одолели своего мощного противника?

О подробностях сражений, происшедших на побережье Перу в середине XV века, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Приводимая М. Стинглом версия падения прибрежного царства лишь одна из возможных. Письменные источники, на которые она опирается, противоречат друг другу, а археологические исследования еще недостаточно. В прошлом предполагалось, что на южных границах государства Чимор была воздвигнута система укреплений против инков: длинные стены и крепость Парамонга. Однако оказалось, что стены относятся к дочиморскому времени, а Парамонга при инках являлась, по-видимому, храмом. Возведена ли она была в своей основе еще при Чиморе и была ли когда-либо крепостью – неизвестно.

Изыскания археологов привели их к выводу, что еще в конце XIV века экономика северного побережья вступила в полосу кризиса. По крайней мере одна из его причин хорошо известна. В этом районе происходит очень быстрое по геологическим масштабам поднятие земной коры. В результате русла рек все глубже врезаются в грунт, головные сооружения каналов оказываются выше уровня воды, и новые каналы надо строить гораздо более длинными. Именно поэтому последнюю тысячу или даже полторы тысячи лет орошаемые площади на северном побережье сокращались и продолжают сокращаться до сих пор.

Удалось проследить перипетии поистине трагической борьбы жрецов-«инженеров» Чимора с силами, противостоять которым не властна даже современная цивилизация. Правители Чимора задумали прорыть крупнейший в древнем Перу канал от сравнительно полноводной реки Чикама до маленькой речки Моче, где находилась их столица Чан-

Чан. Этот канал (Ла-Кумбре) был призван не только оросить новые поля, но и снабдить водой растущий город. Длина трассы превысила 70 километров, в основном она прошла по крутым и извилистым склонам холмов. Читатель должен учесть, что русло любого канала на всем протяжении должно иметь одинаковый и строго определенный наклон. Если этот наклон окажется меньше требуемого, на соответствующем участке начнется отложение ила, если же больше – быстро текущие струи размоют сооружение.

Рассчитать оптимальную трассу канала Ла-Кумбре – сложная задача даже для современных ирригаторов. Как справились с ней древние индейцы, что называется, уму непостижимо. Но боги, как видно, позавидовали их искусству. Когда канал был уже почти готов, произошла тектоническая подвижка и на конечном участке русло оказалось направленным не вниз, а вверх по склону. Гигантский труд многих тысяч людей пропал впустую.

Надо полагать, что такого рода события имели не только неблагоприятные последствия для экономики самой по себе. Скорее всего, они вызывали в народе пессимистические настроения, демонстрируя «гнев божеств». А это, как известно, не способствует победе над врагом.

Кстати, о божествах Чимора известно довольно мало. Главой пантеона был бог Луны, но все ли святилища посвящались персонально ему – сказать трудно. При несомненной важности религии в жизни этой, как и любой другой, древней цивилизации, официальный культ в Чиморе приобретал все более рутинный, формальный характер, маскируя чисто бюрократические по сути институты. Если в I тысячелетии главными монументальными сооружениями на северном побережье были храмы на массивных плат-

формах, то более поздние святилища стали выглядеть скромно, тогда как главное внимание в Чиморе уделялось возведению резиденций правителей и наместников. В самих этих резиденциях – сооружениях в форме прямоугольника площадью до нескольких десятков гектаров, обнесенных глухими стенами с единственной дверью и имеющих внутри сложную планировку, – здесь и там находились так называемые «аудиенсии». Это маленькие П-образные комнатки, открытые с одной стороны. Лицо, находившееся в аудиенсии, имело возможность контролировать любые передвижения по коридору. Восходят аудиенсии к святилищам на вершинах пирамид, но к XV веку они, по-видимому, превращаются всего лишь в «присутственные места» бесчисленных чиновников. Поскольку, однако, чиновники являлись представителями божественной особы, вступать с ними в какие-либо конфликты было, вероятно, еще более бесперспективно, чем с их современными коллегами.

В Чиморе, как ни в одном другом государстве древнего Перу, существовала пропасть между знатью и крестьянами-общинниками, трудившимися на полях, рывшими каналы и возводившими монументальные здания. Дело дошло до того, что знати и простолюдинам стали приписывать разное происхождение. Первые, мол, вылупились из золотых и серебряных яиц, посланных с неба, а вторые – из медных. В «нормальных» индейских мифах такого рода разным происхождениям могут наделяться лишь люди разных племен (при этом иноплеменики считаются не совсем людьми). Впрочем, вполне возможно, что правящий класс Чимора действительно возводил родословные к иной этнической группе, нежели остальной народ (так же ведь было и у инков).

Короче говоря, Чимор был «старым» государством, обремененным многочис-

ленными и, как это известно на примере Древнего Востока, принципиально неразрешимыми в пределах данной системы общественных отношений социальными и экономическими проблемами. «Молодые» инки, общество которых отличалось в то время более высокой социальной мобильностью, не могли его не одолеть. Однако вместе с тысячами ремесленников и грудами золота (но не драгоценных камней, которых вопреки М. Стинглу в Перу не было вовсе) Тауантинсуйу унаследовало и все пороки того общества, на которое инки, вероятно, равнялись.

Несмотря на свою впечатляющую военную мощь, инки, особенно на первых порах, оказали слабое сопротивление испанцам. Конечно, дворцовые интриги и борьба претендентов за власть, о которых пишет М. Стингл, сыграли свою роль. Однако они сами были следствием глубокого внутреннего кризиса Тауантинсуйу.

Скорее всего, в инкском государстве происходили те же процессы, что и в других древнейших империях, таких, как державы потомков Саргона Аккадского, третья династия Ура, Древнее царство в Египте. Как только закончился период активных завоеваний, бюрократическая система управления стала быстро окостеневать и не могла уже справиться с возложенными на нее задачами. Идеал государственного устройства все больше расходился с практикой. Инкские администраторы и местная знать склонялись к тому, чтобы рассматривать данные им в управление земли как свои собственные. Общинники, которые в интерпретации Гарсиласо де ла Веги были исполнены лишь трудового энтузиазма да благодарности великому Инке за наилучший из возможных общественный порядок, стремились любыми способами уклониться от бремени непосильных повинностей. Включенные в империю народы

мечтали о независимости.

Советская исследовательница И. К. Самаркина пишет об этом так: «Огромное государство, скрепленное силой оружия завоевательных походов, разваливалось на глазах. Восстания, столь частые в период правления Уайна Капака, опустошали области, приводили в расстройство экономическую систему. ...Вся мощь и авторитет власти, карательная десница государства были направлены на прикрепление населения к общине, к месту жительства. Но эти меры уже не сдерживали потока беглецов, которые образовали довольно значительную армию непроизводительного населения. Бродяжничество стало серьезным социальным злом, представлявшим постоянную угрозу властям. И это в полной мере сказалось в момент встречи с испанцами»*.

В централизованном инкском государстве нашлось очень мало социальных групп, готовых защищать его после того, как испанцы овладели верхушкой иерархической системы, то есть пленили Атауальпу. Провинциальные администраторы были не способны к самостоятельным инициативным действиям, не получая приказа сверху. Города опустели, ибо в них в основном обитали временные подневольные работники. Тем более пассивны остались толпы крестьян. Жители некоторых областей (например, долины Ика на южном побережье) вообще увидели в конкистадорах своих освободителей.

Лишь позднее, когда католическая церковь стала жестоко искоренять языческие культы, включая обряды и верования, распространенные в народной среде, а колониальная администрация начала посылать индейцев в рудники, в стране началось массовое недовольство, а инки

* Н. К. Самаркина. Община в Перу. М., 1974, с. 74.

превратились в символ сказочно счастливого прошлого, в героев борьбы с угнетателями. В XVIII веке это недовольство вылилось в серию восстаний, закончившихся грандиозным и чрезвычайно кровавым мятежом 1780–1783 годов во главе с Тупаком Амару II (Хосе Габриель Кондорканки).

До сих пор среди перуанских индейцев бытуют легенды об Инкарри (Инка-Рэй – Инка-Царь) – индейском правителе-божестве, побежденном испанским королем, Христом или Писарро. Голова Инкарри похоронена в Куско, и у нее потихоньку отрастает новое тело. Когда Инкарри вновь обретет все свои члены, он низвергнет европейских пришельцев и восстановит древнее царство. Подобного рода современные мифы типичны для многих народов и связаны с миллениаристскими движениями – проповедью близкого наступления «тысячелетнего царства» справедливости. Иногда такие движения принимают форму христианских сект, а порой (в том числе в Перу и Боливии) на них пытаются опереться «крайне левые» революционеры.

Слабость сопротивления, оказанного индейцами Перу конкистадорам, особенно заметна на фоне того решительного отпора, который дали захватчикам два маленьких народа, живших на далеких границах Тауантинсуйу. Речь идет о чилийских арауканах и эквадорских хиваро. Некоторые группы тех и других были в свое время подчинены правителями Куско и разделили после прихода испанцев судьбу многих других народов империи. Однако те хиваро и арауканы, которые сохранили свободу при инках, столь же яростно отстаивали ее и позже. Первый натиск обещал испанцам успех, но, немного освоившись с новым врагом, хиваро и арауканы перебили присланные к ним гарнизоны и воспрепятствовали проникновению новых отрядов. Арауканы оставались независимыми до 1883 года, а

хиваро фактически до начала второй мировой войны.

Объясняется это тем, что оба народа к моменту столкновения с испанцами находились еще на догосударственной стадии развития. У них не было регулярной армии, зато воином являлся каждый мужчина без исключения. Испанцы не могли обезглавить движение, пленив «короля» или заняв столицу – таковых не было. Индейцы избегали крупных сражений, а старались заставить противника врасплох, когда он не ожидал нападения. Обычные междоусобицы в минуту опасности были отложены ради главного дела.

Сказанное означает, что поражение перуанских индейцев в борьбе с испанцами нельзя объяснять одними лишь общими соображениями о военном превосходстве Европы эпохи зарождающегося капитализма над более отсталыми обществами. Среди последних далеко не все были одинаково уязвимы.

Заканчивая это послесловие, хотелось бы еще раз напомнить, что история и культура инков, как и других народов древней Америки, известна еще не достаточно. Здесь возможны неожиданные открытия, вносящие серьезные коррективы в наши знания. Новая трактовка традиционного списка инкских правителей лишь один из примеров. Другой – проникновение в тайну инкской астрономии, осуществленное в последние годы. Сравнивая данные хроник с календарно-астрономическими представлениями современных кечуанских крестьян, живущих неподалеку от Куско, ученые пришли к выводу о важных отличиях древнеперуанской астрономии от систем, созданных народами северного полушария.

Оказалось, что главным объектом в астрономии кечуа является Млечный Путь – «Майю» («Небесная река»). По-разному пересекаясь с горизонтом зимой

и летом, она делит мир на четыре сектора. На небе выделены не столько созвездия в нашем понимании, сколько пятна межзвездной пыли на фоне Майю, большинство которых можно наблюдать лишь в тропиках и в южном полушарии. Эти «черные созвездия» носят названия животных, которые, вставая из-за горизонта, как бы преследуют друг друга. Не известны ни эклиптика, ни зодиак. В зависимости от высоты Солнца над горизонтом мир делится на три сегмента, границы между которыми образованы линиями, соединяющими точки восхода и захода в определенные дни. Разные сегменты связаны с периодами сева или сбора урожая. В Куско к западу от города на гребне горы стояли разрушенные конкистадорами каменные столбы, по которым, ведя наблюдения от главного храма города, жрецы определяли, в каком сегменте находится солнце.

Одна и та же звезда или планета называется по-разному в зависимости от ее положения по отношению к Солнцу, и наоборот, разные звезды могут называться одинаково. Например, каждой из четвертей, на которые делится мир, соответствует светило, оказывающееся в определенном положении на небе перед восходом Солнца. Такое светило именуется Пачапакарик Часка, но может попеременно соответствовать нескольким ярким звездам или планетам.

На первый взгляд может показаться, что при таком приближенном методе определения звезд и планет точности от подобной системы ждать не приходится. Однако это не так. Наблюдение за распо-

ложением различных «черных» и обычных созвездий, Солнца, Луны дает возможность прийти к одному и тому же выводу разными способами, уточняющими друг друга. График сельскохозяйственных работ в районе Куско включает по крайней мере 18 важнейших видов деятельности продолжительностью от полутора-двух недель до двух с половиной месяцев и охватывающих весь год. Так как ни один из 50 (помимо Солнца и Луны) значимых небесных объектов не остается «без дела», время начала и завершения работ легко определяется с точностью до дня.

Подобная календарно-астрономическая система носит ярко выраженный прикладной характер, но в этом она достигла большого совершенства. Видимо, андская астрономия так же хорошо удовлетворяла практические нужды создавшей ее цивилизации, как и астрономия майя или египтян. Кроме того, возможно, что жрецы путем наблюдений или умозрительных спекуляций пытались развить астрономию и календарь далее тех пределов, в каких они необходимы для обслуживания хозяйственной деятельности. Например, у инков были, по видимому, представления о временных циклах продолжительностью до 5000 лет, тогда как у современных крестьян максимальный цикл составляет лишь 15 лет. Однако об этих теориях древнеперуанских мудрецов нам еще почти ничего не известно.

Ю. Е. Березкин

ЛИТЕРАТУРА

- Anton, Ferdinand. Alt-Amerika und seine Kunst. Leipzig, 1977.
- Anton, Ferdinand. Alt-Peru und seine Kunst. Leipzig, London, New York, 1972.
- Anton, Ferdinand. Altindianische Textilkunst aus Peru. Leipzig, 1984.
- Bandelier, A. F. The Islands of Titicaca and Koati. New York, 1910.
- Bastian, A. Die Culturländer des alten America, t. 1–3. Berlin, 1878–1889.
- Baudin, Louis. Der sozialistische Staat der Inka. Hamburg, 1956.
- Bingham, H. Lost city of the Incas. New York, 1948.
- Bird, Junius B. Technology and Art in Peruvian Textiles, pp. 46–77.–In: Technique and Personality. The Museum of Primitive Art. New York, 1963.
- Bollinger, Armin. So bauten die Inka: Strassen Brucken. Bewässerungsanlagen. Häuser. Städte im alten Peru. Diessenhofen, 1979.
- Busto, J. A. Perú Incaico. Lima, 1976.
- Brundage, B. C. Empire of the Inca. Norman, 1963.
- Collier, D. El desarrollo de la civilización Peruana. Bogotá, 1934.
- Conklin, William. “An Introduction to South American Archaeological Textiles with Emphasis on Materials and Techniques of Peruvian Tapestry”.–In: Irene Emery. Roundtable on Museum Textiles, 1974. Proceedings, Archaeological Textiles, pp. 17–30. The Textile Museum. Washington.
- Disselhoff, Hans-Dietrich. Alltag im alten Peru. 2. Aufl. München, 1981.
- Draeger, L. Das Alte Peru. Leipzig, 1964.

- Dzikowska, E. Vilcabamba—ostatni stolica inków. Warszawa, 1979.
- Eisleb, Dieter. Altperuanische Kulturen. Berlin, 1975.
- Eisleb, Dieter. Alperuanische Kulturen III Tiahuanaco, unter Mitarbeit v. Christian Goedicke, Museum f. Völkerkunde, Berlin, 1980.
- Engel, Frederik. An Ancient World Preserved. New York, 1976.
- Engel, Frederik. Historia elemental del Perú Antiguo. Lima, 1965.
- Favre, Henri. Les Incas. 3-e éd. Paris, 1980.
- Frankowska, M. Sistemas de propiedad en la sociedad incaica.—In: "Ethnologia polona". Wrocław, 1975, vol. 4, pp. 125–139.
- Gade, D. W. Inca and colonial settlement, coca cultivation and endemic disease in the tropical forest.—In: "Journal of historical geography", 1979, vol. 5, № 3, 263–279.
- Galgiano, J. A. La medicina popular y la coca en el Peru: un analisis historico de actitudes.—In: "America indigena". Mexico, 1978, vol. 38, № 4, 789–805.
- Guillén, E. G. Ustalenie lokalizacji Vilcabamby, ostatniej stolicy inków.—In: "Acta archaeol. carpathica". Kraków, 1979, t. 19, s. 171–178.
- Haberland, W. Gold in Alt-Amerika. Wegweiser zur Völkerkunde, Heft Peru. Berlin, 1960.
- Hagen, V. W. von. Los incas: Pueblo del sol. Mexico, 1981.
- Hagen, V. W. von. Realm of the Incas. New York, 1957.
- Hel Fritz, H. Südamerika—präkolumbianische Hochkulturen. Köln, 1973.
- Johnson, G. R. Peru from the air. American Geographical Society. Special Publications, № 12, New York, 1930.
- Kaufmann Doig, Frederico. Arqueología Peruana. Vision Integral... Lima, 1970.
- Kaufmann, Doig, Frederico. El Peru Arqueológico. Lima, 1979.
- Kelm, H., Münzel, M. Herrscher und Untertanen—Indianer in Peru 1000 v. Chr. Frankfurt, 1973.
- Lapiner, Alan. Pre-Columbian Art of South America. New York, 1976.
- Lara, J. El Tawantinsuyu. Cochabamba, 1974.
- Lumbreras, Luis Guillermo. De los pueblos, las culturas y los artes del Antiguo Peru. Lima, 1969.
- Lumbreras, Luis Guillermo. La Arqueología Como ciencia Social. Lima, 1974.
- Mason J. Alden. The ancient civilizations of Peru. Harmondsworth, 1978.
- Métraux, A. Les Incas. Paris, 1962.
- Ortloff, Ch. R., Moseley, M. E., Foldman, R. Hydraulic engineering aspects of the Chimu Chicama—Moche intervalley canal.—In: "American antiquity", Washington, 1982, vol. 47, № 3, p. 562–595.
- Pease, Franklin G. Y. Del Tawantinsuyu a la historia del Peru. Lima, 1978.
- Porras Barrenchea, Raúl. Los Cronistas del Perú. Lima, 1962.
- Porras Barrenchea, Raul. Pizarro. Lima, 1978.
- Rácz, I. Perun taide. Helsinki, 1975.
- Rowe, John Howland. An introduction to the Archaeology of Cuzco. Cambridge, 1944.
- Rowe, John Howland. Archaeoastronomy in Mesoamerica and Peru.—In: "Latin Amer. research rev.", Austin, 1979, vol. 14, № 2, p. 227–233.
- Raun, Patrick. Les trésors des Incas (Mythes et réalités). Paris, 1978.
- Samanez, Argumento R. Plan COPESCO: Experiencias en la restauracion de monumentos.—In: "Americana indigena". Mexico, 1979, vol. 39, № 4, p. 863–875.
- Stornailo, Ugo. La civiltà incaica: Nella sua storia e nei suoi riflessi sull'attuale realtà americana. Milano, 1975.
- Tesner, D. R. Maritime hunter-gatherers: ecology and prehistory.—In: "Current anthropology". Chicago, 1980, vol. 21, № 6, p. 727–750.
- Vajkai, Z. Ancient agriculture and its implements in Peru.—In: "Acta ethnogr. Acad. scientiarum. Hung.", 1980, t. 29, № 1–2, p. 91–119.
- Valla, J.-C. La civilisation des Incas. Genève, 1976.
- Vargas Angles, V. Pisac. Lima, 1970.

- Vazquez Chamorro, G. Coqueteria rutual. Deformaciones internacionales en la América prehispanica.—In: "Historia 16", Madrid, 1979, № 39, p. 39–48.
- Башилов, В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
- Вольский, Ст. Пизарро. М., 1935.
- Зубрицкий, Ю. А. Апу-Ольянтай—памятник культуры народа кечуа.—В кн: Культура индейцев. М., 1967.
- Зубрицкий, Ю. А. Инки-кечуа. М., 1975.
- Зубрицкий Ю. А. Культура Тауантинсуйю.—В кн.: Культура Перу. М., 1975.
- Кнорозов, Ю. В. Послесловие и комментарии к статье В. де ла Хара «Дешифровка письменности инков и проблема кипу».—«Латинская Америка», 1972, № 2.
- Кнорозов, Ю. В., Федорова И. К. Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы.—«Латинская Америка», 1970, № 5.
- Культура Перу. М., 1975.
- Самаркина, И. К. Община в Перу. М., 1974.
- Свет, Я. М. Последний Инка. М., 1964.
- Свет, Я. М. Трагедия в Вилькабамбе.—«Латинская Америка», 1972, № 4.
- Хара Виктория, де ла. Виктория де ла Хара: открыты вековые тайны письменности инков?—«Латинская Америка», 1972, № 4.
- Хара Виктория, де ла. Дешифровка письменности инков и проблемы кипу. (Предисловие и комментарии Ю. В. Кнорозова).—«Латинская Америка», 1972, № 5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Альмагро Диего де 118–121, 123, 126
Апо Майта 64, 65, 69, 74
Атауальпа 37, 102, 108–116, 126–131, 161, 189,
201, 224, 225, 238, 241, 244–246, 258, 263

Бальон Чавес 230
Бартель Томас 190, 191
Бетансос Хуан де 19
Бернабе Кобо 19
Бингем Хайрем 225–227, 229, 231–233, 235,
236
Боливар Симон 225
Брока Пьер Поль 210
Валера Блас 19
Вальверде Винсенте де 129, 130, 246, 247
Вальдес Антонио 196
Викакирао 64, 69, 74
Виракоча 36, 47, 53, 88, 115, 180–182, 219
Виракоча Инка 67–69, 71, 73, 74

Гарсиласо де ла Вега 18, 19, 25, 45, 60, 139,
152, 195, 196, 205, 254, 257, 263
Гуаман (Уаман) Пома де Аяла 21, 22, 48,
155, 191, 194, 202, 213, 253, 254

Джонсон Джордж Р. 223, 236
Дьяконов И. М. 258

Зойдема Т. 257

Копак Юпанки (Инка) 60–62, 79, 80, 92
Кнорозов Ю. В. 254, 257
Колумб Христофор 116, 117
Кортес Эрнан 117, 123, 124, 126, 215
Косок Поль 233
Куси Койлюр 197–201, 223
Куси Юпанки 71–73

Лара Хесус 184
Льоке Юпанки (Инка) 57–59
Людвик XIV 39, 213
Люке Эрнандо де 118, 120, 121, 123, 126

Майер Вильгельм 21
Майта Капак (Инка) 36, 58–61, 64, 85
Мама Окльо 47, 50–54, 217, 253
Мама Окльо (II) 98–101, 105
Манко Какпак (Инка) 35, 47, 50–57, 59, 60,
64, 73, 82–84, 158, 203, 217, 237, 240,
255–257
Маркос Гарсиа 232
Мейсон Джон Олдон 238
Молина Алонсо де 122, 181
Монтесинос Фернандо де 19, 20, 46

Нинан Куйочи 107–109
Нуньес де Бальбоа Васко 117

Ольянтай 196–201, 223
Онегардо Хуан Поло де 20

Пардо Луис 224
Пачакути (Пачакутек) 26, 37, 43, 56, 65, 74–77,
80–90, 92, 98, 99, 101, 155, 180, 182, 188, 194,
196–198, 205, 224, 239, 242, 257, 258
Писарро, братья 125, 245, 246
Писарро Франсиско 116–131, 215, 241–245
Питшман Рихард 21

Рейнгардт Макс 234
Рива Агуэро Хосе де ла 55
Рока (Инка) 62–66, 167, 205

Роу Джон Хоулэнд 23
Руис Бартоломе 118–120, 146, 169
Руминьяуи 197, 198

Саагун Бернардино де 18
Сайри Тупак 247, 248
Сармьенто де Гамбоа Педро 20, 21, 57, 69, 134, 188
Синчи Рока (Инка) 41, 53, 56, 57, 59
Соте Эрнандо де 128
Сьерра де Легисамо Мансио 30
Сьеса де Леон Педро де 20, 31, 43, 67, 139, 169

Тельо Хулио Сесар 236
Тито Куси 247, 248
Тито Куси Уальпа (Яуар Уакак) 66, 67
Тито Куси Юпанки 189
Толедо Франсиско де 20, 21
Тупак Амару Инка 247–249
Тупак Амару II 251, 264
Тупак Инка Юпанки 19, 20, 28, 37, 45, 49, 80, 81, 90–99, 114, 134, 149, 152, 155, 196, 197, 200, 218, 223, 243, 253, 254

Уайна Капак Инка 19, 20, 23, 25, 31, 37, 45, 57, 83, 98–109, 113, 168, 240, 241, 243
Уаскар (Инка) 37, 103, 108–116, 126, 128, 161, 203
Уркон (Инка) 69, 71, 74
Уртадо де Мендоса 20

Фейеш Пауль 232–236
Флекснер Симон 234
Фрейд Зигмунд 211
Фрейзер Джеймс Дж. 39

Хара Виктория де ла 190, 191
Хейердал Тур 94, 254
Херес 244, 245
Хос Педро Санчо де ла 20

Чаплин Чарли 234
Чимпу Окльо 19

Шиппи Роберт 223, 236

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Административное деление 34
Армия инков 158–163
Астрономические знания 206–208
Война инков с чанками 70–73, 258
Драма «Апу-Ольянтай» 195–200
Жилища инков 147, 216, 217
Завоевательные походы инков 61–65, 67, 74–80, 91–97, 104–107, 158
Золотой сад в Куско 13, 14, 240
Керамика 23, 141, 143, 144, 254
Кечуа, язык 24, 32, 45, 135, 184–186, 192–194, 201, 205
Культура Мочика 141, 261
Культура Чанапата 23
Куско, столица 23–32, 35–39, 54–57, 60, 68, 82–84, 145, 255–257
Медицинские знания 208–214
Обработка дерева 144
Обработка золота 13, 14, 144, 237–240
Образование в Тауантинсуйу 205
Одежда инков 147
Письменность в древнем Перу 18, 86, 186–191
Почтовая служба 169–171
Правопорядок 153–157
Религия в Тауантинсуйу 59, 87, 88, 135, 172–177, 180–183
Реформы Инки Пачакути 81–90
Саксауаман, крепость 25–28, 44, 56, 83, 84, 242
Сельская община (айлью) 32, 33, 132–135, 173
Сельскохозяйственные работы 136–138, 140
Социальные волнения в Тауантинсуйу 45, 150–152
Средства передвижения и дороги инков 164–169
Ткачество 142, 143, 145
Торговля внутренняя и внешняя 145, 146
Управление государством 36–43, 89, 101
Хроники о древнем Перу 18–24, 54, 55
Чиму, империя 14, 91–97, 206
Экспедиции и захват испанцами древнего Перу 44, 45, 116, 118–131

М. Стингл
ГОСУДАРСТВО ИНКОВ

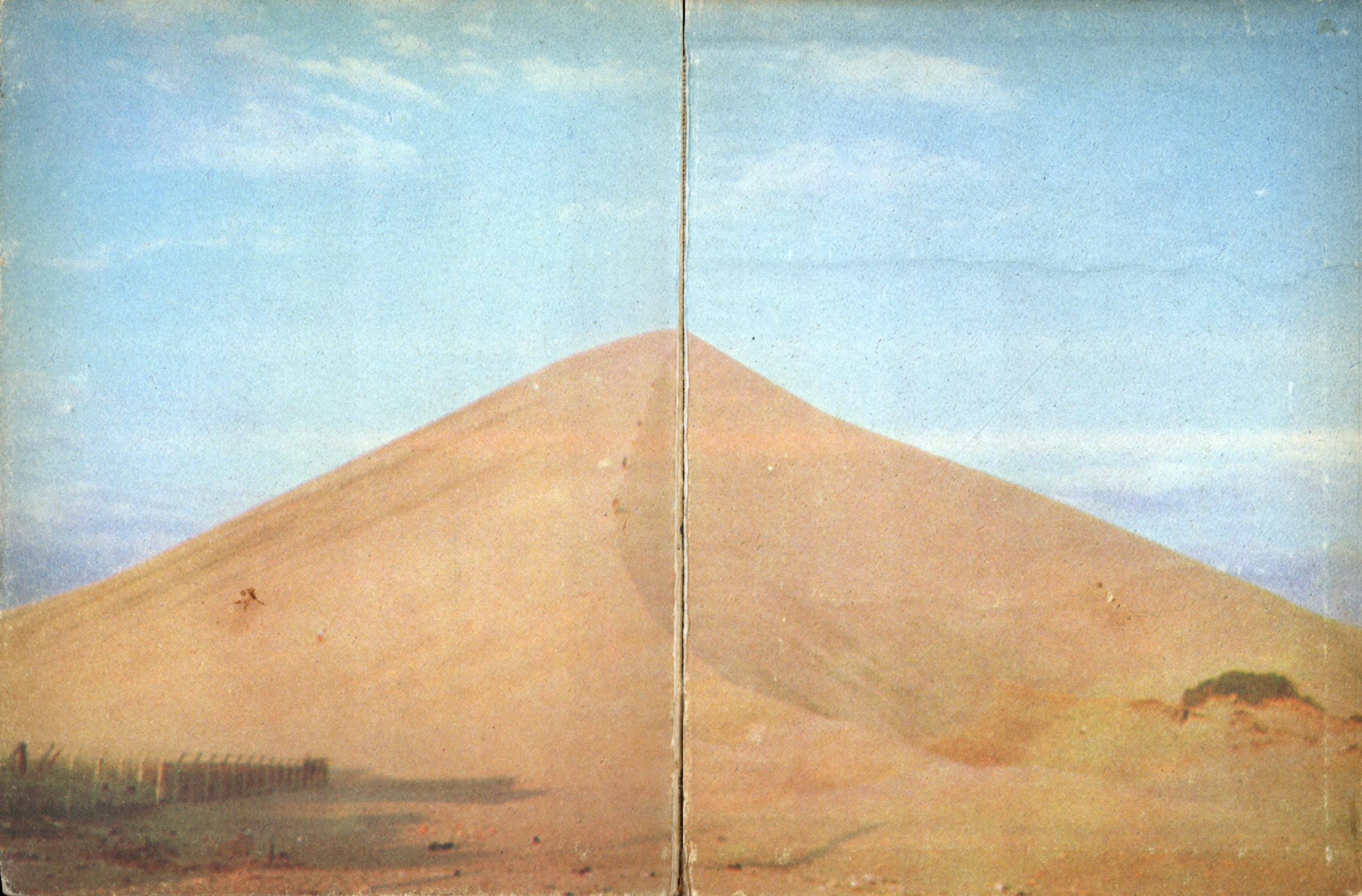
ИБ № 13513

Редактор русского текста **В. П. ТЕРЕХОВ**
Художник **Ю. Н. ЕГОРОВ**
Художественный редактор **И. М. ЧЕРНЫШЕВА**
Технический редактор **Е. В. ДЖИОЕВА**
Корректор **Н. Е. УЖТУПЕНЕ**

Сдано в набор 13.02.85. Подписано в печать 21.11.85.
Формат 70 × 90^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура тип. таймс.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 19,89 + 2,34 печ. л. вклеек.
Усл. кр.-отт. 50,88. Уч.-изд. л. 23,35. Тираж 50 000 экз. Заказ № 168.
Цена 2 р. 30 к. Изд. № 40281.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
119841, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Милослав
СТИНГЛ

ГОСУДАРСТВО ИНКОВ

СЛАВА И СМЕРТЬ
«СЫНОВЕЙ СОЛНЦА»

В своей новой книге известный чехословацкий этнограф и путешественник Милослав Стингл рассказывает о рождении и гибели государства инков Тауантинсуйу — крупнейшего государственного объединения доколумбовой Америки.

Материальная и духовная культура инков была заключительным этапом многовекового развития культуры древних народов, населявших область Центральных Анд.

В центре внимания автора хозяйственная деятельность инков, их религиозные верования, обычаи и т. п.

Москва
Прогресс

Цена 2 р. 30 к.